

4
И-88

8/VII

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ЧЕШСКОМУ
ЯЗЫКУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЧЕШСКОМУ ЯЗЫКУ

*ВОПРОСЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
И ГРАММАТИКИ*

П О Д Р Е Д А К Ц И Е Й
А. Г. Ш И Р О К О В О Й

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

4
И-88

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУС. С О ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОВАНИЯ АН СССР

58384

О Т Р Е Д А К Ц И И

Настоящий сборник представляет собой первую попытку объединения научных усилий богемистов, находящихся в различных городах и республиках Советского Союза. Сборник содержит материалы и исследования по ряду вопросов, которые могут представить интерес не только для специалистов по чешскому языку, но и для славистов широкого профиля, так как в ряде статей, на материале чешского языка, рассматриваются и общелингвистические проблемы. Большая часть включенных в книгу работ посвящена глагольному и именному словообразованию. В статьях, посвященных чешскому глаголу, к сожалению, не могла быть использована последняя работа Фр. Копечного «Глагольный вид в чешском языке» (Fr. Kopečný. Slovesný vid v češtině. Praha, 1962), так как работа над сборником была закончена раньше, чем появилась у нас указанная книга.

A. B. B O N D A R K O

(Ленинград)

**МНОГОЧЛЕННЫЕ ВИДОВЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ
ПРИ ИМПЕРФЕКТИВАЦИИ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ
В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ**

Предметом настоящей работы являются видовые корреляции, содержащие более двух членов: словообразовательная структура таких корреляций и лексико-семантические отношения между их перфективными и имперфективными членами. При этом речь идет лишь о соотношении исходных перфективных приставочных глаголов и производных имперфективных (отношение этих образований к первичным бесприставочным глаголам в работе не затрагивается).

В существующей лингвистической литературе отмечены некоторые многочленные корреляции, однако анализ их системы, словообразовательной и лексико-семантической структуры отсутствует.

Больше всего сведений по интересующему нас вопросу содержится в статье Фр. Копечного «Морфологические средства видов в современном чешском языке»¹. Однако и здесь описаны лишь некоторые типы корреляций: противопоставление двух (в редких случаях трех) имперфективных глаголов одному перфективному (отмечены почти все морфологические средства таких корреляций) и противопоставление одного имперфективного глагола двум или трем перфективным (упомянуты лишь некоторые морфологические средства). Понятно, что подробное и исчерпывающее описание корреляций с имперфективными и перфективными вариантами не входило в задачи указанной статьи. Следует подчеркнуть, что описание морфологических средств видового образования и определение продуктивности или непродуктивности различных типов корреляций, данные в статье Фр. Копечного, явились отправным пунктом целого ряда суждений, содержащихся в первом разделе настоящей работы.

Отдельные примеры противопоставления одного имперфективного глагола двум перфективным отмечены в «Грамматике чешского литературного языка» Фр. Травничека².

Важные сведения об интересующих нас корреляциях содержатся в издаваемом Институтом чешского языка Чехословацкой Академии наук «Словаре литературного чешского языка»³. Принятые здесь ссылки

¹ Fr. Kopečný. Morfologické prostředky vidové v nejnovější češtině. «Pocta Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanovi». Brno, 1948, str. 240—252.

² Fr. Trávníček. Mluvnice spisovné češtiny. Část I. Praha, 1951, str. 385—387 (см. в переводе на русский язык: Фр. Травничек. Грамматика чешского литературного языка, ч. I. М., 1950, стр. 247—248).

³ Slovník spisovného jazyka českého. Československá Akademie věd. Sekce jazyka a literatury. Ústav pro jazyk český. Praha, 1960.

при несовершенных глаголах на соответствующие им совершенные учитывает словообразовательные и семантические связи не только между членами видовых пар, но (в большинстве случаев) и между глаголами, образующими трехчленные и четырехчленные корреляции.

Настоящая работа основана на анализе глаголов с приставками *do-*, *na-*, *o-/ob-*, *od-*, *pod-*, *pro-*, *před-*. Основным источником материала послужил *Příruční slovník jazyka českého*⁴. Кроме того, был привлечен *Slovník spisovného jazyka českého* (для глаголов с приставками *do-*, *na-*, *nad-*; состав приставок определяется вышедшими в свет выпусками словаря⁵). Из обследованного материала было извлечено свыше 1000 глаголов, входящих в корреляции интересующих нас типов⁶. В некоторых случаях привлекаются глаголы с другими приставками. В целях проверки показательности и достаточности обследованного материала для суждений о сложных типах имперфективации приставочных глаголов в современном чешском языке была произведена дополнительная выборка глаголов с приставками *po-*, *pře-*, *při-*, *roz-*, *s-* (рассмотрено по 150 глаголов с каждой приставкой, зафиксированных в *Přír. slovn.*). Проверка показала отсутствие каких-либо принципиально новых явлений по сравнению с основным материалом и, следовательно, подтвердила его надежность и достаточность.

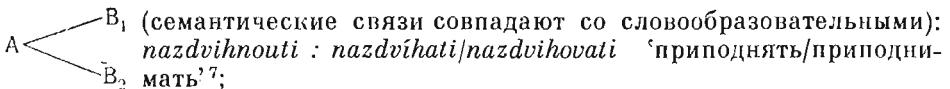
Среди глаголов, рассматриваемых в этой работе, есть не только живые и употребительные, но и устаревшие, книжные, редкие. Привлечение этих последних (представленных в *Přír. slovn.* и в *Slovn.*) объясняется необходимостью показать переходы одной модели в другую, соотношение вариантов с точки зрения их употребительности. В связи с этим некоторые из конструируемых корреляций являются в известном смысле условными: когда оказывается невозможным совмещение всех членов данной корреляции в одной хронологической и стилистической плоскости, эта корреляция приобретает «собирательный» характер. Однако используемые пометы (*, †, ссылки на автора, у которого встретилось индивидуальное образование), как правило, позволяют отделить узуальное от окказионального, живое от устарелого (при этом мы, разумеется, ограничены данными словаря).

В работе приводятся схемы моделей имперфективации. При этом используются следующие условные обозначения:

A (соответственно A₁, A₂...) — исходный приставочный перфективный глагол (соответственно перфективные варианты).

B (соответственно B₁, B₂...) — производный приставочный имперфективный глагол (соответственно имперфективные варианты).

Прямыми линиями обозначаются семантические связи между A (A₁, A₂...) и B (B₁, B₂...), в части моделей совпадающие со связями словообразовательными (отношениями деривации), а в другой части выходящие за рамки этих последних связей (т. е. лишь частично совпадающие с ними). Например:

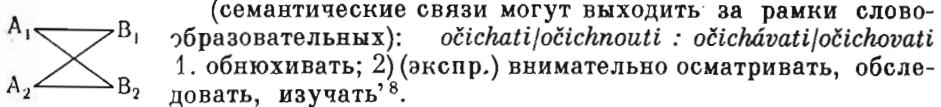

⁴ В дальнейшем используется сокращение *Přír. slovn.*

⁵ Далее используется сокращение *Slovn.*

⁶ Возвратные глаголы рассматриваются нами как самостоятельные лексемы.

⁷ В дальнейшем перевод значения примеров дается только в несовершенном виде или только в совершенном виде. Значения глаголов даются в работе по-разному, в зависимости от назначения примеров. В тех случаях, когда приводится пример какой-либо словообразовательной разновидности корреляций, дается перевод значений (часто лишь тех, в которых обнаруживается соотносительность членов корреляции) по «Чешско-русскому словарю» А. И. Павловича (нередко с кор-

Обозначения, принятые для выражения словообразовательной структуры членов рассматриваемых корреляций:

P — префикс;

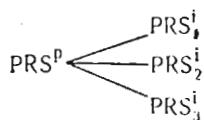
R (соответственно R₁...), если различия, в частности чередования в корне, являются дифференциальным признаком при имперфективации) — корень;

S (соответственно S₁...) — суффикс основы⁹ перфективного глагола;

S^p суффикс перфективации;

Sⁱ (соответственно S₁ⁱ, S₂ⁱ...) — суффикс имперфективации¹⁰.

Ср. пример использования указанных выше условных обозначений:

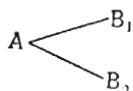

proklouznouti : *proklouzati/proklouzávati/prokluzovati* 'проскальзывать'.

Переходим к рассмотрению различных типов многочленного видового противопоставления при имперфективации.

1. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ОДНОГО ПЕРФЕКТИВНОГО ГЛАГОЛА ДВУМ (ИНОГДА ТРЕМ) ИМПЕРФЕКТИВНЫМ

Основная модель:

Рассмотрим разновидности словообразовательной структуры данной модели:

рективами по Přír. slovn. и Slovn.; используется также Česko-ruský slovník Чехословацко-советского института, под ред. К. Горалка, Б. Илка, Л. Конецкого). При анализе семантических связей между членами корреляций дается, кроме того (там, где это необходимо), перевод толкования значений в Přír. slovn. и в Slovn.; иногда приводится и формулировка значения на чешском языке. В части случаев приводятся некоторые контекстуальные примеры из Přír. slovn. или речения из Slovn. Иногда эти примеры позволяют опустить формулировку значений.

⁸ Подробнее о соотношении семантических и словообразовательных связей см. в разделе, посвященном представленной здесь четырехчленной модели.

⁹ Всюду приводится суффикс основы инфинитива; это относится и ко всем другим суффиксам, о которых будет идти речь ниже.

¹⁰ В отличие от А. В. Исаченко («Грамматический строй русского языка в со- поставлении с словацким. Морфология», ч. II. Братислава, 1960, стр. 177—179), мы не отделяем «классовый показатель» от суффикса имперфективации, т. е. предпочитаем традиционный способ представления средств имперфективации, чтобы избежать усложнения соответствующих схем словообразовательной структуры.

а) Корреляция *-a-* : *-áva-* / *-ova-*.

Основным имперфективным вариантом в этой корреляции является *-áva-*. В словарях этот факт отражается в частых пометах, сигнализирующих малоупотребительность (*) или устарелость (†) варианта *-ova-*.

Например: *odpásati* : *odpásávati*/**odpasovati* ‘распоясывать’; *ohmatati* : *ohmatávati*/**ohmatovali* ‘ощупывать’; *ohrabati* : *ohrabávati*/**ohrabovati* ‘огребать’ (стог сена и т. п.); *omakati* : *omakávati*/**omakovati* ‘ощупывать’; *promíchatí*/*promíchávati* : † *pomichovati* ‘перемешивать, смешивать’; *promrhati* : *promrhávati* / † *promrhovati* ‘проматывать, тратить впустую’.

Впрочем, иногда встречаются корреляции, в которых вариант *-ova-*, по-видимому (судя по словарной обработке), не является редким или устаревшим. Например: *očtuchati* : *očtuchávati* / *očtuchovati* ‘1. обнюхивать; 2. (перен.) разнюхивать’ (см. *Přír. slovn.*).

Редкое или устаревшее употребление варианта *-ova-* отражает ту или иную ступень перехода данной модели в модель А—В, т. е. в обычный тип имперфектификации без дублетов.

Господствующее положение варианта *-áva-*, вытесняющего другой вариант, безусловно, является следствием того факта, что глаголы на *-a-*, как уже было отмечено в научной литературе¹¹, обычно имперфектифируются посредством суффикса *-áva-*, а образования с суффиксом *-ova-* ограничиваются определенной группой основ.

б) Корреляция *-i-* : *-ova-* / *-íva-*.

Обследованный материал показывает, что в этой корреляции основным вариантом является *-ova-*. Вариант *-íva-* в большинстве случаев отмечается в словарях как малоупотребительный.

Например: *dokončiti* : *dokončovati*/**dokončívati* ‘заканчивать, оканчивать, завершать’ (так в *Slovn.*; в *Přír. slovn.* *dokončívati* вообще отсутствует); *obnažiti* : *obnažovati*/**obnažívati* ‘обнажать, оголять’; *odměnití* : *odměnovati* / *odměnívati* ‘вознаграждать, награждать’; *odstrojiti se* : *odstrojovati se* / **odstrojívati se* ‘раздеваться’; *okouzliti* : *okouzlovati*/**okouzlívati* ‘очаровывать’; *prohřešiti se* : *prohřešovati se*/**prohřešívatí se* ‘совершать проступки’. Подобные примеры, как и приведенные выше (а), иллюстрируют переход рассматриваемых трехчленных корреляций в двухчленные.

В некоторых случаях, однако, оба варианта являются, по-видимому, равноправными. Например : *promraziti* : *promrazovali* / *promrazívati* ‘промораживать, замораживать’. Встретился также пример, в котором редким является вариант *-ova-*: *obelštíti* : **obelšlovati* / *obelstívati* ‘обольщать, обманывать’. Впрочем, такие примеры не могут повлиять на общую оценку варианта *-ova-* как основного, преобладающего. В данном соотношении имперфективных вариантов, образованных от одной исходной основы, отражается соотношение продуктивной, по данным Фр. Копечного, корреляции *-i-* : *-ova-* и корреляции *-i-* : *-íva-*, представленной, по тем же данным, немногочисленными случаями¹².

в) Корреляция *-e-* : *-ova-* / *-íva-*.

О соотношении имперфективных вариантов этой корреляции трудно судить, так как, по данным словарей, редким, малоупотребительным может быть то один, то другой вариант, а в части случаев ни один из них не сопровождается особой пометой. Например: *dohořeti* : **dohořovati* / *dohořívati* ‘догорать’; *ohořeli* : **ohořovati* / *ohořívati* ‘обгорать’; *předržeti* : *předržovati* / **předržívati* ‘передерживать, затягивать, слишком задерживать’; *domrzeti* (*se*) : *domrzovati* (*se*) / *domrzívati* (*se*) (обл., мор.)

¹¹ Гр. Кореčп. Указ. соч., стр. 251.

¹² Об этих корреляциях см.: Гр. Кореčп. Указ. соч., стр. 248—249. Дублеты *-ova-* / *-íva-* при перфективной основе на *-i-* в статье Фр. Копечного не отмечены.

'расстраивать(ся), сердить(ся)'; *omrzeti* : *omrzovati* / *omrzivati* 'надоедать, становиться противным'.

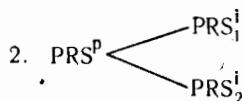
г) Корреляция *-i- : -e- / -ova-*.

Данная корреляция представляет с точки зрения употребительности вариантов пеструю картину: часто оба варианта даются в словарях без особых помет, нередко отмечается малоупотребительность или устарелость варианта *-e-*, а с другой стороны — архаичность варианта *-ova-*. Обращает на себя внимание также тот факт, что значения варианта *-ova-* часто определяются лишь путем приведения варианта *e(ě)-* (например: *podplacovati* 'подкупать' — *podpláceti*). По-видимому, здесь отразилось столкновение довольно широко распространенной корреляции *-i- : -e-* и живой корреляции *-i- : -ova-*¹³.

Например: *dovařiti* : *dovářeti* / *dovařovati* 'доваривать'; *odkliditi* : *odklízeti* / *odklizovati* 'убирать'; *osušiti*; *osoušeti* / *osušovati* 'обсушивать'; *naděliti*; *nadíleti* (в *Šlovn.* помета *řídč.* 'реже') / *nadělovati* 'наделять, одарять'; *navrátiliti* : *navraceti* / *navracovati* 'возвращать'; *obraziti se* : *obrážeti se* / *obražovati se* 'отражаться'; *odplatiti*: *odpláceti* / *odplacovati* 'отплачивать'; *okusiti* : *okoušeti* / *okušovati* 'отведывать, пробовать'; *promysliti* : *promýšleti* / *promyšlovati* 'продумывать, обдумывать'.

д) Корреляция *-i- : -ova- / -áva-*.

Встретился один пример: *podstrčiti* : *podstrkovati* / *podstrkávati* '1. подсовывать; подкладывать; подкидывать (ребенка); 2. давать тайком кому-либо что-либо'. Этот пример важен потому, что он показывает возможность (хотя и единичную) образования дублетов *-ova- / -áva-* в той группе глаголов, относительно которой Фр. Копечный пишет: «Префиксальные глаголы всегда имеют имперфективы на *-ovati* (за исключением типа *-mlouvat*)»¹⁴ (речь идет о корреляции *-i- : -ova-* у тех основ, которые без приставок образуют корреляцию *-i- : -a-*, например: *strčiti* : *strkati* 'толкать, всовывать, вкладывать, засовывать' и т. п.).

а) Корреляция *-pou- : -ova- / -áva-*.

Примеров встретилось очень немного: *odbafnouti* : *odbafovati* / *odbafávati* 'пускать дым (обычно при курении)'; *odplivnouti* : *odplivovati* / *odplivávati* 'отплевывать, сплевывать'; *odškubnouti* : *odškubovati* / *odškubávati* 'отдергивать, отрывать'; *promrknouti* : * *promrkovati* / *promrkávati* '(мелким) оглядывать, просматривать' (значение, в котором все члены корреляции соотносительны). Немногочисленность таких примеров при употребительности обоих суффиксов в двухчленных корреляциях *-pou- : -ova-* и *-pou- : -áva-* связана, по-видимому, с тем, что при наличии этих имперфективных дублетов чаще всего, помимо перфективного глагола с суффиксом *-pou-*, существует еще перфективный глагол с суффиксом *-a-*. Таким образом, более типичной оказывается не трехчленная, а четырехчленная модель (ее анализ см. ниже)¹⁵.

б) Корреляция *-pou- : -a- / -áva-*.

Варианты в этой корреляции как правило не сопровождаются в словарях пометами, указывающими на редкость или архаичность того или иного образования. Например: *nadsednouti* : *nadsedati* / *nadsedávati*

¹³ Об этих корреляциях см.: Fr. Коре́сп. Указ. соч., стр. 246—247.

¹⁴ Там же, стр. 247.

¹⁵ В указанной статье Fr. Копечного (стр. 244—245, 249—250) дублеты *-ova- / -áva-* отмечены, однако большинство приведенных Fr. Копечным примеров относится, как нам кажется, к четырехчленным корреляциям (см. соответствующий раздел настоящей работы).

'приподниматься (о сидящем человеке)'; *podklesnouti* : *podklesati* / *podklesáti* 'сгибаться (под тяжестью)'; *promoknouti* : *promokati* / *promokávati* 'промокать'; *promrznouti* : *promrzati* / *promrzávati* 'промерзать'¹⁶.

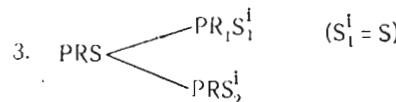
в) Корреляция *-nou-* : *-a-* / *-ova-*.

Имперфективные варианты представляют корреляции, о которых уже говорилось выше.

Словарные пометы, свидетельствующие о редкости или устарелости того или иного образования, находим как у одного, так и у другого варианта; имеются и дублеты без специальных помет. Например: *odvrhnouti* (арх. *odvrci*) : **odvrhati* / *odvrhovati* 'отвергать; отбрасывать, отшвыривать'; *předstihنouti* : *předstíháti* (Přír. slovn. : bás. a zast. 'поэт. и устар.') / *předstihovati* 'опережать, перегонять, обгонять; (перен.) превосходить кого-либо'; *odběhnouti* : *odbíhati* / **odběhovati* 'отбегать'; *napřáhnouti* : *napřahati* / *napřahovati* '1. замахиваться; 2. протягивать (руку)'; *nazdvhنouti* : *nazdvíhati* / *nazdvihovati* 'приподнимать'; *podstřihنouti* : *podstříhati* / *podstřihovati* 'подстригать'.

г) Корреляция *-nou-* : *-e-* / *-ova-*.

Такая корреляция встретилась лишь в двух случаях : *odvinouti* : *odvíjeti* / *odvinovati* 'разматывать, развертывать; отматывать'; *prominouti* : *promíjeti* / † *prominovati* 'извинять, прощать'. Ср. также примеры, приведенные Фр. Копечным¹⁷.

Корреляция *-a-* (в корне нуль звука или краткий гласный) : *-a-* (в корне долгий гласный) / *-áva-*¹⁸.

Вариант *-áva-* в части случаев дается в словаре как малоупотребительный; в остальных случаях особых помет у обоих вариантов нет. Например: *odebrati se* : *odebírati se* / **odebrávati se* 'отправляться'; *prodíratí se* : *prodírati se* / **prodrávati se* 'пробираться, пробиваться, протискиваться, проталкиваться'; *prožíratí* : *prožírati* / **prožrávati* 'проедать'; *odestílati* : *odestílyati* / *odestlávati* 'стать, разбирать (приготавливать) постель'; *podsypati* : *podsyípati* / *podsyápavati* 'сыпать под кого-либо что-либо'¹⁹.

а) Корреляция «бессуффиксный глагол: *-a-* / *-áva-*».

Вариант *-áva-* в ряде случаев дается в словарях как малоупотребительный; в других случаях особых помет нет, однако этот вариант

¹⁸ Фр. Копечный приводит примеры указанных дублетов, а также варианты *-a-* / *-ova-* (см. следующую рубрику) и далее отмечает, что «часто имперфективы на *-a-* являются лишь поэтическими или архаичными» (указ. соч., стр. 244–245).

¹⁷ Fr. Коечн. п. Там же, стр. 245.

¹⁹ Чередование в корне является в данной корреляции дифференциальным признаком, сопутствующим суффиксации, лишь в формах, образованных от основы инфинитива (ср. Г. К. Венедиктов. О морфологических средствах имперфектифации в русском языке. ВЯ, 1961, № 2, стр. 92–93); в формах же, образованных от основ настоящего времени, единственным существенным признаком, отличающим первый имперфективный вариант от перфективного глагола, является суффикс имперфектифации; следовательно, в этих последних формах мы имеем дело с уже рассмотренным выше типом дублетов PRS₁ⁱ и PRS₂ⁱ.

²⁰ Фр. Копечный отмечает корреляции типа *-syapat* и *-lhat*: *-lhávat* (указ. соч., стр. 247), но не упоминает о возможности образования имперфективных дублетов от одной перфективной основы.

разрабатывается в Přír. slovn. менее подробно, чем вариант *-a-*, и его значениянередко определяются путем приведения последнего варианта (например: *atkvetáti* 'отцветать'—*odkvétati*). Эти факты свидетельствуют о том, что вариант *-a-* является основным. Примечательно, что Фр. Конечный вообще не отмечает корреляции типа *odkvésti*:*odkvétati*. По-видимому, эта разновидность рассматриваемой модели обнаруживает тенденцию к переходу в двухчленную модель.

Например: *odrústi*:*odrústati*/**odrústávati* 'отрастать, вырастать'; *odtéci*:*odtékati*/**odtékávati* 'стекать'; *odkvéstti*:*odkvétati*/*odkvétávati* 'отцветать'; *propléstti*:*proplétati*/*proplétávati* 'проплеть, переплеть чем-либо'; *protlouci*:*protloukati*/*protloukávati* 'пробивать'.

б) Корреляция «бессуффиксный глагол : *-a-* / *-ova-*».

Имеется в распоряжении лишь один пример: *obhrýzti*: **obhrýzati*/*obhryzovati* 'обгрызать, обкусывать'²⁰.

в) Корреляция «бессуффиксный глагол: *-a-* / *-va-*».

Встретился лишь один пример: *podemlíti*:*podmilati*, *podemílati*/**podemlívati* 'подмывать (берег)'²¹.

г) Корреляция «бессуффиксный глагол: *-e-* / *-va-*».

Отмечены 3 примера: *dopíti*:*dopíjeti*/**dopívati* 'допивать'; *odbítii*:*odbíjeti*/*odbívati* 'бить (о часах)' (значение, в котором обнаруживается лексическая соотносительность вариантов); *omýti*: **omýjeti*/*omývali* 'обмывать'²².

Рассмотрим теперь противопоставление двух несовершенных приставочных глаголов одному совершенному с точки зрения лексико-семантических соотношений между членами этого противопоставления. Здесь выявляются следующие возможности.

1) Все члены корреляции соотносительны, лексически тождественны.

Например: *nazdvihnoti*:*nazdvíhati*/*nazdvihovati* 'приноднимать'. Ср. примеры из Přír. slovn.: *Hospodář nazdvihl od kalendáře hlavi* (Staš.) 'Хозяин приподнял голову от календаря'; *Karolina po chvílkách nazdvihala hlavi*... (Staš.) 'Каролина время от времени приподнимала голову...'; [Vlaštovička]...*hlavi nazdvihuje, dolů se dívá* (V. Mrš.) '[Ласточка]... приподнимает голову, смотрит вниз'; *podhrabati*:*podhrabávati*/*podhrabovati* 'подрывать, подкапывать'. Ср. примеры из Přír. slovn.: *V zoufalých mukách nemůže jít* [каменем] *ani pohnout, ani nehty podhrabat* (Hol.) 'В отчаянных муках не может ни сдвинуть его [камень], ни подрыть ногтями'; *Po 4 neděle podhrabávali* [věžníové]...*zed' svého vězení*... (Řcz.) 'В течение 4 недель подрывали (подкапывали) [заключенные] стену своей тюрьмы...'; *Pro své služe stromy moje podhrabuje* [krtek] (F. S. Proch.) 'Для своих пещер подрывает мои деревья [крот]'.

Ср. также *navlhnoti*:*navlhati*/*navlhovati* 'увлажняться, отсыревать'; *odeslati*:*odestílati*/*odestlávati* 'стать, разбирать (приготавливать) постель, и т. п.

2) Имперфективные дублеты лексически тождественны, однако между ними и исходным перфективным глаголом обнаруживается лишь частичная лексико-семантическая соотносительность, т. е. соотносительность не во всех значениях. Семантическое тождество имперфективных вариантов обеспечивается их одинаковым отношением к семантике перфективного глагола.

²⁰ У Фр. Конечного вариант *-ova-* в корреляции этого типа не отмечен (указ. соч., стр. 247).

²¹ Фр. Конечный, отмечая корреляции типа *zavřít*:*zavírat* 'запирать', *-mele*:*-mílá* и т. п. (указ. соч., стр. 248), не фиксирует здесь имперфективных дублетов.

²² Фр. Конечный отмечает корреляции типа *umýt*:*umývat* 'умывать' и *připít*:*připíjet* 'пить за кого-либо, за что-либо' (указ. соч., стр. 248), но не приводит имперфективных вариантов.

Например: *nasypati* : *nasýpati* / *nasypávati*. Имперфективные варианты соотносительны во всех трех значениях, отмеченных в Slovn. ('насыпать' с оттенками, проявляющимися в таких речениях, как *n. mouku do pytle* 'насыпать муку в мешок'; *n. drůbeži* 'насыпать (корму) домашней птице'; *n. násep* 'насыпать вал').

Перфективный глагол, помимо этих значений (ср. *n. obilí do pytle* 'насыпать зерно в мешок'; *n. kuřatům* 'насыпать [корму] курам'; *n. násep* 'насыпать вал'), имеет еще два значения, которые не отмечены у имперфективных вариантов. Ср. речения из Slovn.: *učitel nasypal žákům trojek* 'учитель наставил ученикам троек'; *n. si kapsu zrním* 'наполнить карман зерном'.

3) Перфективный глагол обнаруживает полную лексико-семантическую соотносительность с одним из имперфективных вариантов и лишь частичную с другим; понятно, что и между имперфективными вариантами обнаруживается только частичная соотносительность.

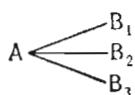
Например: *odvinouti* : *odvíjeti* / *odvinovati*. Все члены этой корреляции соотносительны в значении 'разматывать, развертывать'. Ср. примеры из Přír. slovn.: *Od boků si odvinul páš* (Hol.) '... размотал пояс'; *Opatrně odvíjela hedvábný obal...* (Herrm.) 'Осторожно развертывала шелковую упаковку...'; ... *Začal jáč... odvinovati* (Hor) '... Начал разматывать... бинт'. Однако *odvíjeti* имеет, кроме того, значение 'выводить, развивать', которое не отмечено у *odvinouti* и *odvinovati*. Ср.: *Je to... snad spíše útěk před odpovědností, odvíjeti novou formu ze samotné podstaty hudy?* (Přít.) 'Это..., может быть, скорее уход от ответственности — выводить новую форму из самого существа музыки?' Таким образом, между *odvinouti* и *odvinovati* наблюдается полная лексико-семантическая соотносительность, а между этими глаголами, с одной стороны, и *odvíjeti*, с другой, — лишь частичная.

4) Между имперфективными вариантами, а также между каждым из них и перфективным глаголом обнаруживается частичная лексико-семантическая соотносительность.

Например: *obrátili* : *obraceti* / *obracovati*. По данным Přír. slovn., все члены этой корреляции соотносительны в следующих значениях: 1. переворачивать, поворачивать, перевертывать, перелицовывать; 2. обращать, направлять; 3. превращать; 4. использовать, тратить, обращать на что-либо'.

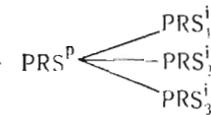
Глаголы *obrátili* и *obraceti* соотносительны также в значениях 'посылать кого-либо назад, возвращать, поворачивать', 'возвращаться' и ' заводить, переводить разговор на другую тему'. Однако значения этих двух глаголов совпадают не полностью, так как глаголу *obrátili* свойственны, кроме того, значения 'превратить в нечто противоположное' и (уст.) 'перевести с одного языка на другой', которые не отмечены у *obraceti*. С другой стороны, по данным Přír. slovn., глагол *obracovati* не имеет последних шести значений²³.

Помимо рассмотренного выше словообразовательного типа, в чешском языке возможна модель имперфективации с тремя имперфективными вариантами, соответствующими одному исходному приставочному глаголу совершенного вида:

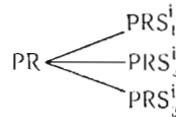
²³ Контекстуальные примеры здесь не приводятся, так как они заняли бы слишком много места.

Этот тип имперфективации встречается редко. Он представлен главным образом следующей разновидностью словообразовательной структуры:

Эта словообразовательная структура представлена, в свою очередь, лишь одной корреляцией: *-pou- : -a- / -avá- / -ova-*²⁴.

Кроме того, встретились два примера, имеющих структуру

(корреляция «бессуффиксный глагол: *-a-/ -avá-/-ova-*»).

Ниже приводятся все имеющиеся в распоряжении примеры.

1) Имперфективные варианты и перфективный глагол лексически соотносительны:

nadzvednouti : *nadzvedati* / *nadzvedávati* / *nadzvedovati* 'приподнимать'.

Ср. примеры из Přír. slovn.: *Trhovník nadzvedl plachtu u vozu* (K. Čap.) 'Рыночный торговец приподнял брезент у воза'; *Ze školy ubíhala [učitelka] domů, vysoko nadzvedajíc svoje šaty* (Kun.) '[Учительница] бежала из школы домой, высоко приподнимая свое платье'; *Došla si pro bidlo a snažila se jím nadzvedávat i drát [antény]* (Zvon.) 'Она сходила за шестом и старалась приподнимать им проволоку [антенны]'; *Nadzvedoval [hostinský] čepičku dál, jak obcházel tabuli od hosta k hosti* (Jir.) '[Трактирщик] продолжал приподнимать шапочку, обходя стол от гостя к гостю';

proklouznouti : *proklouzati* / *proklouzávati* / *prokluzovati* 'проскальзывать'.

Примеры из Přír. slovn.: [Rybíčka] s velkou rybou vešla do rybářské sítě. *Malíčká proklouzla, velkou rybář lapil* (Dou.) '[Рыбка] и большая рыба попали в рыбакские сети. Маленькая проскальзнула, большую рыбак поймал'; *Uhýbal se [králíček], pod rukou proklouzal* (Herrm.) '[Кролик] увертывался, под рукой проскальзывал'; *Šukaly [myšky] kolem stromku a proklouzávaly větvemi jeho* (Vrch.) '[Мышки] сновали вокруг дерева и проскальзывали через его ветви'; *Hoší loví ve svých kapsách poslední krejcare, které jím prokluzuji skrze prsty, jako malé rybky řídkým češenem* (Stroup.) 'Мальчики ловят в своих карманах последние крейцеры, которые у них проскальзывают сквозь пальцы, как маленькие рыбки сквозь редкую сеть';

propuknouti : *propukati* / *propukávati* / *propukovati* '1. внезапно прорываться, возникать; 2. (перен.) вспыхивать; 3. внезапно, в полную силу приниматься за что-либо'²⁵;

opléstti : *opléťati* / *opletávati* / *toplétovati* 'оплетать' (ср. Přír. slovn.).

2) Имперфективные варианты характеризуются полной лексико-семантической соотносительностью друг с другом, но лишь частичной -- с перфективным глаголом:

odprsknouti : **odprskati* / *odprskávati* / *odprskovati*. Три имперфективных варианта соотносительны в значении 's prskáním odhazovati stranou';

²⁴ Ср. единичные примеры таких корреляций в статье Фр. Копечного (указ. соч., стр. 244, 250).

²⁵ Ср. Přír. slovn.; отметим, что в статье «*propukovati*», разработанной менее подробно, чем «*propukati*» и «*propukávati*», отсутствует пример на третье значение, однако этот факт является, по-видимому, случайным.

s prskáním odletovatí с фырканьем, треском отбрасывать в сторону, разбрасывать; с фырканьем, треском отлетать, разлетаться, рассыпаться'. Ср. примеры из Přír. slovn.: *V myšlenkách pohroužen zdál se počítati od prskající jiskry smolné louče* (Choch.) 'Погруженный в раздумье, он, казалось, считал разлетающиеся искры смолистой лучины'; *«Zvláštní», děl [jasnovidec k lékařům] od prskáva je drobty tabáku* (K. Čap.) '... Сказал [ясновидец врачам], разбрасывая крошки табаку'; *Počne jím [kyjem] třískati [do hořících špalků], až z nich jiskry vysoko odprskují* (Něm.) 'Начинает сю [палкой] бить [по горящим колодам], так что искры высоко разлетаются от них'. Перфективный глагол имеет два значения: 1. 'vyprsknouti od sebe, s prsknutím odhoditi — фыркнуть прыснуть в сторону, с фырканьем, треском отбросить'; 2. 's prsknutím se ozvatí — отзваться, возразить, фыркая'. Уже в первом значении нет полного тождества со значением имперфективных вариантов, однако общим является значение направления действия, связанного с известным шумом, в сторону. Приведем все примеры из Přír. slovn.: ... *Vokřínek pokládal [ženské písknutí] za tak rozpuštělé, že až od prskl* (Win.) '... Вокржинек... фыркнул'; *Odpreskne [rytmislr] stranou, palcem píchá směrem k dru Horvátovi* (Šram.) '[Ротмистр] прыскает в сторону, тычет большим пальцем по направлению к доктору Хорвату' *Balala odprskl nechutně slinu svýma suchýma rtoma* (Sum.) 'Бала с отвращением сплюнул («пустил слону»)...'. Второе значение явно несоотносительно со значением имперфективных вариантов. Ср. «*To bych teky nevěděla koho chtěl* od prskla, obrátila se k Jirkovi zády (Vrba.) '... Фыркнула, повернулась к Йирке спиной';

prokmitnouti (se) : prokmitati (se) / prokmitávati (se) / prokmitovati (se). Соотношение значений перфективного и имперфективных глаголов четко передает русский перевод: 'промелькнуть, блеснуть' : 'просвечивать; мелькать' (ср. Přír. slovn.);

prosvitnouti : prosvitati / prosvitávati / prosvitovati. И здесь соотношение значений перфективного глагола и имперфективных вариантов четко передает русский перевод: '1. сверкнуть, блеснуть; 2. проясниться; стать ясным; проглянуть': 'просвечивать; проглядывать' (ср. Přír. slovn.)²⁶.

Некоторые из приведенных выше примеров (*opléstti : oplétati / opletávati / toploetovati*), вероятно, отражают переход данной модели в рассмотренную выше модель с двумя имперфективными вариантами. В случае *odprsknouti : *odprskati / odprskávati / *odprskovati* мы, по-видимому, имеем дело с тенденцией к переходу данной модели в двучленную модель А—В.

Перечислим некоторые выводы, следующие из анализа противопоставления исходного приставочного перфективного глагола производным имперфективным вариантам.

1. Основным типом данного противопоставления является модель

²⁶ Частичная несоотносительность в последних двух примерах проявляется не только в отсутствии полного совпадения лексических значений перфективных и имперфективных глаголов, но и в различии способов действия: мгновенно-одноактный (семелъфактивный) способ действия перфективных глаголов противопоставляется мультиплактивному способу действия глаголов имперфективных. Несмотря на это различие, мы все же говорим о частичной соотносительности, так как различие упомянутых способов действия не исключает частичной общности основного лексического значения. Кроме того, будучи противопоставленными друг другу, указанные способы действия соотносительны в том смысле, что они базируются на членности действия. Эта членность в одном случае позволяет выделить отдельный акт действия, а в другом — обозначить множество таких актов в их прерывистой последовательности.

2. Образование двух вариантов при имперфективации приставочных глаголов представляет собой весьма широко распространенное явление в чешском языке. Противопоставление двух несовершенных приставочных глаголов одному совершенному является таким типом видовой корреляции, который играет существенную роль в морфологической системе вида.

Образование имперфективных дублетов отмечается в подавляющем большинстве типов имперфективации приставочных глаголов. Из отмеченных Фр. Копечным корреляций дублеты не были нами обнаружены лишь в следующих случаях:

а) *-ova- : -ováva-* (*přepilovávali* : *přepilovávali* 'перепиливать' и т. п.);

б) у глаголов движения *-nést : -nášet* 'нести : -носить'; *-vést : -vádět* 'вести : -водить'; *-vézt : -vážet* 'везти : -возить'; *-jít : -chážet* (приставочные образования к *идти : -ходить*);

в) у следующих непродуктивных типов: *začít : začínat* 'начинать'; *nadmout : nadýmat* 'надувать'; *povědět : povídat* 'рассказывать'.

3. В каждой разновидности рассматриваемой модели морфологические средства, при помощи которых образуются имперфективные варианты от одной исходной перфективной основы, отражают те способы деривации, которые используются при имперфективации различных основ данного типа. Иначе говоря, способы имперфективации, выступающие у различных глаголов одного словообразовательного типа, при вариантовой имперфективации сталкиваются, совмещаются как варианты деривации от одного и того же исходного глагола.

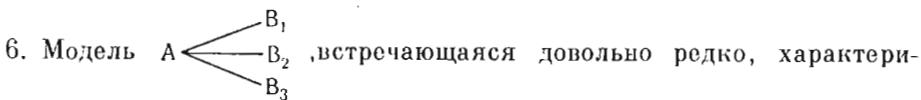
У некоторых разновидностей рассматриваемой модели в соотношении вариантов четко проявляется продуктивность или непродуктивность соответствующей двучленной корреляции, а также широта или незначительность охватываемого ею круга глаголов.

4. При имперфективации рассматриваемого типа часто наблюдается конкуренция дублетов, причем один из вариантов бывает малоупотребительным или архаичным. В части корреляций редким или устаревшим оказывается то один, то другой вариант, в некоторых же типах один из вариантов четко выявляется как основной, господствующий, а другой — как редкий, малоупотребительный²⁷. В первом случае отдельные глагольные «тройки», а во втором — целые словообразовательные типы находятся на той или иной ступени перехода данной трехчленной модели в двучленную.

Возможно и даже весьма вероятно, что в части случаев действительное направление процесса противоположно: двучленная модель переходит в трехчленную. Поскольку определить направление процесса в каждом отдельном случае весьма затруднительно, здесь и далее мы будем говорить о переходе одной модели в другую, имея в виду возможность взаимных переходов и лишь условно отмечая переход более сложной модели в более простую.

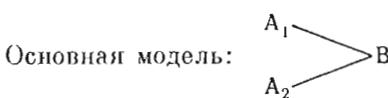
5. Между членами рассматриваемой модели могут быть отмечены разнообразные семантические связи: а) полная лексико-семантическая соотносительность всех трех образований; б) соотносительность имперфективных вариантов при частичной соотносительности каждого из них с перфективным глаголом; в) полная соотносительность перфективного глагола лишь с одним из имперфективных вариантов при частичной соотносительности с другим и частичном совпадении значений обоих вариантов; г) частичная соотносительность всех трех образований.

²⁷ Следует подчеркнуть, что эти свойства, а также нередко связанная с ними особая стилистическая окрашенность данного варианта являются, по крайней мере в части случаев, следствием, результатом конкуренции.

зуется в примерах, которыми мы располагаем, соотносительностью всех четырех образований или соотносительностью имперфективных вариантов при частичной соотносительности каждого из них с перфективным глаголом.

2. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ (ИНОГДА ТРЕХ ИЛИ ЧЕТЫРЕХ) ПЕРФЕКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ОДНОМУ ИМПЕРФЕКТИВНОМУ

Легко заметить, что этот тип имперфективации представляет собой в известном смысле противоположность тому, который был рассмотрен выше: там одному перфективному глаголу противопоставлялись два или три имперфективных — здесь двум (или трем, четырем) перфективным глаголам противопоставляется один имперфективный.

Рассмотрим разновидности словообразовательной структуры данной модели.

Корреляция этого типа (главным образом разновидностей а и б) представляет основную массу языкового материала, охватываемого данной моделью.

а) Корреляция *-a-/nou- : -áva-*.

Например: *došeptati / došeptnouti* 'дошептать': *došeptávali* — несов. к *došeptati*, *došeptnouti*; *načrtati / načrlnouti* 'набросать (план, конспект и т. п.)': *načrlávati* — несов. к *načrtati*, *načrlnouti*²⁸.

б) Корреляция *-a-/nou- : -ova-*.

Например: *dohádati se / dohádnouti se* 'догадаться': *dohadovati se* — несов. к *dohádati se* (у обоих глаголов имеется в виду лишь указанное значение), *dohádnouti se; obstříhati / obstříhnouti* 'обстричь': *obstříhovati* — несов. к *obstříhati*, *obstříhnouti*.

в) Корреляция *-i-/nou- : -ova-*.

Например: *nastoupiti / nastoupnouti* '1. сесть (в поезд и т. п.); 2. начать какую-либо деятельность; 3. (книжн.) настать, наступить' (ср. Slovn. Здесь отмечены лишь те значения, в которых «несколько устарелое» *nastoupnouti* соотносительно с *nastoupiti*): *nastupovati* — несов. к *nastoupiti*, *nastoupnouti*.

г) Корреляция *-e-/nou- : -ova-*.

Например: *ochaběti / ochabnouti* 'ослабеть, стать вялым': *ochabovati* — несов. к *ochaběti*, *ochabnouti*; *oněměti / oněmnouti* (Neruda) 'онеметь': *oněmovati* — несов. к *oněměti*, *oněmnouti*.

28 Ср.: Fr. Коре́ч в ѿ. Указ. соч., стр. 244—245, 250.

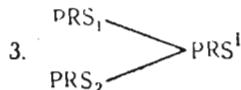
д) Корреляция *-e- / -nou- : -a-*.

Например; **doběžeti* (Havlíček) / *dobéhnouti* : *dobihati* (о значениях членов этой корреляции см. ниже).

Корреляции этого типа «бессуффиксный глагол / -nou- : -a-» представлены незначительным количеством случаев.

Например: *dovléci* / *dovléknouti* ‘дотянуть, дотащить’ : *dovlékati* — несов. к *dovléci*, *dovléknouti*²⁹.

Примеры корреляций данного типа единичны. Те примеры, которые приводятся ниже, почти исчерпывают имеющийся в нашем распоряжении материал.

а) Корреляция *-i- / -e- : -ova-*.

Например: *osaditi* / *osázeti* : *osazovati* (о значениях этих глаголов см. ниже); *prohoditi* / *proházeti* : *prohazovati* ‘расчищать’ (значение, в котором все три образования соотносительны).

б) Корреляция *-a- / -i- : -e-*.

Эта корреляция представлена основой глагола движения: *dohnati* / *dohoniti* ‘догнать’ (и др. значения) : *doháněti* — несов. к *dohnati*, *dohoniti*³⁰.

Корреляция «бессуффиксный глагол / -a- : -áva-».

Встретился один пример: *okouti*/*okovati* ‘оковать, подковать’: *okovávati* — несов. к *okouti*, *okovati*.

Рассмотрим лексико-семантические соотношения между членами анализируемой модели. Материал позволяет выделить следующие случаи.

а) Все члены корреляции соотносительны.

Например: *předehnati*/*předhoniti* ‘1. обогнать, опередить; 2. (перен.) превзойти’ : *předháněti* — несов. к *předehnati*, *předhoniti*. Ср. примеры из Přír. slovn.: *Jel klusem, aby mne p ř e d e h n a l* (Mus.) ‘Поехал галопом, чтобы обогнать меня’; *Každý myslel, že jeho kůň všecky jiné předhoní* (Zap.) ‘Каждый думал, что его конь обгонит всех других’; [Havran] *p ř e d h á n ě l mého koně* (Zey.) ‘[Ворон] обгонял моего коня’.

б) Имперфективный глагол обнаруживает полную лексико-семантическую соотносительность с одним из перфективных вариантов и лишь частичную с другим; между перфективными вариантами также обнаруживается только частичная соотносительность.

Например: *dohnati*/*dohoniti* : *doháněti*. Глаголы *dohnati* и *doháněti* соотносительны во всех пяти значениях, отмеченных в Slovn. Ср. речения к каждому значению: 1. *dohnal p ř í t e l e na rohu* ‘догнал друга на углу’; *doháněti vlak na poslední chvíli* ‘догонять поезд в последнюю минуту’; 2. *dohnati zameškanou práci* ‘наверстать пропущенное в работе’; *má*

²⁹ Так в Slovn.; в Přír. slovn. вариант *dovléknouti* не представлен.

³⁰ В Přír. slovn помимо *doháněti* приводится вариант **dohnávati*, однако без примеров.

v učenī hodně co dohánět 'ему в учебе нужно многое наверстывать'; 3. *dohnat a předehnat nejvyspělejší kapitalistické státy* 'догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические государства'; *v průmyslu doháníme nejvyspělejší státy světa* 'в промышленности мы догоняем наиболее развитые государства в мире'; 4. *dohnat husy domů* 'пригнать (загнать) гусей домой'; *dohánět dobytek do ohrady* 'загонять скот в загон'; 5. *Doháněla [nevěsta] ho, až ho dohnala (Rais.)* '[Невеста] его принуждала (выполнять ее волю), пока не принудила' (Přír. slovn.). В отличие от этих образований, *dohoniti* не обладает последними двумя значениями, но зато имеет значение, отсутствующее у *dohnati* и *doháněti*. Ср.: *Já už jsem dohonil, ted' honíš ty* 'Я уже копчил гнать (преследовать), теперь гонишь ты' (Slovn.). Ср. также засвидетельствованное в Slovn. специальное значение 'закончить охоту; перестать охотиться'.

navléci/navléknouti : navlékati. Все три образования соотносительны в шести значениях, отмеченных в Slovn. и соответствующих русск. 'надевать', 'продевать, вдевать; панизывать', 'устраивать', однако *navléci* имеет еще одно значение, отсутствующее у двух других образований: '(экспр.) наносить (сов.), натаскать', ср. *navlek l sem spoustu perotřebného haraburdí* 'наносил сюда массу ненужного хлама' (см. Slovn.). Таким образом, между *navléknouti* и *navlékati* наблюдается полная соотносительность, а между *navléci* и *navléknouti*, *navléci* и *navlékati* — лишь частичная³¹.

в) Все три образования характеризуются частичной соотносительностью.

Например: **doběžeti/doběhnouti : dobíhati*. Глагол *doběhnouti* представлен в Slovn. в шести значениях ('добежать' и др.). Ср. речения к каждому из них: 1. *d. do cíle* 'добежать до цели'; 2. *rychle doběhl zbyvající část trati* 'быстро пробежал оставшуюся часть пути'; 3. *stroj doběhl* 'машина остановилась'; 4. *doběhl přítele na rohu ulice* 'догнал друга на углу улицы'; 5. *d. si pro cigarety* 'забежать за сигаретами'; 6. *ten mě doběhl!* 'ну и провел он меня!'. Глагол **doběžeti* засвидетельствован лишь в одном из этих значений — 'добежать': *Běží, až doběží domů* (Navl.) (пример из Přír. slovn.) 'Бежит, наконец, добегает до дома'. Глагол *dobíhati*, по свидетельству Slovn., соотносителен с *doběhnouti* в значениях 1—4 и 6. Кроме того, этот глагол имеет значение 'часто ходить к кому-либо, за кем-либо'; *d. k sousedům* 'сходить к соседям'.

Ср. также *osaditi* '1. занять (место); 2. занять (должность); 3. доверить (должность); 4. заселить; 5. (уст.) занять военной силой; 6. носелить; 7. поместить, закрепить; 8. (садов.) обсадить, засадить; 9. снабдить, покрыть, заполнить (особенно для украшения)' / *osázeti* '1.=*osaditi*, 8; 2.=*osaditi*, 9; 3. (редк.)= *osaditi*, 4': *osazovati* '1. садиться вокруг чего-либо, на что-либо; 2—9=*osaditi* 2—9; 10. (хим.) осаждать' (значения даны по Přír. slovn.).

Возникает вопрос: как образуется рассматриваемая модель? Можно предположить несколько способов ее образования.

1. $A_1 \rightarrow B$ и $A_2 \rightarrow B$. Одновременная имперфективация A_1 и A_2 , результаты которой совпадают в B , — процесс, весьма вероятный для многих случаев. Это подтверждается прежде всего реальным существованием всех тех парных корреляций $A_1:B$ и $A_2:B$, на которые разбивается наша трехчленная модель. Так, наряду с продуктивной корреляцией *-i:-ova-*, в чешском языке существует и корреляция

³¹ В Přír. slovn., помимо рассмотренных выше трех образований, отмечено редкое **navlekovati* 'navlékati'. По-видимому, мы имеем дело в данном случае с переходом четырехчленной корреляции (см. следующий раздел) в трехчленную.

-e : ova³². Если обычно эти корреляции образуются в результате имперфективации разных, не связанных друг с другом глаголов, то в интересующих нас случаях происходит имперфективация образований, связанных общностью корня и хотя бы частичной общностью значения. Так возникает группа взаимосвязанных образований типа *osaditi/osázeti : osazovati*.

Следует подчеркнуть, что для образования корреляций рассматриваемого типа необходимо хотя бы частичное совпадение значений A₁ и A₂. Если такого совпадения нет, то нет и трехчленной корреляции. Например, глагол *nadstavovati* представлен в Slovn. 1. как несов. к *nadstavěti*, 2. как несов. к *nadstaviti*. Эти перфективные образования лексически несоотносительны: *nadstavěti* = 'надстроить' (ср. n. *patro* 'построить этаж'), тогда как *nadstaviti* = '1. поставить над чем-либо или перед чем-либо (ср. na *ohnisko* *nadstavila* *hrníček*. — А. Mrš. 'на очаг поставила глиняную кружку'); 2. наставить, удлинить' (ср. n. *rukávy* 'удлинить рукава'). Таким образом, перед нами в действительности две пары: *nadstavěti : nadstavovati* и *nadstaviti : nadstavovati*, которые нет оснований объединять в одну трехчленную корреляцию. Можно было бы привести и другие примеры образований, оформленных в Slovn. так же, как и подлинные трехчленные корреляции, но в действительности представляющих две двучленные корреляции с омонимически совпадающим имперфективным членом. Так, *dohazovati* представлено в Slovn. как несов. к *doházeti* и к *dohoditi*. Глагол *doházeti* имеет значение 'добросать, закончить бросать' (ср. d. *zem* na *záhonek* 'добросать землю на грядку'). Глагол *dohoditi* означает 1. 'добросить' (ср. d. *míč*, *míčem* až k *brance* 'добросить мяч, мячом до самых ворот'); 2. 'оказать посредничество' (ср. d. *zájemci* *koupi*, *prodej* *něčeho* 'оказать посредничество заинтересованному лицу в купле, продаже чего-либо'). Ясно, что мы имеем дело с двумя парами: *doházeti : dohazovati* и *dohoditi : dohazovati*, имперфективные члены которых совпадают лишь как омонимы.

2. Другой путь возникновения интересующей нас модели: A₁ → B, или A₂ → B, но не то и другое одновременно. Имперфективация осуществляется лишь от одного из перфективных вариантов (допустим, A₁), тогда как другой (A₂), не давая производного образования, все же входит в семантическую корреляцию с B, если для этого имеются предпосылки — хотя бы частичная соотносительность с A₁ и B. Например: глагол *namazávati* представлен в Slovn. как несов. к *namazati* 'намазать'. Эти глаголы соотносительны во всех четырех значениях, отмеченных в Slovn. Однако в корреляцию, несомненно, входит и глагол *namáznouti*, значения которого находят соответствия в трех значениях *namazati : namazávati*. Ср. 1. *namáznout / namazat chléb máslem* 'намазать хлеб маслом' (для *namáznout*, по-видимому, характерен оттенок «слегка, немного»); 2. *namáznout / namazat úkol, obraz* 'небрежно написать задание, картину'; 3. *namáznoul / namazat červenou desítku* 'подбросить партнеру червонную десятку'.

Следует отметить, что часто бывает трудно определить, в каких случаях имперфективный глагол является производным от обоих перфективных образований, а в каких — лишь от одного из них. Так, глагол *dokřikovati* дается в Přígr. slovn. как несов. к *dokřičeti* 'докричать', в Slovn. — как несов. к *dokřiknouti*, а Фр. Травничек считает -*křikovati* производным от обеих перфективных основ³³.

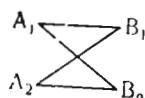
Понятно, что при несоотносительности A₁ с A₂ и B не может быть и речи о наличии трехчленной корреляции, хотя иногда словарное

³² Fr. Кореc п. Указ. соч., стр. 249. — Копечный указывает, в частности, что перфективные приставочные образования *-házet* имеют имперфективы *-hazovat*.

³³ Fr. Třávníček. Указ. соч., стр. 378 (Фр. Травничек. Грамматика ..., стр. 248).

оформление соответствующих образований совпадает с оформлением подлинных корреляций такого типа. Например, глагол *docházeti* дается в Slovn. как несов. к *dojíti* и к *dochoditi*. Однако внимательное сопоставление этих образований показывает, что значения глагола *dochoditi* (1. 'выходить до конца'; 2. 'пестретьходить, *přestat chodit, přestat docházet*'; *už k nim dochodil, odmítla ho* 'уже перестал к нимходить, она ему отказалась'). не находят соответствия ни в одном из 12 значений *dojíti* и 11 значений *docházeti* (ср. Slovn., а также Přír. slovn.). Следовательно, в действительности перед нами двучленная корреляция *dojíti: docházeti*, с одной стороны, и занимающий изолированное положение несоотносительный глагол *dochoditi*, с другой.

3. Наконец, в некоторых случаях корреляции рассматриваемого типа могут быть результатом «разрушения» четырехчленной модели

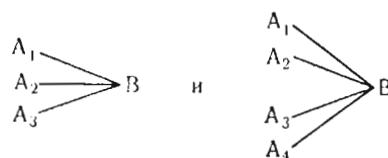

(подробнее об этой модели см. ниже), когда такая модель утрачивает компонент B_1 или B_2 .

Например: *odkopati / odkopnouti : odkopávati / † odkopovati* '1. откапывать, отрывать; 2. отталкивать, отпихивать (ногой); 3. высокомерно, грубо отвергать' (ср. Přír. slovn.). Если учесть, что глагол *odkopovati*, отмеченный в Přír. slovn. как устарелый (приведены два примера из Ираска и Клицперы), вышел или выходит из употребления, то становится ясным, что четырехчленная модель заменяется в данном случае трехчленной.

Другой пример. В Přír. slovn. мы находим четырехчленную корреляцию *nabodati / nabodnouti : nabodávati / *nabodovati* 'накалывать, насаживать (на что-либо острое)'. В Slovn. редкое *nabodovati* (в Přír. slovn. приведен пример из Квичалы) уже не представлено, так что здесь оказывается трехчленная модель, в которой *nabodávati* — несов. к *nabodati* и к *nabodnouti*³⁴.

Помимо модели, рассмотренной выше, иногда (очень редко) встречаются однотипные модели с тремя или даже четырьмя перфективными глаголами, противопоставленными одному имперфективному:

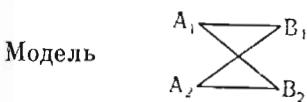
Имеющиеся в распоряжении примеры: *dostoupiti / *dostoupati / dostoupnouti : dostupovati* 'достигать'; *odsmýčiti / odsmýkati / odsmýknouti : odsmýkávati* 'отталкивать, отодвигать³⁵'; *ožíti / oživěti / oživnouti : ožívat* 'оживать, оживляться'; *prohryzti / prohryznouti / prohryzati : prohryzovati* 'прогрызать'; *podplavati / podplovali / podplouti / *podplynouti : podplavávati* 'проплыть под кем-либо, под чем-либо'.

³⁴ Источником рассматриваемых корреляций могут быть и другие многочленные модели, включающие в себя более четырех членов, но здесь мы ограничимся указанием на наиболее типичный случай.

³⁵ Ср. пример подобной корреляции у Фр. Конечного: *zhltinout / zhltit / zhltat : zhltávat* 'проглатывать' (указ. соч., стр. 250).

Пометы, указывающие на редкость того или иного образования, свидетельствуют о переходе приведенных корреляций в более простые типы. Подобное явление можно отметить и в некоторых трехчленных корреляциях, становящихся двучленными (ср. такие примеры, как **doběžetí* / *doběhnouti* : *dobíhati* и т. п.).

3. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ ПЕРФЕКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ДВУМ ИМПЕРФЕКТИВНЫМ

На графическом изображении этой модели отмечены те семантические связи, в которые вступают образования противоположных видов, если между ними имеется хотя бы частичная лексико-семантическая соотносительность. Совпадают ли эти семантические связи со связями словообразовательными, деривационными?

Определить отношения деривации для каждого конкретного случая очень трудно, так как обычно выявляется несколько возможностей и в выборе лишь одной из них вряд ли можно избежать произвола.

Например, даны два перфективных и два имперфективных глагола: 1) *odsekati* '1. sekáním odděliti — отсечь, отрубить; 2. Expr. hbitě, úsečně odříkati — живо, отрывисто произнести'; 2) *odseknouti* '1. seknutím odděliti — отсечь, отрубить; 2. Šerm. provéstí odvetný sek z krytu po sokově útoku — (фехт.) осуществить ответный удар из укрытия после нападения противника; 3. Expr. ostře, nezdvořile odpověděti — резко, невежливо ответить, 4. Zast. ríznou odpovědí odbýti — резким ответом отделаться от кого-либо'; 3) *odsekávati* '1. sekáním oddělovati — отсекать, отрубать; 2. Šerm. prováděti odsek (v šermu šavlí) — (фехт.) осуществлять ответный удар из укрытия после нападения противника; 3. hbitě úsečně odříkávati — живо, отрывисто произносить; 4. Expr. ostře odpovídati — резко отвечать'; 4) **odsekovati* 'odsekávati' (в приведенном примере значение *odsekávati*, 3 или 4)³⁶.

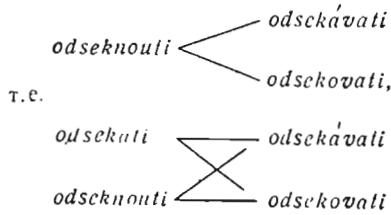
Какие словообразовательные связи можно предположить в рассматриваемой корреляции?

- 1. *odsekati* — *odsekávati*
- odseknouti* — *odsekovati*

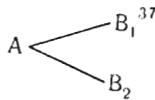
Каждая пара представляла бы в этом случае широко распространенную продуктивную корреляцию. С семантической точки зрения между членами этих корреляций обнаруживается частичная соотносительность. Однако такая же соотносительность выявляется между *odsekati* / *odsekovati*, с одной стороны, и *odseknouti* : *odsekávati*, с другой. Примечательно, что между *odseknouti* и *odsekávati* обнаруживается более полная лексико-семантическая соотносительность, чем между *odsekati* и *odsekávati* (ср., в частности, второе значение — фехт.). Поэтому вполне возможны следующие деривационные отношения:

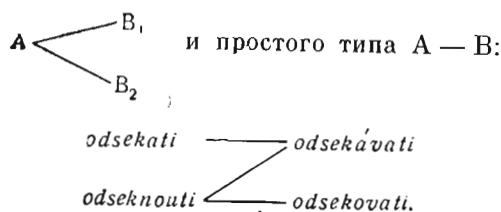
³⁶ Эти значения очень близки; по существу они представляют собой оттенки одного и того же переносного значения «отрезать» по отношению к речи.

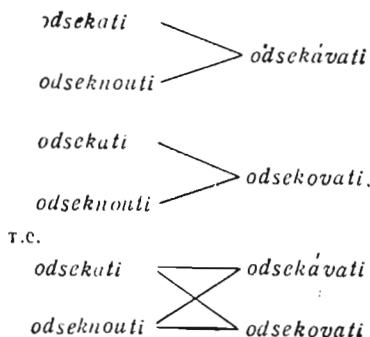
Таким образом, вполне возможно, что мы имеем дело со «сдвоенной» моделью

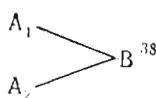
3. Возможно также, что перед нами сочетание модели

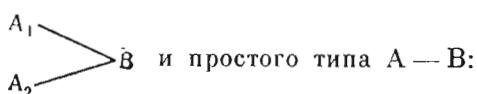
4. Каждый из имперфективных глаголов мог бы быть определен и как несовершенный к обоим перфективным (при соотносительности в части значений):

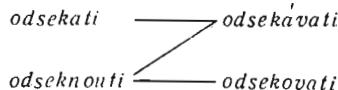
Таким образом, весьма вероятно, что мы имеем дело со «сдвоенной» моделью

5. Возможно также, что перед нами сочетание модели

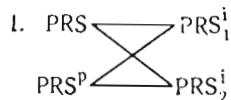

³⁷ Ср. описание корреляций, аналогичных по словообразовательной структуре и морфологическим средствам, в первом разделе настоящей работы.

Значительная степень вероятности последнего предположения подтверждается сопоставлением с образованиями от той же основы с некоторыми другими приставками: *o-*, *roz-sekati* / *-sekknouti* : *-sekávati* (Přír. slovn.).

Из сказанного выше ясно, что классификация разновидностей данной модели по словообразовательным связям между ее членами вряд ли была бы возможна и целесообразна. Гораздо важнее установить разновидности лексико-семантических связей между компонентами модели. Эти связи могут совпадать с деривационными отношениями, но могут и выходить за их рамки. Прежде всего, однако, необходимо описать морфологическую структуру корреляций рассматриваемого типа.

а) Корреляция *-a-* / *-nou-* : *-áva-* / *-ova*.

К этой корреляции относится подавляющее большинство примеров, поэтому она может рассматриваться как основная разновидность данной модели. Все прочие разновидности представлены единичными примерами.

Например: *napíchatí* / *napíchnouti* : *napíchávati* / *napichovati* 'накалывать, натыкать'³⁸; *odřezati* / *odříznouti* : *odřezávati* / *odřezovati* 'отрезать'; *profoukati* / *profouknouti* : *profoukávati* / *profukovati* 'продувать'; *prošt'ouchati* / *prošt'ouchnouti* : *prošt'ouchávati* / *prošt'uchovati* 'протыкать чем-либо; пропищать чем-либо'.

Фр. Копечный, рассматривая имперфективные дублеты типа *-trhaje* / *-ává*, *-kopává* / *-ije*, *-sekává* / *-ije*, относит их лишь к перфективным глаголам на *-nouti*, т. е. видит в таких случаях не четырехчленные, а трехчленные корреляции, в которых один перфективный глагол противопоставляется двум имперфективным⁴⁰. Правда, Фр. Копечный признает, что такие глаголы, как *načrtávat* 'набрасывать (план, конспект и т. п.)', воспринимаются и как имперфективы к *načrlat* (т. е. не только к *načrtnout*), однако он подчеркивает дистрибутивное значение глаголов типа *načrlat*, *přesekat* 'пересечь, перерубить' и т. п.⁴¹. Как нам кажется, дистрибутивный оттенок у глаголов указанного типа выявляется далеко не всегда. Во многих случаях он или полностью отсутствует, или проявляется недостаточно отчетливо, так что по отношению к целому ряду глагольных основ нет никаких оснований отрицать полную или частичную соотносительность перфективных образований па-*a*- и на-*nou*- (у этих последних образований при наличии приставки мгновенно-однократное значение часто полностью или почти полностью исчезает)⁴².

б) Корреляция *-a-* / *nou-* : *-áva-* / *-a-*.

Например: *oběhatí* / *oběhnouti* : *oběhávati* / *obíhati* 'обегать' (значение, в котором все члены корреляции соотносительны).

³⁸ Ср. описание корреляций, аналогичных по словообразовательной структуре и морфологическим средствам, в первом разделе настоящей работы.

³⁹ Так в Slovn.; в Přír. slovn. *napíchávati* отсутствует.

⁴⁰ Гр. Копечнý. Указ. соч., стр. 249—250.

⁴¹ Там же, стр. 250.

⁴² Ср. контекстуальные примеры, приводимые ниже, при анализе лексико-семантических отношений между членами рассматриваемой модели.

в) Корреляция *-i- / -nou- : -ova- / -a-*.

Например: *předstoupiti* / *předstoupnouti* : *předstupovati* / **předstoupati* '1. представлять перед кем-либо; становиться перед кем-либо; подходить к кому-либо; 2. выступать перед кем-либо (с требованиями)'.

г) Корреляция *-e- / -nou- : -a- / -ova-*.

Например: *doleťeti* / *dolétnouti* : *dolétati* / *doletovat* 'долетать; доноситься' (приведены лишь те значения, в которых все члены корреляции соотносительны).

а) Корреляция «бессуффиксный глагол / -nou- : -a- / -áva-».

Например: *prokvéstí* / *prokvitnouti* (уст.): *prokvétati* (*prokvítati*) / *prokvetávati* 'покрываться цветами; расцветать'.

б) Корреляция «бессуффиксный глагол / -nou- : -a- / -ova-».

Например: *dosíci* (книжн.) / *dosáhnouti* : *dosahati* (неск. уст.) / *dosahovati* 'достигать (результатов и т. п.)' — значение, в котором все четыре образования соотносительны.

в) Корреляция «бессуффиксный глагол / -nou- : -e- / -ova-».

Например: *dovíti* / *dovinouti* : *dovíjeti* / *dovinovati* 'довивать, доматывать'.

а) Корреляция *-a- / -e- : -áva- / -ova-*.

Например: *probělati* / *proběleti* : *probělátati* (*se*) / *probělovati* 'становиться отчасти, местами белым'.

б) Корреляция *-i- / -e- : -ova- / -íva-*.

Например: *odhoditi* / *odházeti* : *odhazovati* / **odhazívati* 'отбрасывать, откидывать'.

Следует отметить, что в некоторых случаях один из имперфективных вариантов — членов рассматриваемой модели сопровождается в словарях пометой, свидетельствующей о его редкости или архаичности, что, очевидно, отражает переход данной модели в следующую модель:

Среди имеющихся в нашем распоряжении примеров корреляции *-a- / -nou- : -ava- / -ova-* редким или устаревшим является вариант *-ova-* (ср. отмеченный выше факт вытеснения этого варианта вариантом *-áva-* в корреляции *-a- : -áva- / -ova-*).

Например: *odkouhati* / *odkouknouti* : *odkoukávati* / **odkukovati* 'перенимать что-либо у кого-либо'; *odsekati* / *odseknouti* / *odsekávati* / **odsekovati* (ср. анализ этой корреляции выше); ср. также примеры, приведенные в предшествующем разделе: *nabodati* / *nabodnouti* : *nabodávati* / **nabodovati*; *odkorati* / *odkorpnouti* : *odkopávati* / † *odkopovati*. Немногочисленные примеры других корреляций (*obstoupiti* / *obstoupnouti* : *obstupovati* / **obstupati* 'обступать, окружать' и т. п.) не дают возможности установить какую-либо закономерность.

В следующем примере мы, по всей вероятности, имеем дело с переходом рассматриваемой модели в простую двучленную корреляцию: **odrhati* / *odrhounouti* : **odrhávati* / *odrhovati* 'сдирать, обдирать' (значение, в котором члены данной корреляции соотносительны).

Переходим к рассмотрению лексико-семантических отношений между членами интересующей нас модели. Могут быть выделены следующие случаи.

1) Все члены корреляции соотносительны⁴³.

Например:

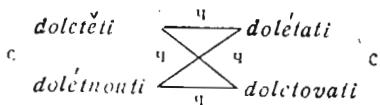
'отгребать'

Ср. примеры из Přír. slovn.: *Muž odvalil balvan, odhrabal zemi* (Poláč.) 'Мужчина отвалил камень, отгреб землю'; *O d h r á b l i h línu, třísky a kůru se stromů a v jamce objevilo se — museum vzácností* (Herb.) 'Отгребли глину, щепки и кору с деревьев, и в ямке обнаружился музей редкостей'; *V tom jal se rychle odhrabávat listí* (Hál.) 'Тут он принялся быстро отгребать листья'; *Jeden do mašiny podává [obilí], jeden odhrabi je slámu* (Hol.) 'Один подает в машину [зерно], другой отгребает солому'.

Ср. также *obstoupiti / obstoupnouti* : *obstoupovati / *obstoupati* 'обступать, окружать' (см. Přír. slovn.); *očichati / očichnouti* : *očichávati / očichovati* '1. обнюхивать; 2. (экспир.) внимательно осматривать, обследовать, изучать' (см. Přír. slovn.); *ošklebiti se / ošklíbnouti se* : *ošklebovati se / ošklíbati se* 'грипасничать, строить гримасу; скалить зубы' (см. Přír. slovn.).

2) Перфективные дублеты соотносительны; соотносительны и имперфективные варианты, однако между перфективными и имперфективными вариантами обнаруживается лишь частичная соотносительность.

Например:

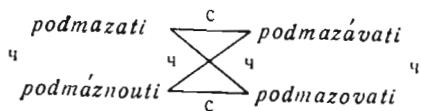

Перфективные варианты соотносительны во всех трех значениях, отмеченных в Přír. slovn. и Slovn. Ср. речения из Slovn. и примеры из Přír. slovn. к каждому значению: 1. *střela doletí velmi daleko* 'стрела долетит очень далеко'; *kámen ke mně nedolétl* 'камень до меня не долетел'; 2. *doleťet k vlaku na poslední chvíli* 'прибежать к поезду в последнюю минуту'; *sotva dolít domů, spustil se líják* 'едва добежал до дома, как начался ливень'; 3. *Rachot bubnu doletěl jím k uchu* (Čech) (Přír. slovn.) 'Грохот барабана донесся до их ушей'; *Tam od hvězd milionů k nám nedolétně klas* (Slád.) (Přír. slovn.) 'Там от миллионов звезд до нас не донесется голос'. Имперфективные варианты соотносительны с перфективными в 1 и 3 значениях: 1. *šípy dolétaly mezi obléhatele* 'стрелы долетали до осаждающих'; *střely doletují až sem* 'стрелы долетают сюда'; 2. *hukot dolétal až na druhý břeh* 'шум доносился до противоположного берега'; *Oknet kdesi doletoval na náves dětský pláč* (Herb.) (Přír. slovn.) 'До деревенской площади ... доносился детский плач'. Будучи соотносительными друг с другом и с перфективными дублетами в этих двух значениях — 'долетать (о птице или летящем предмете)' и 'доноситься (о взгляде и звуке)' (ср. Přír. slovn.) — имперфективные варианты, по данным Slovn. и Přír. slovn., не имеют свойственного обоим перфективным глаголам значения 'быстро, опрометью добежать'. Понятно, что лексическое тождество имперфективных вариантов при лишь частичной соотносительности каждого из них с перфективными глаголами обеспечивается одинаковым отношением значения имперфективных глаголов к значению перфективных.

⁴³ В схемах здесь и далее «с» обозначает соотносительность, «ч» — частичную соотносительность.

3) Каждый из перфективных вариантов соотносителен с одним из имперфективных (иначе говоря, имеются две видовые пары); все прочие семантические связи между членами рассматриваемой модели представляют собой частичную соотносительность (т. е. между двумя видовыми парами существует тождество лишь в части значений).

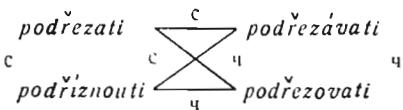
Например:

В этой корреляции соотносительны глаголы *podmazati* : *podmazávati* и *podmáznoti* : *podmazovati*. Первая пара соотносительна в обоих значениях, отмеченных в Přír. slovn. Ср. русский перевод: '1. подмазывать; подмасливать; 2. (перен. разг.) подкупать, давать взятки'. Некоторые примеры из Přír. slovn.: 1 ... [Kýtu] máslem podmaž a hled', aby se pěkně uprekla (Реч.) '... Подмажь [окорок] маслом и старайся, чтобы он хорошо запекся'; ... *Obvinuje se* [tělo] stuzkami..., jeň se klovatinou podmazáva ji (Квіч.) '... [Тело] обвивается ленточками...', которые подмазываются растительным kleem'; 2. *Ríkal*, že ho musí podmazat, aby byl milosrdnejší (Jir.) 'Говорил, что должен ему дать взятку, чтобы он был более милосердным'; *Brání se*, podmazával, uplácel... (Prav.) 'Защищался, давал взятки, подкупал...'. Вторая пара также соотносительна — в значении 'подкупать, давать взятки'. Например: ... *Podmázal* při královské střelbě ráňacu [указателе и терče] (Čap. Ch.) '... Подкупил во время королевских стрельб человека, указывающего попадания в мишень'; *A vida lišáka, podmazuje patrony* (Jir.) 'Вот ведь хитрец, подкупает покровителей'. Понятно, что между членами первой пары по отношению к членам второй (*podmazati* : *podmáznoti*; *podmazati* : *podmazovati*; *podmáznoti* : *podmazávati*; *podmázavati* : *podmazovati*) наблюдается лишь частичная лексико-семантическая соотносительность. Описанные выше семантические отношения, очевидно, свидетельствуют о деривации *podmazati* → *podmazávati* и *podmáznoti* → *podmazovati*, однако, как было показано, семантические связи и здесь выходят за рамки связей деривационных. Вся совокупность этих связей и позволяет говорить о четырехчленной модели.

4) Перфективные дублеты соотносительны друг с другом и с одним из имперфективных вариантов; другой имперфективный вариант обнаруживает со всеми прочими образованиями лишь частичную соотносительность.

Например:

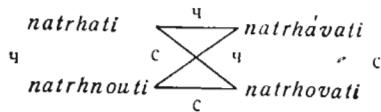

Глаголы *podřezati*, *podříznouti* и *podřezávati* соотносительны в двух значениях, отмеченных в Přír. slovn. Ср. русский перевод: '1. подрезать, перерезать; 2. умерщвлять, перерезая горло'. Некоторые примеры из Přír. slovn.: 1. *Večer přišla z Brna zpráva, že si tam v hotelu podřezala* [дívka] žíly (Svob.) 'Вечером из Брно пришло известие, что там в гостинице [девушка] перерезала себе вены'; *Podřízne spícímu obratně krk* (Štol.) 'Повко перережет (или «перерезает» — в плане настоящего исторического) спящему горло'; *Máme nože k tomu, aby chom si sami podřezávali krky?* (Slád.) 'Ножи у нас для того, чтобы мы сами себе перерезали горло?'; 2. *Ten podřezal holku* (Šrámk.) 'Он за-

резал девушку'; *Vás dovedl bych podříznouti klidně jako podsvinče* (Srám.) 'Вас я сумел бы зарезать спокойно, как поросенка'; *Podřezávali je [vojáci žoldnéře] jako jehnata* (Mach.) 'Резали их [солдаты наемников], как ягнят'. Глагол *podřezovati* также имеет указанные выше значения. Ср. *Jednou si už podřezoval žíly na krku ...* (Herb.) 'Однажды он уже перерезал себе вены на шее...'; *Já honem podřezu ji drábež* (Jah.) 'Я быстро режу домашнюю птицу'; Однако, кроме того, этот глагол может употребляться в значении 'выбирать мед из сотов': *Když podřezovali i Hrabcův včeličky, to děti mívaly jako hody!* (Herb.) 'Когда у Грабцев выбирали мед из сотов (буквально: подрезали ичлок), у детей был праздник'. Поскольку это значение отсутствует в трех остальных образованиях, входящих в данную корреляцию, *podřezovati* оказывается лишь частично соотносительным с *podřezati*, *podříznouti* и *podřezávati*.

5) Один из неperfективных дублетов соотносителен с обоими имперфективными вариантами, которые, разумеется, также лексически тождественны; другой перфективный дублет обнаруживает лишь частичную соотносительность с имперфективными вариантами; частичная соотносительность наблюдается и между перфективными дублетами.

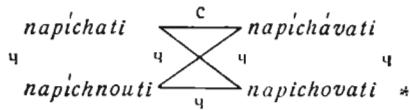
Например:

Глагол *natrhnouti* соотносителен с *natrhávati* и *natrhovati* в значении 'слегка разрывать, надрывать'. Ср. некоторые речения из Slovn.: *natrhnouti rukáv u kabátu* 'слегка разорвать рукав у пальто'; *natrhávati obrubu kapesníku* 'падрывать кайму носового платка'; *natrhovati obrubu sukně* 'надрывать кайму юбки'. Из четырех значений глагола *natrhati*, отмеченных в Slovn., лишь одно совпадает с указанным выше значением трех членов корреляции. Ср. *na okně visely natrhané záclony* 'на окне висели слегка разорванные шторы'. Остальные три значения *natrhati* не имеют соответствия в семантике других упомянутых образований.

6) Один из перфективных дублетов соотносителен с одним из имперфективных вариантов; все остальные семантические связи между членами корреляции сводятся к частичной соотносительности.

Например:

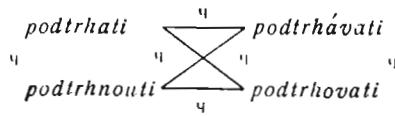

Глагол *napíchat* соотносителен с *napichávati* во всех трех значениях, отмеченных в Slovn. Ср. речения из Slovn. к каждому значению: 1. *napíchat brouky na špendlíky* 'наколоть жуков на булавки'; *napíchávati motýly* 'накалывать бабочек'; 2. *napíchat do mapy špendlíky s praporečky* 'наколоть на карту (воткнуть) булавки с флагжками'; *napíchávati špendlíky do látky* 'втыкать булавки в материю'; 3. *napíchat do papíru dírky, dírek* 'сделать в бумаге дырки, наделать дырок'; *napíchávati dírky do řemenu* 'прокалывать дырки в ремне'. Во втором имперфективном варианте — *napichovati* — из этих трех значений находит себе соответствие, по свидетельству Slovn., лишь одно (первое). Ср. пример из Přír. slovn.: *Někdo napíchuje brouky* (Herrm.) 'Кое-кто...

накалывает жуков'. Глагол *napichovali* имеет, кроме того, значение (разг. экспр.) 'быстро бежать или идти; спешить'. Ср. *napichovat sítō* 'спешить, торопиться'. Таким образом, *napichovati* обнаруживает частичную соотносительность как с *napíchatī*, так и с *napíchávati*. Глагол *napíchnoutī*, по данным Slovn., имеет три значения. В одном из них он соотносителен со всеми остальными членами корреляции. Ср. ... *Tři vlašské rytíře najednou na kopí své na píchl* (Klicp.) '... Трех итальянских рыцарей сразу на свое копье наколол' (Přír. slovn.). Остальные значения *napíchnoutī* (см. Slovn.) не находят себе соответствия в значениях других образований. Таким образом, *napíchnoutī* по отношению к *napíchatī*, *napíchávati* и *napichovali* обнаруживает лишь частичную соотносительность (нужно отметить, что *napíchnoutī* и *napíchatī* в значении 'наколоть' не всегда вполне тождественны, так как у *napíchatī*, по-видимому, нередко проявляется оттенок дистрибутивности, отсутствующий у *napíchnoutī*).

7) Все четыре образования характеризуются частичной соотносительностью.

Например:

Члены данной корреляции соотносительны в значениях 'выдергивать что-либо из-под кого-либо, подрывать' и 'подчеркивать (прям. и перен.)'. Ср. примеры из Přír. slovn: 1. *Podtrhali* [pánové] *snadno kořinky králový přízně* (Jir.) '[Паны] легко подорвали корни благосклонности короля'; *Poslední tvůj čin podtrhl jí kořen života* (Třeb.) 'Последний твой поступок подорвал у нее. корень жизни'; *Myšlenka odchodu... sílu podtrhává* (Svob.) 'Мысль об уходе... подрывает силу'; *Podtrhovali v oknech tyčky, na nichž okenice... se opíraly* (Jir.) 'Выдергивали в окнах планки, которые поддерживали ставни'; 2. *Podtrhal tužkou místa, jež se mu líbila* (Vrch.) 'Подчеркнул карандашом места, которые ему нравились'; [Професор] *opravil je úlohy* a *chyby podtrhl* (Prav.) '[Учитель] исправил их [задания] и подчеркнул ошибки'; *To slovo «slečna» řekla zvolna, se zvláštním přizvukem, jakoby je podtrhávala* (Baar.), '... Это слово «барышня» произнесла медленно, с особым ударением, как будто его подчеркивала'; *Jsou tu místa plná moudrosti vedle konservatismu úmyslně podtrhovaného* (Sal.) 'Здесь есть места, полные мудрости, наряду с умышленно подчеркиваемым консерватизмом'.

У *podtrhati* в Přír. slovn. иных значений, кроме указанных выше, не отмечено. Глагол *podtrhávati* имеет также значение 'преждевременно собирать урожай'. Например: *Nebylo třeba podtrhávat i pozdní brambory...* (Č. zem.) 'Не было необходимости преждевременно убирать поздние сорта картофеля'. У *podtrhnouti* наряду с указанными выше отмечены значения 'ослабить, обессилить, поставить под угрозу' (например: *Já už jsem na zdraví silně podtržený* (Svob.) 'Здоровье у меня сильно подорвано)⁴⁴ и диал. 'валущить'; отмечено также употребление *podtrhnutý hlas* 'заикающийся голос'. Глагол *podtrhovati* означает не только 'выдергивать, подрывать', 'подчеркивать', 'лущить', но и 'прерывисто звонить' (в особенности о погребальном звоне). Таким образом, как бы мы ни комбинировали члены данной корреляции, между ними нет полного совпадения в значениях.

⁴⁴ По-видимому, это значение можно считать оттенком значения, указанного в самом начале анализа данной корреляции.

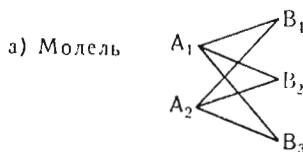
Ср. также *ofoukati* '1. обдуть, обвеять; 2. дуя, сделать голым, пустым; 3. дуя, удалить, сдуТЬ' / *ofouknouti*. '1 = *ofoukati*, 1; 2. Дуя, очистить; 3. = *ofoukati*, 3; 4. (экспр.) обмануть': *ofoukávati* = *ofouknouti*, 3 / *ofukovati* '1. 2. 3. = *ofouknouti* 1, 2, 3' (см. Přír. slovn.). Таким образом, ни один из членов данной корреляции не обнаруживает полного лексического тождества с каким-либо другим членом.

Рассмотренные выше модели представляют основные типы видовых корреляций, содержащих более двух членов. Эти модели (речь идет об их основных разновидностях) отличаются регулярностью и значительным распространением.

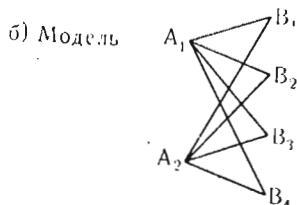
Более сложные модели, о которых будет идти речь ниже, представлены редкими, единичными корреляциями. В связи с этим их анализ будет менее подробным.

4. ПЯТИЧЛЕННЫЕ И ШЕСТИЧЛЕННЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ

1. Противопоставление двух перфективных глаголов трем или четырем имперфективным.

Эта модель⁴⁵ представлена одним примером: *obletěti* / *oblétnouti* : *oblé-tati* / *oblétávati* / *obletovati* 'облетать'. Судя по словарной обработке этих образований и по примерам в Přír. slovn., между ними наблюдается частичная соотносительность. Ср. примеры из Přír. slovn. в основном значении, в котором все члены данной корреляции соотносительны: *Tříkráte* [holubice] *královu hlavu obletěly* (Ném.) 'Трижды облетели [голубки] голову короля'; *Oblétl ji bukač jednou nebo dvakrát* (Lum.) 'Выпь облетела ее один или два раза'; *Mořské ptactvo v širokých kružích lod'ku oblétaло* (Ner.) 'Морские птицы широкими кругами облетали лодку'; *Jsou to mušky obletávající jasný plamen* (Ner.) 'Это мушки, летающие вокруг яркого пламени'; *Ptáci obletuji chrám ten* (Čel.) 'Птицы летают вокруг того храма'.

Примеры: *ohledati* / *ohlédnouti* : *ohlédati* / *ohledávati* / *ohlížeti* / *ohledo-vati* 'осматривать, оглядывать'. Ср. примеры из Přír. slovn.: [Lékař] *ohledal nemocnou paní...* (Svob.) 'Врач осмотрел больную госпожу...'; *Každého pátku krvácely* [rány], což i mnohými lékaři dosvědčeno jest, ač ji navštívili a ohledali v úmyslu, aby odhalili nějaký podvod (Kosm.) 'Каждую пятницу [раны] кровоточили, что засвидетельствовано и многими врачами, хотя они посетили ее и осмотрели с намерением раскрыть какой-то обман'; *Chlapci... přicházeli k Anýžce, ohledali ji se všech stran* (Hol.) 'Парни... приходили к Анижке, оглядывали ее со всех сторон';

⁴⁵ Здесь речь идет о структуре данного примера, а не об абстракции от какого-то множества, как в других случаях.

Lékař ohledával mrtvolu (Podl.) 'Врач осматривал труп'; ... *Stále nás [ženy od divadla] mlsně ohlíží množství mužů* (Maria.) '... Нас [женщина из театра] постоянно похотливо оглядывает множество мужчин'; *Kuchařka ohledovala si ho* [muže] se všech stran (Win.) 'Кухарка оглядала его [мужчину] со всех сторон'.

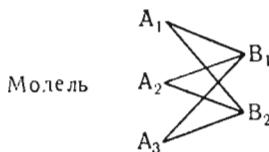
Архаичность *ohledovati*, очевидно, свидетельствует о переходе данной шестичленной модели в пятичленную.

Ср. также *odmlčeti se / odmlknouti (se)*: *odmlčovati se / odmlčivati se / odmlkati se / odmlkávati se* 'замолкать, умолкать'. Чередование согласных в корне и словообразовательная структура членов этой корреляции свидетельствуют о том, что она представляет собой сочетание двух трехчленных корреляций: *odmlčeti se : odmlčovati se / odmlčivati se* и *odmlknouti (se) : odmlkati se / odmlkávati se*⁴⁶.

Очевидно, и первый пример имеет такую же структуру: *ohledati : ohlédati / ohledávati* и *ohlídnoti : ohlížeti / + ohledovati*, хотя не исключена и возможность сочетания *ohledati : ohledávati* и *ohlédnoti : ohlédati / ohlížeti / + ohledovati*⁴⁷.

Важно подчеркнуть, что каковы бы ни были корреляции, входящие в состав рассмотренных в этом разделе моделей, эти более простые корреляции объединяются в одну более сложную, члены которой связаны полной или частичной общностью значений.

2. Противопоставление трех перфективных глаголов двум имперфективным.

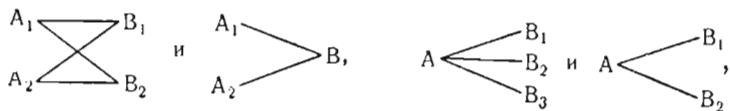

Примеры: *ohryzti / ohryznouti / ohryzati* : *ohryzávati / ohryzovati* 'обгрызать'. Ср. примеры из Přígr. slovn.: *Nesčíslný počet krys vojínům řemeny o hryzly...* (Krolm.) 'Бесчислоное количество крыс обгрызло у воинов ремни...' *Nalezl rakev otevřenou, ... mrtvolu ... ohryznu to u* (J. J. Kol.) 'Нашел гроб открытым, ... труп ... обгрызанным'; *Balíky... od myší o hryzaných papírů* (Čech.) 'Стопы... обгрызанных мышами бумаг'; *Ohryzávám napolo již ohryzané kosti* (Herold.) 'Обгрызаю уже наполовину обгрызанные кости'; *Někdy ohryzoval pán kosti, které potom pes dohryzl* (Stroup.). 'Иногда пан обгрызкал кости, которые потом догрызл пес'.

Ср. также *dosekati / doseknouti / dosíci (doséci)*: *dosekávati / dosíkati (dosékati)* обл. чешск. 'дожинать' (см. Slovn.); **odsouti / odsouvnouti / odsunouti* : *odsouvati / odsunovati* 'отодвигать, отсовывать'.

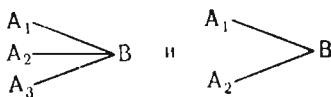
Между различными типами видовых корреляций, рассмотренными в настоящей работе, существует тесная связь.

Эта связь проявляется в отмеченных выше переходах одной модели в другую. «Трансформации» моделей свидетельствуют об отсутствии постоянных границ между многими типами корреляций. Некоторые модели непосредственно связаны такими переходами, например:

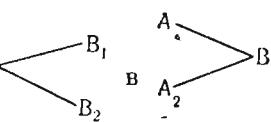

⁴⁶ Ср. примеры корреляций типа *-e- : -ova- / -íva-* и *-nou- : -a- / -áva-* в соответствующем разделе настоящей работы.

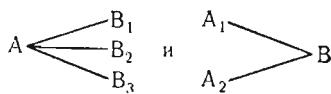
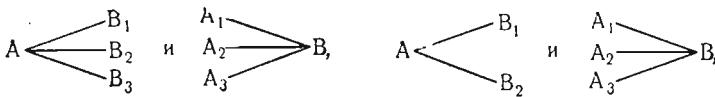
⁴⁷ Ср. приведенный выше пример: *podhlídnoti : podhlédlati, podhlídati (se) / podhlížeti*.

С другой стороны, невозможен переход модели A

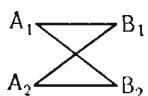

и наоборот, поскольку эти модели несоставительны: ни упрощение, ни усложнение одной из них не может превратить ее в другую. Аналогично соотношение моделей:

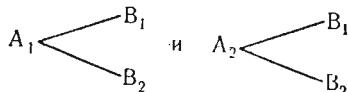
Взаимосвязь различных типов многочленных видовых корреляций проявляется, далее, в том, что более сложная модель может представлять собой совмещение или сочетание более простых моделей.

Например, модель

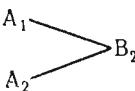
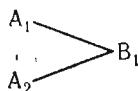

как было показано выше, может быть

образована в результате совмещения

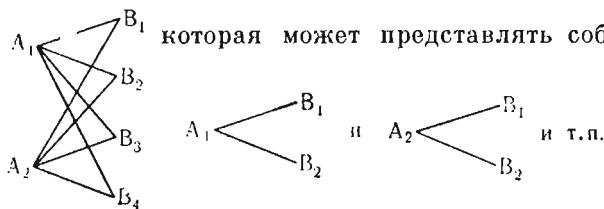

или

а также путем совмещения каждой из

этих трехчленных моделей с двучленной⁴⁸. Ср. также модель

Показателем связи между различными моделями является также то, что для их образования могут быть использованы одни и те же морфологические средства. Ср., например, корреляции:

$-a-/pou-$: $-\bar{a}va-/ova-$; $-e-/pou-$: $-a-/ova-$;

$-a-$: $-\bar{a}va-/ova-$; $-pou-$: $-a-/ova-$;

$-pou-$: $-\bar{a}va-/ova-$; $-e-/pou-$: $-a-$;

⁴⁸ Очевидно, упомянутая модель часто образуется путем сочетания двух парных корреляций ($A_1 \rightarrow B_1$ и $A_2 \rightarrow B_2$), но в данном случае нам важно подчеркнуть возможность совмещения корреляций, содержащих более двух членов.

<i>-a-/nou-</i>	<i>-áva-</i>	<i>-e-/nou-</i>	<i>-ova-</i>
<i>-a-/nou-</i>	<i>-ova-</i>	<i>-i-/e-</i>	<i>-ova-/íva-</i>
<i>-i-/nou-</i>	<i>-a-/ova-</i>	<i>-i-</i>	<i>-ova-/íva-</i>
	<i>-nou-</i>	<i>-e-</i>	<i>-ova-/íva-</i>
<i>-i-/nou-</i>	<i>-ova-</i>	<i>-i-/e-</i>	<i>-ova-</i> и т. п.

Связь между отдельными моделями проявляется, наконец, в том, что одни и те же глагольные основы в сочетании с различными приставками могут образовывать разные типы видовых корреляций. Ср., например:

dosekati / doseknouti / dosíci (*doséci*) : *dosekávati / dosíkati* (*dosékati*) 'дожинать';

obsekati / odseknouti : *odsekávati* /**odsekovati* 'отсекать, отрубать';

přesekati / přeseknouti / **přesíci* : *přesekávati* 'пересекать, перерубать';

osekati / osekknouti : *osekávati* 'отсекать, отрубать'. Ср. также: *obstoupiti / obstoupnouti* : *obstupovati* / **obstoupati* 'обступать, окружать';

nastoupiti / nastoupnouti : *nastupovati* '1. садиться (в поезд и т. п.); 2. начинать какую-либо деятельность; 3. (книжн.) наставать, наступать';

odhrabati / odhrábknouti : *odhrabávati* / *odhrabovati* 'отгребать';

podhrabati : *podhrabávati* / *podhrabovati* 'подрывать, подкапывать'.

Итак, хотя основным типом видового противопоставления в чешском языке, как и в других славянских языках, является двучленная корреляция, значительное место в системе чешского видеообразования занимают трехчленные и четырехчленные корреляции, возникающие в результате имперфективации приставочных глаголов. Речь идет о противопоставлениях одного перфективного глагола двум имперфективным, двух перфективных глаголов одному имперфективному и двух перфективных глаголов двум имперфективным (другие многочленные корреляции встречаются редко).

Каковы причины такого широкого распространения многочленных видовых корреляций в чешском языке?

Это явление, как нам кажется, прежде всего связано с тем, что в чешском языке развились обширная группа перфективных глаголов на *-ou-* (обилие приставочных глаголов с этим суффиксом бросается в глаза, в частности, при сравнении с русским языком). Образования на *-ou-* занимают значительное место во всех рассмотренных выше типах корреляций, а в тех моделях, которые включают в себя перфективные варианты, эти образования входят в подавляющее большинство корреляций. Развиваясь на фоне перфективных основ на *-i-*, *-a-*, *-e-* и бессуффиксных глаголов, образования на *-ou-* отчасти их вытесняют, а отчасти сосуществуют с ними. В тех случаях, когда между однокоренными глаголами на *-ou-* и на *-a-*, на *-ou-* и на *-i-* и т. п. обнаруживается хотя бы частичная лексико-семантическая соотносительность, возникают перфективные варианты. Эти варианты вступают в противопоставление с одним или несколькими производными имперфективными глаголами и образуют целый ряд типов многочленных корреляций.

Второй причиной сравнительно широкого распространения многочленных видовых корреляций является, с нашей точки зрения, тот факт, что для имперфективации глаголов, относящихся к одному и тому же словообразовательному типу, чешский язык в большинстве случаев располагает несколькими средствами: двумя, а иногда и тремя суффиксами. Когда один глагол имперфективируется при помощи одного суффикса (например, *dopustiti* : *dopouštěti* 'допускать'), а однотипный глагол — при помощи другого (например, *zahustiti* : *zahušt'ovati* 'сгущать');

щать'), то в целом ряде случаев оказывается возможным использование различных суффиксов для имперфективации одного и того же перфективного глагола (например, *probuditi* : *probouzeti* / *probuzovati* 'пробуждать'). Если первый из указанных выше факторов (распространение образований на *-pou-*) может объяснить вариантность перфективных членов многих корреляций, то второй фактор обуславливает, как нам кажется, вариантность имперфективных членов.

Члены рассмотренных выше корреляций объединяются не только словообразовательными, но и семантическими связями, которые в части моделей выходят за рамки чисто деривационных отношений. Эти семантические связи, как показал анализ материала, могут быть весьма многообразными: полное тождество лексических значений всех членов корреляции; полное совпадение значений у одних членов корреляции, но лишь частичное у других (здесь были отмечены различные комбинации); частичная соотносительность всех членов корреляции. При отсутствии соотносительности рассматриваемых видовых образований хотя бы в одном значении они не могут быть объединены в одну корреляцию.

Понятно, что и в многочленных корреляциях сохраняется бинарный характер видовой оппозиции, так как во всех случаях мы имеем дело с противопоставлением совершенного вида несовершенному. Особенностью многочленных корреляций является лишь наличие вариантов одного из видов или сочетания имперфективных и перфективных вариантов (корреляции, рассмотренные в первом разделе работы, характеризуются вариантностью несовершенного вида; во втором разделе представлены корреляции с вариантами совершенного вида; в третьем и четвертом разделах речь шла о корреляциях, в которых варианты одного вида противопоставлены вариантам другого).

При дальнейшей разработке затронутого в этой статье вопроса представляется необходимым изучение словообразовательной и семантической структуры многочленных видовых корреляций в других славянских языках с последующим сопоставительным анализом полученных данных. Изучение этих вопросов имело бы не только теоретическое, но и практическое значение, в частности для усовершенствования словарной обработки славянского глагольного вида.

Л. Н. РОЙЗЕНЗОН

(Самарканд)

ГЛАГОЛЫ С ВТОРИЧНОЙ ПРИСТАВКОЙ *ro-* В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Глаголы с двумя приставками в славянских языках изучены недостаточно. Правда, вопрос о вторичных приставках затрагивается исследователями многих языков¹, по специальные работы, посвященные этим образованиям, исчисляются единицами².

Слабо изучен этот вопрос и в чешском языкоznании. Даже в лучшей работе о чешском глаголе — в книге акад. Фр. Травничка «*Studie o českém vidu slovesném*» (Praha, 1923) — этим образованиям посвящено всего 5 страниц (230—235).

Это и побудило нас обратиться к данному вопросу. В пределах одной статьи нет, разумеется, возможности рассмотреть все глаголы чешского языка с двумя приставками, поэтому ограничим задачу настоящего исследования анализом лишь тех глаголов, у которых в качестве вторичной приставки выступает *ro-*.

Система двуприставочных глаголов современного чешского языка не возникла сразу: она складывалась и формировалась на протяжении многих столетий, пройдя сложный путь развития. Данные древних памятников письменности свидетельствуют о том, что в XIV—XVII вв. в чешском языке уже были известны почти все современные словообразовательные модели глаголов с вторичной приставкой *ro-*. В нашем распоряжении нет только глаголов, образованных по моделям типа *ponad-*, *popřed-*, *porpě-* и *popro-*; остальные приставки свободно соче-

¹ См. работы Аксакова, Павского, Ульянова, Некрасова, Карцевского, Виноградова, Йсаченко и др. (на материале русского языка). На материале других славянских языков: В. С. Ільїн. Префікси в сучасній українській мові. Київ, Вид. АН УРСР, 1953; Р. Угринова-Скаловская. Значенія на глаголіскі префікси во македонскиот јазик. Скопје, 1960; А. Белић. Савремени српскохрватски књижевни језик, II део. Београд, 1949; Хр. Д. Матеев. Семантика на глаголите представки, нейното отношение към видовото значение на глаголите. «Известия на Института за български език», кн. I. София, 1952; S. Agrell. *Przedrostki postaciowe czasowników polskich*. — MPK, t. VIII. Kraków, 1918.

² См.: Г. К. Венедиктов. К вопросу о глаголах с двумя приставками в современном болгарском языке. — Сб. «Исследования по грамматике». Л., 1950; А. И. Чижик-Полейко и В. В. Титовская. О глаголах с вторичной приставкой. «Труды Воронежского ун-та», т. 47, 1957; Jan Mihał. O slovesnej predropce *ro* v slovenčine. «Jazykovedné štúdie», III. Bratislava, 1959; Л. И. Ройзензон. Глаголы с вторичной приставкой *po-* в староукраинском языке XVI—XVIII ст. ст. — «Труды Уаб. гос. ун-та. Новая серия, № 95. Самарканд, 1959. — Отдельные интересные наблюдения над глаголами с двумя приставками см.: Helena Křížková. Několik poznámek k distributivnosti v ruštině a v češtině. — «Ruský jazyk», VIII, N 9. Praha, 1958; см. также: V. Barnetová. K násobnosti slovesného děje. — Сб. «Kapitoly ze stovnávací mluvnice ruské a české», I. Praha, 1956.

тались с *ро-*, о чем говорит относительно большое количество глаголов, созданных по этим моделям.

К началу XIX в. количество образований с вторичной приставкой *ро-* значительно возрастает. В словаре Юнгманна мы уже находим большое число бипрефиксальных образований.

Продолжается процесс роста двуприставочных глаголов с *ро-* и в современном языке. За последние сто лет их количество возросло примерно в полтора раза. Правда, за этот период некоторые глаголы с вторичным *ро-* уже успели превратиться в архаизмы (ср. *ponaučiti*, *popokročiti*, *poprestati*, *porozmlouвати*, *posraziti*, *pozastonati*, *pozanechávati*, *pozanedbávati* и др.), но новообразований с *ро-* все же значительно больше, чем устаревших глаголов. Следующая таблица отражает те изменения, которые произошли в составе глаголов с вторичной приставкой *ро-* за весь период развития чешского литературного (книжного) языка³.

Итак, мы видим, что начиная с древнечешского периода и до настоящего времени наблюдается неуклонный рост числа образований с вторичной приставкой *ро-*, что говорит о живом характере данного словообразовательного процесса.

В современном чешском языке имеются следующие словообразовательные типы глаголов с вторичной приставкой *ро-*: *podo-*, *pona-*, *ponad-*, *poob-*, *poo-*, *pood-*, *popod-*, *popo-*, *popro-*, *popře-*, *popři-*, *poroz-*, *pos(e)-*, *pou-*, *pov(e)-*, *povy-*, *povz(e)-*, *poza-*, *poz(e)-*; нет типа *popřed-*.

Но не все типы в одинаковой степени продуктивны. Исходя из анализа данных табл. 1, можно все словообразовательные типы с вторичной приставкой *ро-* разделить на несколько групп по степени их продуктивности.

а) Непродуктивные словообразовательные типы: *popřed-*, *popod-*, *popro-*, *popři-*, *pov(e)-*, *ponad-*. За последние 150 лет по этим типам не был образован ни один двуприставочный глагол.

б) Малопродуктивные словообразовательные типы: *podo-*, *poob-*, *popře-*, *povz(e)-*. По каждому из этих типов было образовано за тот же период времени всего по нескольку глаголов: *pododati*, *poobstříhati*, *popřekládati*, *povzlédati* и др.

в) Продуктивные словообразовательные типы: *pona-*, *poo-*, *pood(e)-*, *popo-*, *pos(e)-*, *poz(e)-*, *povy-*, *poza-*, *pou-*, *poroz-*. Данные типы дали наибольшее количество неологизмов — двуприставочных глаголов: *ponachýliti*, *ponakloniti*, *ponastrkati*, *poochladiti*, *poopadnouti*, *pooptati se*, *poozývati se*, *poodevzdati*, *poodhodnouti*, *poodkašlati*, *popohnouti*, *popoletěti*, *popolézti*, *popohoditi*, *popohlédnouti*, *posjížděti*, *poskúrovati*, *pozdřhnouti*, *pozklamati*, *pozvětšiti*, *povyběhnouti*, *povyblednouti*, *povyhojiti*, *povyčladiti*, *pozablesknouti*, *pozaboleti*, *pozadýchati*, *poucpati*, *poudusiti*, *pouhasiti*, *pouchopiti*, *porozbíjeti*, *porozbíhati se*, *porozprodati* и др.⁴

Каковы же причины продуктивности того или иного словообразовательного типа?

3 Материал современного чешского языка приводится на основании «*Příručního slovníku jazyka českého*», t. I—VIII. Praha, 1935—1957 (в дальнейшем сокращенно — PS), «Картотеки словаря современного чешского языка», насчитывающей более 2 000 000 карточек (Прага, Институт чешского языка) и собственных извлечений из художественной литературы (список использованных текстов и принятых сокращений помещен в конце статьи). Данные о древнечешском периоде составлены на основании «Картотеки древнечешского языка» (более 600 000 карточек) и частично собственной экспертизы.

4 Несомненно, что некоторые из этих глаголов могли существовать и в начале XIX в. и по каким-либо причинам не попасть в словарь Юнгманна, но это не меняет общей характеристики данных типов двуприставочных глаголов.

Таблица 1

Количество образований	Первичные приставки														Всего						
	-op	-vni	-rau	-qo	-o	-pa	-pod	-po	-pro	-pre	-pri	-zor	-s(e)s	-ta	-za	-(e)z					
В древнечешском языке	1	5	0	10	14	21	1	7	0	3	0	0	12	6	17	4	14	139			
В чешском языке начала XIX в. (оловарь И. Юнгманна)	6	17	0	15	22	30	1	16	0	10	0	1	22	27	52	19	69	10	58	49	413
В современном чешском языке	11	34	6	9	30	46	1	42	2	7	0	3	66	34	76	3	119	14	135	49	687

Таблица 2

Количество образований в современном чешском языке	Первичные приставки														Всего					
	-op	-vni	-rau	-qo	-o	-pa	-pod	-po	-pro	-pre	-pri	-zor	-s(e)s	-ta	-za	-(e)z				
С первичной приставкой	754	1375	51	236	851	865	222	1120	799	736	83	738	1158	1963	916	416	1980	142	2208	2491
С вторичной приставкой	14	34	6	9	30	46	1	42	2	7	0	3	66	34	76	3	119	14	135	49

Прежде всего, на степень продуктивности двуприставочной модели прямо или косвенно влияет различная степень продуктивности словообразовательных типов с одной приставкой, т. е. чем больше глаголов с одной приставкой, тем больше возможностей для появления в языке тех же глаголов с двумя приставками. Если же глаголов с одной приставкой мало⁵, то естественно, что и вторичных образований будет немного, ибо одноприставочные глаголы служат базой для образования глаголов с вторичными приставками.

Такая зависимость существует не только теоретически, она проявляется и на практике, что хорошо видно из сравнительных данных таблицы 2 (см. стр. 34).

Этим, собственно, и объясняется в первую очередь малопродуктивность таких словообразовательных типов, как *ponad-*, *porřed-*, *povz-*, *porod-*, ибо в чешском языке довольно мало глаголов с первичными приставками *nad-*, *před-*, *vz(e)-*, *pod-*. Напротив, продуктивность словообразовательных типов *povu-*, *poroz-*, *roo-* возможна благодаря большому числу одноприставочных глаголов с *za-*, *vy-*, *roz-*, *u-*.

Вместе с тем из табл. 2 видно, что вторичных образований всегда меньше, чем первичных, так как основное значение (или оттенок значения) обычно глаголу сообщает первая приставка, а вторая лишь уточняет это значение.

Исходя из теории проф. А. В. Исаченко о приставках как семантических детерминаторах⁶ можно утверждать, что вторичные приставки, как правило, выступают в качестве модификаторов значения одноприставочного глагола (ср. *odhrnouti* и *poodhrnouti*); в то же время среди одноприставочных образований встречаются как глаголы с приставками-валификаторами, образующими новые, самостоятельные глаголы-лексемы (ср. *trhati* и *odtrhnouti*), так и глаголы с приставками-модификаторами (ср. *hovořiti* и *rohovořiti*). Следует отметить также, что не все глаголы могут стать двуприставочными, так как вторичное префиксирование зависит от ряда причин.

Факты говорят о том, что в сферу бипрефиксального словообразования прежде всего попадают наиболее часто встречающиеся в речевом потоке глаголы, т. е. слова, принадлежащие, как правило, к активному лексическому фонду языка. Это главным образом наиболее известные и употребительные глаголы движения, действия и др.

Например:

а) Глаголы действия:

bráti (*poza-*, *povy-*, *pose-*, *poo-*, *poroz-*, *pona-*)⁷: *pozabratí...*

dáti (*podo-*, *pona-*, *poroz-*, *popo-*, *poz-*, *pood-*)

pnouti (*poroz-*, *povy-*, *povz-*, *poza-*, *pood-*, *pos-*)

klásti (*popře-*, *poroz-*, *poz-*, *povy-*, *poza-*)

růsti (*pona-*, *pood-*, *povy-*, *poza-*, *popo-*)

raziti (*pona-*, *pos-*, *pou-*, *povy-*, *poza-*)

táhati (*poroz-*, *popo-*, *pou-*, *povy-*, *poza-*)

ležeti (*pood-*, *popo-*, *poroz-*, *pou-*, *povy-*)

hnouti (*poo-*, *popo-*, *povy-*, *poza-*, *pose-*)

hnáti (*popo-*, *poroz-*, *pos(e)-*, *povy-*, *poza-*)

týkati (*pona-*, *povy-*, *poza-*, *povz-*)

trásti (*pona-*, *poroz-*, *povy-*, *poza-*)

⁵ Имеются в виду как старые глаголы с одной приставкой, так и новые.

⁶ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. II, стр. 222—224.

⁷ В скобках указаны двойные приставки, которые принимает данный глагол (например, *poronéstí*, *pozanéstí*, *poodnéstí* и т. д.).

krýti (*pou-*, *pos-*, *poza-*, *pood-*)
saditi (*pood-*, *popo-*, *pou-*, *povy-*)
státi (*popo-*, *pou-*, *poroz-*, *popře-*)
bíti (*poz-*, *poroz-*, *poza-*)
staviti (*pood-*, *poroz(e)-*, *poza-*)
vrátili (*pood-*, *povy-*, *povz-*, *popře-*)
 б) Глаголы движения (в широком смысле слова):
néstí (*popod-*, *pood-*, *popo-*, *pos-*, *pou-*, *povy-*, *povz-*, *poza-*)
letěti (*pood-*, *popo-*, *pou-*, *povy-*, *povz-*, *poza-*)
lézti (*pood-*, *popo-*, *poroz-*, *pos-*, *povy-*, *poza-*)
běžeti (*pood-*, *poroz-*, *popo-*, *pos-*, *povy-*, *poza-*)
jeti (*pood-*, *poroz-*, *pos-*, *povy-*)
skakati (*pood-*, *popo-*, *povy-*, *popře-*)
jítí (*popo-*, *pood-*, *poroz-*, *povy-*)
kráčeti (*pood-*, *poo-*, *poroz-*, *povy-*)
padati (*poo-*, *pou-*, *povy-*, *poza-*)

Из 37 наиболее употребительных прослеженных нами глаголов путем первичного, а затем вторичного префиксирования образуются 184 двуприставочных глагола, т. е. около 20% всех зафиксированных нами образований с вторичной приставкой *ro-* в современном чешском языке.

Существует также определенная зависимость между семантикой бесприставочного и одноприставочного глагола — с одной стороны, и двуприставочными глаголами — с другой. Так, например, многие глаголы, выражающие состояние, не могут получить приставку *ro-* ограничительном значении, ибо первая приставка, являясь перфективизирующей, указывает на доведение действия-состояния до определенного предела-результата. Ср. *mříti* — *umříti*, но ограничительная форма *roumříti* исключена, или *spáti* — *prospati*, но нет *poprospati* и т. д.

Имеются и некоторые другие не менее важные причины малопродуктивности отдельных словообразовательных типов.

Очень серьезным препятствием на пути образования глаголов с вторичной приставкой *ro-* являются те значения первичных приставок (*nad-*, *do-*, *pro-*, *na-* и др.), которые несовместимы с основными значениями вторичной приставки *ro-*.

Актуализации словообразовательного типа с первичным *nad-* препятствует, очевидно, ее узкая лексико-семантическая специализация; *nad-* обладает, как известно, двумя значениями: 'увеличение размера предмета путем присоединения добавочной части' и 'распространение действия на поверхность объекта'. Значение частичности (одно из основных значений вторичной приставки *ro-*) противоречит финитивным значениям приставки *do-* ('окончательное достижение пространственных и временных пределов', 'полное завершение действия'). Так, например, при наличии глагола *dospati* 'спать до конца', 'выспаться' невозможна форма *podospati*, хотя действие данного глагола все же может быть ограничено, правда чисто лексическими средствами. Ср. *Již ani nedospal a chvátal od nevěsty domů* (Holeček).

Приставка *pro-* не сочетается с *ro-* потому, что значение приставки *pro-* ('основательно', 'совершенно', 'хорошо'), как правило не нуждается в семантическом усилении или уточнении посредством вторичного *ro-*, а в некоторых случаях такое сочетание просто логически исключено, ибо нельзя соединить значения «немного» (приставка *ro-*) и «основательно», «совершенно» (приставка *pro-*).

То же отмечается у глаголов с *pro-* в значении 'насквозь', 'до глубины' (*prohřívali* 'прогреть до конца').

Приставка *pro-* иногда означает 'местами' (*prohnědati se* 'местами

стать бурым'), и в этом случае невозможна форма *poprohnědati se* в ограничительном значении, ибо 'местами' — уже означает 'частично', но *ro-* в дистрибутивном значении все же может в данном случае сочетаться с *pro-* (*poprodati*).

Иногда первичная приставка выражает несколько значений, из которых большая часть несовместима со значением вторичной приставки *ro-*, а отсюда — малопродуктивность данного словообразовательного типа, несмотря на относительно большое количество одноприставочных глаголов.

Так, например, в чешском языке много глаголов с первичным *pa-* (1375), но часть из них обладает значением 'полнота, насыщенность действия' (ср. *napracovati se*), т. е. семантикой, которая несовместима со значением частичности; с другой стороны, многие глаголы с *pa-* выражают частичность, неполноту (ср. *nalomit větev* 'надломить') и, следовательно, не нуждаются в приставке *ro-*, которая была бы здесь просто лишней.

То же можно сказать о приставке *nad-*. Одно из основных ее значений — 'сделать что-нибудь сверх нормы' — несовместимо со значением частичности (может быть *nadceniti*, но невозможна форма *ponadceniti*). Второе значение *nad-* 'немного, частично', само собою разумеется, не нуждается во вторичной приставке *ro-* в ограничительном значении, ибо, например, *nadhaliti se* значит *poodhaliti*, следовательно, форма *ponadhaliti se* исключена, *nadhrnouti* — значит *poodhrnouti*, отсюда невозможность формы *ponadhrnouti*.

Приставка *pod-* может, подобно *ro-*, выражать и частичность (ср. *podlévalti*); значит, те глаголы, в которых первичное *pod-* вносит значение частичности, уже, как правило, с *ro-* не сочетаются.

Наблюдения показывают, что и приставка *při-*, точнее, некоторые ее значения, несочетаемы со значением *ro-*. Так, одно из основных значений приставки *při-* — присоединение — исключает значение частичности, так как в глаголах с *při-* действие обычно мыслится в полном своем объеме, неограниченno.. Ср. *přibásniti* 'сочинить стихотворение и присоединить его к другому стихотворению'. Понятно, что нельзя частично присоединять одно стихотворение к другому (заметим, что частичность касается самого действия, а не объекта, на который направлено действие).

В тех случаях, когда *při-* означает приближение, теоретически допустимо сочетание *ropři-*, но так как такие глаголы, как правило, совершенного вида и указывают не только на направление действия, но и на его окончательный результат, то приставка *ro-* фактически здесь оказывается невозможной в ограничительной функции (см. *přiběhnouti*). Не могут получать приставку *ro-* и те глаголы, в которых *při-* указывает на характер движения или действия, т. е. выполняет особую оценочную функцию: *přibelhati* 'приковывать', *přibatoliti se* 'прийти вразвалку', *přibouchnouti* 'прихлопнуть', *přibouřili* 'прийти с шумом' и др.

Можно прийти к выводу, что образование двуприставочных глаголов зависит:

- а) от количества одноприставочных глаголов;
- б) от семантики глагольного корня и одноприставочного глагола, а также от связанной с ними употребительности (частотности) глаголов;
- в) от возможности сочетания второй приставки с первой (т. е. сочетания их значений);
- г) от эффонических факторов (ср. невозможность сочетания двух *v* (т. е. *vv*), двух *z* (т. е. *zz*) и некоторых других согласных).

Как убедительно доказал проф. Исаченко, приставка в с е г да варьирует смысл глагола, даже в тех случаях, когда мы имеем дело с глаголами, префиксы которых традиционно называются чисто видовыми⁸ (ср. русск. *делать* || *сделать* и т. п.). Приставка может или полностью изменить значение глагола (*zapomenouti*), или же лишь частично его модифицировать (*popřinéstti*, *donéstti*, *odnéstti* и. т. д.).

Такой способностью обладают, как известно, первичные приставки — аффиксы, присоединяемые непосредственно к корню. Какова же функция вторичных приставок и, в частности, приставки *ro-*? Обладают ли они теми же свойствами, что и первичные приставки? Наблюдения позволяют ответить на этот вопрос отрицательно. Функции вторичных приставок не совпадают с функциями первичных приставок.

Прежде всего, бросается в глаза различный диапазон смысловых функций у обоих типов приставок: у первичных приставок семантическая гамма значительно богаче и ярче, нежели у вторичных. Если первые можно назвать формо- или смыслоизменителями, то вторые являются смыслуточнителями (конкретизаторами). Иначе говоря, первые, употребляя терминологию проф. Исаченко⁹, являются квалифиликаторами, а вторые — модификаторами.

В качестве первичной приставки *ro-* обладает следующими основными значениями: 1) проявление действия в небольшой мере ('слегка', 'немного'): *ročtischatii*, *pohyzditi*; 2) непродолжительность действия ('недолго', 'немного'): *požykati*; 3) длительность действия в будущем: *ro-nesu*, *povedu*; 4) проявление действия в полной мере ('все', 'полностью'): *ropsati*; 5) распространение действия на несколько объектов или его совершение несколькими лицами: *pobrati*; 6) неожиданность действия ('неожиданно', 'вдруг', 'внезапно'): *rochřadnouti*; 7) значение 'сделать каким-либо, придать какие-либо качества': *pošpatniti*, *počeštiti*, *poněmčiti*; 8) чисто результативное значение: *rocítiti*, *pozvati*.

В качестве вторичной приставки *ro-* может выступать не во всех вышеуказанных значениях, а лишь в некоторых, и прежде всего как выразитель частичности и дистрибутивности. Рассмотрим эти два значения.

1. Вторичная приставка *ro-* выражает значение частичности. Выступая в роли вторичной приставки, *ro-* чаще всего сообщает глаголу значение частичности. Проф. А. Исаченко называет данное значение ограничительной (делимитативной) совершаемостью¹⁰. Сама семантика частичности может носить различный характер.

а) Она может означать, что действие завершилось или завершается не в полном своем объеме, не в полной мере, а лишь в какой-то части. Проф. Исаченко квалифицирует такое значение *ro-* как смягчительную (аттенуативную) совершаемость¹¹, т. е. ограничительность не во времени, а в самом объеме совершаемого действия (*ro-* выступает в значении 'слегка', 'немного', 'отчасти'): *Panička ro pozdvihlala hlavu* (Herrmann); *Eliška ro pozdvihla oči k Báře*, *ustmála se* (Němcová); *Mladému malíři se líce pozardělo* (Jirásek); *roopravila si vysoký účes* (Pluh.).

б) Частичность может содержать указание на продолжительность протекания действия. В этом случае у вторичной приставки *ro-* появляется отчетливый темпоральный оттенок. Ср. *Javor popadlal se*

⁸ А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 155—158.

⁹ Там же, стр. 122.

¹⁰ Там же, стр. 234.

¹¹ Там же, стр. 238.

na mramorový kámen (Třebízský); *Lojovice slzí, jak plamínek po za plápolal* (J. Sedlák); *Nedaleko pozastavil krátce první hejtman* (F. Svoňboda).

в) Наконец, действие может обладать и локальным оттенком: частичность в этом случае состоит в том, что действие распространяется не на все расстояние, а лишь на некоторую его часть: *Opřela se o ruku a popolezla k němu blíž* (Kunetická); *Každý rád popoleze výš* (F. Svoňboda); *Poposedl ještě blíž* (Otč., R.).

2. Вторичная приставка *po-* выражает значение дистрибутивности.

Значительно реже вторичная приставка *po-* выражает в чешском языке значение дистрибутивности: *Vojáci... sesypali se kolem vozíku. Pak popolehal i okolo do trávy* (B. Svatoš); *Pozamykal všecko...* (Kosmák); *Všechny je [darebáky] měli zlatat a pozavírat* (A. Nor).

Под дистрибутивностью, как известно, понимается внутренне расчлененное действие, распространенное на все или некоторые объекты: *Zoře lesklé pozaháňela hvězdy* (Sušil); *Přemnoho pokladů pozaházel do vlnobítí, aby uchránil lodice bytu svého* (Kosina); *Mnohé z roty zajala ještě více jich pozabil* (Sušil).

Особенностью дистрибутивных глаголов является также и то, что они часто сочетаются с субъектом во множественном числе: *Proč nezůstanou [Čechové], kde se zrodili? Proto, že by pozcerpeněli hladem* (Kosmák); *Jak tu svěříte koně, nejkrásnější vám do měsice poscírají* (Holeček); *Dámy pozahazovaly cestou osudné pomněnky* (Kosmák).

Итак, или один субъект выполняет действие, распространяющееся на много объектов, или многие субъекты осуществляют действие расчлененное, многофазное.

У дистрибутивных глаголов (в отличие от недистрибутивных) действие, как правило, выполняется не сразу, не комплексно, а расчлененно, охватывая один объект за другим. Но если речь идет о действии, которое осуществляется рядом субъектов, то в этом случае неизвестно, как оно выполняется: переходит ли последовательно от одного объекта на другой, или каждый субъект выполняет действие по отношению к соответствующему объекту. Когда мы говорим «студенты позакрывали окна», то остается неизвестным, происходило ли действие одновременно (каждый студент закрывал одно или несколько окон, но происходило все это одновременно), или же студенты закрывали окна в какой-то последовательности (сначала один студент закрыл одно окно, затем другой — другое окно и т. д.). Эта недоговоренность хорошо чувствуется в следующих примерах: *Prsty se pozavřely* (Vanč. P.); *Pozabíjete je?* (T. Svat. B.); *Všechno se to pohně, povyskočí* (T. Svat. B.).

Дистрибутивные многосубъектные глаголы характеризуются именно такой неопределенностью.

Напротив, если дистрибутивное действие выполняется одним субъектом, то здесь уже нет этой неопределенности, ибо налицо оттенок очередности; смысл дистрибутивности в данном случае состоит в том, что один субъект выполняет действие, переходящее с одного объекта на другой: *Pootevřel okna* (Otč. Br.); *Po celou cestu do Nadelhot Deyl rouryta hoval čtyři doutníky z kapsy kabátu* (Vanč. P.).

Дистрибутивные многосубъектные глаголы характеризуются и другой особенностью: выражая последовательность совершаемых актов, эти глаголы ничего не говорят о темпе (о быстроте) совершающегося действия. Так, в примере *Vlak přijel. Poslézalo mnoho lidí, jen paní vrchní nebylo mezi nimi* (A. Mrštík) не ясно, сходили ли пассажиры быстро или медленно, известно лишь то, что они выходили из вагонов не одновременно, а друг за другом.

Дистрибутивность может выражаться и в том, что действие субъекта (или субъектов) происходит в различных местах (значение *po-* «то

здесь, то там»): *Tu a tam ve vsi povyská kala již malá světélka za nízkými okny* (F. Šalda); *Nových si [osad] pozakládali* (Němcová). Здесь дистрибутивность осложнена длительно-прерывистым оттенком.

Иногда дистрибутивный глагол подчеркивает не постепенность действия, не то, что действие состоит из нескольких актов, следующих друг за другом, а множественность (кумультивно-дистрибутивное значение), т. е. глагол имеет дополнительное значение 'много'. Следовательно, необходимо строго разграничивать дистрибутивные значения глаголов типа *понаделать* (*ошибок*) (т. е. 'наделать много ошибок') *понаносил* (*веток*) (т. е. 'принес много веток') и глаголов типа *позакрывать* (*все окна*), *позаносить* (*все стулья в комнату*).

В первом случае акцентируется достижение действием большой меры, неопределенной множественности, тогда как во втором самым важным является момент последовательного охвата действием всех объектов.

Надо сказать, что в чешском языке кумультивно-дистрибутивное значение у глаголов с вторичной приставкой *ro-* не является столь продуктивным, как, например, в русском языке, но в то же время нельзя его назвать и редким: *Docela jakoby už i krev poztrácela barvu, tak je pobledlá* (T. Svat. D.). Эти дистрибутивные значения (*ро-* 'много' и *ро-* 'все') часто очень трудно разграничить: *Jen prsty jako by byl poztrácel...* (T. Svat. D.).

Наблюдения показывают, что в глагольных новообразованиях конца XIX и XX в. значение частичности количественно преобладает над значением дистрибутивности. Во всяком случае, в словаре Юнгманна дистрибутивных глаголов с вторичным *ro-* намного больше, чем в современном языке. Это же подтверждается не только данными PS, но и непосредственными наблюдениями над глаголами с вторичной приставкой *ro-* в произведениях современной художественной литературы.

Из 171 глагола со вторичной приставкой *ro-* (извлеченного нами из 22 произведений чешской художественной литературы XIX—XX вв.) только 19 имели дистрибутивное значение (к тому же 13 раз из 19 встретился один и тот же глагол *rozotvírat*), остальные 152 глагола выступали со значением частичности (ограничительности).

Вот почему мы решительно не можем согласиться с высказыванием Кржижковой, что «Настольный словарь чешского языка» очень часто не указывает дистрибутивного значения приставки¹². Мы считаем, что PS в основном объективно отражает соотношение дистрибутивного и ограничительного значений глаголов с вторичной приставкой *ro-* в современном чешском литературном языке.

Нельзя принять и другой вывод Кржижковой: «Нет сомнения в том, что образование дистрибутивных глаголов в чешском языке — процесс живой, безусловно стандартный, неограниченный»¹³.

Мы пока не беремся судить о глаголах с другими вторичными приставками; что же касается образований с вторичным *ro-*, то факты говорят о том, что дистрибутивное значение развивается в этих глаголах довольно редко, во всяком случае, во много раз реже, нежели значение частичности. Если и говорить о продуктивности дистрибутивных глаголов с вторичным *ro-* в современном чешском языке, то только по отношению к народно-разговорной речи. И здесь можно согласиться с высказыванием А. Исаченко, что «дистрибутивные глаголы занимают важное место в словацком или чешском повседневно-бытовом языке»¹⁴, но отнюдь не в литературном языке.

Интересно отметить, что в русском языке абсолютное большинство глаголов с вторичной приставкой *по-*, включенных в «Словарь совре-

¹² Н. Кřížková. Указ. соч., стр. 394.

¹³ Там же.

¹⁴ А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 293.

менного русского литературного языка» (том X), в противоположность чешскому языку имеет дистрибутивное значение.

В PS вторичной приставке *ro-* приписываются и некоторые другие значения, и прежде всего значение неожиданности, внезапности. При этом приводятся такие примеры: *Zlato kvapem jako rtut' každému v dlani poroztáje* (J. Kolar); [Vladimír] *pestrý obraz porozvinul rázem* (G. Pfleger); *Najednou po odstoupil o krok* (Pluh.).

Нетрудно заметить, что значение неожиданности выражено здесь очень слабо (в некоторых примерах оно вообще не улавливается и без поддержки контекста почти не ощущается). О таких случаях следует сказать, что семантика неожиданности, внезапности выражается не самой приставкой, а приставочным глаголом в сочетании с контекстом. Без соответствующей контекстуальной поддержки вторичная приставка *ro-* данные значения сообщать глаголу не может.

Мы уже говорили, что разделяем точку зрения, согласно которой чисто видовых приставок в языке нет: изменяя вид глагола, приставка лексически его варьирует. Говоря так, мы имели в виду первичные приставки. Что же касается вторичных приставок, то иногда встречаются глаголы, в которых *ro-* не видоизменяет их смысла. Следовательно, имеются случаи, когда в смысловом отношении функция *ro-* является по существу нулевой, т. е. когда с точки зрения норм современного языка приставка значения слова не изменяет. Ср. *pozaložiti* (XIX в., Ю.) = *založiti*; *povykvetnouti* (XIX в., Ю.) = *vykvetnouti*; *Jako mezi trním kvítek povukvetne* (Ю.); *pozanechati* (XIX в.) = *zanechati*; *povznikati* = *vznikati*: *Ten zápas nás... jsou naše city, přání ve věčném hynutí a povznikání* (G. Pfleger); *pouhybovati* (XIX в.) = *uhybiovati*; *poukázati* = *ukázati*: *Jan poukázal ke dveřím...* (Podlipská); *poukončiti*: *ukončiti*; *Obvyklou svou poukončili práci* (Sušil); *pouzdraviti se* = *uzdraviti se*; *Druha druh jak lékař pouzdraví* (Sládek).

Данные факты, однако, не противоречат тезису о том, что в языке нет чисто видовых приставок. В одном случае речь идет о первичном префиксировании, когда присоединение приставки влечет за собою изменение и вида, и семантики глагола, в другом же — о вторичном префиксировании, когда приставка вид не изменяет (этую функцию выполняет первичная приставка).

В ряде случаев при сращении первой приставки с глагольным корнем двуприставочный глагол приобретает свойства одноприставочного глагола. Именно поэтому в таких случаях *ro-*, не выражая ни частичности, ни дистрибутивности, выступает как показатель результативности, завершенности действия. Ср.: *povzdechnouti* (*Plná blaha si nahlas povzdechla*. — Jirásek); *Domodlivší se povzdechla z hluboka* (Kosmák); *popobídnoti* (*Rozhodl se, že zajde do dvora popobídnoti čeledíny, aby zapřahali*. — Brodský).

Наконец, следует отметить, что в отдельных случаях происходит лексикализация вторичной приставки *ro-*. Это значит, что *ro-* не выражает ни значения дистрибутивности, ни значения частичности, а сообщает глаголу такое единичное значение, какого *ro-* вне данного глагола обычно не имеет. Ср. *poukázati* 'přikázati', например: *Několikrát se rozhodl* [městský inženýr], že poukáže k výplatě účet tak, jak je (F. Svoboda); *popodat*, dial. 'odevzdati, dáti', например: *Když chce někdo dítě popodat na handl do Němec, nikdo jiný než Nejepsa mu nenajde místo* (Rajs.); *posběrovati* 'paběrkovati, kláskovati'; например: [Děti] posběrují klasy (Sládek).

Таким образом, анализ материала позволяет сделать вывод, что основная семантическая функция вторичной приставки *ro-* — сообщать глаголу значение частичности или дистрибутивности. Что же касается других значений *ro-*, которые иногда встречаются у двуприставочных

глаголов, то они выступают как крайне редкие и нехарактерные и поэтому на общую оценку семантической функции вторичного префикса *ро-* повлиять не могут.

Для более полного анализа функционирования вторичной приставки *ро-* необходимо выяснить, чем вызвано то обстоятельство, что в одних случаях *ро-* выражает дистрибутивность, в других — частичность, т. е. от чего зависит семантика вторичной приставки *ро-*.

Как было сказано выше, значение *ро-* может зависеть от характера словообразовательной модели. Так, например, дистрибутивное значение не возникает у глаголов, образованных по моделям: *popod-, podo-, ponad-, povz-, roo-*. Очень мало дистрибутивных глаголов среди образований на *pona-* (три глагола: *ponasbíratí, ponastrkati, ponatýkatí*); *popro-* (один глагол: *poprodatí*); *pou-* (девять глаголов: *pouhasínati, poumíratí, poumlkati, poumývati, poupláceti, pousedati, poušinati, poupsychati, pouzamykati*); *popře-* (четыре глагола: *popřekládati, popřeskakovati, popřetrhati, popřevraceti*); *porpři-* (один глагол: *porpřívavati*); *pov-* (один глагол: *povdati se*); *poob-* (один глагол: *poobstříhati*); *pood-* (три глагола: *podevzdati, pooházeti, poopínati*); *poro-* (один глагол: *popoléhati*).

В то же время надо отметить относительно большую употребительность дистрибутивных глаголов с вторичным *ро-* в составе словообразовательных моделей: *poz-, pos-, pou-, poroz-, poza-*.

poz- (25 глаголов): *pozcepennati, pozhasinati, pozobjímati, pozobraceti, pozohýbati, pozopakovati, pozotvírati, pozpřelamovati, pozpřelízati, pozpřemítati, pozpřevraceti, poztrácati, pozukrývati, pozulámati, pozulítati, pozumíratí, pozusínati, pozutínatí; poroz-* (19 глаголов): *porozejíti se, porozestaviti, porozhoditi, porozjízděti se, porozlézti se, porozložiti, porozprodati, porozptýliti, porozsíti, porozstrkati, porozstříhati, porozvěsiti: pos-* (17 глаголов): *posbíhati se, posebrati, posešívatí, posháněti, poshazovati, poschovati, posjízděti se, posklízeti, poskrývati, poskopovati, poslézati, poslétaati, pospínati, postiskati); povy-* (27 глаголов): *povýbrati, povyháněti, povyhnouti, povykládati, povykrádati, povylamovati, povylétati, povymetati, povynositi, povypadati, povyptati se, povyrubati, povysedati, povysychati, povytahovati, povytrhati, povyvraceti; poza-* (17 глаголов): *pozálezati, pozamykati, pozapínati, pozapisovati, pozastrkati, pozatýkati, pozavíratí, pozabíjeti, pozaháněti, pozaházeti*.

Хорошую семантическую основу для развития дистрибутивного значения у вторичного префикса *ро-* создают некоторые значения приставки *vy-* ('все, все до одного'); *vyhubiti; s-* ('соединить вместе'): *shromážditi, snéstí, spojiti* и особенно *roz-* — *rozcházeti se*¹⁵. Последняя отличается тем, что она уже сама, без помощи *ро-*, может выражать значение дистрибутивности. В этом случае она функционально совпадает с приставкой *ро-* в том же значении. Естественно, что здесь редупликация, как правило, не приводит к семантическим (или грамматическим, если глагол уже совершенного вида) изменениям.

Глаголы с первичной приставкой *roz-*

Přes noc rozlezl se hmyz po všem stromoví (J. Stankovský).

Na konec rozstrkali [komedianti] hejno... po kůlech i na hoře po pavezách (Lumír).

Nanesl chvoj, uvil z ní věnce, které rozvěsil po stěnách (Zayer).

Глаголы с вторичной приставкой *ro-*

Kam moh nejlíp každý, tam se rozlezli (E. Procházka).

V těch chvílích byla česká města porozstrkána (Čas).

[Po stěnách] zbraň jest porozvěšena (Čelakovský).

¹⁵ О приставках *u-, za-, z-* см. ниже.

Сочетание первичной приставки *roz-* с вторичной приставкой *ro-* в этом случае скорее происходит в силу словообразовательной инерции языка, нежели по внутренней необходимости. Здесь *ro-*, не внося ничего нового в семантическую характеристику двуприставочного глагола, служит лишь чисто усилительным средством.

Говоря о факторах, от которых зависит семантика *ro-*, нельзя, как уже было сказано, сбрасывать со счета и такой важный момент, как семантика самого глагольного корня. Если действие глагола нерасчлененное, то это уже является серьезным препятствием на пути образования дистрибутивного глагола. Вот почему у таких глаголов, как *rozedniti se* дистрибутивное значение вообще исключено: *Rozednilo se. Obloha byla jeden oblak* (Šmilovský); *Mouchy štípou, sotva že se rozezní* (Rais).

Кроме указанных факторов (значение первичной приставки, значение глагольного корня, влияние контекстуального окружения и т. д.), на семантику вторичного *ro-* нередко влияет видовое значение глаголов. Можно отметить следующую закономерность. Форма многоприставочных глаголов совершенного вида очень часто обладает значением частичности, т. е. *ro-* присоединяясь к глаголу, действие которого завершено, ограничивает его конечный результат, подчеркивая при этом, что действие завершилось не в полном объеме, а лишь в какой-то своей части. Следовательно, частичность вторичной приставки *ro-* отмечается прежде всего в тех глаголах, первая приставка которых является видообразующей с результативно-финитивным значением; *rozvadnouti* (*zvadnouti*), *popodívati se* (*podívati se*); *pouvolniti* (*wolniti*), *pookorati* (*okorati*), *povyzdobiti* (*vyzdobiti*), *povyklíčiti* (*vyklíčiti*), *poudobřiti* (*udobřiti*), *pospráteliti se* (*spřáteliti se*), *poshrbiti* (*shrbiti*), *povyučiti* (*vyučiti*), *pozahustiti* (*zahustiti*), *povzbudit* (*vzbuditi*), *poumírnili* (*umírniti*), *poulehčiti* (*ulehčiti*), *pozacloniti* (*zacloniti*), *pozastíniti* (*zasítini*), *pozastaviti* (*zastaviti*) и др.

И наоборот, тот же глагол в форме несовершенного вида часто выступает как дистрибутивный; в этом случае он обозначает действие продолжающееся, незаконченное, расчлененное на отдельные отрезки. Функция вторичной приставки здесь совсем другая: *ro-* указывает, что действие охватывает один объект (или субъект) за другим, или что одна фаза действия следует за другой, например: *pousedati*: *Množí pouse dali do kočárku* (R. Svobodová); *poumlkat*: *Spisovatelé před rokem čtyřicátým osmým na slovo braní jako z učarovaní poumlkali* (Kosina); *pouplácati*: *Ze přebytků nejdříve pouplácel dluhy na domě vázoucí* (Kosina).

Но это, однако, не значит, что глагол несовершенного вида всегда дистрибутивный, а совершенного вида — выражает только частичность. Немало случаев, когда и среди глаголов совершенного вида мы находим дистрибутивные образования, например: *pozastrkati*:... *Kdo ho [tabáku] má všude poschováno a pozastrkáno* (Květy); *popolehati*: *Pak [vojáci] popolehal i okolo do trávy* (Svatoš); *poprodati*; *Maminka pobyla nějaký čas v městě, nežli věci poprodala* (R. Svobodová).

Ясно, что здесь решающую роль играет уже не видовое значение, а семантика глагола, а также фактор многообъектности.

Во многих случаях дистрибутивное значение *ro-* зависит исключительно от такого фактора, как многообъектность: в одном и том же глаголе *ro-* выступает то как выразитель частичности (при одном объекте), то как выразитель дистрибутивности (при многих объектах). Так, например, приставки *z-, u-, vy-, s-* в сочетании с глаголами движения выражают различные направления действия в пространственном отношении (*utéci, uskočiti, zbehnouti, vletěti, shoditi, vyskočiti* и т. д.). Семантика вторичной приставки *ro-* в этом случае зависит от харак-

тера объекта глагола; при многообъектности *po-* выражает дистрибутивность, при однообъектности — частичность.

Например, *pozakrýti* может обозначать и частичность, и дистрибутивность; *pozakrýti obličeji* — частичность (один объект): *Obličeji pozakryla dívka zástěrkou* (J. Lang); [Lože] je *pozakryto španělskou stěnou* (Jirásek); *pozakrýti okna* — дистрибутивность (много объектов): *Student pozakryl všechna okna* (usus).

То же самое можно сказать и о таких глаголах, как *rozavřítí*, *rozvázatí* и т. д. Именно поэтому в языке появляются глаголы с *po-*, обладающие двумя значениями, т. е. выражающие как дистрибутивность, так и частичность. Подобные глаголы являются примером недостаточной расчлененности значения *po-*, т. е. здесь вторичный префикс *po-* обладает недостаточной информацией, и только дополнительные средства (контекст и т. д.) могут, как мы увидим дальше, устраниить эту нерасчлененность значений.

* * *

До сих пор мы рассматривали отношения вторичной и первичной приставок безотносительно к тому, в каких взаимоотношениях находятся первый префикс и бесприставочный глагол. Однако наблюдения показывают, что последнее обстоятельство не может не быть учтено, так как оно прямо или косвенно влияет на отношения самих приставок, на природу многоприставочного глагола.

Прежде всего, напрашивается разделение всех двуприставочных глаголов с *po-* на две группы: 1) глаголы с двумя выделяемыми приставками; 2) «мнимые» двуприставочные глаголы.

К глаголам первой группы мы относим такие образования, приставки которых определяются не этимологически, а исходя из словообразовательных закономерностей современного чешского языка. У таких глаголов обе приставки легко выделяются. Ср.: *po-na-psati*, *po-do-dati*, *po-za-lézti*, *po-u-držetí* и др.

К так называемым «мнимым» двуприставочным глаголам следует, очевидно, причислить два разряда глагольных образований:

а) Глаголы, первая приставка которых присоединена не к глагольному, а к именному корню, или к корням, восходящим по происхождению к другим частям речи. Например:

poodpočinouti || *odpočinouti* (но нет *počinouti*)
ponamítnouti || *namítnouti* (но нет *mítnouti*)
poobčerstviti || *občerstvili* (но нет *čerstviti*)
pozaháleti || *zaháleti* (но нет *haleti*)
pozmítati || *zmítati* (но нет *mítati*).

Правда, PS приводит целый ряд примеров, когда двуприставочный глагол имеет бесприставочную форму, производную от именной основы типа *živnouti*. Например:

pooživnouti—*oživnouti*—*živnouti*,
pooddáliti se—*oddáliti se*—*dáliti se*,
poodvyknouti—*odvyknouti*—*vyknouti*,
povyjasniti—*vyjasniti*—*jasniti*,
pouleviti—*uleviti*—*leviti*.

Легко заметить, что почти все эти глаголы являются искусственными образованиями, главным образом поэтического языка (отсюда стилистическая пометка *básn.*), с очень узкой сферой употребления.

Схематически у таких глаголов словообразовательный процесс выглядит так:

В таких образованиях отсутствует бесприставочная глагольная основа, и выделение двух приставок, с точки зрения словообразовательных процессов чешского языка, носит здесь совершенно иной характер, нежели в глаголах первой группы.

6) К «мнимым» двуприставочным глаголам следует отнести и глаголы, первая приставка которых выделяется лишь этимологически: *popřísahati*, *povznikati*, *pozamknouti*, *ropočkati*.

Довольно сложные взаимоотношения между первой приставкой и глагольной основой складываются у глаголов первой группы, составляющих абсолютное большинство среди всех образований с вторичной приставкой *ро-*. Рассмотрим наиболее типичные случаи:

1. Первичная приставка полностью изменяет значение глагольной основы. В таком случае вторичная приставка, детерминируя семантику первичной приставки, как правило, со значением глагольной основы прямо не взаимодействует, а связана с ней лишь косвенно, через значение первичной приставки:

použítí — *užíti*, ho *žíti*;
pozbýti — *zbýti*, ho *býti*;
popřestati — *přestati*, ho *státi*; . . .
podotýkati — *dotýkati*, ho *týkati* (*se*);
pozavítati — *zavítati*, ho *vítati*;
porozuměti — *rozuměti*, ho *uměti*;
pozbavití — *zbavití*, ho *baviti*.

2. Первичная приставка незначительно видоизменяет значение глагольной основы; то же самое можно сказать и о функции вторичной приставки, которая лишь конкретизирует семантику первичной приставки. В данном типе двуприставочных глаголов, звенья семантической цепи очень тесно спаяны. Ср.:

pododati — *dodati* — *dáti*
 ('дополнительно добавить') ('добавить, еще дать') ('дать')

3. Вторичная приставка носит усилительный характер, так как лишь повторяет значение первичной приставки. Ср.:

pozumírati — *zumírati* — *umírati*
 ('умирать один за другим') ('умирать один за другим') ('умирать').

Здесь же заметим, что вторичная приставка может усиливать не семантику первичной приставки, а ее видовое значение: *pozklamati* (= *zklamati*). Несомненно, что у *pozklamati* значение совершенного вида ощущается более сильно, чем у *zklamati*.

4. Спорадически значение двуприставочного глагола совпадает со значением одноприставочного глагола с первичной приставкой *po-*. Ср. *pozvoliti* = *povoliti*: *Panu Sixtovi mohl Kampanus jen pozvoliti, aby měl naději* (Winter). В этом случае семантика первичного префикса двуприставочного глагола нивелируется.

Таким образом, глаголы с вторичной приставкой *ро-* не являются с словообразовательной точки зрения однородными. Они объединяют также и по происхождению различные глагольные образования.

В некоторых славянских языках (например, в русском) глаголы с вторичной приставкой *ро-* обладают кроме семантики дистрибутивности или частичности и специальными стилистическими значениями, выступают с определенной эмоциональной окрашенностью.

О глаголах русского языка с приставкой *по-* проф. Исаченко пишет, что их сферой «является красочный народный язык» и что такие образования следует отнести к «выразительным средствам стилизации разнообразных процессов»¹⁶.

В чешском литературном языке вторичная приставка *ро-* лишена этой особенности, т. е. она в основном выступает как стилистически нейтральная. Нами сделаны наблюдения над большим числом глаголов с вторичной приставкой *ро-*. Но ни разу не удалось обнаружить стилистическую окраску у глагола. Для убедительности приведем ряд примеров из произведений различных авторов¹⁷.

Děti pooběhno u dál, aby se dostaly z dosahu hokynářových rukou... (Řez. P.); *Když na něho myslí, nespokojně poposedne* (Otč. Br.); [Ondřej]: *Ale myslím, že bylo by dobré pootevřít trochu okno...* (Otč. Br.); *A soví popošla na deset kroků, brumlala pod nos* (Herr. U.); [Hordubal]: *Což o to, poohlédnout se po hospodářství ještě ne, ještě ne* (Čap.); [Lukáš]: *Vypust' už z hlavy tu žravost a řekni Svejkovi, aby se poohlédl někde po nádraží, nebo v okolí po něčem dobrém k jídlu* (Haš.); *Ze samé bujnosti si povyskočila sáhl po jablku* (Majer. H.); *Zasalutoval, sklapl podpatky a uctivě poodstoupil* (Majer. S.).

Количество примеров можно было бы в несколько раз увеличить, но результат будет один и тот же: ни один глагол с вторичной приставкой *ро-* не выступает как стилистически окрашенный. Почти нет двуприставочных глаголов с стилистической окраской и в PS, и лишь глаголы *pozablesknouti* (*Z pochev meče již se pozablesknou*. — (Ruch), *pozablyštěti se* (*Citu růže zdepíány se rosou něhy pozablyští*. — Vrchlický) имеют стилистическую помету «поэтическое» тогда как одноприставочное *zablesknouti* лишено этой стилистической характеристики (*Zablesklo se modravě a zadunělo velebně ponuré hřímání*. — R. Svobodová).

Правда, в чешской народно-разговорной речи и диалектах глаголы с вторичной приставкой *ро-* обладают определенной стилистической окраской, но эти факты не могут быть приняты во внимание при определении данной особенности в литературном языке¹⁸.

Таким образом, в современном чешском литературном языке двуприставочные глаголы с *ро-* служат лишь средством семантической, а не стилистической характеристики.

Академик Ф. Травничек первый обратил внимание на тот факт, что в древнечешском языке вторичная приставка *ро-*, образуя глаголы со значением частичности или дистрибутивности, очень часто еще нуждается в лексической поддержке со стороны контекста в целом или со стороны отдельных его частей. Такое явление он объясняет тем, что в древнечешском языке приставка *ро-* не обладала еще способностью четко и дифференцированно сообщать глаголам те или иные семантические значения, и в частности семантику дистрибутивности и частичности. В связи с этим Ф. Травничек пришел к выводу, что

¹⁶ А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 292.

¹⁷ Примеры взяты как из авторской речи, так и из речи действующих лиц.

¹⁸ Некоторые данные о вторичной приставке *ро-* в чешской народно-разговорной речи содержатся в кн. Fr. Třávníček. Studie o českém vidu slovesním. Praha, 1923.

старые образования с *ро-* получали данные современные значения в известных условиях, в зависимости от определенного контекста¹⁹.

В качестве подтверждения Ф. Травничек приводит целый ряд примеров, в которых лексическое значение приставки выкристаллизовывается лишь благодаря наличию в контексте специальных адвербиально-обстоятельственных слов и словосочетаний, например: [Sv. Petr] *pootivr ze drobet bramy nebeské* (Frant. Pr., 4^b); *Kdo podělá, po ro praci je drobet...* (Lomnický).

На основании приведенных фактов Ф. Травничек делает следующее заключение: «Наряду с данными случаями возникли новые образования с *ро-*, где уже не нужно было эти значения специально выражать»²⁰.

Надо сказать, что выводы акад. Травничка в отношении фактов современного чешского языка нуждаются в некоторых коррективах. Приходится констатировать, что в современном чешском языке вторичная приставка *ро-* полностью еще не превратилась в лексико-грамматический показатель частичности или дистрибутивности.

В речевом потоке глаголы с вторичным *ро-* то и дело получают специальное лексическое «подкрепление», подобно тому как они его получали в древнечешском языке. Чтобы убедиться в правильности нашего замечания, рассмотрим отдельно глаголы со значением частичности и глаголы со значением дистрибутивности и те средства, которые используются в современном чешском языке для их разграничения.

1. ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЧАСТИЧНОСТИ

Здесь могут быть указаны следующие средства, способствующие четкому проявлению значения частичности.

а) Конкретизация посредством обстоятельства меры, степени и образа действия: *trochu, pomaloučku, lehce, nemnoho, poněkud, lehounce, kus(kousek), krok, píd*.

trochu: *Trochu si ponadával na stravu* (E. Konrád); *Ráda byla, že po obědě pokojně za stůl mohla sednout, a do novin těž trochu po-nahlednout* (F. Svoboda); *Pan advokát sice popotáh' trochu obličeji* (K. Tůma); *Když se zrak můj trochu porozšeřil, stín [muže] poznal jsem* (F. Doucha); ... *kostnaté ruce při řeči trochu porozvírá* (J. Šír); *[Cizinec] trochu se nad tím pozaraží* (J. Stěpánek); *Trochu slunko pozasvitne* (Ruch); *Hodlala trochu také poklidit a posmítat* (Těsnohlídek); *Až liják trochu pouleví, v mlýn dám se převézti* (Hejduk); *At' si trochu popovídáme* (Otč., P.). *Vichr jakoby trochu po ochabl* (Slejhar); *Také mne cestou lesem po pocháněl trochu strach* (Heritas); *Chlap jen trochu popotáhne...* («Lidové noviny»); *Po popsal trochu* (Havlíček).

pomaloučku: *Pomaloučku mne popostrkuje [do manželství]* (R. Svobodová).

lehounce: *Nebyl piják, a proto se mu lehounce pozamžívalo v hlavě* (Vrba).

lehce: *[Děd] jen lehce pozachmuřil tvář* (Rok); *Lehce poodhrnula rty* (Durych).

nemnoho: *Ani ty stromy mnoho nepoprostily* (Baar).

poněkud: *Věc ta pozanedbána poněkud* (Palacký); *Kojanka se tu poněkud pozapomněla nad svou vážností* (Holeček).

¹⁹ Там же, стр. 193. Ср. еще: *Mladý Dauerling, až povyroste...* (Haš.). И здесь, если бы автору нужно было выразить полную меру действия, он бы употребил форму *vyroste*.

²⁰ Там же, стр. 194.

То же значение 'немного' может быть уточнено с помощью существительных *kus*, *kousek*, *píď*, *krok*, употребленных в переносном значении:

kus: *Musil dlouhou dobu čekat, než ho železnice popovezla o kus dál* (Stašek).

kousek: *Zatím vyšel Doubravův syn Tomášek, po odtáhl rakve o kousek hloub do síně* (Fr. Pecháčková); *Kočár kousek cesty po odtáhl* (Šmilovský); *I zvěř lesní ráda po posla s ní kousek cesty* (Vrchlický); *Kousek jí popoběhne dopředu* (Řez. P.).

krok: *Povykročiv o krok blíže, podepřel se o pult* (Kronbaner); *Nechala ho [lékaře] několik kroků po odtáhl* (A. Stašek). *píď*: *Slunce už aspoň o píď ponad zvedlo se nad šedivou čarou obzoru* (A. Mrštík).

б) Конкретизация посредством обстоятельств времени: *čas*, *časem*, *chvílka*, *chvílenka*, *okamžik*.

čas: *V letní době popřestaly na krátký čas války* (Palacký); *Eliščin sňatek s Alfredem byl na delší čas po odtáhl* (Arbes).

časem... *Jen časem ... to pozahvízdá v komíně* (Klášterský); *Časem pozakmitá nám dusí cos jak světlo démantové* (Sládek).

chvílka: *Přitiskl se k stěně, aby chvílkou po odtáhl* (B. Janda-Cidlinský). *Chvílkami na mne pozapomínal* (R. Svobodová).

chvílenka: *Za dlouhé zimy málo kdy na chvílenku matka se mnou mohla povyběhnouti* (Kosina). *At' si pozadřímne někdy na chvílenku slavný Homéros* (Kosina).

okamžik: *Snad po odtáhl pouze na okamžik* (Šmilovský).

в) Значение частичности хорошо ощущается у глаголов с вторичной приставкой *ro-*, когда глагол входит в состав придаточного предложения времени, указывающего, что действие главного началось немедленно вслед за действием придаточного. Временной или локальный интервал между действиями главного и придаточного устанавливается уже на основе самой синтаксической конструкции и соотношения ее специализированных союзных средств (*Sotva*, *jíž*; *jakmile*, *jíž* и т. д.). Попадая в состав такой конструкции, глагол с вторичной приставкой *ro-* как бы подключается в общее соотношение двух действий, быстро или мгновенно следующих друг за другом. Значение частичности глагола вырастает на базе непрерывности функционирования его действия, неполноты его осуществления: *Sotva si Dobrovský po procházce po odtáhl* in *hlášena mu návštěva* (Šmilovský); *Sotva se opět po odtáhl* [Thodavuří] *do hor táhnou* («Rozličnosti»); *Jakmile větr trochu po odtáhl*, *hrabali se lidé všechni směry* (J. Šír).

В следующих примерах значение частичности глагола с вторичной приставкой *ro-* уточняется как посредством временных соотношений главного и придаточного, так и благодаря наличию в предложении различных обстоятельств и дополнений: *Sotva popojede kousek, vidí houf dětí* (Ambrož); *Sotva pozapomněl na jednu starost, přepadla ho druhá* (B. Benešová).

Иногда контекст так построен, что вторичная приставка *ro-* может иметь только значение частичности, другое значение здесь исключено, иначе в этом тексте был бы употреблен тот же глагол, но без вторичной приставки. Ср.: *Záhyby [sukně] se zakmitaly, košile zabělala, tělo po odtáhlilo* (Fr. Svoboda). Если бы автор хотел указать полную меру действия, то он бы просто употребил форму *odhalilo*. Следовательно, мера действия здесь очень тесно связана с лексическим значением глагола-сказуемого и существительного-дополнения, образующих словосочетание, в котором данные компоненты семантически активно взаимодействуют. То же самое мы видим и в другом примере: *[Selka] po odtáhlula záclonku a hleděla do tmy* [Rajs].

Мы уже видели, что иногда вторичная приставка *po-* выражает неконкретизированную частичность (*po-* 'немного'). При помощи различного рода конкретизирующих слов данная неопределенность может быть снята, и вместо значения «немного» возникает точное указание конкретной меры действия, как правило поддающееся арифметически точным исчислениям посредством временных и линейных (пространственных) единиц измерения. Ср.: *Zastřela závojem obličeji a jen když bratra vítala, poodkryla jej na polo* (P. Chocholoušek); *Víte, já jen tak, nu na týden poodskočím* (Medek); *Račte se mnou na minutu poodstoupit* (Smilovský); *Najednou poodstoupil o krok...* (Pluh); *Odešli do hospody, kde se pozdrželi až k ránu* (Vrba); *Když ještě hlavou třikrát pozakývala, postavila se přímo* (Holeček); *Císař patrně vzrušený popojel ještě dva, tři kroky proti králi* (Jirásek); *Všem [vesničanům] se zdálo, jakoby v té chvíli o půl metru pororostli* (Baar).

Возможны и менее точные указания на сроки совершения действия: *Císař rozhodnutí poodložil až k sněmu* (Palacký). Ср. еще: *Ona popošla několik kroků do ulice* (Herr., U.).

Сочетание слов, выражающих приблизительность, неопределенность, неточность, неконкретность (двуприставочный глагол), со словами точными, конкретными (уточняющие обстоятельства и дополнения) может, на первый взгляд показаться не уместным или даже противоестественным, но в действительности такие слова, попадая в единую стилистическую сферу, начинают семантически взаимно нивелироваться. Ср.: *Pookoupněv chvilku na chodbě, dal jsem se po schodech na pádu* (Kosina) 'поглязев немного'; *popojel ještě dva kroky* 'проехал еще два шага'. В первом примере нивелируется значение уточняющего слова, во втором — значение самого двуприставочного глагола.

2. ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ДИСТРИБУТИВНОСТИ

Следующие средства благоприятствуют проявлению значения дистрибутивности.

а) Слова со значением «весь—все», которые в конструкции выступают как определения к дополнениям или к подлежащим: [*Jan Lucembberský*] *takoměř všecky statky koruny královské porozprodal* (Vacek); *Kalené střely všecky povylamoval* (Vymazal); *Pozurázel snad všechny přítomné* (Herben); *Všichni kluci povybíhají z chalup* (Marcha).

Иногда вместо местоимения *všichni*, *všecky* употребляется целый оборот со значением «все до одного», отчего семантика дистрибутивности еще сильнее проясняется, делается исчерпывающе отчетливой: *Housata padala s výše... a pozabíjela se do jednoho* (Herben).

б) Слова со значением 'все', 'все до одного' и т. п.+дополнение, выраженное рядом однородных слов, т. е. случай, когда объект действия конкретизируется путем прямого перечисления фактов, событий и т. д. Действие глагола в этом случае последовательно распространяется на каждую часть объекта или на каждый объект, если их несколько: *Probrali jsme celý rok od jara do zimy a povzromínili všechn těch zábav, toulek a her* (M. Jahn); *Všechno poprodám—barák, pole, krávu a růjdu do podružství* (Uher).

в) Вместо перечисления объектов, охваченных дистрибутивным действием, в предложении кроме дополнения, выраженного определительным местоимением типа *všecky* может налицествовать обстоятельственная группа, указывающая пределы, темпоральные или локальные границы распространения данного действия: *Ještě jednou všecko [četnici] pozpřevraceli od sklepu až po pádu* («Lidové noviny»).

г) Очень хорошо ощущается дистрибутивность и тогда, когда конструкция включает в свой состав перечислительные обороты типа «один за другим». Ср.: *Házely [sběračí] je [brambory] do košíků, popořášených kus po kuse, až byly plné* (A. Nor.); *Poumírali jeden po druhému* [членовé rodiny Feliňských...] (E. Jelínek); *Slepice jedna po druhé za mohutným kohoutem se byly povytroušily na kurník ...* (Kosina).

д) Если в контексте имеются слова типа *tnohé*, то дистрибутивность становится неопределенной и требует дополнительной конкретизации: *Mnohé [při četbě] jenom očima popřeskakovat* (Čas); *Mnohé z roty zajal a ještě více jich pozabil* (Sušil).

Мы уже видели, что во многих случаях дистрибутивное значение глагола сочетается со значением постепенности: действие распространяется на ряд объектов, охватывая один объект за другим в определенной последовательности, происходит медленно, постепенно. Последнее значение может быть конкретизировано за счет целого ряда средств:

1) Употреблением слов типа *pomalu*, *zvolna* и др., ср.: *Tábor zvolna poustína* (Čech). Здесь дистрибутивный глагол сочетается с собирательным существительным *tábor*.

2) Чисто синтаксическими средствами: *Čím dále do leta, tím patrněji jeho vyschlé tělo po okřívá hřejícím sluníčkem* (Herrmann). Так как сама конструкция *čím...*, *tím* выражает постепенно нарастающее или исчезающее действие, то включение дистрибутивного глагола в такую конструкцию приводит к тому, что отчетливо начинает ощущаться постепенность действия самого глагола.

3) Введением повторяющихся слов, создающих перспективу медленно развивающегося действия: *Právě do těch pražských dvorků hloběží a hloběží po ochází všecko to české* («Rudé právo»); *Vidím, že [člověk] rozechází blíž a blíž* (Šajner).

4) Семантикой глагола, выражающего действие или состояние, медленно и постепенно возникающее или исчезающее: *Bojím se, že ona poodekvétá* (O. Červínka).

5) Словосочетаниями, выражающими смену действий или места действий: *Vozy popojízdějí a sbírají jednu hromadu [řeru] po druhé* (Glazarová); *Poponáší práci od dělníka k dělníku* (T. Svat. B.).

Конкретизация вторичных образований с *po-*, выражающих частичность, дистрибутивность и т. д., может, наконец, осуществляться не только посредством отдельных слов и словосочетаний, но и при помощи всего контекста, причем как тем составом, который непосредственно включает бипрефиксальный глагол, так и другими самостоятельными предложениями (последующими и особенно предшествующими). При этом в контексте нередко имеются такие слова или словосочетания, которые исключают все другие значения вторичной приставки *po-*, кроме какого-нибудь одного. Приведем примеры: *Otokárek už nepláče. Seslábl tak, že nemůže plakati. Jen povzlykává.* (Herrmann); *Zastavil se a naslouchal, několikrát poodešel, znova se vrátil aby se nakonec vahavě vzal za kliku, a ne bez úzkosti vstoupil* (T. Svat. D.); *Děti pooběhnou dál, aby se dostaly z dosahu hokynářových rukou a za chvíli se opět vrátí* (Řez. P.); *Často musil se zdí přidržovati, aby si poodechl* (Šmilovshý); *Moucha poohlédla, ale okamžikem se zase vrátila* (Preissová); *Vrabec poohlédl po něm, ale hned je zas u ní* (Machar).

В первом примере значение глагола *povzlykává* конкретизируется при помощи оборотов, содержащихся в двух предшествующих предложениях: *už nepláče, seslábl tak, že nemůže plakati*.

То же самое мы видим и во втором примере: семантика частичности

глагола *poodešel* хорошо поддерживается содержанием всего предложения, всех его частей: если лицо, о котором говорится в предложении останавливалось, прислушивалось, шло и снова возвращалось, чтобы, наконец, взяться за ручку двери, то глагол *poodešel* + обстоятельство *několikrát* ('несколько раз') может иметь только одно значение 'немного, недалеко отошел'.

Аналогичный характер носит взаимодействие грамматических и лексических элементов и во всех других вышеприведенных примерах.

Мы специально привели большое число иллюстраций, чтобы показать, что категория дистрибутивности и частичности, выражаясь при помощи вторичной приставки *ro-* очень часто нуждается в лексической и контекстной поддержке, подобно тому как это было в древнечешском языке. Вызвано это прежде всего многозначностью приставки *ro-* и отсутствием четких средств разграничения тех значений, которые возникают при вторичном префигировании. Отсюда относительно большой процент случаев, когда дистрибутивность или частичность требует конкретизации, иначе говоря, своего выявления, обнаружения в речи при помощи различных лексических и синтаксических средств.

Приведенный материал позволяет сделать следующий вывод. В речевом потоке у многих глаголов с вторичной приставкой *ro-* нередко наблюдается явление противоположное тому, что в языкоznании принято называть избыточностью информации. Несомненно, что у вторичной приставки *ro-* часто обнаруживается недостаточная информация (из-за омонимичности *ro-*), что устраняется в речи чисто лексическими или лексико-синтаксическими средствами.

* * *

В предыдущих разделах мы выяснили смысловую роль вторичной приставки *ro-*. С неизбежностью возникает также и другой вопрос: какое влияние оказывает вторичная приставка на видовую характеристику глагола? Здесь можно выделить несколько случаев. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

а) Прежде всего, надо отметить, что у многих глаголов вторичная приставка *ro-* видеообразующей способностью не обладает, ибо вид глагола зависит от присоединения первой приставки. Если бесприставочный глагол несовершенного вида превратился после первичного префигирования в глагол совершенного вида, то вторичное префигирование здесь ничего не изменяет: глагол сохраняет совершенный вид: *ponakloniti*, *ponaladiti*, *ponachýliti*, *ponapraviti*, *ponasbírati*, *ponatřásti*, *ponavštíviti*, *poposkočiti*, *popostoupiti*, *popostrčiti*, *poprodati*, *porozbítí*, *porozdati* и др.

О таких примерах можно сказать, что здесь глагол не является видовым детерминатором и единственная его функция — смысловое обогащение и варьирование значения глагола.

б) Однако вышеприведенные факты вовсе не означают, что вторичная приставка вообще лишена способности изменять вид глагола. Такой вывод противоречил бы фактам современного чешского языка, в котором немало примеров, когда приставка *ro-*, присоединяясь к префигированному глаголу несовершенного вида, превращает его в глагол совершенного вида. Например: *uhybovatí* || *pouhybovatí*, *vzpomínati* || *povzpomínati*, *skládati* || *poskládati*, *sklízeti* || *posklízeti*, *slézati* || *poslézati*, *vztekati se* || *povztekati se*.

Наблюдения показывают, что вторичная приставка *ro-* превращает глагол несовершенного вида в совершенный прежде всего тогда, когда первая приставка становится с точки зрения современных законов словообразования невыделяемой, или когда первая приставка настолько

вилоизменяет семантику глагола, что утрачивается смысловая связь между бесприставочной и приставочной формой. Это нередко приводит к перестройке деривационных отношений. Из схемы:

<i>skliditi</i>	<i>sklizeti</i>
(сов. вид)	(несов. вид)
↓	↓
<i>poskliditi</i>	<i>posklizeti</i>
(сов. вид)	(сов. вид)

выпадает звено *poskliditi* и схема принимает другой вид: *skliditi* — *sklizeti* — *posklizeti*.

Другой пример:

<i>slézti</i>	<i>slézati</i>
(сов. вид)	(несов. вид)
↓	↓
?	<i>poslézati</i>
	(сов. вид)

Формы совершенного вида двуприставочного глагола (образованного от одноприставочного глагола совершенного вида) здесь нет. Поэтому мы имеем дело с последовательной цепью: *slézti* — *slézati* — *poslézati*. В таких случаях вторичная приставка, как правило, играет ту же роль, что и первичная приставка, и закономерно детерминирует вид глагола.

Не во всех словообразовательных глагольных типах *ro-* выступает в видеоизменяющей функции. Так, например, среди глаголов с приставками *ponad-*, *popod-*, *poro-*, *poob-*, *podo-* нет примеров с видеообразованием посредством вторичной приставки *ro-*. Очень слабо проявляется видеообразующая функция вторичной приставки *ro-* у глаголов с префиксами *poood-* (3 примера из 46 глаголов), *poro-* (2 примера из 42), *poz-* (6 примеров из 50), *poo-* (2 примера из 30), *pona-* (6 примеров из 34), значительно активнее — у глаголов с *pos-* (11 примеров из 32), *povz-* (4 примера из 14), *poroz-* (19 примеров из 66), *poza-* (33 примера из 135 глаголов). Ср.: *posku povati*, *posnášeti*, *posrážeti* и др. Об интенсивности видеообразовательной функции вторичной приставки *ro-* в типах с *ponad-*, *popřed-*, *povz-* трудно говорить, учитывая малочисленность самих глаголов этих типов.

в) Вторичная приставка *ro-* может присоединяться к префигированному имперфективному глаголу и все же превращения глагола несовершенного вида в совершенный вид не происходит. В чешском языке (судя по PS) 185 глаголов, имеющих вторичную приставку *ro-*, но, несмотря на это, являющихся глаголами несовершенного вида. Попутно замечу, что из этих 185 двуприставочных глаголов несовершенного вида абсолютное большинство — 159 — глаголы со значением частичности (*poobveselovati*, *pooodhalovati*, *poodhrnouti*, *poodcházeti*, *poodkrývati*, *poodlézati* и др.) и только 26 обладают значением дистрибутивности (*pouhasinati*, *poumírati*, *poumlkati*, *pouplácati* и др.).

Однако такая диспропорция не зависит, как мы увидим дальше, ни от самой приставки *ro-*, ни от семантики производящей глагольной основы; все дело в особенностях словообразовательного процесса.

В русском языке нет глаголов несовершенного вида со вторичной приставкой *ro-*: все образования, в состав которых входит вторичный префикс *ro-*, являются глаголами совершенного вида, ибо на третьей ступени видеообразования всегда происходит закономерное изменение глаголов несовершенного вида в глаголы совершенного вида. Ср.

Бесприставочный глагол	1 ступень	2 ступень	3 ступень
гнать	<i>выгнать</i>	<i>выгонять</i>	<i>погонять</i>
(сов. вид)	(несов. вид)	(сов. вид)	

Создается впечатление, что в чешском языке нарушаются основные законы видообразования. Однако такое впечатление в действительности оказывается ошибочным. Еще В. Эртль²¹ обратил в свое время внимание А. Мазона на то обстоятельство, что в чешском языке имеются настоящие префигированные глаголы (*pravé komposity*) типа *rozmetati* (от глагола *metati*) и «мнимые» приставочные образования (*pergravé komposity*) типа *zametati* (глагол *zametati* образован не от глагола *metati*, а от глагола *zaméstí*; последний, в свою очередь, — от *méstí*).

Если настоящие глагольные композиты, по словам Эртля, всегда совершенного вида, то мнимые композиты, наоборот, все относятся к несовершенному виду.

Как показывает наш материал, положение Эртля правильно не только в отношении одноприставочных глаголов; оно может быть распространено и на глаголы с двумя приставками, в данном случае — на глаголы с вторичной приставкой *ro-*. Именно поэтому такие глаголы, как *popřinášeti*, *poponášeti*, *popostrkovati*, *poohlížeti se*, *poosvětlovati* несовершенного вида, ибо они раньше префигировались и лишь затем уже были суффигированы.

Наличие в языке таких видовых пар, как *poosvětliti* (сов. вид) || *osvětlovati* (несов. вид), *poopraviti* (сов. вид) || *poopravovati* (несов. вид), *poobveseliti* (сов. вид) || *poobveselovati* (несов. вид), *poodhaliti* (сов. вид) || *poodhalovati* (несов. вид), *poodhrnouti* (сов. вид) || *poodhrnovati* (несов. вид), *poodkvésti* (сов. вид) || *poodkvéti* (несов. вид), *poodnésti* (сов. вид) || *roodnášeti* (несов. вид) и т. д., как нельзя лучше свидетельствует о том, что в чешском языке направленность видообразовательного процесса в данных образованиях иная, нежели в русском языке.

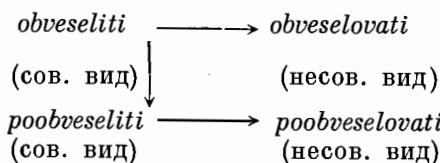
Вместо русской трехчленной схемы: 1) несов. вид + префикс (первый) = сов. вид; 2) сов. вид + суффикс = несов. вид; 3) несов. вид + префикс (второй) = сов. вид, в чешском языке мы имеем в аналогичных случаях две параллельные взаимосвязанные схемы:

а) первая схема: 1) несов. вид + префикс (первый) = сов. вид; 2) сов. вид + суффикс = несов. вид;

б) вторая схема: 1) сов. вид + префикс (второй) = сов. вид (двуприставочный глагол); 2) сов. вид + суффикс = несов. вид (двуприставочный глагол):

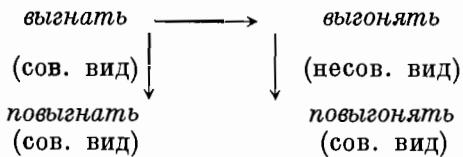
ob- + veseliti = *obveseliti*; *obveseliti + -ova-* = *obveselovati*; *po- + obveseliti* = *poobveseliti*; *poobveseliti + -ova-* = *poobveselovati*.

Следовательно, *obveselovati*, как форма несовершенного вида к *obveseliti*, не может быть перфективирована посредством вторичной приставки *ro-*, так как характер деривационного процесса, точнее говоря, последовательность деривационных звеньев, в чешском языке совсем другая, чем в русском, а отсюда и появление двуприставочных глаголов несовершенного вида в чешском языке. Графически этот процесс может быть представлен в следующей схеме:

²¹ См. рецензию В. Эртля («Slavia», 1925—1926, т. 4, стр. 772—805) на книгу Мазона (André Mazon. Grammaire de la langue tchèque. Paris, 1921). См. еще рецензию К. Годуры (№, г. XVI, ч. 5, стр. 144—153) на второе издание (1931 г.) этой книги.

Как видно из данной схемы, *obveselovati* и *poobveselovati* лежат не в одной, а в различных формообразовательных плоскостях и не имеют прямых точек соприкосновения, так как развиваются параллельно. В русском же языке — другая деривационная схема, в которой двуприставочный перфективный и имперфективный глаголы видообразовательно не связаны²².

Итак, вторичная приставка *ro-* может выступать в чешском языке то как видообразующая, то как невидообразующая, в зависимости от характера первичной префиксации и от суффиксации.

Как мы уже говорили, в восточнославянских языках нет бессуффиксных двуприставочных глаголов несовершенного вида, ибо одноприставочные глаголы несовершенного вида при вторичном префиксировании превращаются в глаголы совершенного вида. Так как в чешском языке при вторичной префиксации у многих глаголов возможно сохранение имперфективного значения, то при наличии у них оппонентов — глаголов совершенного вида (образованных при помощи вторичной приставки на первой ступени видообразования) в языке образуются новые видовые пары двуприставочных глаголов.

Следовательно, если в восточнославянских языках вторичное префиксирование приводит к образованию дублетов — двуприставочных глаголов совершенного вида (ср. *пояти* || *поятывать*), то в чешском языке вторичная префиксация не только не вступает в противоречие с системой видообразования, но, наоборот, поддерживает ее, являясь дополнительным средством образования новых видовых пар, отличающихся от старых (с одним префиксом) наличием вторичного префикса, а с семантической стороны — наличием добавочного смыслового оттенка (частичности или дистрибутивности).

Одноприставочные видовые пары	Двуприставочные видовые пары
<i>rozstaviti</i> <i>rozstavovati</i>	<i>porozstaviti</i> <i>porozstavovati</i>
<i>rozehřáti</i> <i>rozehřívaty</i>	<i>porozehřáti</i> <i>porozehřívaty</i>
<i>schovati</i> <i>schovávati</i>	<i>poschovati</i> <i>poschovávati</i>
<i>rozsítí</i> <i>rozsívaty</i>	<i>porozsítí</i> <i>porozsívaty</i>

И все же надо отметить, что видовая парность в кругу глаголов с вторичной приставкой *ro-* — явление сравнительно малораспространенное; здесь только часть глаголов имеет такие видовые пары. Так, из 42 глаголов модели (*ro*)*ro*- видовые пары имеют только семь, из 46 глаголов (*ro*)*od* — 18, из 32 глаголов (*ro*)*s* — 5, из 135 глаголов (*ro*)*za* — 18, из 50 глаголов (*ro*)*z* — 17, из 119 глаголов (*ro*)*vy* — 21, из 65 глаголов (*ro*)*roz* — 14 и из 7 глаголов (*ro*)*rě* — один.

Наибольшее количество видовых пар у глаголов типа (*ro*)*i*-: из 73 глаголов — 34. В то же время половина глагольных типов вообще не знает видовых пар (ср. *podo*-, *poob*-, *ponad*- и др.).

Итак, при наличии в чешском языке 683 глаголов с вторичной приставкой *ro-* только часть из них образует видовые пары. Остальные являются одновидовыми, причем большинство одновидовых глаголов

²² Вместе с тем в чешском языке возможна трехчленная цепь типа *psati* — *napsati* — *ponapsati*.

имеет форму совершенного вида, меньше глаголов несовершенного вида. Ср. сов. вид: *pozjinačti*, *povyssati*, *povystonati se*, *povysvětliti*, *po-vyhasnouti* и др.; несов. вид: *pouhnívat*, *poumírat*, *pounášeti*, *pouplá-ceti* и др.

Кратко остановимся на двувидовых глаголах. Подобно тому, как префиксальные и бипрефиксальные глаголы могут выступать как двувидовые, т. е. обладать формами и совершенного и несовершенного вида, двуприставочные глаголы тоже могут быть двувидовыми, например: *pozalézati*, *pousedati*, *poodlétati*, *poschovávati*, *povyskakovati*, *povukládati* и др.²³

Интересно, что все эти глаголы являются двувидовыми еще до второго префигирования. Ср. *ulétati* и *poulétati*. Следовательно, вторичная приставка здесь в видеообразовательном процессе не участвует, но сохраняет за собой смыслообразовательные функции, не нарушая уже наличествующей внутривидовой корреляции.

Анализ фактического материала показал, что среди глаголов с вторичной приставкой *ро-* нередко наблюдается возникновение омонимов. Вопрос об образовании глагольных омонимов уже не раз затрагивался в научной литературе²⁴. Посвящена этому вопросу и специальная статья Н. К. Жученко²⁵, в которой показано (на материале русского языка), как образуются глагольные омонимы в результате присоединения к приставочным глаголам суффиксов *-ыва-* и *-ива-* (ср. *укатывать* в значении «катя, угонять куда-нибудь» и *укатывать* в значении «делать гладким»).

Н. Жученко справедливо подчеркивает, что «во всех рассмотренных глаголах омонимичность создается именно суффиксом *-ыва-*, *-ива-*, а не приставкой, хотя все эти глаголы приставочные. Приставка придает глаголу только новое лексическое значение, а суффикс *-ыва-*, *-ива-* приводит к совпадению различных глаголов в однозвучной форме».

В связи с этим возникает такой принципиальный вопрос: если благодаря данным суффиксам указанные глаголы превращаются в лексические омонимы, то не являются ли сами суффиксы омонимами? Акад. В. В. Виноградов в статье об омонимах по существу отрицает такую возможность. Он пишет: «Нередко понятие «омонима» распространяется и на аффиксы (что, во всяком случае неправомерно и необоснованно)»²⁶. Но несколько ниже В. В. Виноградов все же вынужден согласиться с тем, что такой вывод не может быть безоговорочно распространен, например, на префиксы: «Гораздо более трудным является вопрос о омоморфемности глагольных приставок в русском языке»²⁷. В. В. Виноградов считает, что здесь «... можно ставить вопрос: у всех ли глагольных приставок в современном русском языке сохраняется смысловое единство»²⁸. Оказывается, что одна и та же приставка может образовать разные слова (при присоединении к одному

²³ В дальнейшем мы увидим, что некоторые такие двувидовые глаголы со временем перестают быть двувидовыми, ибо за формой одного вида закрепляется одно значение, за формой другого вида — другое значение.

²⁴ См., в частности: О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., Учпедгиз, 1957, стр. 150 и др.

²⁵ Н. К. Жученко. К вопросу о принципах разграничения омонимии и полисемии глаголов в русском языке. — «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Саратов, 1959. — Когда настоящая статья была уже написана, вышла еще одна работа Н. К. Жученко, посвященная глагольной омонимии: «Роль многозначности префиксов в образовании глагольных омонимов» («Вопросы теории и методики изучения русского языка». Куйбышев, 1961, стр. 126—139).

²⁶ В. В. Виноградов. Об омонимии и смежных явлениях. — ВЯ, 1960, № 5, стр. 8.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

и тому же глаголу), ср: *просмотреть* (до конца), *просмотреть* (не разглядеть) и т. д.

Несомненно, что среди глагольных приставок вследствие распадения их смыслового единства возникают омонимы, а коль скоро эти морфемы-омонимы присоединяются к одной и той же лексеме, то в результате этого в языке из одной лексической единицы возникает несколько самостоятельных слов-омонимов.

То, что приставка *ро-* в качестве вторичной может выступать не в одном, а в нескольких значениях, создает необходимые условия для образования глагольных омонимов.

У глаголов с вторичным *ро-* процесс омонимизации особенно интенсивно протекает вследствие борьбы двух основных тенденций: тенденции к дистрибутивности и тенденции к частичности. Нельзя не принимать во внимание и того обстоятельства, что оба эти значения не только разные, но даже противоположные, а известно, что антонимичность²⁹ нередко является семасиологической базой для возникновения омонимов (ср., в частности, явление межъязыковой омонимии: чешский 'неческий' и чешск. *čerstvý* 'свежий' и т. д.).

Именно благодаря этому мы чаще всего находим в чешском языке омонимические пары: глагол со значением дистрибутивности || глагол со значением частичности³⁰.

Приведем примеры:

Глагол со значением
дистрибутивности

posebrati:

*Kdo mi vráti slzy moje, pod
vodou je posebere, roucho
mu dám měkkoperé* (Holeček).

pozaháněti:

Zoře lesklé pozaháněla hvězdy
(Sušil).

povynášeti:

*Povynášeli [lidé] z chaty
lavice* (O. Vetti)

povyhasnouti:

*V oknech světla povyhasla
a všecko odpočívalo v
klidném spánku* (Hálek).

Глагол со значением
частичности:

posebrati:

*Ted' nic jiného nám již nezbývá,
než vojsko rozptýlené posebrat*
(J. Malý).

pozaháněti:

*Takto denně sultán z mysli pusté
pozahání trudy* (Ruch).

povynášeti:

*Povynášeli z důlu skvostnou
figurku* (Čech).

povyhasnouti:

*Jiskry v očích povyhasly, úsměv
zmizel ze rtů* (Květy).

У некоторых глаголов омонимия возникает спорадически, как результат своеобразной лексикализации отдельных конкретных значений. Ср. глагол *ropodati* (XIX в.). Первое значение — 'немного', второе значение — 'удрать, пуститься бежать' (см. в словаре Юнгманна).

Приведенные факты чешского языка полностью подтверждают высказывание акад. В. В. Виноградова о том, что омонимия в классах производных глаголов больше всего умножается способами префиксального словаобразования.

Итак, омонимичность вторичной приставки *ро-* приводит к омонимичности глаголов. Такой тип омонимичности мы считаем целесообразным назвать вторично-производной омонимией³¹, полагая, что тем са-

²⁹ Антонимичность понимается здесь несколько шире, чем это традиционно принято. Речь идет о лексемах, которые, хотя и не противоположны, но очень различны и далеки по значению друг от друга.

³⁰ Аналогичного типа омонимы создаются в чешском языке и при первичном префиксировании, ср. *pojít něčeho* || *pojít všechno* и др.

³¹ См.: П. Диаконеску. Омонимия и полисемия. «Revue de linguistique», 1960, t. V, № 1.

мы будут учтены два наиболее важных момента данного явления; во-первых, подчеркивается, что речь идет не о совпадении звуковых оболочек разных слов, а о «расчленении» единой звуковой оболочки на несколько самостоятельных оболочек-лексем (отсюда и название — внутрглагольная омонимия в отличие, например, от межглагольной омонимии, когда омоним возникает из-за совпадения различных глаголов, образованных при помощи одного и того же суффикса). Во-вторых, акцентируется и другой, не менее важный момент: данная омонимия не является обычной (и в этом смысле первичной), она вторична и производна, ибо зависит от омонимии приставок.

Наряду с возникновением омонимических глагольных пар в чешском языке одновременно происходит и обратный процесс — распад таких омонимов в результате исчезновения отдельных членов омонимической пары. Так, в начале XIX в. Юнгманн приводит омонимы

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{poopírati} \text{ (дистрибутивн.)} \\ \text{poopírati} \text{ (частичн.)}, \end{array} \right.$$

но уже в языке XX в. (по данным PS) мы имеем лишь один глагол *poopríti* (в значении 'частично, немного'), ср. ... *jen aby mohla být o něho pooprírena* (Vávra). Следовательно, омонимическая пара уже распалась.

Теперь рассмотрим несколько иное явление, когда за каждым из членов видовой пары закрепляется самостоятельное значение. В следующей таблице и приведены такого рода примеры.

Вид	Глагол	Значение вторичной приставки <i>po-</i>
Сов.	<i>porozkvěsti</i>	Частичность ('немного').
Несов.	<i>porozkvětati</i>	Дистрибутивность ('медленно').
Сов.	<i>porozsít</i>	Дистрибутивность ('все')
Несов.	<i>porozsívat</i>	Дистрибутивность ('то здесь, то там').
Сов.	<i>pouhásnouti</i>	Частичность ('немного')
Несов.	<i>pouhásinati</i>	Дистрибутивность ('постепенно').
Сов.	<i>poukliditi</i>	Частичность ('немного')
Несов.	<i>pouklízeti</i>	Дистрибутивность ('то здесь, то там').
Сов.	<i>poumlknouti</i>	Частичность (температуральное значение 'на некоторое время').
Несов.	<i>poumlkati</i>	Дистрибутивность ('постепенно').
Сов.	<i>pousnouti</i>	Дистрибутивность
Несов.	<i>pousínati</i>	Частичность
Сов.	<i>povyskákat</i>	Дистрибутивность
Несов.	<i>povyskakovati</i>	Частичность
Несов.	<i>pozastrkávati</i>	Дистрибутивность
Сов.	<i>pozastřít</i>	Частичность
Сов.	<i>popolehati</i>	Дистрибутивность
Несов.	<i>popoléhati</i>	Частичность
Сов.	<i>porozptýgliti</i>	Частичность
Несов.	<i>porozptylovati</i>	Дистрибутивность

Итак, в одной и той же лексеме, выступавшей до этого в одном и том же значении в каждой из видовых форм, с течением времени, вследствие постоянного действия в языке уже упоминавшихся двух противоположных тенденций, происходит распад лексического единства: каждый член видовой пары получает свое особое значение, а это в свою очередь ведет к распаду данной видовой пары и к образованию

в лексической системе чешского языка двух различных слов. Хотя обе формы (совершенного и несовершенного вида) и продолжают внешне поддерживать коррелятивные видовые отношения, в действительности такая корреляция является уже мнимой, ибо каждый член видовой пары по существу является самостоятельной лексической единицей и лишен видового коррелята, т. е. глагол совершенного вида не имеет видовой пары несовершенного вида, а у глагола несовершенного вида отсутствует коррелят совершенного вида. Со временем, разумеется, каждый член бывшей коррелятивной пары может образовать самостоятельную видовую пару.

Кроме случаев, когда распад видовой соотносительности приводит к появлению лексической дифференциации, среди глаголов с вторичной приставкой *po-* немало примеров, когда у двувидового глагола также происходит семантическая дифференциация, т. е. когда за каждым видовым значением одной и той же лексемы закрепляется какое-нибудь одно определенное значение.

Совершенный вид

pospravovati ('vykonati menší správky')
Už dávno měla všecko pošito, pospravovaná (A. Mrštík).

povylétnouti ('postupně vyletěti'):

Vše, co kdy žilo, rozpoutalo se, povylétnulo ze vzpomínek (R. Svobodová).
pouklízeti ('dokončiti uklízení'):

Pouklízela nádobí («Lidové noviny»).

porozsívati ('postupně rozsíti'):

Porozsívání děteliny nejlépe jest k jaru (Wiegand).

Несовершенный вид

pospravovati ('připravovati')
Havlíčková obsluhovala pec, rozpouštěla máslo a pospravovala holoubátká (V. Mrštík).

povylétnouti ('trochu vyletovati'): *Časem povylétá [kavka] na zábradlí* (Lumír).

pouklízeti ('sem tam poklázet'): *Pořád měla co pouklízet* (Hálek).

porozsívati ('sem tam rozsívat'): *Zoře šarlat porozsíva* (Sušil).

Так как здесь нет полной идентичности грамматических форм, а имеется лишь совпадение звуковых оболочек и некоторых грамматических категорий (оба слова относятся к одной и той же части речи и т. п.), то такие случаи, очевидно, следует рассматривать как примеры частичной омонимии.

Если в первом случае (тип *porozkvéstti* // *porozkvétnuti*) произошел распад видовой пары двух словоформ, то во втором случае такое же явление наблюдается у глаголов, сочетающих значение обоих видов в одной форме. Важно, что результаты этих двух случаев совершенно одинаковы: и здесь, и там происходит образование одновидовых глаголов и появление новых лексических единиц в языке.

Тенденция к лексической дифференциации наблюдается не только в пределах видовых пар, но и в рамках одного и того же вида. В этом случае дифференциация идет уже не по видовой (аспектной) линии, а по линии характера или образа глагольного действия (*Aktionsart*). Вторичная приставка *po-* в глаголах, принадлежащих к различным по характеру глагольного действия типам (но одного и того же глагольного вида), получает различные смысловые значения. Ср.: *poodhodit*

(однократное действие) и *poodházeti* (многократное действие), *poodsednouti* (однократное действие) и *poodsaditi* (многократное действие) и др.

Наконец, лексическая дифференциация наблюдается так же у некоторых глаголов-дублетов, у которых нет различий ни по образу глагольного действия, ни по глагольному виду, но которые отличаются друг от друга способом образования совершенного вида.

Глаголы с дистрибутивным значением

povymetati:
Já všecky koutečky povymetala (Holeček).

povytahati:
Já sem všechno smetí povytahal (Havlíček).

Глаголы со значением частности

povyměsti:
Musí Bůh všemohoucí někdy koštiskem svět povyměst i (Winter)

povytáhnouti:
Povytáhla hlavu z kožešinového límce (F. Svoboda).

Вышеприведенный материал позволяет сделать следующие краткие выводы:

1. Образования с вторичной приставкой *ro-* занимают особое место в системе глагольного словоизводства современного чешского языка, являясь очень продуктивной и быстро увеличивающейся группой среди глаголов с двумя приставками.

2. У глаголов с вторичной приставкой *ro-* имеются словообразовательные типы различной степени продуктивности, которая определяется целым рядом факторов (количество образований и новообразований с первичной приставкой, сочетаемость вторичной и первичной приставок, семантика глагольной основы и т. д.).

3. В отличие от других славянских языков, где вторичная приставка выступает как средство эмоционально-экспрессивной окрашенности, образования с вторичной приставкой *ro-* в чешском литературном языке лишены этой особенности и в абсолютном большинстве в стилистическом отношении являются нейтральными.

4. Смысловая функция вторичной приставки *ro-* состоит в том, чтобы придать глаголу дополнительное лексическое значение. Основная масса глаголов с *ro-* выражает частичность действия, реже встречаются глаголы со значением дистрибутивности; другие значения окказиональны и встречаются спорадически. В связи с тем, что частичность и дистрибутивность — значения противоположные, в кругу глаголов с вторичной приставкой *ro-* наблюдается развитие лексических омонимов.

5. Процесс окончательного становления категории дистрибутивности и частичности с вторичной приставкой *ro-* нельзя считать завершенным, свидетельством чего являются многочисленные примеры неразграничения этих значений без помощи контекста.

6. Грамматические функции вторичной приставки *ro-* разнообразны: наряду с примерами, когда *ro-* изменяет вид (несовершенный в совершенный), немало примеров, когда *ro-* в видовом отношении ничего не выражает, обогащая глагол лишь семантически.

7. Интенсивный процесс образования двухприставочных глаголов с *ro-* приводит (вследствие частой сочетаемости определенных приставок в потоке речи) к возникновению двойных приставок (ср. *roz-*) — явление, бывшее и в истории других славянских языков (ср. русск. префикс *обез-/обес-, недо-*). Так, например, в чешском языке есть глаголы

ulétati (*Těžkým letem uletala vrána.* — Jirásek) и *pozulétati* (*Ptáci pozulétali.* — «Literární listy»), но нет глагола *zulétati*. Следовательно, глагол *pozulétati* образован от одноприставочного глагола *ulétati* посредством двойной приставки *poz-*. Другой пример: *usínati* // *pozusínati*, но нет формы *zusínati* (*Spokojně usínal.* — Jirásek; *Květiny odkvetou, vůně pozusíná.* — R. Svobodová). Итак, вместо глаголов с двумя приставками намечается определенная тенденция к развитию глаголов с двойными приставками³².

8. Система глаголов с вторичными приставками в литературном языке, по-видимому отличается от таких же систем в народно-разговорной и диалектной речи. Сравнительное изучение этих систем (с привлечением материала из других славянских языков), позволит сделать некоторые более общие выводы об особенностях славянского глаголо-производства.

9. Академик В. В. Виноградов писал: «... В реальной истории языка грамматические и лексические формы и значения органически связаны, постепенно влияют друг на друга. Поэтому изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны, без учета взаимодействия лексических и грамматических значений невозможно»³³.

Анализ чешских глаголов с вторичной приставкой *po-* лишний раз подтверждает правильность данного положения. Диистрибутивность и частичность у этих глаголов следует рассматривать как явления, которые стоят на грани между лексическим словообразованием и грамматическим формообразованием³⁴.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Čap. — K. Čapek. *Hordubal*. Praha, 1958.
Greg. — A. Gregor. *Slovník nářečí slavkovsko-bučovického*. Praha — Brno, 1959.
Haš. — J. Hašek. *Osudy dobrého vojáka Švejka*. I—II. Praha, 1955.
Herr. U. — J. Herrmann. *U sněděného kramu*. Praha, 1922.
Kelln., II — A. Kellner. *Východolašská nářečí*. II. Brno, 1949.
Lamp. — A. Lamprecht. *Středočeské nářečí*. Praha, 1953.
Majer. H. — M. Majerová. *Havířská balada*. Praha, 1955.
Majer. S. — M. Majerová. *Siréna*. Praha, 1954.
Otč. R. — J. Otčenášek. *Romeo, Julie a tma*. Praha, 1960.
Otč. Br. — J. Otčenášek. *Občan Brych*. Praha, 1958.
Otč. — J. Otčenášek. *Plným krokem*. Praha, 1953.
Pluh. — Z. Pluhář. *Opustiš-li mne*. Praha, 1960.
Řez. P. — V. Řezáč. *Poplach v kovářské uličce*. Praha, 1955.
T. Svat. B. — T. Svatopluk. *Botosrost*. Moskva, 1951.
T. Svat. D. — T. Svatopluk. *Dům v Betlémské*. Praha, 1959.

³² Данный процесс происходит, по-видимому, очень интенсивно в живом языке, особенно в диалектной речи;ср.: *pozdonašet* (*K sfátku ji pozdonášeli gdeco.* — Greg.); *pozrostískati* (*Ze zlosti pozrostískal gdejaký hrnec f kuchiňi.* — Greg.); *pozuklízeti* (*Pozuklíze te honem stodolu.* — Greg.); *pozut'ekati* (*Přet cigánama pozut'ekali d'cka do lesa.* — Greg.); *pozvinášet* (*Ze seknice fšecko našup při ohňu pozvinášeli.* — (Greg.); *pozvítávati* (*Pozvítávali se známéch.* — Greg.); *pozučekati* (*Pozučekali do lesa.* — Kelln., II); *pozutrhnovati* (*Pozutrhnovali nožyčky.* — Lampr.).

³³ В. Б. Виноградов. Русский язык. М.—Л., Учпедгиз, 1947, стр. 7.

³⁴ См.: А. В. Исаченко, Указ. соч., стр. 220.

A. Г. ШИРОКОВА

(Москва)

О КАТЕГОРИИ МНОГОКРАТНОСТИ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Задачей данной статьи является освещение двух вопросов, на первый взгляд, может быть, и мало связанных друг с другом: установление возможностей образования форм маркированных многократных глаголов и определение характера категории многократности в современном чешском языке.

Значению и употреблению форм маркированных многократных глаголов в чешском языке посвящена довольно интересная литература. Однако и в общих работах, и в специальных исследованиях внимание ученых сосредоточивалось на анализе значения форм маркированных многократных глаголов, а также на том, можно ли считать многократность грамматической категорией и входит ли она в категорию вида. Большая часть исследователей пришла к убеждению, что категория многократности в чешском языке является категорией грамматической¹. Отдельные исследователи, в числе которых следует назвать проф. А. В. Исащенко² и доктора М. Докулима³, считают, что категория многократности в чешском языке ближе к словообразованию и лексике. В данной статье мы не будем касаться более старой чешской литературы по этому вопросу, а также литературы, посвященной категории многократности в других славянских языках⁴.

¹ Fr. Trávníček. *Mluvnice spisovné češtiny*, II. Praha, 1958, стр. 1321; Его же. *Studie o českém vidu slovesném*. Praha, 1923; Fr. Kopečný. *Základy české skladby*. Praha, 1958, стр. 99; Его же. *Dva příspěvky k vidu a času v češtině*. SaS, г. X, 1948, стр. 151—158; Его же. *K neaktuálnímu významu koncových sloves v češtině*. SaS, г. XI 1949, стр. 64—68 IV. Polda u f. Atemporálnost jako gramatická kategorie českého slovesa. SaS, г. XI, 1949, стр. 121—132. V. Bargstová. *K násobenosti slovesného děje*. «Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české», I. Praha, 1956, стр. 119.

² А. В. Исащенко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со славянским. Морфология, ч. II. Братислава, 1960, стр. 273—279; его же. *Slovesný vid, slovesná akce a obecný charakter slovesného děje*. SaS, г. XX, 1960.

³ M. Dokulil. *K otázce morfologických protikladů*. SaS, г. XIX, ч. 2, 1958.

⁴ В. Г. Барановская. Из истории многократных глагольных форм в русском языке. (Канд. дисс.); М., 1956. Е. А. Иванчикова. Употребление многократных бесприставочных глаголов в русском литературном языке XIX века. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», IV, 1957; І. І. Ковалик. Структурні типи многократних дієслів в українській мові в порівнянні з іншими слов'янськими мовами. — «Питання слов'янського мово-занавства», кн. 2. Львів, 1949; І. І. Ковалик. Многократні дієслова в українській мові в порівнянні з іншими слов'янськими мовами (канд. дисс.), Львів, 1949; З. Н. Стракалова. К вопросу о многократных глаголах в современном польском языке. — «Ученые записки Ин-та славяноведения», т. XXIII. М., 1962. См. также соответствующие разделы в работах: S. Agrell. *Aspektänderung und Aktionsarbtbildung beim polnischen Zeitworte*. Lund, 1908. E. Koschmieder. *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie*. Wilno, 1934.

Анализ материала показал, что прежде чем обоснованно судить о характере категории многократности в чешском языке, совершенно необходимо определить возможности образования многократных глаголов от простых и приставочных имперфективов, с которыми признакомово многократные глаголы обнаруживают полную семантическую и морфологическую соотнесенность (*dělati* — *dělávatí*, *choditi* — *chodívati*, *křičeti* — *kříčivati*, *děkovati* — *děkovávatí*, *přicházeti* — *přicházívati*).

Общепризнанным является тот факт, что возможности образования многократных глаголов от соответствующих глаголов несовершенного вида в чешском языке почти неограничены и что многократные глаголы необычайно продуктивны. В самом общем виде эту мысль выразил проф. Исаченко: Многократная (литеративная) совершаемость... играет в системе словацкого или чешского глагола выдающуюся роль: почти к каждому простому глаголу несовершенного вида может быть образован многократный глагол типа: *čítat'* — *'čítavat'*, *hrát'* — *hrávat'*, *chodit'* — *chodievat'* *pracovat'* — *pracúvat'*; чешск.: *večeřet* — *večeřívat*, *dolovat* — *dolovávat* и т. п.», и далее: «... продуктивность образования многократных глаголов... [в чешском языке] ограничена лишь отчасти. Не образуют многократных глаголов простые глаголы с модальным значением, напр., слов. *chciet'*, *třebt'*, *musiet'*, *vediet'*... Замечательно, однако, что многократные глаголы свободно образуются от глагола *mat'* 'иметь', напр.: *V stredu mávame výborovú schôdzku*.

Образования многократных глаголов в словацком или чешском языках так продуктивны, что в литературе неоднократно высказывалась мысль о возможности включения многократных образований в систему глагольной парадигмы. Некоторые авторы склонны рассматривать многократные образования как особый многократный вид⁵.

Фр. Копечный, отмечая регулярную противопоставленность имперфективов и соответствующих им многократных образований типа *psát* — *psávat*, указывал, правда, на некоторые морфологические причины, ограничивающие образование многократных глаголов: формант *-va-* не принимают глаголы типа *tonout*, *vadnout*. У глагола *mosi(mohu)* отсутствие многократной параллели объясняется и семантическими причинами: этот глагол обозначает способность, которая сама по себе должна иметь характер обычности⁶.

Однако собранный нами материал (около 2000 извлечений из художественной литературы XIX и XX вв. и из современной периодической печати), а также обследование «Словаря литературного чешского языка» (том I)⁷, в котором были рассмотрены почти все глаголы несовершенного вида с точки зрения возможности образования от них многократных глаголов, позволяет прийти к выводу об ограниченной продуктивности многократных образований в современном чешском языке⁸.

Возможности образования и употребления многократных глаголов в чешском языке обусловлены целым рядом обстоятельств: 1) семантикой исходных глаголов несовершенного вида; 2) структурными особенностями исходных имперфективов, выступающих в качестве производящей основы; 3) их грамматическими особенностями (для определенных групп глаголов), 4) степенью освоенности заимствованного слова и сферой употребления исходного глагола несовершенного вида. Не-

⁵ А. В. Исащенко. Указ. соч., стр. 273 (включая сноску).

⁶ Fr. Kopečný. Základy..., стр. 105.

⁷ Slovník spisovného jazyka českého, I, A—M. Praha, 1960; в дальнейшем Sl. Sp. Стилистические пометы этого и других словарей, как правило, сохранились.

⁸ Мы не привлекали данных более старых чешских словарей, в которых многократные образования указываются чаще.

сомнена также зависимость от стилистических и жанровых особенностей произведений. Последний вопрос, однако, в рамках данной статьи рассматриваться не будет.

I. Семантические ограничения. Анализ различных семантических групп глаголов позволяет прийти к выводу о наличии семантических ограничений, являющихся препятствием для образования маркированных глаголов со значением многократности.

1. Многократных образований не имеет обширная семантическая группа глаголов со значением «становиться каким-либо или чем-либо», выражающая изменение состояния, переход из одного состояния в другое.

а) Наиболее последовательно это представлено у глаголов на *-nou*, у которых, наряду с семантикой, многократным образованиям противится и сама структура глагола (об этом см. ниже, во втором разделе).

В обследованной литературе не встретилось ни одного примера многократных образований от указанной группы глаголов. Это же подтверждают и данные «Словаря литературного чешского языка», где ни при одном глаголе несовершенного вида со значением «становиться каким-либо, чем-либо» не указываются производные от них многократные глаголы. Например: *hasnouti* 1. ‘угасать, гаснуть, переставать гореть, светить’, 2. ‘терять блеск, живость красок’, 3. ‘кончать, прекращать’⁹, *hloupnouti* 1. ‘глупеть, становиться глупым’, 2. ‘неразумно вести себя’, *hluchnouti* ‘становиться глухим, терять слух’, *houstnouti* ‘становиться густым, более густым, частым’, *hypnouti* ‘гибнуть, погибать, переставать существовать’, *chabnouti* ‘слабеть, ослабевать, становиться слабым’, *chudnouti* 1. ‘становиться бедным, нищать’, 2. ‘худеть’, *těknouti* 1. становиться мягким, 2. становиться мягким, уступчивым’, *mládnouti* ‘становиться молодым, молодеть’, *tloustnouti* ‘становиться толстым, толстеть’; ср. также *blbnouti*, *blednouti*, *bohatnouti*, *chřadnouti*, *hnědnouti*, *tuhnouti*, *mrznouti*, *vadnouti*, *tvrđnouti*, *hrubnouti*, *slábnouti*, *váznouti*, *stydnouti*, *trhnouti*, *křehnouti*, *hořknouti*, и др.

Список подобных глаголов можно свободно увеличить, однако общая картина от этого не изменится.

Совершенно очевидно, что основным препятствием для образования многократных глаголов в пределах данной группы является семантика простых имперфективных глаголов. Если считать, что общим значением многократных глаголов является раздельно-кратная повторяемость процесса¹⁰, то становится ясно, что семантика глаголов, выражающих постепенный, непрерывный переход из одного состояния в другое, находится в противоречии со значением повторной кратности. Процессный характер переходных состояний не совместим с основным значением многократности. Действительно, нельзя представить, что постепенно развивающиеся процессы, выражаемые глаголами типа *mládnouti* ‘молодеть, становиться молодым’, *tvrdnouti* ‘становиться твердым, твердеть, черстветь’ прерываются, расчленяются и повторяются.

б) Но если у приведенных выше и подобных им глаголов несовершенного вида на *-nouti* внутренние, семантические ограничения находят поддержку и в области форм, то глаголы иной словообразовательной структуры, но той же семантики являются красноречивым свидетельством того, что семантика исходного имперфектива может вступать в противоречие со значениями, выражаемыми маркированными многократными глаголами, и выступать в качестве препятствия для образо-

⁹ Перевод и толкование значений дается в соответствии с данными, содержащимися в «Словаре литературного чешского языка» и в «Чешско-русском словаре» А. И. Павловича (М., 1959). Как правило, указываются лишь основные значения.

¹⁰ Кроме указанного, многократные глаголы в различных грамматических формах могут выражать и другие значения. Об этом см. ниже.

вания последних. Речь идет о глаголах на *-eti* (-ěti), которые при обозначении конкретных действий легко дают многократные образования: *večeřeti*—*večeřívatī* 'ужинать', *procházeti se*—*procházivati se* 'прогуливаться', *slyšeti*—*slýšivati* 'слышать', *křičeti*—*křičívati* 'кричать', *vraceti se*—*vracívatī se* 'возвращаться' и др.

Однако глаголы на *-eti* (-ěti), обозначающие переход из одного состояния в другое и выраждающие значения «становиться каким-либо или чем-либо», многократных образований не имеют. Например: *mohutněti* 'становиться сильным, усиливаться' *touidřeti* 'становиться умным, мудрым', *hubeněti* 'становиться худым, худеть', *liknavěti* 'становиться вялым, медленительным', *krásněti* 'становиться красивым, хорошеть', *jedovatěti* 'становиться ядовитым, язвительным', *kameněti* 'окаменевать, застывать, становиться нечувствительным', *trouchnivěti* 'гнить, трухляветь, становиться трухлявым', *uhelnatěti* 'обугливаться, превращаться в уголь'; Ср. также: *horoucněti*, *kulatěti*, *křehčeti*, *jemněti*, *cereněti*, *dřevěněti*, *drsněti*, *divočeti*, *korovatěti*, *bahněti*, *mosněti*, *kornalěti*, *košatěti*, *fialověti*, *mužněti*, *ledovatěti*, *červivěti*, *smutněti*, *koprněti*, *choulostivěti*, *popelněti*, *práchnivěti*, *rezavěti*, *řeřavěti*, *šedivěti*, *vápenatěti*, *vážněti*, *vetšeti*, *vodnatěti*, *vroucněti* и др.

В) Глаголы на *-iti*, структура которых позволяет иметь большое количество многократных образований, в тех случаях, когда они имеют значение «быть, становиться каким-либо», также не имеют многократных форм, например: *bahniti se* 'заболачиваться, становиться болотистым', *mdliti se* 'значительно уменьшать свои размеры, убывать', *mláiti* 'становиться вялым, слабым, слабеть', *hrbatiti se* 'быть, становиться горбатым', *hlušiti se* 'становиться глухим, слабеть', *bláiti* 'становиться грязным, вязким', *bachratiti se* 'быть, становиться пузатым' и др.

г) Сказанное относится и к глаголам на *-ovati*, выражающим процесс постепенного перехода, становления, превращения: *etancipovati*, *centralizovati*, *demokratizovati*, *aklimatizovati se*, *elektrizovati*, *demoralizovati*.

Однако следует оговориться, что некоторые глаголы на *-ati*, обозначающие изменение состояния, могут иметь многократные образования. Например: *bělati*—*bělavati* 'белеть, становиться белым', *bělati se*—*bělavitī se* 'белеться', *modrati*—*modrávati* 'голубеть, становиться голубым', *modrati se*—*modrávati se* 'казаться голубым, иметь голубой цвет', *černati*—*černávati* 'становиться черным, чернеть', *černati se*—*černávati se* 'чернеться'.

То обстоятельство, что у глаголов на *-ati* имеются признаково-многократные формы, объясняется, с одной стороны, тем, что кроме значения «становиться каким-либо» они имеют значение «выступать в каком-либо качестве» ('белеть', 'голубеть', 'иметь голубой цвет'). Выражение длительного состояния и процесса (не переходного!) — одно из значений многократных глаголов, особенно отчетливо проявляющееся в формах прошедшего времени. С другой стороны, наличие многократных образований у глаголов типа *černati* можно объяснить также чрезвычайной структурной продуктивностью глаголов на *-ati* (*dělati*—*dělavati*), что, несомненно, свидетельствует о взаимосвязи структуры первичных глаголов несовершенного вида и производных от них многократных образований.

Нельзя, конечно, отрицать возможность и даже необходимость выражения повторяемости состояний и процессов в целом у всей группы рассматриваемых глаголов, однако такая необходимость при данном лексическом значении в языковой практике проявляется очень редко. Кроме того, она может быть выражена различными лексическими средствами (обстоятельствами, обстоятельственными выражениями, союзами, союзными речениями).

2. Многократных образований не имеет также обширная, постоянно пополняющаяся семантическая группа глаголов со значением «быть

кем-либо», «выполнять какие-либо функции», «заниматься каким-либо ремеслом». Ср. примеры: *ministrovat* 'исполнять функции министра, быть министром', *profesorovat* 'исполнять обязанности профессора, быть профессором', *poslancovat* 'быть депутатом, исполнять обязанности депутата', *kanceléřovat* 'быть канцлером, исполнять обязанности канцлера', *ředitelovat* 'быть директором, директорствовать', *předsedovat* 'быть председателем, председательствовать', *šoférovat* 'быть шофером, водить машину', *učitelovat* 'быть учителем, учительствовать', *tajemníkovat* (редко) 'быть, работать секретарем', *novinářit* 'быть журналистом', **sládkovat* 'быть пивоваром', *kovařit* 'быть кузнецом', 'заниматься кузнечным делом; *pisařit* 'быть писцом, писарем', *administrovat* 'быть администратором', *cestařit* 'быть дорожным мастером', *pekařit* 'быть, работать пекарем', *hrobařit* 'быть могильщиком, работать в качестве могильщика', *řezničit* 'работать мясником', *kramářit* 'быть лавочником', *včelařit* 'быть пчеловодом, заниматься пчеловодством'.

Почти все глаголы этой семантической группы характеризуются принадлежностью к народной, разговорной, фамильярной речи (особенно глаголы на *-aři-*, *-niči-*). Некоторые из них имеют пейоративный характер. Ср. *obchodničit* (презр.) 'торговать, быть торговцем', *uderničit* (презр.) 'быть ударником', *kircovat* (презр.) 'торговать', *ševcovat* (разг.) 'быть сапожником, сапожничать', *krejčovat* (нар.) 'портняжничать', *sochařit* (экспр.) 'быть скульптором' и др.

К указанной выше семантической группе очень близко примыкают глаголы со значением «заниматься деятельностью, характерной для лица, названного в основе глагола»: *šmelinařit* 'спекулировать', *lichvařit* 'заниматься ростовщичеством', *hosporařit* 'заниматься хозяйством, вести хозяйство, хозяйствничать', *hostovat* 'гастролировать', *kolaborantovat* 'сотрудничать' (с оккупантами) и др.

Хотя в структурном отношении указанные группы глаголов отличаются относительным разнообразием суффиксов (*-ova-*, *-i-*, *-aři-*, *-niči-*), однако ни один из них не выступает в качестве препятствия для образования многократных глаголов. Очевидно, что семантика приведенных и подобных глаголов выступает ограничительным моментом при образовании многократных форм, так как значение раздельной кратности несовместимо со значением, выражющим постоянный род занятий, профессию, выполняемые функции. Кроме того, оттенок повторяемости действий и процессов отчасти заложен в самой семантике указанных групп глаголов «постоянно заниматься чем-либо, постоянно выполнять какие-либо обязанности, функции».

Таким образом, лексическое содержание самих глаголов как бы противится образованию маркированных многократных форм.

3. Весьма ограничена также возможность многократных образований от глаголов, общее значение которых «вести себя так, как на это указывает производящая основа простого, имперфективного глагола», например: *opřít se* 'обезьянничать', *rapouškovat* 'повторять за кем-либо, попугайничать', *lenošit* 'лентяйничать' (т. е. вести себя как *lenoch* 'лентяй'), *kočkovat se* 'драться' (гл. обр. о детях), *kohoutit se* 'петушиться', *chytračit* 'хитрить' (т. е. вести себя подобно хитрецу), *samotařit* 'живь отшельником, в одиночестве', *patronovat* 'покровительствовать, шефствовать' (т. е. вести себя как патрон, как шеф), *rylčovat* 'вести себя подобно рыцарю', *soupeřit* 'соперничать'. К указанной семантической группе относится большое количество глаголов, являющихся принадлежностью народной и разговорной речи, а также глаголы экспрессивного характера: *lampačit*, *kouzelníčit*, *loutkařit*, *darebačit*, *fanoškovat*, *šaškovat*, *politikařit*, *novotařit* и др.

Процессы, обозначаемые глаголами указанной семантической группы, связаны с поведением лиц, с характеристикой совершаемых ими

действий, которые представляются обычными, свойственными этим лицам. Таким образом, лексическое значение глаголов данной группы находится в противоречии с основным значением многократных глаголов — указанием на раздельно-кратную повторяемость процесса. Однако они выражают одно из частных значений многократных глаголов: значение обычного, постоянного, узуального действия или процесса.

Таким образом, обширные семантические группы глаголов, характеризующие род занятий, профессию, ремесло, образ жизни и поведение человека, многократных образований не имеют.

4. Группа глаголов со значением «снабжать предмет чем-либо» или «как-либо воздействовать на предмет веществом, названным в основе глагола» не дает регулярных многократных образований. Например: *mřížkovat* — *mřížovat* 'ставить решетку' и 'графить', *lemovat* 'окаймлять, оторачивать' ('снабжать каймой'), *dechťovat* 'смолить', *cukrovat* 'посыпать сахаром', *olejovat* 'промасливать', *plotit* 'огораживать забором', *smolit* 'смолить', *solit* 'солить', *perřít* 'перчить', *voštít* — *voskovat* 'натирать воском', *kořenit* 'приправлять кореньями', *kvasit* 'заквашивать', *mastit* 'заправлять маслом', *škrobit* 'крахмалить', *pentlit* 'украшать лентами', *rámovat* 'вставлять в раму' и др.

Неспособность глаголов данной семантической группы давать регулярные многократные образования объясняется, по-видимому, тем, что они в большинстве случаев обозначают действия одноактные, нечленимые, хотя, может быть, и повторяющиеся.

5. Глаголы, выражающие различные модальные значения, также почти не имеют многократных образований: *mosci* 'мочь', *věděti* 'знать', *smíti* 'сметь', *dáti se (do něčeho)* 'взяться, приняться (за что-либо)', *ráčiti* 'изволить', *dáti si (něco udělat)* 'заказать, отдать (себе что-либо сделять)'.

Глагол *míti* имеет многократную форму *mívatí*; которая необычайно часто встречается в языке даже в составе фразеологических выражений. В художественной литературе XIX в. нам встретились многократные образования от глаголов *musiti* — *musívatí* 'долженствовать', *chtítí* — *chtívati* 'хотеть', *hoditi se* — *hodívati se* 'годиться'.

Приведенный далеко не полный перечень семантических ограничений свидетельствует о том, что не все глаголы несовершенного вида могут иметь многократные образования.

II. Структурные ограничения. 1. Кроме семантических ограничений следует указать на некоторые структурные ограничения, препятствующие образованию многократных глаголов.

Так, например, структура глаголов на *-nouti* является безусловным препятствием для образования признаков многократных форм. Кроме большой группы глаголов, обозначающих изменение состояния, глаголы на *-nouti* могут обозначать различные действия и состояния, членимость и повторяемость которых легко себе представить. Однако и в этих случаях многократные образования в литературе как правило не встречаются и словарями обычно не фиксируются. Ср. *kanouti* 'капать, стекать' (*slzy kanou*), *lnouti* 'льнуть', *lesknouti se* 'блестеть, сверкать', *vnouti* 'веять, дуть', *klnouti* 'ругать, проклинать', *vinouti* 'вить, мотать', *kypouti* 'подниматься' (о тесте), 'махать' (рукой) и др.

Глаголы с подобной же семантикой, но иной словообразовательной структуры свободно образуют многократные формы: *foukati* 'дуть' — *foukávatí*, *karati* 'капать' — *karávatí* и т. д.

Очевидно, характер глагольной основы на *-nou-* представляет известное неудобство для словообразования. Отмеченное структурное препятствие, казалось бы, снимает положение о внутренних, семантических ограничениях у глаголов переходного состояния на *-nouti*. Однако нам представляется, что структурный момент лишь поддерживает и усиливает

вает то основное препятствие, которое содержится в семантике этих глаголов. Это доказывается, с одной стороны, тем, что глаголы иной словообразовательной структуры, но той же семантики (*krásněti*, *bláti se*, *chátrati*, *krystalizovati se*) многократных образований также не имеют, с другой стороны, тем, что от основы на *-nouti* в случае необходимости могут быть образованы новые слова.

Так, в словарях и в литературе встречаются отдельные примеры многократных образований от глаголов на *-nouti* (не обозначающих перехода из одного состояния в другое!): *Mrzávalo*, *až šindele bouchaly*, *jako když střílí* (*Rais*), — от глагола *mrznouti* 'мерзнуть' образован *mrzávati*. Кроме того, при помощи суффикса *-áva-* от приставочных перфективных глаголов образуются соответствующие имперфективы, т. е. в принципе к основе глаголов на *-nouti* возможно присоединение суффикса *-áva-* (*sklouznouti* — *sklouzávati*, *nabodnouti* — *nabodávati*, *podtrhnouti* — *podtrhávati*). Это является безусловным свидетельством того, что при наличии структурных «неудобств» решающими являются все-таки препятствия семантического характера. Следовательно, ограничиться лишь указанием на структурные препятствия, без учета семантики глаголов, нам представляется неверным, тем более что большая часть глаголов несовершенного вида на *-nouti* обозначает изменение состояния и только незначительная их часть имеет другие значения.

2. Небезынтересна в этом отношении группа двусложных глаголов, основа настоящего и прошедшего времени которых равна корню на согласный. Из указанной группы следует исключить глаголы движения, представляющие соотносительные ряды образований глаголов так называемого определенного и неопределенного движения: *néstí* — *nosítí*, *vésti* — *vodítí*, *vézti* — *vozítí*, *jeti* — *jezdítí* и под.

К глаголам неопределенного движения имеются регулярные многократные образования: *nosítí* — *nosívati*, *chodítí* — *chodívati*, *jezdítí* — *jezdívati*, *vodítí* — *vodívati* и др.

Прочие глаголы с основой на согласный либо совсем не дают многократных образований, либо дают нерегулярные, редкие образования, характеризующие индивидуальное употребление.

Многократных образований не имеют следующие глаголы: *másti* 'приводить в смятение', 'путать', 'вводить в заблуждение', *klásti* 'класть, укладывать', *klásti se*, 'умещаться, укладываться', *kláti* (устар.) 'колоть', *hnísti* 1. 'мять, месить' (тесто), 2. 'мучить', 'угнетать', *hnísti se* 'мучиться', *mříti* (*mru* || *mřu*) 'умирать', *méstí* (*metu*) 'мести, подметать', *mlítí* || *mléti* 1. 'молоть', 2. 'болтать', *krásti* (*kradu*) 'красть, воровать'.

У некоторых глаголов, основа инфинитива которых равна корню на гласный, многократные образования также отсутствуют: *krytí* 'крыть, покрывать, прикрывать', *výtí* 'выть' (о собаках, волках). «Настольный словарь чешского языка»¹¹ и «Словарь литературного чешского языка» в отдельных случаях фиксируют многократные образования у глаголов, основа прошедшего времени которых равна корню на согласный или гласный (реже), но обычно они помечаются как малоупотребительные (знак *), устаревшие (знак †), или же как характеризующие индивидуальное употребление: *téci* — **tékati* (PS), *lítí* — **lívati se* (Hol.), *růstí* — *růstávati*, *péci* — *pékati* — *pékávati*, *pástí* — *pásati* — *pásávati*, *přísti* — *přádati* — *přádavati*, *vítí* — *† víjeti*, *klíti* (*klejí*, *klel*) — **klívati* (Jir.), *vléci* — **vlékati*.

Приведенные глаголы представляют собой весьма немногочисленную и непродуктивную группу глаголов самой различной семантики. Большей частью эти глаголы обозначают конкретные действия, которые

¹¹ Příruční slovník jazyka českého. Vydává Československá Akademie věd. Praha, 1935—1957; в дальнейшем PS.

легко себе представить членными и повторяющимися. Отдельные глаголы, обозначающие переходное состояние, естественно, не могут иметь многократных форм (например, *hníti*, *mříti*).

Однако важно отметить, что при производстве многократных глаголов структурный момент может выступать в качестве ограничителя.

3. При производстве многократных глаголов (особенно определенных семантических групп) известную роль играет и то обстоятельство, является ли исходный глагол несовершенного вида простым, бесприставочным, или приставочным.

Бесспорным является тот факт, что только от приставочных глаголов движения в чешском языке имеется довольно большое количество образований: *přicházeti* — *přicházívat*, *scházeti se* — *scházívat se*, *procházeti se* — *procházívat se*, *docházeti* — *docházívat*, *přinášeti* — *přinášívat*, *odnášeti* — *odnášívat*, *donášeti* — *donášívat*, *dopravázeti* — *dopravázívat*, *doháněti* — *dohánívat* и др. Подобные образования отмечаются словарями. Они довольно часто встречаются и в литературе.

Однако основная масса многократных глаголов представляет собой образования от бесприставочных имперфективов. У приставочных глаголов несовершенного вида «Словарь литературного чешского языка» редко указывает на наличие многократных образований. Их довольно мало и в наших примерах. Нельзя, конечно, отрицать возможности образования многократных форм от таких приставочных глаголов, как, например: *dohrávati* — *dohrávavát*, *donucovati* — *donucovavát*, *dodýchávati* — *dodýchávavát* и др. Однако потенциальная возможность образования многократных глаголов (особенно от глаголов, в основе которых уже имеется суффикс *-va-*) в языке недостаточно реализуется. На 1800 примеров, извлеченных из художественной литературы XIX и XX вв., приходится всего несколько случаев многократных образований от приставочных глаголов.

Исключение, как уже указывалось, представляют глаголы движения. Но и последние сочетаются, как правило, с такими приставками, которые имеют реальное пространственное значение: *při-* (*přicházíval*, *přinášíval*), *s-* (*scházíval se*), *ob-* (*obcházíval*), *do-* (*donášívat*, *dopravázívat*).

В наших экскерпциях имеется всего лишь один пример на переносное значение глагола движения, где приставка, естественно, утратила свой первоначальный, пространственный характер (*scházívat* — ‘недоставать, отсутствовать’), а глагол — значение многократности.

Фр. Копечный, касаясь формальной стороны многократных глаголов и определяя одновременно продуктивность словообразовательных типов, выделяет следующие типы многократных образований:¹²

а) непродуктивный тип: *vídám*, *slýchám*, *jídám*, *čítám* (в значении *čítávám*) с частыми новообразованиями по типу б: *vidávám*, (*vidívám*), *slýchávám* (*slyšívám*), *jídávám*, *čítávám* (*čtívám*);

б) продуктивный тип: *dělávám*, *bírávám*, *vybírávám*, *chodívám*, который в чешском языке встречается довольно часто (в сравнении с другими славянскими языками). Особенно распространен этот тип в народном языке;

в) наконец, продуктивный, но очень редко встречающийся тип многократных образований от приставочных имперфективов: *zapisovat* — *zapisovává*, *vydělávat* — *vydělávává*, *umývat* — *umývává*, а также от простых имперфективов на *-vat*: *marává*, *dávává*.

Как указывает далее Фр. Копечный, последний тип встречается довольно редко и обычно заменяется немаркированными имперфективами типа *vydělávat*, *zapisovat*, *umývat*, *dávat*, служащими производной основой для образования многократных глаголов. Причину подобного

¹² Fr. Kopečný. Dva příspěvky... стр. 153—154.

вытеснения маркированных многократных глаголов немаркированными имперфективами Фр. Копечный видит, с одной стороны, в том, что категория немаркированных глаголов имеет большую употребительность, с другой стороны, в том, что двойной суффикс *-vává-* придает глаголу аффективный характер. «Различие между типом *chodívá* и типом *chodívavá*, *chodívávává* скорее связано с аффективной стороной выражения, чем с какой-либо другой»¹³.

Отмеченное Фр. Копечным частое замещение маркированных многократных глаголов соответствующими имперфективами (приставочными и с суффиксом *-vá-*), а также малая употребительность многократных образований от названных выше глаголов является несомненным свидетельством существующих ограничений в образовании и употреблении маркированных многократных форм. Для нас, однако, остается не вполне ясным, на чем основывается утверждение Фр. Копечного о продуктивности образований типа *zapisovává*, *umývává*, *mávává*, так как мы не видим надежных критериев, которые бы помогли установить продуктивность образований данного типа. С точки зрения словаобразовательной данный тип представляет собой открытый ряд, который может пополняться новообразованиями. Однако мы уже указывали, что потенциальная возможность образования многократных глаголов от приставочных глаголов несовершенного вида в чешском языке недостаточно полно реализована. Поэтому в данном случае можно говорить лишь об ограниченной продуктивности.

Нельзя не учитывать также и то обстоятельство, на которое указывал сам Фр. Копечный в отношении глаголов с суффиксом *-va-* (тип *vydělávat* — *vydělázavávat*, *dávat* — *dávavat*). Присоединение второго суффикса *-va(váva)-* не только делает подобные многократные глаголы очень длинными и громоздкими, но и переводит их в разряд аффективных, что, собственно, и является причиной их частой замены соответствующими имперфективными образованиями. Следовательно, применительно к данной группе глаголов можно говорить о структурных и стилистических ограничениях, препятствующих образованию и употреблению маркированных многократных глаголов типа *vydělázavává*.

Таким образом, можно сказать, что в чешском языке основным типом соотношения является соотношение бесприставочного имперфектива с многократным глаголом. Соотношение приставочных форм менее продуктивно; оно в значительной мере ограничено узким кругом глаголов движения, сочетающихся с приставками, сохранившими свое прямое, первичное, пространственное значение.

III. Наличествующие в чешском языке многократные глаголы не во всех случаях обнаруживают лексическое тождество с соответствующими имперфективами. Большей частью многократные глаголы соотносятся с прямым, непереносным, наиболее конкретным значением имперфективного глагола. По приводимым в словарях примерам трудно установить, с каким значением исходного имперфектива соотносится соответствующий многократный глагол, особенно по Словарю литературного чешского языка, где многократные образования приводятся вне контекста. Однако литературные примеры содержат мало указаний на то, что многократные глаголы по своему значению соотносительны с вторичными, переносными, отвлеченными значениями глаголов несовершенного вида, выступающих в качестве производящей основы. Очень мало многократных глаголов (кроме *mívat*) выступает в составе фразеологических сочетаний, в идиоматических оборотах.

Сама возможность образования многократных глаголов от глаголов несовершенного вида, имеющих отвлеченное значение, более ограни-

¹³ Коребпуй. Там же, стр. 154.

чена, чем от глаголов конкретного физического действия или состояния. Основная масса извлеченных из литературы примеров свидетельствует об этом¹⁴.

IV. Кроме рассмотренных выше ограничений, серьезным препятствием для образования многократных глаголов может также быть степень употребительности и сфера функционирования того или иного глагола, давность его существования в языке.

Обращает на себя внимание тот факт, что многочисленные глаголы иностранного происхождения (заимствованные, а также образованные в чешском языке от иностранных основ) почти не имеют многократных образований. Так, из 560 глаголов иностранного происхождения, извлеченных нами из I тома Sl. Sp., отмечено только 9 многократных глаголов: *blokovati* — *blokovávati*, *agitovati* — *agitovávati*, *botanizovati* — *botanizovávati*, *diktovati* — *diktovávati*, *harcovati* — *harcovávati*, *komponovati* — *komponovávati*, *komandovati* — *komandovávati*, *boarovati* — *borovávati*, *ministrovati* — *ministrovávati* (последний глагол, несомненно, только со значением «прислуживать при богослужении»). При этом считаем нужным говорить, что глаголы малоупотребительные, снабженные значениями * и †, и глаголы, являющиеся принадлежностью экспрессивной речи, нами почти совсем не учитывались.

Глаголы иностранного происхождения входят в различные семантические группы. Некоторые из этих групп по своей семантике не могут иметь многократных образований. Это прежде всего глаголы, выражающие процессы становления, перехода из одного состояния в другое, глаголы, имеющие значение «делаться или делать каким-либо, чем-либо»: *aklimatizovati se*, *asimilovati(se)*, *kolektivizovati*, *byrokratizovati*, *elektrizovati*, *centralizovati*, *amerikanizovati*, *bolševizovati*, *industrializovati*, *barbarizovati*, *kapitalizovati* и др.

Многократных образований не имеют, также глаголы, выражающие значение «быть кем-либо, выполнять какие-либо функции, вести себя как-либо»: *administrovati* 'быть администратором, выполнять функции администратора', а также *profesorovati*, *ministrovati*, *děkanovati*, *faráro-vati*, *doktorovat* (нар.) и некоторые другие группы глаголов.

Однако семантика большей части глаголов иностранного происхождения не является препятствием для образования многократных форм. В своем большинстве указанные глаголы обозначают конкретные действия, различные процессы, повторяемость которых легко себе представить: Ср. *bombardovati*, *cementovati*, *diskutovati*, *filmovati*, *filosofovati*, *charakterizovati*, *konverzovati*, *kontrolovati*, *informovati* и др. Словообразовательная структура заимствованных и образованных от иностранных основ глаголов довольно однообразна (они почти все оформлены при помощи суффикса *-ova*) и не содержит особых препятствий для образования многократных форм. Ср. образования от собственно чешских глаголов: *pracovati* — *pracovávati*, *kupovati* — *kupovávati*, *bičovati* — *bičovávati*, *častovati* — *častovávati*.

В чем же причина крайней ограниченности многократных образований от глаголов иностранного происхождения?

Возможности образования многократных глаголов от глаголов иностранного происхождения обусловлены степенью их освоения чешским языком, их употребительностью и сферой функционирования. Так, многие иностранные глаголы являются принадлежностью специальной, технической терминологии, сфера их употребления ограничена определенными пластами лексики. Ср. *diagnozovati* (мед.) 'ставить диагноз', *frankovati* (спец.) 'оплачивать почтовые отправления', *katalogizovati* 'со-

¹⁴ Особого рассмотрения заслуживает глагол *bývati*, значение и употребление которого выходит за рамки многократности.

ставлять каталог', *exerpotati* 'выписывать', *galvanizovati* (техн., мед.) 'гальванизировать', *gumovati* 'прорезинивать', *amalgamovati* (хим.) 'соединять металл с ртутью', *koksovati* 'коксовать' (уголь)', *kalkulovati* 'калькулировать' и т. д.

Глаголы, являющиеся принадлежностью книжного языка, научной прозы, поэтической речи, а также характеризующие только профессиональные диалекты, т. е. глаголы, стилистически окрашенные, функционирование которых происходит в определенных рамках, многократных образований также в большинстве случаев не имеют (или имеют в ограниченном количестве), например: *konverzovati* (устар., разг.), *mordovat* (нар., эцср.), *melodizovati* (книжн.), *konspirovati* (книжн.), *konstatovati* (книжн.), *gruntovat* (нар.), *dokumentovati* (книжн.), *flámovat* (нар., презр.), *kooperovati* (книжн.).

В ряде случаев наряду с заимствованным глаголом в том же значении существует собственно чешский глагол, обычно более употребительный и так или иначе ограничивающий сферу употребления иностранного глагола, а тем самым и возможность образования от него многократных глаголов. Ср. *korespondovati* — *dopisovati si* 'переписываться', *k!asifikovati* — *třídit* 'классифицировать', *aprobovati* — *schvalovati* 'апробировать, одобрять', *analyzovati* — *rozbírat* 'анализировать', *asimilovati* — *přizpůsobovati* 'ассимилировать', *dedukovati* — *odvozovati* 'выводить, делать выводы', *eskortovati* — *dopravázet* 'сопровождать', *konstatovali* — *zjištovati* 'констатировать', 'устанавливать' и пр.

Однако многие иностранные глаголы в чешском языке очень употребительны, встречаются в различных сферах языка, имеют общенародный характер: *kontrolovati*, *diskutovati*, *informovati*, *fungovati*, *manifestovati*, *kritizovati*, *filmovati*, *existovati*.

Показателем фреквентности и употребительности в языке глаголов иностранного происхождения является их способность сочетаться с приставками. Ср. *aktivizovati*: z-, z- (se); *amerikanizovati*: po-, po- (se); *analyzovati*: roz-, vy-, z-; *debatovati*: na- (se), po- (si), pro-; *filosofovati*; do- (se), na- (si), po-, (si), pro-; vy-, za- (si); *formulovati*: pře-, z-, z- (se); *formovati*: pře-, z-, z- (se); *industrializovati*: pře-, z-; *konstruovati*: pro-, pře-, v-, vy-, z-; *individualizovati*: od-, od- (se), pře-, pře- (si), z-, z- (se); *diskutovati*: od-, po- (si), pro-; *byrokratizovati*: od-, ze-, b. (se)¹⁵

Как показывают приведенные примеры, многие глаголы иностранного происхождения свободно сочетаются с приставками и с возвратными компонентами *se* и *si*, что является свидетельством расширения их семантики и сферы употребления. Но даже те глаголы, которые в чешском языке «обросли» несколькими приставками, многократных образований почти не имеют. Причина этого заключается, по-видимому, не только в семантике и в степени употребительности многих глаголов иностранного происхождения, но и в грамматических особенностях этих глаголов. В ограничении производства многократных глаголов далеко не последнюю роль играет тот факт, что множество глаголов иностранного происхождения — двувидовые; их видовая характеристика в полной мере проявляется лишь в контексте или же при присоединении приставок (для глаголов совершенного вида), что возможно, однако, не у всех глаголов. То обстоятельство, что в сознании говорящих огромное количество глаголов иностранного происхождения связано не только с представлением несовершенности, незаконченности действия или процесса, но и с противоположными представлениями цельности, законченности и завершенности, является препятствием для образования многократных глаголов, которые в семантическом и структурном отношении соотносительны только с глаголами несовершенного

¹⁵ Примеры взяты из Sl. Sp.

вида. Следовательно, и чисто грамматический момент в совокупности с другими факторами может выступать в качестве ограничителя при образовании многократных глаголов.

Нам представляется также совершенно справедливым и вполне применимым к материалу чешского языка замечание акад. С. П. Обнорского, касающееся причин образования дублетных форм к иностранным глаголам на *-овать* в русском языке, нейтральным в видовом отношении: «...только в тех случаях, когда глагол имеет общее значение более или менее конкретного действия и когда нарочито имеется в виду выразить кратность этого действия (разрядка напа. — А. III.), в языке образуются соответствующие дублетные формы на *-ывать*: *арестовать — арестовывать* (несколько раз); см. также *организовывать, конфисковывать...*»¹⁶.

Можно полагать, что и в чешском языке образование отдельных многократных форм от глаголов иностранного происхождения объясняется не только употребительностью этих глаголов, но и их значением: они выражают более или менее конкретные действия, которые ситуационно могут быть представлены как повторяющиеся.

Таким образом, анализ структурных, семантических и прочих особенностей отдельных групп глаголов несовершенного вида позволяет прийти к выводу о том, что возможности образования маркированных многократных глаголов в современном чешском языке ограничены рядом обстоятельств.

1. К числу наиболее действенных ограничительных факторов следует отнести препятствия семантического характера.

Многократных образований не имеют:

а) большая семантическая группа глаголов со значением постепенного перехода от одного состояния к другому («становиться каким-либо, чем-либо»): *mládnouti, tlouštňouti, hubeněti, krásněti, trouchnivěti, hrbatiti se, mdlítí, chártrati, krystalizovati se*;

б) глаголы со значением «быть кем-либо, выполнять какие-либо функции», а также глаголы, обозначающие род деятельности, занятий, профессию: *mistrovat, kancléřovat, učitelovat, správcovat, pekařit, kovářit, ševcovat* и др.;

в) глаголы со значением «вести себя так, как на это указано в основе глагола», «выражать сходство с носителем имени, выраженным существительным, выступающим в качестве производящей основы»: *barbařit, lenošit, lajdačit, patronovat, parouškovat* и др.;

г) большая часть глаголов, выражающих модальные отношения (кроме *míti*).

2. Возможности образования многократных глаголов ограничены и характером структуры производящей основы:

а) многократных образований не могут иметь почти все глаголы на *-nouti*. Здесь, несомненно, находит свое выражение связь семантики и структуры (ср. *leknouti se, lnouti, klenouti, hrnouti se, drhnouti*);

б) большая часть глаголов, основа настоящего и прошедшего времени которых оканчивается на согласный, не имеет в литературном языке многократных образований; прощие многократные глаголы являются архаизмами и встречаются в индивидуальном употреблении, которое фиксирует PS: *másti, klásti, hnásti, krásti, mésti* и др.;

в) ограниченно дают многократные образования приставочные имперфективы, содержащие в своей структуре суффикс *-ova-*, а также бесприставочные глаголы на *-va-*: *vypisovávati, dávávati*.

3. В качестве ограничителя может до известной степени выступать и самый характер производящей основы: многократные глаголы чаще

¹⁶ С. П. Обнорский. Глагол *использовать — использовывать* в современном русском языке. — Сб. «Язык и мышление». М.—Л., 1935, № III—IV, стр. 157.

соотносятся с прямым, непереносным, конкретным значением соответствующего имперфектива. Случаи соотносительности с глаголами абстрактного, отвлеченного содержания более редки.

4. Ограничением для многократных образований может быть также степень и сфера употребительности тех или иных глаголов, объясняющаяся отчасти их происхождением (глаголы иностранного происхождения, а также глаголы, образованные от иностранных корней; глаголы, являющиеся принадлежностью специальной, профессиональной лексики).

5. Зависимость от жанровых и стилистических особенностей произведений при производстве многократных глаголов связана не столько с возможностями их образования, сколько с возможностями употребления уже существующих в языке глаголов. Тем не менее сразу же следует отметить, что в языке книжном, деловом, в научной прозе, в публицистике многократных образований значительно меньше, чем в языке живом, эмоциональном, экспрессивном, а также в языке народных песен, в пословицах и поговорках. В рамках данной статьи невозможно дать развернутое обоснование указанного положения. Оно должно следовать за анализом значений, выражаемых многократными глаголами, поэтому пока мы ограничимся самым общим выводом, который вытекает из нашего материала.

После выявления разного рода факторов, препятствующих производству многократных глаголов или в известной степени ограничивающих их образование, представляется целесообразным хотя бы в самом общем виде установить структурно-семантические типы продуктивных и непродуктивных многократных образований с учетом актуальности семантики и связанной с ней употребительности различных глагольных групп, а также с учетом структурных особенностей глаголов несовершенного вида, выступающих в качестве производящей основы при образовании маркированных многократных глаголов.

1. Наиболее свободно многократные образования дают глаголы, выражающие различные конкретные действия, прежде всего с основой на -a- или -i-:

а) *hráti* — *hrávati* 'играть', *psáti* — *psávati* 'писать', *sundati* — *sundávati* 'снимать', *plakati* — *plakávati* 'плакать', *kopati* — *kopávati* 'копать', *koupati se* — *kouřavati se* 'купаться';

б) *čistíti* — *čistívati* 'чистить', *tančiti* — *tančívati* 'танцевать', *kouřiti* — *kouřívati* 'курить', *kresliti* — *kreslívati* 'чертить', *brániti* — *bránívati* 'защищать' и др.

Частота употребления многократных форм этих глаголов в чешском языке значительна. При этом в каждой семантической группе можно отметить особо употребительные глаголы. В данной группе часто встречаются (особенно в форме прошедшего времени) глаголы: *psávati*, *hrávati*, *dělavati*, *brávati* и некоторые другие.

Значительно меньшую группу составляют глаголы той же семантической группы в основе на -eti (-ěti): *mizeti* — *mizívati* 'исчезать', *házetí* — *házívati* 'бросать', *kláneti se* — *klánívati se* 'кланяться', *večeřti* — *večeřívati* 'ужинать', *krájeti* — *krájírati* 'резать', *kácti* — *kácívati* 'рубить' и др. Указанное обстоятельство, несомненно, находится в прямой зависимости от семантики глаголов на -eti (-ěti), многие из которых, как указывалось выше, обозначают переход из одного состояния в другое (*krásněti*, *cervivěti*) и многократных форм вообще иметь не могут.

Еще меньшую группу составляют бесприставочные глаголы той же семантики с суффиксом -ova-. Из множества глаголов, извлеченных нами из литературы и из Sl. Sp., далеко не у всех глаголов на -ova- приводятся многократные образования. Многократные формы имеют наиболее употребительные глаголы с конкретной семантикой типа *bíčo-*

vati — *bíčovávati* 'бить, стегать', *malovati* — *malovávati* 'красить', 'рисовать', *častovati* — *častovávati* 'угощать', *listovati* — *listovávati* 'листать', *kupovati* — *kupovávati* 'покупать' и др.

Образования от других групп глаголов этой же семантики, но иной структуры, основа которых равна корню на гласный (реже на согласный), немногочисленны, так как с точки зрения словаобразовательной эти группы глаголов совершенно непродуктивны.

2. В отношении многократных образований очень продуктивны также группы глаголов говорения и звучания.

а) Глаголы говорения охватывают численно небольшую группу, но частота их употребления в языке необычайно велика. Это глаголы *říkati* — *říkávati* 'говорить', *volati* — *volávati* 'звать', *povídati* — *povídávati* 'рассказывать', *hovořiti* — *hovořívati* 'говорить', *tvrđiti* — *tvrdívati* 'твердить', 'утверждать', *ptáti se* — *ptávati se* 'спрашивать', *praviti* — *pravívati* 'говорить', *mluviti* — *mluvívati* 'говорить, разговаривать', *tázati se* — *tázávati se* 'спрашивать'. На 9 приведенных глаголов говорения у нас имеется 97 литературных примеров, в которых 38 раз встречается глагол *říkával* и 18 раз глагол *mluvíval*. Основа этих глаголов оканчивается либо на *-a* либо на *-i*, реже на *-ova-* (*besedovávati*).

б) Глаголы звучания в основном охватывают две структурные группы: глаголы на *-ati* и *-eti* (*-ěti*), например: *zpívatí* — *zpívávati* 'петь', *kokrhati* — *kokrhávati* 'кукарекать', *krákorati* — *krákorávati* 'каркать', *kašlati* — *kašlávati* 'кашлять', *klepati* — *klepávati* 'стучать', *mlaskati* — *mlaskávati* 'чавкать', *bublati* — *bublávati* 'булькать', *cinkati* — *cinkávati* 'звенеть', *křičeti* — *křičívati* 'кричать', *vrčeti* — *vrčívati* 'ворчать', *hučeti* — *hučívati* 'гудеть' и др.

Значительно меньшие группы составляют глаголы на *-ova-* и *-i-*. На употребление последних встретилось всего несколько примеров: *znítí* — *znívati* 'звучать', *bušíti* — *bušívati* 'сильно стучать', *harašiti* — *harašívati* 'шуршать, шуметь' *bubnovati* — *bubnovávati* 'барабанить' и некоторые другие.

3. Глаголы движения и перемещения в пространстве имеют большой удельный вес в системе многократных образований. По семантике, структурным особенностям и чрезвычайной употребительности особо выделяется группа глаголов движения, имеющая соотносительные пары — так называемые глаголы определенного и неопределенного движения: *néstí* — *nositi*, *vésti* — *voditi*, *vézti* — *voziti*, *hnáti* — *honiti*, *jítí* — *choditi*, *jeti* — *jezditi*, *letěti* — *létati*, *běžeti* — *běhati*.

Многократные формы, представленные от основ глаголов неопределенного движения, очень употребительны: *choditi* — *chodívati*, *vozit i* — *vozívati*, *jezditi* — *jezdívati* и др. Как уже указывалось, глаголы движения — это единственная семантическая группа, которая дает большое количество многократных образований от приставочных имперфективов: *přicházeti* — *přicházívati*, *přinášeti* — *přinášívati*, *dopravzeti* — *dopravzívati* и др. Это объясняется не только актуальностью семантики данной группы глаголов, но и тем, что при их образовании не получается нагромождения двойных суффиксов. Прочие непарные глаголы, обозначающие различные способы перемещения, чаще всего имеют основу на *-a*, *-i*, реже на *-e* (*-ě*) и совсем редко на *-ova-*. Ср.: *klusatí* — *klusávati* 'бежать рысью', *skákatí* — *skákávati* 'прыгать', *blouditi* — *bloudívati* 'бродить, блуждать', *bližiti se* — *bližívati se* 'приближаться', *vracetí* — *vracívati se* 'возвращаться' и др.

4. Многократные образования довольно широко представлены у глаголов душевного и физического состояния, умственной деятельности, волеизъявления, поведения, чувственного восприятия, «сложной» человеческой деятельности. Ср.: *sedati* — *sedávati* 'сидеть', *státi* — *slávati* 'стоять', *spáti* — *spávati* 'спать', *bydliti* — *bydlívati* 'живь', *čekati* — *čekávati*

'ждать', *cítiti* — *cítívatí* 'чувствовать', *sníti* — *snívatí* 'мечтать', *trpěti* — *trpívati* 'страдать', *milovati* — *milovávati* 'любить', *mysliti* — *myslíváti* 'думат', *zlobiti se* — *zlobívati se* 'сердиться', *litovati* — *litovávati* 'сожалеть', *bojovati* — *bojovávati* 'бороться', *budovati* — *budovávati* 'строить, создавать'.

Меньшая продуктивность многократных глаголов, выражающих состояние, умственную деятельность, волю и желание человека, по сравнению с глаголами конкретного действия объясняется тем, что во многих случаях выражаемые ими значения представляются не повторяющимися, членными, а длительными, протяженными во времени, отдаленными. Ср. несколько примеров, в которых значение кратности и повторности отсутствует: ...*bylo možno soudit*, že *pan Ryšanek býval blondinem* (Ner. Výb.) '...можно было полагать, что пан Рышанек был блондином'; ...*ty nás chceš zde opustit*, *kde já doufám nalézti*, *počem jsem dlouho již toužíval?* (Mácha. Pr.) '...ты хочешь нас покинуть здесь, где я надеюсь найти то, о чем я уже так долго мечтал?'; *Půjde krajinou pouhá pověst*, že *zde někdy stával hrad* (Jir. Psohl.) 'Пойдут по краю слухи, что здесь когда-то стоял замок'; *Byla citlivá, až litostlivá*. *Tak jsem ji znával před zatčením* (J. Fuč. Rep.) 'Она была чувствительной, даже жалостливой. Такой я знал ее перед арестом'; ...*já tě miluji více, než jsem svou matku milovával* (Ner. Výb.) '...я люблю тебя больше, чем любил свою мать'.

В приведенных и подобных предложениях речь может идти только о длительности, или же об относенности процесса к отдаленному прошлому. Подобное «выветривание» основного значения многократности, обусловленное семантикой глаголов, может выступать в качестве известного тормоза при употреблении многократных глаголов.

5. Особо следует сказать о глаголах, обозначающих зрительное или слуховое восприятие. Они имеют две собственно многократные формы: *vídati* (<*viděti*), *slýchatí* (<*slyšeti*) и *vídávati* — *vidívati*, *slýchávati* — *slyšívati*. Наличие сосуществующих форм объясняется, по-видимому, двумя причинами: 1) недостаточной формальной выраженностью значения многократности в глаголах *vídati*, *slýchati*; 2) стиранием самого значения многократности. Свидетельством последнего является наличие параллельных форм *vídával* — *vidíval*, *slýchával* — *slyšíval*. Вторые из параллельных форм в структурном и семантическом отношении соотносительны не с многократными глаголами *vídati*, *slýchati*, а с глаголами несовершенного вида *viděti*, *slyšeti*. Подобные же новообразования находим и у глаголов *jídati* — *jídávati*, *čítati* — *čítávati*.

6. Еще меньшей словообразовательной активностью в отношении многократных образований обладают основы приставочных глаголов несовершенного вида на *-ova-* (*přemíšt'ovať*) и такие же основы глаголов иностранного происхождения (*diktovať*, *dominovať*).

В первом случае существенную роль играет формальная сторона — многосложность и необходимость удвоения суффикса *-váva-* (*přemíšt'ovávati*), во втором (т. е. в случае с иностранными глаголами), кроме структурного момента, существенна также степень освоенности этих глаголов чешским языком, а также сфера их функционирования.

У указанных структурных типов многократные образования нерегулярны даже в пределах актуальных в семантическом отношении групп.

Сказанное относится также и к глаголам, уже имеющим в своей основе суффикс *-va-*: *dávati* — *dávávati*, *mávati* — *mávávati*, *obědovati* — *obědovávati*, *vstávati* — *vstávávati* и др. И здесь, независимо от семантики, образование многократных глаголов ограничено.

7. Непродуктивными являются следующие структурные типы глаголов (с формально невыраженной многократностью): а) *vídati*, *slýchati*,

čítati, jídati; б) *choditi, nositi, voditi, honiti, kitati, běhati*. Последняя группа глаголов выражает не только неопределенность, но и повторность действия.

Указанные группы глаголов представляют собой закрытый словообразовательный ряд. Свидетельством этого является наличие образований с формально выраженной многократностью: *vídávati, chodívati* и отсутствие новообразований данного типа.

Во всех продуктивных и непродуктивных в семантическом и структурном отношении группах необходимо выделить очень употребительные глаголы, имеющие регулярные многократные образования, и глаголы, имеющие менее регулярные образования (последнее сделать значительно труднее). Приведем некоторые статистические данные: в 1800 литературных примерах 265 раз встретился глагол *bývatí*, глаголы движения, насчитывающие всего несколько пар, встретились в 131 примере, глаголы говорения — в 97, глагол *mívatí* — в 98, глаголы *vídati, slýchatí* — в 56 примерах.

На основании сказанного можно прийти к выводу о некоторой ущербности категории многократности, об отсутствии регулярных многократных образований даже в тех случаях, когда эти образования возможны.

Многократные глаголы могут быть соотносительны лишь с определенными структурно-семантическими типами имперфективных глаголов. Однако различные обстоятельства делают эту соотносительность нерегулярной и непоследовательной. В пределах почти каждой группы глаголов можно выделить отдельные глаголы или небольшие группы их, от которых возможны более регулярные, более частые многократные образования и образования непоследовательные, индивидуальные, контекстуально обусловленные, необязательные. Указанное обстоятельство имеет большое значение для решения вопроса о характере категории многократности.

* * *

После рассмотрения возможностей образования маркированных многократных глаголов уместно поставить вопрос о характере категории многократности и об ее отношении к грамматическим категориям.

У ряда исследователей основными моментами для признания значения многократности грамматическим является способность многократных глаголов морфологически выражать особые семантические значения, наличие системы форм признаков многократных глаголов, употребляющихся в различных временах и наклонениях (*psávati, psávám, psával jsem, budu psávati, psávej*), а также свойственное им значение только неактуального настоящего. По мнению Фр. Копечного, своеобразное включение презенса признаком многократных глаголов в категорию времени и является показателем грамматичности категории многократности¹⁷. Формы признаком многократных глаголов никогда не могут обозначать актуального настоящего, т. е. действия, проходящего в момент речи. Более того, по мнению Фр. Копечного, многократные глаголы, выражющие неактуальное настоящее, имеют эту неактуальность и в других временах: будущем и прошедшем (*budu psávati, psával jsem*). А поскольку категория неактуальности у Фр. Копечного является категорией грамматической, постольку значения неактуального времени, выражаемые многократными глаголами, являются грамматическими: «Неактуальные глаголы несовершенного

¹⁷ Fr. Kopečný. Základy..., str. 96—101; Dva příspěvky..., str. 153.

вида образуют особую грамматическую категорию глагола, так как они совпадают с грамматической категорией времени, точно так же как вид в узком смысле слова, т. е. вид как противопоставление совершенности и несовершенности (*dokonavostí*—*nedokonavostí*)»¹⁸.

В той же статье Фр. Копечный пишет, что категория неактуальности свойственна только глаголам несовершенного вида, а также глаголам двувидовым, которые наряду с простыми формами совершенного вида имеют признаково неактуальные типа *dělává*, *nosívá*, *věnovává*. Подобное противопоставление форм в области глаголов совершенного вида невозможно, поэтому неактуальность для данной категории является категорией лексической¹⁹.

И. Польдауф у признаково многократных глаголов также различает в настоящем и в прошедшем времени действие актуальное и неактуальное, равно как и у глаголов немногократных²⁰.

Но что представляет собой неактуальность в прошедшем и будущем времени? Елена Кржижкова совершенно справедливо пишет, что противопоставление актуальности—неактуальности основано на различии между действием конкретным и действием, воспринимаемым абстрактно.

Особенно ярко различие между актуальным и неактуальным действием проявляется в формах настоящего времени индикатива, где актуальное настоящее определяется непосредственно отношением к моменту речи, а неактуальное настоящее выражает действие, которое не соотнесено с моментом речи. При переносе действия в плоскость прошедшего или будущего времени противопоставление актуальности и неактуальности, основанное на различии между действием конкретным, происходящим в момент речи, и действием, воспринимаемым абстрактно, стирается; происходитнейтрализация указанного противопоставления. В отличие от настоящего времени, где неактуальность определяется отношением к моменту речи, неактуальность в прошедшем времени определяется как правило отношением к более длительному временному отрезку²¹.

Таким образом, о выражении актуальности как противопоставления неактуальности в полном смысле слова можно говорить лишь в отношении настоящего времени, где признаково многократные глаголы обозначают (и могут обозначать) только неактуальное настоящее.

Мы не отрицаем того, что наряду с системой форм маркированных многократных глаголов способность этих глаголов выражать неактуальное настоящее, т. е. особое временное значение, является чертой грамматикализации категории многократности. Нельзя не принимать во внимание также и то обстоятельство, что типы грамматических абстракций, развивающиеся на базе лексического содержания, по широте охвата лексического материала и по степени отвлеченностии от лексического содержания различны и что, таким образом, объем понятия «грамматическая категория» очень широк. Тем не менее, существуют объективные критерии, соответствие которым позволяет говорить о грамматическом характере той или иной категории. Поэтому, прежде чем признать категорию многократности грамматической, следует убедиться в том, насколько она соответствует этим критериям.

1. Сущностью грамматической категории является грамматическое противопоставление минимально двух взаимоисключающих по значению

18 Fr. Kopečný. K neaktuálnímu významu..., стр. 64–68.

19 Fr. Kopečný. Там же, стр. 66; в его же. Základy..., стр. 100.

20 Iv. Poldauf. Указ. соч., стр. 126.

21 H. Křížková. Указ. соч., стр. 438.

рядов²², например: единственное число противопоставлено множественному, настоящее время — прошедшему и т. д.²³ Если под этим углом зрения рассматривать категорию многократности, то сразу же следует сказать, что противопоставление «многократные глаголы — простые имперфективы» не выражает сущности грамматических отношений.

Значения, выражаемые маркированными многократными глаголами, в отличие от грамматических значений, характеризующихся обобщенным характером противопоставлений, лежат в плане семантическом. Это характеристика способа протекания глагольного действия (*Aktionssart*). Проф. А. В. Исаченко совершенно справедливо указывал, что многократность — это «...семантическая модификация исходного простого или приставочного глагола несовершенного вида»²⁴, которая выражается в чешском языке и внешними, формальными средствами.

Кроме структурной трансформации производящей словообразовательной основы, суффиксы маркированных многократных глаголов дополнительно характеризуют глагольное действие или процесс со стороны способа его протекания (повторяемость, прерывистость, в прошедшем времени, возможно, также длительность, удаленность), которые не имеют характера единого отвлеченного, грамматического признака. (Ср. *tancíti* — *tancívatí*, *říkal* — *říkával*, *chodím* — *chodívám*). Суффикс признаком многократных глаголов лишь варьирует значение основного слова, хотя он дает новому слову и морфологическую характеристику. Но и лексическое значение и морфологическая характеристика производных многократных глаголов вполне укладываются в рамки словообразования.

«Между словообразовательными и грамматическими категориями имеется существенная разница в степени и в качестве абстракции: словообразовательные категории, с одной стороны, всегда включают определенные лексико-семантические классы; с другой стороны, они сами содержатся в более общих лексико-семантических категориях; у грамматических же категорий мы никогда не встречаемся лишь с простым более или менее широким обобщением лексических значений; грамматические категории лишь строятся на лексических значениях, но отвлекаются от них»²⁵.

Исходя из сказанного, мы заключаем, что ни по значениям, выражаемым многократными глаголами, ни по степени и качеству абстракции многократность не соответствует характеру грамматических категорий.

2. Грамматические категории, несомненно, характеризуются регулярностью и устойчивостью противопоставлений, широким охватом лексики, соотносительностью с целым классом слов. В случае с многократными

²² Мы не разделяем точку зрения Д. А. Штедлинга и проф. А. В. Исаченко на грамматическую категорию как на «противопоставление двух (и не более) взаимоисключающих друг друга по значению рядов (или групп) форм» (см.: Д. А. Штедлинг. О неоднородности грамматических категорий. ВЯ, 1959, № 1, стр. 56; А. В. Исаченко. О грамматическом значении. ВЯ, 1961, № 1, стр. 30). Мы соглашаемся с теми авторами, которые выступают против абсолютизации бинарной оппозиции. См.: М. Dokulil. Указ. соч.; Б. Н. Головин. Заметки о грамматическом значении. ВЯ, 1962, № 2; А. В. Бондарко. Система глагольных времен в русском языке. ВЯ, 1962, № 3; В. И. Шендель. О грамматической полисемии. ВЯ, 1962, № 2 и др.

²³ Признавая сущность грамматической категории противопоставление, мы, однако, не исключаем признания асимметрического характера этого противопоставления и возможности (в определенных условиях) замещения признаковой категории беспризнаковой (ср. употребление несовершенного вида вместо совершенного в повелительном наклонении, при отрицании и в некоторых других случаях).

²⁴ А. В. Исаченко. Грамматический строй..., стр. 216 и 274.

²⁵ М. Dokulil. Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962, стр. 193.

глаголами не представляется возможным говорить о соотносительности с целым классом слов, т. е. со всеми простыми или приставочными имперфективами. Выше мы показали, что многократные образования не всегда возможны по причинам семантического, структурного и грамматического характера производящего имперфектива, а также по причинам, связанным со степенью употребительности и сферой функционирования исходного глагола.

О более или менее регулярных и устойчивых противопоставлениях «многократные глаголы — простые имперфективы» можно говорить лишь в отношении определенных структурно-семантических типов.

Возможны возражения, касающиеся нашего утверждения об обязательной соотносительности грамматических категорий с целым классом слов, так как есть категории, которые не обнаруживают указанной соотносительности. Например, степени сравнения прилагательных не соотносятся со всем классом имен прилагательных, а образуются от качественных прилагательных. Но, во-первых, нельзя с уверенностью утверждать, что степени сравнения относятся только к разряду грамматических категорий. Их также можно причислить к морфологии словообразовательной²⁶ или же к таким грамматическим категориям, которые еще не полностью утратили связь с лексикой. Однако в пользу признания степеней сравнения грамматической категорией может служить устойчивый характер противопоставления «качественные прилагательные — степени сравнения» и невозможность их взаимозаменяемости. Что же касается категории многократности, то о нерегулярности и неустойчивости противопоставления «простые (приставочные) имперфективы — многократные глаголы» свидетельствует и тот факт, что многие (почти все!) многократные глаголы свободно заменяются соответствующими имперфективами в контексте, который требует обнаружения значения многократности. При этом речь идет о таких многократных образованиях, которые в языке встречаются довольно часто. Например: *Nevydržel čísti... On, který tak rád čítával a hltal noviny i při jídle* (M. M. Sir.); *Hazunka chodil ve volných chvílích na ryby, sedával na lodce pod Vyšehradem* (Val. Jdi.); *Když v noci chodím na stráži, zpívavám si...* (B. Něm. Bab.); *Plyne den po dni. Mikoláš spává v lese a já koňské maso* (Vanč. M. Laz.); *Ačkoliv se ted' myval a česal, byl přece dost ošklivý* (B. Něm. Bab.). В приведенных предложениях глагол несовершенного вида и многократный глагол *čítával* — *hltal*, *chodil* — *sedával*, *zpívavám* — *myval* — *česal* — *se* — *česal* — *se* выступают в качестве однородных членов предложения, причем у глаголов несовершенного вида *hltal*, *chodil*, *jí*, *česal* — *se* нет препятствий для образования соответствующих многократных форм ни со стороны структуры, ни со стороны семантики. Кроме того, и те и другие глаголы употреблены в одном значении: выражать раздельно-кратную повторяемость процесса, но при этом в одном случае используется многократный глагол, в другом — глагол несовершенного вида.

Употребление собственно многократных глаголов является во многих случаях как бы факультативным, необязательным. Вместо них часто используются формы глаголов несовершенного вида. Таким образом, в чешском языке нет обязательной соотносительности имперфективов и соответствующих им многократных глаголов, что является несомненным свидетельством нерегулярности и неустойчивости рассматриваемого противопоставления²⁷.

26 Термин М. Докулила, см.: M. Dokulil. *Tvoření slov...*, стр. 193.

27 В настоящей статье мы не касаемся противопоставления многократных и немногократных форм, которое может быть использовано для выражения особых значений (грамматических и стилистических), а также для характеристики действий и процессов, различных с точки зрения их протекания.

Для обозначения раздельно-кратных, повторяющихся действий в чешском языке значительно чаще употребляются имперфективы, обычно в сопровождении специальных лексических средств, которые являются основными выражителями значения многократности. Ср., например: *Kořenářka přinášela každý rok stejně koření a stejně pohádky* (B. Něm.); *Každou hodinu se otevíraly dveře a přicházela inspekce* (J. Fuč. Rep.); ...*Příliš často mě viděla s nimi na kopci, v lese a na skálce* (Wol.); ... *co znamenaly ty květiny, jež jí denně nosil?* (V. Ř.).

Изучение дистрибуции многократных глаголов, т. е. изучение различных речевых условий, в которых многократные глаголы могут встречаться, показывает, что глаголы несовершенного вида и многократные могут встречаться в одинаковом окружении.

Ср. следующие примеры:

Začasté chodila babička s dětmi na delší procházky (B. Něm. Bab.) и ... *Jeho hospodyně chodívala začasté k nám.* ... (B. Něm. Bab.); *Když šel pan myslivec kolem, tož babička vždy říkala...* (B. Něm. Bab.) и ... [Babička] *vždy říkávala doma: Tam v tom zámku je pravý babilon* (B. Něm.); *Každou hodinu se otevíraly dveře a přicházela inspekce* (J. Fuč. Rep.) и *Bába kořenářka přicházívala každý podzim v určitou dobu* ... (B. Něm.). Как видно из приведенных примеров, число которых можно свободно увеличить; многократные глаголы и соответствующие им глаголы несовершенного вида могут употребляться в окружении слов почти идентичных в лексическом и грамматическом отношении, в одних и тех же синтаксических конструкциях, с одинаковой смысловой и грамматической нагрузкой.

При установлении грамматического характера той или иной категории существенными являются не семантические, а функциональные различия, связанные с употреблением форм и с особыми выражаемыми ими значениями. Однако приведенные выше и подобные случаи употребления глаголов несовершенного вида и соответствующих им многократных глаголов позволяют прийти к выводу о том, что функциональное различие этих форм при обозначении повторяющихся (раздельно-кратных) действий в ряде случаев стирается, стушевывается. Это, разумеется, не означает полной функциональной идентичности многократных глаголов и соответствующих имперфективов. Во многих случаях употребление многократных глаголов оправдано их семантической выразительностью и тем, что они выполняют специфические функции, используются для выражения определенных синтаксических отношений. Особый интерес представляет их соотносительное и относительное употребление в составе не только простых, но и сложных предложений. Однако в рамках данной статьи этот вопрос рассмотрен быть не может. Здесь для нас важно подчеркнуть нерегулярный и неустойчивый характер противопоставления действия подчеркнуто многократного действию просто несовершенному, что является решающим при определении характера категории многократности.

3. Признавая сущностью грамматической категории противопоставление взаимно исключающих друг друга по значению рядов, нельзя не признать и того, что противопоставленность в грамматической категории должна быть представлена и проведена через всю систему форм. В отношении многократных глаголов подобное утверждение не представляется допустимым. Хотя употребление многократных глаголов возможно во всех временах и наклонениях, а также в формах страдательного залога, однако в различных грамматических формах это осуществляется по-разному. Большая часть многократных глаголов встречается в формах прошедшего времени, реже — в формах настоящего времени. В условном и повелительном наклонении, а также в будущем

времени и в формах страдательного залога многократные глаголы встречаются редко. Грамматическая категория — это не просто ряд форм, а строго закономерное отношение между ними²⁸. Сущностью грамматической категории являются не формы, не самый факт наличия этих форм, а закономерное и последовательное отношение между ними, полная и регулярная их противопоставленность, носящая парадигматический характер.

Употребление многократных глаголов в разных временах и наклонениях не позволяет нам говорить о закономерном и регулярном противопоставлении различных форм этих глаголов. Даже в рамках прошлого времени, где многократные глаголы употребляются довольно часто, полной противопоставленности многократных глаголов глаголам несовершенного вида ни по значению, ни по употреблению нет. Единичные примеры на употребление многократных глаголов в формах будущего времени, сослагательного и повелительного наклонения, а также в формах страдательного залога не являются свидетельством существования полной парадигмы форм маркированных многократных глаголов. В случае невозможности образования от многократных глаголов форм будущего времени или повелительного наклонения можно было бы говорить о парадигматической дефектности категории многократности. Однако незначительное количество примеров при возможности образования указанных форм свидетельствует скорее о факультативности форм этой категории, о необязательности их употребления, о их заменяемости, что противоречит сущности грамматической категории.

4. Характер грамматических противопоставлений носит обобщенный характер, он не обнаруживает прямой связи с семантикой слов, не связан отнопением прямой зависимости с контекстом, не зависит от стилистической нагрузки. «Собственно-грамматические категории конституируются объединением и взаимным противопоставлением различных грамматических форм, соотносящихся по одному признаку — значению данной категории»²⁹. Это значит, что в любой грамматической форме должно присутствовать основное, общее значение. Однако значение многократных глаголов, как показывает материал, часто трансформируется, меняется, в ряде случаев зависит от лексического окружения и общего контекста, нередко обусловлено синтаксическим и стилистическим употреблением. Так, значение раздельно-кратной повторяемости процесса легко трансформируется в значение обычного, постоянного действия (в настоящем и будущем времени), а также в значение обычного, отдаленного или длительного действия (в прошедшем времени).

Наиболее явственно это выступает в формах прошлого времени, где представлено наибольшее количество примеров и максимальное разнообразие значений.

В прошлом времени многократные глаголы могут выражать многократную повторяемость (частую или редкую, нерегулярную или регулярную). Ср.: *Pak vzpomeňte na svou babičku, co vám říkávala, když s vámi chodívala* (B. Něm. Bab.) 'А потом вспомните о своей бабушке, что она вам говорила (букв. «говаривала»), когда с вами ходила'; *Mnohokrát se mne ptávali různí lidé: Viděl jste už Empire State Building?* (Ašk. Ind. L.) 'Много раз меня спрашивали люди: «Вы уже видели...?»'; *Pamět' ji opouštěla. Často volávala místo Adélky Barunku* (B. Něm.) 'Память ей изменяла, часто она вместо Адельки звала Барунку'.

²⁸ Д. А. Штейлинг. Указ. соч., стр. 55—64.

²⁹ А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 47.

Во многих случаях значение раздельно-кратной повторяемости легко превращается в значение обычного, привычного или постоянного действия: ...*to jsem si také myslíval*, když *jsem byl mladý* (Wol.) '...я тоже так думал, когда был молодым'; *Rád jsem s ní chodíval v neděli pod lípy* (V. Nezv.) 'Я любил ходить с ней в воскресенье под липы'.

Нередко многократные глаголы при поддержке соответствующих лексических средств указывают на отнесенность обычного, постоянного действия к прошлому, иногда — к отдаленному прошлому: *Stýská se mě po tvých ebenových vlasech, uvázaných, v uzel...* jak je nosívaly ženy v dávných časech (V. Nez.) 'Я тоскую по твоим черным волосам, связанным узлом...', как их носили женщины в давние времена'; *Dříve chodívali nazí, jen zaječí nebo jinou koží přikryti a bydlívali v jámách a jeskyních* (J. Ner.) 'Раньше ходили нагие, прикрытие только заячьей или какой-либо другой шкурой, жили в ямах или в пещерах'.

В ряде случаев можно говорить вообще об отсутствии значения раздельно-кратной повторяемости. Обычно это бывает у глаголов состояния: *Ovšem tak veselého, jak býval za svobodna, už ho nikdy ted' nespatřila* (B. Něm. Bab.) 'Таким веселым, однако, каким он был тогда, когда был холостым и ухаживал за ней, она его уже никогда не видела'; *Za dávných, dávných časů stával nad Orlicí řekou ... kostel* (A. Jir.) 'В давние времена на реке Орлице стоял... костел'.

Конечно, нельзя отрицать тот факт, что значение раздельно-кратной повторяемости, если действие совершается часто и регулярно, легко переходит в значение обычного и постоянного действия, а значение неограниченной повторяемости может перейти в значение неограниченного протекания этого действия³⁰. Таким образом, можно установить взаимную связь указанных значений и возможность перехода одного значения в другое. Однако зависимость значений многократных глаголов от семантики исходных имперфективов и от лексического окружения прямо указывает на то, что мы имеем дело не с грамматическим значением, а с такой абстракцией, которая сохраняет очевидную зависимость от лексики и которая обычно свойственна лексико-грамматическим категориям. Так, любопытно отметить, что глаголы состояния в прошедшем времени при отсутствии лексических показателей многократности вообще не выражают кратности процессов, а лишь указывают на длительное состояние в прошлом. Например: *To se nastmějete. Vy to nevíté, ale já Vás mívá rád* (V. Ř.) 'Вы будете смеяться. Но вы не знаете, что я вас любил'; *Nyní ji držel ve svém náručí, jak sníval* (V. R.) 'Теперь он держал ее в своих объятиях, как мечтал [раньше]'; *Siroká vrata domu, kde bydlívala Kama, byla dokorán otevřena* (V. Ř.) 'Широкие ворота дома, где жила Кама, были настежь открыты'; *Ještě dnes roztrhám své vzpomínky a narodím se z vaše pohledu. Dejte, ať zapomenu a stanu se, když jsem chtíval být* (V. Ř.) '...я стану тем, кем хотел быть'.

Кратность процесса отсутствует и в случаях определения временных или пространственных границ состояния: *Panna Pepinka...za mladých let, jak sama říkala, bývala prý hezká, což vždy kostelník dosvědčoval* (B. Něm. Bab.) 'Панна Пепинка... в молодые годы, как она сама говорила, будто бы была красивой...'; *Už co malý hoch dlíval jsem s roskoší hodiny a hodiny před blízkou kavárnou* (J. Ner. Výb.) 'Еще маленьким мальчиком я с наслаждением проводил целые часы возле ближайшего кафе'; *Kdysi ho bolívaly prsty touhou po těchto vlasech*

³⁰ Aleksandr Belić. Zur slavischen Aktionsart. Leipzig, 1924, стр. 6.

(V. Ř.) 'Когда-то у него болели пальцы от желания дотронуться до этих волос'; *Doma trpíval osamoceností* (M. M. Sir.) 'Дома он страдал от одиночества'.

Во всех указанных случаях можно констатировать лишь длительное состояние. Значение кратности процесса обнаруживается только при наличии соответствующих лексических показателей, например: *Pradědečka to mnohdy mrzívalo, ale nedal to na sobě znáti* (K. S.) 'Много раз это было неприятно прадедушке, но он не показывал вида'.

Подобная зависимость значения многократных глаголов от семантики производящей глагольной основы и от лексического окружения не подтверждает мнения о грамматической природе категории многократности.

Вместе с тем следует сказать, что некоторые формы многократных глаголов, благодаря взаимодействию с другими грамматическими категориями, начинают выражать грамматические или грамматикализованные значения. Поэтому для уяснения функциональной специфики многократных глаголов важно установить взаимодействие категории многократности прежде всего с категорией времени. Так, в настоящем времени многократные глаголы имеют значение только неактуального настоящего. Этим они отличаются от глаголов несовершенного вида, которые могут выражать неактуальное настоящее, но не обязательно выражают его. Например: *Casto si myslívám, zdali bych chtěl být ještě jednou zcela mlád.* (J. Ner. Fejt.) 'Я часто думаю, хотел ли бы я быть еще раз совершенно молодым'; *Chodívám v obyčejných šatech, jak obyčejně lidé žiju* (R. Pr.) 'Я хожу в обыкновенном платье, живу как обычные люди'; *Nyní mluví otec k svému synovi, jak mluvívá dospělý muž se svým synem* (Vanč. M. L.) 'Теперь отец разговаривает со своим сыном, как взрослый мужчина разговаривает с мужчиной'.

В приведенных и подобных примерах многократные глаголы выражают неактуальное настоящее, т. е. время, не соотнесенное с моментом речи, часто процесс или действие обычное, характерное, регулярно и нерегулярно повторяющееся. Однако в пределах форм настоящего времени, несмотря на грамматикализацию значения многократности, нельзя говорить о полной противопоставленности значений, выражаемых глаголами многократными и просто несовершенными. Многократный глагол в настоящем времени выражает не особые, отличные от форм несовершенного вида значения, а лишь морфологически выражают то значение, которое является одним из основных у глаголов несовершенного вида. Поэтому мы говорим о грамматикализации форм настоящего времени многократных глаголов, а не о грамматическом характере категории многократности.

Единичные примеры употребления форм будущего времени многократных глаголов, извлеченные нами из поэзии и из песенного народного творчества, также не отличаются единством значения. В зависимости от семантики глаголов здесь отмечается либо повторяющееся действие, либо длительное состояние: *Já se budu vdávat, nebudu se bávat* (Suš.) 'Когда я буду выходить замуж, я не буду бояться'. В данном предложении речь идет не о возможности повторения указанного действия. Здесь просто определяется состояние, без указания даже на его длительность и протяженность. Правда, в отдельных примерах можно предположить повторение возможного в будущем времени действия: *Laštovenka malý pták, bude nás budívat* (Plic.) 'Ласточка, маленькая птичка, будет нас будить'; *Já budu zpívat, až se svým milým budeš tudy procházívat* (Al.) 'Я буду петь, когда ты будешь прогуливаться со своим милым'. Не выражают раздельно-кратных действий и формы многократных глаголов в повелительном паклонении. И здесь они обозначают, как правило, действия и процессы обычные

и постоянные: ...*chceš li dodělat se vezdějšího chleba, Bývej hloupým*, když je toho třeba (Н. Бог.) 'если хочешь иметь наущный хлеб, будь глупым, когда это нужно'; *Co živ jsi, neměj pokoje, Jen o bolestech zvídej, a v nadějt vždy oklámán, Svůj chléb jen v pláči jídej* (Hál. Básn) 'Пока ты жив, не будь спокоен, только о печали узнавай и, обманутый в своих надеждах, хлеб свой ешь только в слезах'^{30a}.

В сослагательном наклонении редкие примеры на употребление многократных глаголов представлены в форме прошедшего времени: *A jako by se rozbřesko v duchu mém, aneb jako bych dávno byl slychával o klášteru tomto, bylo mi známo, co se dítí má* (Mách) 'И как будто бы рассвело в душе моей и как будто бы я давно слышал об этом монастыре, мне было ясно, что теперь должно произойти'. Здесь форма сослагательного наклонения прошедшего времени даже и не предполагает повторения какого бы то ни было действия, а просто относит это нереальное, предполагаемое, возможное действие к давно минувшему времени. На эту отнесенность обусловленного действия к давно прошедшему времени указывает и наречие *dávno*.

Таким образом, маркированные многократные глаголы в различных временах и наклонениях не выражают одного общего значения, которое бы проходило через все грамматические глагольные формы и которое является неотъемлемой чертой грамматической категории.

Мы совершенно согласны с утверждением Б. Н. Головина, что «прямо выражают грамматическое значение лишь те признаки, которые следуют за своим значением из слова в слово в пределах целого грамматического класса»³¹. Данное утверждение отнюдь не снимает положения о возможной полисемии, «синхронной многозначности» грамматических форм, выявлению которой способствует контекст. Однако грамматическое значение не обусловливается семантикой слов и не может зависеть от контекста, как это представлено в случае с многократными глаголами.

На основании всего изложенного мы приходим к убеждению, что категория многократности в чешском языке не является категорией грамматической и что нет оснований для выделения многократности в особый многократный вид.

Многократные глаголы «нельзя признать грамматическими формами исходного глагола, так как их характер и число всецело зависят от индивидуального значения этого последнего»³². Многократные глаголы являются производными только от глаголов несовершенного вида, только с ними они обнаруживают соотносительность, следовательно, они не могут выступать в качестве полноправного члена видового противопоставления. Все многократные глаголы одновидовые. Поэтому мы не можем согласиться с Фр. Копечным, который считает, что основой вида чешского глагола являются два важных с грамматической стороны семантических момента: 1) комплексность, резльтативность (*výsledkovost*) действия; 2) многократность (*násobenost*)³³.

Однако признание многократности категорией не грамматической еще не означает того, что она не играет определенной роли в видовой системе чешского глагола и в выражении различных временных значений. Особые временные значения, выражаемые многократными глаголами в формах настоящего времени (неактуальное настоящее) и в формах прошедшего (давнопрошедшее время), позволяют нам говорить о грамматикализации категории многократности.

^{30a} Значение повторяемости здесь, впрочем как и в формах других наклонений, обычно определяется лексически или синтаксически.

³¹ Б. Н. Головин. Заметки о грамматическом значении. — ВЯ, № 2, 1962.

³² А. В. Исаченко. Грамматический строй..., стр. 273.

³³ Fr. Kopečný. Základy..., стр. 97; его же. Dva přispěvky...

Кроме того, многоократность косвенно связана с видом посредством простых и приставочных глаголов несовершенного вида, поскольку многократные глаголы выступают как определенная надстройка над одним из членов основного видового противопоставления — над глаголами несовершенного вида. Эта надстройка, хотя и является по своему характеру словообразовательной, тем не менее дает определенное право говорить о втягивании многократных глаголов в сферу видового функционирования чешского глагола.

Однако вопрос о частичной грамматикализации тех или иных многократных форм не входит в задачу настоящей статьи. Он должен быть предметом особого рассмотрения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Al. Šp. — M. Aleš. Špalíček národních písni a pořekadel. Praha, 1951.
Ašk. Ind. L. — L. Aškenazy. Indiánské léto. Praha, 1958.
Český zpěv. — Český zpěvník, uspořádal Karel Plička. Praha, 1957.
J. Fuč. Rep. — Julius Fučík. Reportáz psaná na oprátce. Praha, 1957.
Hál. Básn. — V. Hálek. Básně. Praha, 1960.
H. Bor. Kř. — K. Havlíček-Borovský. Křest svatého Vladimíra, Praha, 1959.
H. Bor. Básn. — K. Havlíček-Borovský. Básně, Praha, 1960.
Jir. Psohl. — Alois Jirásek. Psohlavci. Praha, 1953.
Jir. St. P. — Alois Jirásek. Staré pověsti české. Praha, 1956.
Mácha Pr. — Karel Hynek Mácha. Próza. Praha, 1960.
M. M. Sir. — Marie Majerová. Siréna. Praha, 1960.
Ner. Výb. — Jan Neruda. Fejetony. Výbor z díla. Moskva, 1952.
B. Něm. Bab. — Božena Němcová. Babička. Praha, 1960.
B. Něm. N. P. — Božena Němcová. Národní pohádky. Praha, 1957.
Nezv. Básn. — V. Nezval. Básně. Praha, 1960.
Val. Jdi. — K. Valenta. Jdi za zeleným světlem. Praha, 1956.
Vanč, M. Laz. — V. Vančura. Marketa Lazarová. Praha, 1946.
Wolk. Básn. — Jiří Wolker. Básně. Praha, 1961.
Suš. — Fr. Sušil. Moravské národní písně. Praha, 1945.
R. Pr. — «Rudé právo», 19.X 1960.

Т. А. АЦАРКИНА

(Москва)

ВОЗВРАТНЫЙ ГЛАГОЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ *si* В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая работа ставит своей целью определить на материале современного чешского языка основные значения возвратно-глагольного компонента *si*, его синтаксическую и стилистическую функцию, проследить взаимодействие и взаимовлияние значений различных семантических групп глаголов с компонентом *si*. Кроме того, мы стремились установить закономерности его постепенного перехода из краткой формы возвратного местоимения в функции косвенного дополнения в возвратно-глагольный компонент.

Значения возвратных глаголов в чешском языке очень многообразны. Они складываются из выражаемой компонентом *si* возвратности и семантики тех глаголов, в которые эта возвратность привносится. Именно поэтому решающим при определении значений компонента *si* в настоящей работе явилось деление глаголов, содержащих *si*, на отдельные семантические группы по их лексическому содержанию, которое в основном и определяет специфику значений компонента. Конкретный материал, использованный в работе, извлекался из произведений чешских авторов, современной периодической печати и словарей¹.

Существует два типа возвратных глаголов — «винительный» и «дательный» с возвратными компонентами *se* и *si*, которые восходят в истории чешского языка к энклитическим формам возвратного местоимения в функции дополнения в формах винительного и дательного падежей. В настоящее время компоненты *se* и *si* почти утратили связь со своим исконным значением объектности и являются формообразующими элементами: с их присоединением ранее невозвратные глаголы становятся возвратными.

В современном чешском языке в качестве дательного возвратно-глагольного компонента употребляется только энклитическая форма возвратного местоимения *si*. Она стала употребляться в этом значении в языке памятников чешской письменности уже с XVII в. наряду с более распространенной полной формой *sobě*. В XVIII—XIX вв. энклитика *si* вытесняет *sobě* вначале из сфер народно-разговорной речи, а затем и вообще из литературного языка. В современном чешском литературном языке полная форма дательного падежа *sobě* употребляется только в начале предложения и после предлогов в синтаксической функции дополнения, на которое падает логическое ударение: *Sobě to*

¹ J. Holub — Fr. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952; Česko-ruský slovník. Praha, 1958; Fr. Trávníček. Slovník jazyka českého. Praha, 1952; Slovník spisovného jazyka, I, A—M. Praha, 1960.

Список сокращений приводится в конце статьи.

nevezmu, ale i tobě také nedám ‘Себе я этого не возьму, но и тебе не дам’; *Přišel k sobě* ‘Он пришел в себя’. Выражения типа *sedni sobě* являются несомненными архаизмами.

Значения, привносимые компонентами *se* и *si* в глагол, различны; различны и грамматические функции этих компонентов. Именно эти различия позволяют рассматривать самостоятельно каждый из указанных типов глаголов.

В чешской лингвистической литературе исследованию возвратного глагола посвящено немало работ, в которых, наряду с основным для чешского языка винительным типом (с компонентом *se*), выделен как самостоятельный дательный тип (с компонентом *si*). Это прежде всего «Классы глаголов в славянских языках» акад. Б. Гавранка², где на богатейшем историческом материале славянских языков исследованы и подробно описаны оба типа возвратных глаголов, прослежена эволюция возвратных компонентов.

Чрезвычайно интересна работа Фр. Копечного «Страдательный залог, возвратная глагольная форма и возвратный глагол»³, в которой автор дает подробную классификацию значений глаголов с компонентом *si* (с ней, однако, нельзя полностью согласиться), а также разграничивает понятия «возвратный глагол» и «возвратная конструкция».

А. В. Исаченко, сопоставляя грамматический строй русского и словацкого языков⁴, приводит ряд интересных замечаний относительно значений возвратных глаголов, а также особо останавливается на дательном типе глаголов.

Однако в таких значительных трудах, как «Синтаксис современного чешского языка» В. Шмилауэра⁵, «Грамматика чешского языка» Фр. Травничка⁶, глаголы с компонентом *si* перечисляются в общем потоке возвратных глаголов, наряду с глаголами с *se*, несмотря на различия в их значениях и в употреблении.

Вопрос о том, какие сочетания глаголов с частицей *se* следует называть возвратными глаголами (или возвратными формами глаголов), какие — возвратными конструкциями, а какие — просто глаголами с дополнением в дательном падеже, выраженным энклитической формой возвратного местоимения, совершенно ясен в том отношении, что границы всех трех понятий могут быть установлены теоретически. Но в языковой практике они колеблются и могут перемещаться, поскольку речь идет о живом языке, о живых языковых процессах. «Для отнесения возвратного образования к возвратным глаголам или к возвратным формам решающим является его семантика»⁷.

Несомненно, что сочетания типа *utývati si (ruce)*, *vzítí si (deštňík)*, *koupiti si (knihu)* можно назвать возвратными глаголами, причем в первом случае с большим основанием, чем во втором и третьем. Но во всех трех случаях компонент *si* составляет с глаголом единое семантическое и грамматическое целое, которое было бы неестественно делить на глагол и объект.

Такие глаголы отнюдь не должны быть постоянно возвратными (*reflexiva tantum*), как *přáti si* и др.

Компонент *si* привносит в приведенные глаголы достаточно значимый оттенок возвратности, чтобы все сочетание стало специфически

² B. Havránek. Genera verbi v slovanských jazycích. Praha, 1928.

³ Fr. Kopečný. Passivum, reflexivní forma slovesná a reflexivní sloveso. — «Studie a práce linguistické», I. Praha, 1954, str. 224—247.

⁴ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, ч. II. Братислава, 1950.

⁵ V. Šmilauer. Novočeská skladba. Praha, 1947.

⁶ Fr. Trávníček. Mluvnice jazyka českého. II. Skladba. Praha, 1958.

⁷ А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 375.

возвратным. Поэтому несущественно, есть ли наряду с глаголами типа *umývati si*, *koupiti si*, *vzít si* инфинитивы без *si* (или даже с *se*) — *umývati (se)*, *koupiti*, *vzít*.

Глаголы типа *mysliti si* (*prědstaviti si*, *říci si* и др.) также могут быть определены как возвратные.

Терминология в данном случае не может играть той решающей роли, о которой говорит Фр. Копечный⁸.

Это не столь важно, во-первых, потому, что во многом степень возвратности всей конструкции зависит от контекста, а во-вторых, потому, что значение возвратности всей конструкции в современном чешском языке (особенно в разговорной речи) постепенно перестает ощущаться, и намечается тенденция перехода *si* из грамматической возвратной единицы в средство стилистическое⁹.

Не вызывают никаких сомнений следующие случаи, в которых возвратная частица выступает в функции дополнения¹⁰:

- a) *jak si kdo u stele, tak lehne* (ср. *kdež mladšiemu stele, tu sám častokrát léhá*); б) *já ti naleju — naley si taky jednu*; в) *a nůž, když si podříz krk, dal do kapce ... a vody tol'ko, že si ledva konec jazyka ovlažil*.

В этих примерах акад. Гавранек видит простое сочетание глагола с дополнением в дательном падеже. В первых двух случаях (а, б) функция возвратного местоимения в синтаксическом отношении совершенно соответствует функции других личных местоимений в том же падеже. Его функция дополнения абсолютно ясна.

В последних примерах (в) даны случаи *si*, переходного от местоимения к глагольному компоненту.

В сочетаниях глаголов с *si*, стилистически обусловленных, экспрессивных, функцию *si* нельзя считать ни возвратной, ни объектной. Это случаи типа *a on si povídá sám sobě*; *A ta šla cestou a potkal ji jeden pán*; *a vona taky si tak neříkala...* Б. Гавранек полагает, и с ним трудно не согласиться, что *si* в случаях типа *vezmi si deštník* уже не является дополнением (как *ti* в предложении: *Vzal ti deštník*).

Б. Гавранек видит тут *dativus ethicus*, иначе говоря, дательный экспрессивный, аналогичный употреблению *ti*, *mi* в следующих примерах: *Zdráv mi se domů zase vrat'*; *co bi ti bíl doma*¹¹.

Определенная группа глаголов, выражающих душевное движение (*stěžovati si*), сочетаясь с возвратным компонентом *si*, образует единое лексическое целое, которое с полным основанием можно назвать возвратным глаголом. Считать так дает право и тот факт, что в некоторых славянских языках *si* совершенно последовательно сочетается с семантически ограниченной этим значением группой глаголов. Так, например, в старославянском и древнерусском языках глаголы *sъžaliti si*, *sъtažiti si* всегда имеют только возвратную форму.

В современном чешском языке этот тип представляют глаголы *stěžovati si*, *umíiniti si*, *usmysliti si*, *troufati si*, *všímati si* и др.

Некоторые глаголы физического действия и состояния образовали с компонентом *si* постоянные сочетания (*reflexiva tantum*): *sednouti si*, *lehnoti si*, *oddechnouti si*, *odpočívati si* и т. д. Примеры: *a von si sedl za stůl*; *honem si sedni*; *a naznak jsem si lehl*; *Kostelník... lehl si do truhly*.

Эти глаголы являются возвратными и в литературном языке, и в большей части диалектов.

⁸ Fr. Kopečný. Указ. соч.

⁹ Б. Гавранек в случаях типа *vzít si* уже вообще не видит значения возвратности, о чем см. ниже.

¹⁰ Примеры взяты из указанной работы Б. Гавранека.

¹¹ Б. Гавранек. Указ. соч., стр. 143.

Глаголы *kleknouti si*, *hráti si* (о детях) в современном чешском языке последовательно употребляются с *si*, и также могут быть отнесены к reflexiva tantum. Близки к ним по значению *si* и глаголы *počinati si* (*nějak*) (ср. польск. *poczynać sobie*), *véstí si* (*nějak*), которые в современном чешском языке перешли в reflexiva tantum.

В современном языке, наряду с частными случаями типа *koupiti si*, *najmouti si*, *objednati si*, *vybrati si*, последовательно встречается: *vzítí si za ženu*, *přivlastnití si*, *vypůjčití si* (ср. в древнечешск. *vzíti za ženu* без *si*). Сюда же следует отнести глаголы *oblíbiti si*, *vážiti si*, *přáti si* (в древнечешском не всегда с *si*).

Как было сказано выше, в современном чешском языке существуют два вида возвратных глаголов, выраженных сочетаниями «глагол + *se*» и «глагол + *si*». Грамматические функции этих сочетаний различны; различно и значение возвратности, привносимое глагольными компонентами.

Фр. Копечный¹², анализируя эти конструкции, отмечает, что сочетание «глагол + *se*», кроме значения возвратности, обладает также значением пассивности. Последнее выступает, наряду с описательной конструкцией «страдательная форма причастия + вспомогательный глагол», в страдательных конструкциях типа *dám se opravuje* (*dám byl opraven*). Глаголы с *se* образуют также безличные обороты, например: *V kavárnách se tančilo*; *Nerado se vstávalo*.

В отличие от глаголов с *se*, формы и конструкции с *si* никогда не выражают страдательности, пассивности. Кроме того, само понятие возвратности форм с *si* и с *se* неравноценно. Возвратностью называется такое отношение глагольного действия к субъекту, деятелю, когда действие, названное глаголом, направлено на деятеля. При этом о собственно возвратности глагола можно говорить лишь в том случае, если действие обращено на субъект самим деятелем, т. е. если субъект и объект совпадают полностью или частично. О страдательном же залоге, выраженному возвратной конструкцией, можно говорить лишь тогда, когда грамматический субъект не совпадает с логическим субъектом, который может выступать факультативно. Ср. *dám se staví dělníky* и *dám se staví*.

В приводимых выше примерах возвратность совпадает с безличностью, служит средством выражения этой безличности.

Возвратность тесно связана с переходностью глагола. Первично переходные глаголы, выступающие в возвратных конструкциях с компонентом *se*, перестают быть таковыми. Непереходность здесь выражена эксплицитно¹³, возвратный компонент *se* является формальным показателем непереходности. Содержание возвратного глагола несовместимо с переходностью, оно не может допустить прямого дополнения (*utmývám se*). В этом случае субъект и объект действия совпадают полностью.

Иное положение в глаголах с *si*. Здесь компонент *si* указывает на частичную направленность действия на субъект, причем направляющим всегда является сам объект, что делает возможным использование дательной возвратной конструкции для образования страдательного залога. Переходность в данном случае не только возможна, но и необходима: внутреннее содержание дательной конструкции требует прямого дополнения (хотя оно может и отсутствовать в предложении): *utmývám si (ruce, nohy)*.

Следовательно, термин «возвратный» может быть применен к глаголам с компонентом *si* до некоторой степени условно.

¹² Fr. Kopečný. Základy české skladby. Praha, 1958, стр. 115; его же. Passivum..., стр. 224—247.

¹³ Об эксплицитном выражении переходности см.: А. В. Исаченко, Указ. соч., стр. 374.

Таким образом, винительные конструкции в отношении возвратности объемнее, вместительнее, полноценнее дательных.

Компонент *se* переносит действие на субъект как бы целиком, компонент *si* — лишь частично. Это вовсе не значит, что дательная возвратная конструкция ущербна: она всегда определена и поэтому в семантическом отношении более конкретна, чем винительная. Последняя же более неопределенна, более абстрактна; само действие, выражаемое с ее помощью, может быть и ограниченным, и всеобъемлющим (ср. *každé ráno se umývám — umyl se celý*). Следующие примеры дадут нам возможность сравнить оба типа конструкций: *mýti si (ruce)* 'мыть (себе) (руки)', *mýti se* 'мыться'; *naličiti si (rty)* 'накрасить (себе) (губы)', *naličiti se* 'накраситься'; *odraziti si (palec)* 'ушибить (себе) (пальцем)'; *odraziti se* 'оттолкнуться'; *poraniti si (nohy)* 'ранить (себе) (ногу)', *poraniti se* 'пораниться'; *spáliti si (prsty)* 'обжечь (себе) (пальцы)', *spáliti se* 'обжечься'; *utírat si (ruce)* 'вытирать (себе) (руки)', *utírat se* 'вытираться'; *zahřátí si ruce* 'отогреть (себе) (руки)', *zahřátí se* 'согреться'; *zašpiniti si (ruce)* 'запачкать (себе) (руки)', *zašpiniti se* 'запачкаться'; *zlomiti si (ruku)* 'сломать (себе) (руку)', *zlomiti se* 'сломаться'.

Перейдем к рассмотрению основных значений возвратности, привносимых компонентом *si*.

Внутри залоговой категории различаются собственно-возвратное и взаимно-возвратное значение. Эти же значения различаются и у глаголов с *si*¹⁴.

1. Собственно-возвратное значение. Возвратный компонент указывает на тождественность (полную или частичную) субъекта и объекта. Это залоговое значение выражают случаи с различной степенью возвратности:

а) с максимальной степенью возвратности. Глаголы с *si*: *mýti si (ruce)*, *přáti si*, *koupiti si (něco)*, *vybrati si (něco)*, *vzítí si (něco)*. Сюда относятся также глаголы с *se* собственно-возвратного значения: *umývat se*, *zastřelit se*.

б) с ослабленной степенью возвратности (только с *si*): *zlomil si (ruku)*, *obarvila si (rty)* и т. д.

Многочисленные возвратные глаголы, составляющие эту группу, обладают самыми различными оттенками возвратности в зависимости от их семантики. Поэтому подробный разбор значений возвратности *si* будет дан ниже, в разделах, посвященных отдельным семантическим группам глаголов.

2. Взаимно-возвратное значение. Каждый субъект действия одновременно является и объектом действия, которое совершается совместно двумя или несколькими деятелями.

В этом случае *si* (а также *se*) выражает взаимодействие субъекта и объекта как производителей и объектов процесса. Примеры с *si*: *rodili si ruce*, *přávali si k svátkům*, *psali si*; с *se*: *zdraviti se*, *libati se*, *potkat se*. *A tam dvě sestry se sešli a dlouho se neviděly ty sestry*; *A jak se vobejmuly ty sestry... Romeo a Julie se milovali, jejich rodiče se nenáviděli*.

Взаимное значение возвратного компонента, как неоднократно отмечалось многими учеными, первоначально развилось у возвратных глаголов в форме множественного числа, поскольку «понятие взаимности прежде всего заключает в себе признак перехода действия с одного субъекта на другой или на другие субъекты, признак взаимности двух или нескольких лиц»¹⁵.

В подобных случаях *si* и *se* означают «друг друга», «друг с другом».

¹⁴ А. В. Исащенко. Указ. соч., стр. 406.

¹⁵ В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 633.

Совершенно отлична от этих залоговых категорий категория отношения субъекта к глагольному действию. Возьмем следующие примеры: *zpíval písničku — zpíval si písničku; Jdi, těžeš potoci kmotře nést — Máma... řekla: «Jdi si, těžeš potoci kmotře nést»* (Němc.); *hezky si čte, pěkně si leží, jen si podívej* (ср. из mi tam nechod'). Примеры с *se*: *Ten se něco naplakal; Já se s tím neponesu; To jsme se prošli; To se mi spí.*

Каждый из приведенных глаголов может употребляться и без *si* (*se*); тогда семантическое содержание остается тем же, а экспрессивно-личное отношение субъекта к нему меняется. В таких случаях речь идет о стилистических различиях. Поэтому употребление глаголов с *si* (*se*) часто встречается в народно-разговорной живой речи, гораздо реже — в литературном, письменном языке. Б. Гавранек говорит, что там, где преобладает «интеллектуальная» сторона речи (например, в научных трудах) подобные конструкции почти невозможны¹⁶. Если можно услышать *šel na procházku* и *šel si na procházku*, то почти никогда не встречается *šel si na práci*.

Этим можно объяснить тесную связь данного значения *si* с так называемыми «этическими» *ti* и *mi*, которые также являются выражением экспрессии.

Очень немногочисленную группу образуют глаголы, употребляющиеся с компонентом *si* факультативно и имеющие значение неполноты действия, например, *poležeti si* 'полежать', *poplakati si* 'поплакать'. В этих случаях функцию *si* также можно считать стилистической. Большую часть этих глаголов составляют приставочные глаголы, и значение неполноты действия обусловливается в них прежде всего лексическим значением глагольной приставки.

1. СОБСТВЕННО-ВОЗВРАТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОМПОНЕНТА *si*

Это значение охватывает многочисленные семантические группы глаголов, в каждой из которых компонент *si* выражает особый оттенок возвратности, различную ее степень. Ниже будут рассмотрены четыре основные группы глаголов, расположенные по убывающей степени возвратности *si*: 1) глаголы со значением действия, объектом которого является физическая личность деятеля: *mýti si (ruce)*; 2) глаголы результативного активного действия: *vzít si (něco)*; 3) глаголы говорения, мышления, умственной деятельности: *mýsliti si*; 4) глаголы волеизъявления, душевной деятельности, отношений между людьми: *chíti si, rážiti si*.

1. Максимальную степень возвратности значения выражает группа переходных глаголов со значением действия, объектом которого является сам деятель. Это глаголы с собственно возвратным значением, которые обозначают действия, распространяющиеся на внешность, части тела действующих лиц и производящие в них самих внешние изменения соответственно лексическому значению глагола. Компонент *si* имеет в этих глаголах значение 'себе' и является, таким образом, выражением «возвращенности» действия на самого производителя; производитель действия выступает одновременно и объектом действия, т. е. первичное значение объектности компонента *si* не вызывает здесь сомнений. В эту группу входят глаголы преимущественно конкретного действия, которые условно, по чисто лексическому признаку, можно разделить на следующие подгруппы:

¹⁶ B. N a v g á n e k. Указ. соч., стр. 19.

а) глаголы типа *mýti si (ruce)* ‘мыть (руки)’, выражающие действие, направленное на внешность деятеля, на часть его тела;

б) глаголы типа *umazati si (šaty)* ‘запачкать (платье)’, выражающие действие, направленное на предметы, отделенные от деятеля (одежду, обувь и проч.);

в) тип *podlamovati si (zdraví)* ‘расшатывать, подрывать (здоровье)’. В подобных случаях действие имеет своим объектом физическую личность субъекта. Эти глаголы уже нельзя назвать глаголами чисто конкретного действия, как глаголы типа а и б. Семантика этих глаголов более абстрактна, поскольку речь идет о физическом или психическом состоянии личности¹⁷.

а) К типу *mýti si (ruce)* относятся многочисленные глаголы: *mnouti si (oči)* ‘тереть (глаза)’, *mnouti si (ruce)* ‘потирать (руки)’, *namalovati si (obličej)* ‘накраситься’, *nalíčiti si (rty)* ‘накрасить (губы)’, *nabarviti si (vlasy, rty)* ‘покрасить (волосы, губы)’, *napastit si (vlasy)* ‘намазать (волосы)’, *omáčkati si (prsty na nohou)* ‘отдавать, намять (пальцы ног)’, *omýti si (ruce)* ‘вымыть (руки)’, *otlačiti si (nohy)* ‘натереть, намять (ноги)’, *odraziti si (palec)* ‘ушибить (палец)’, *podmalovati si (oči)* ‘подкрасить (глаза)’, *podvrtnouti si (nohu)* ‘подвернуть (ногу)’, *pořezati si (prst)* ‘порезать (себе) (палец)’, *protírat si (oči)* ‘протирать (глаза)’, *přeležeti si (nohu)* ‘отлежать (себе) (ногу)’, *přeseděti si (nohu)* ‘отсидеть (себе) (ногу)’, *přimalovati si (tváře, obočí)* ‘подкрасить (себе) (щеки, брови)’, *rozpouštěti si (vlasy)* ‘распускать (себе) (волосы)’, *rváti si (vlasy)* ‘рвать на себе (волосы)’, *sblažiti si (rty)* ‘смочить (себе) (губы)’, *spáliti si (jazyk)* ‘обжечь (себе) (язык)’, *točiti si (vlasy)* ‘завивать (себе) (волосы)’, *ublížiti si na těle* ‘нанести (себе) телесное повреждение’, *umýti si (hlavi, nohy)* ‘вымыть (себе) (голову, ноги)’, *utírat si (ruce, nos)* ‘вытирасть (себе) (руки, нос)’, *vukloubiti si (rukou, nohou)* ‘вывихнуть (себе) (руку, ногу)’, *zadříti si třísku (do ruky)* ‘ занозить (себе) (руку)’, *zahráti si (ruce)* ‘отогреть, согреть (себе) (руки)’, *zašpiniti si (ruce)* ‘выпачкать (себе) (руки)’, *zlomiti si (rukou, nohou)* ‘сломать (себе) (руку, ногу)’.

б) Тип *umazati si šaty*: *mačkati si (šaty)* ‘мять (себе) (платье)’, *nasditi si (klobouk, brýle)* ‘надеть (на себя) (шляпу, очки)’, *odříti si (šaty)* ‘истрепать (костюм)’, *otříti si (obuv)* ‘вытереть (себе) (обувь)’, *očistiti si (obuv)* ‘вычистить (себе) (обувь)’, *posaditi si (klobouk na hlavi, brýle na nos)* ‘надеть (шляпу), (очки)’, *umazati si (šaty), (ruce)* ‘запачкать (себе) (платье) (руки)’, *uvázati si (šátek na hlavi)* ‘повязать (голову платком)’, (перен. *uvázati si koho na krk* ‘посадить себе какого-нибудь на шею’), *učistiti si (boty)* ‘почистить (себе) (ботинки)’, *vysoukatyi si (rukávy)* ‘засучить (рукава)’, *zaplésti si (stuhi do vlasů)* ‘вплести (себе) (ленту в волосы)’, *zavázati si (kravatu)* ‘завязать (себе) (галстук)’; *zmačkati si (šaty)* ‘помять (себе) (платье)’, *zouvatyi si (střevic)* ‘снимать (с себя) (баптим)’.

в) Тип *podlamovati si zdraví* включает в себя небольшое число глаголов со значением физического воздействия на субъект. См. некоторые примеры: *zastuditi si (krk)* ‘простудить (себе) (горло)’, *zkaziti si (žaludek, zdraví)* ‘расстроить, испортить (себе) (желудок, здоровье)’, *zničiti si zdraví* ‘расстроить (себе) (здоровье)’, *kaziti si (oči, zdraví)* ‘портить (себе) (глаза, здоровье)’.

Все перечисленные выше глаголы переходны. Первично переходные глаголы, сочетаясь с возвратным компонентом *si*, становятся возвратными, но отнюдь не утрачивают своей переходности. Напротив, став возвратными, эти глаголы с гораздо большей необходимостью требуют после себя прямого дополнения, чем эти же глаголы без *si*. В них наличие компонента *si* и прямого дополнения взаимообусловлено. На-

¹⁷ Это деление, конечно, совершенно не связано с грамматическим значением и функциями *si*, которые для всех типов являются единными.

пример, глагол *tnouti* в сочетании с дополнением *ruce* или *oči* требует возвратного компонента *si*.

Дополнение типа *ruce*, *oči*, благодаря своему лексическому содержанию (часть тела) и при условии выполнения субъектом действия над самим собой, конкретизирует переходный глагол *tnouti* в том же направлении, что и компонент *si*.

Таким образом, если компонент *si* возвращает действие, производимое субъектом, на этот субъект, то дополнение ограничивает сферу действия субъекта, как бы указывая на «объект в субъекте».

В рассматриваемых глаголах компонент *si* очень близок по своей функции к энклитическому возвратному местоименному дополнению, из которого, собственно, и развилось *si* как глагольный компонент. Компонент *si* у этих глаголов является факультативным. Кроме того, без *si* они имеют свое самостоятельное, невозвратное значение, часто довольно отдаленное от их значения с *si*. Ср. *točiti* 'вертеть', *točiti si (vlasy)* 'завивать (себе) (волосы)'; *namalovati* 'написать, нарисовать'; *namalovati si (obličej)* 'накрасить (себе) (лицо)'; *přejeti* 'переехать', *přejeti si (rukou přes čelo)* 'проводить (рукой по лбу)' и т. д.

Первичная переходность и лексическое содержание позволяют большей части этих глаголов сочетаться также с компонентом *se*. Ср. некоторые примеры: *pōrezati si (palec)* 'порезать (себе) (палец)', *p. se čím* 'порезаться'; *rozpouštěti* 'распускать, растворять', *r. (máslo, vosk)* 'растапливать', *r. (schůzí, vojsko)* 'распускать', *r. si (vlasy)* 'распускать (себе) (волосы)', *r. se* 'распускаться, растапливаться, растворяться'; *rváti* 'рвать', *r. si (vlasy)* 'рвать на себе (волосы)', *r. se* 'драться'; *vykloubiti si ruku* 'вывихнуть (себе) (руку)', *v. se* 'вывихнуться' ср. *vykloubila se mi ruka, vykloubil si ruku* (в первой фразе безличность). То же в глаголе *vymknouti si* 'вывихнуть себе'; *zahřáti* 'нагреть', *z. si (zkřehlé ruce)* 'отогреть (себе) (руки)', *z. se* 'согреться', *zakrýti* 'закрыть', *z. si (ústa, dlaní)* 'прикрыть (себе) (рот рукой)', *z. se* 'закрыться'; *zašpiniti* 'запачкать', *z. si (ruše)* 'выпачкать (себе) (руки)', *z. se* 'запачкаться'; *zlomiti* 'сломать', *z. si (ruku)* 'сломать (себе) (руку)', *z. se* 'сломаться', *zvrtouti si (ruku), nohu* 'вывихнуть (себе) (руку, ногу)', *z. se (o noze)* 'подвернуться (о ноге)'; *tačkatí* 'выжимать, мять', *m. si (šaty)* 'мять (себе) (платье)', *m. se* 'толкаться, мяться'; *posaditi* 'посадить', *p. si (klobouk na hlavu)* 'надеть (себе) (шляпу)', *p. se (na židli)* 'сесть (на стул)'; *stáhnouti* 'стянуть, спустить', *s. si (čepici)* (*přes uši*) 'натянуть (шапку) (на уши)', *s. se* 'стянуться'; *zaplésti* 'заплести', *z. si (stuhy do vlasů)* 'вплести (ленту в волосы)', *z. se* 'спутаться, запутаться'; *podlamovati* 'подрывать, надломывать', *p. si zdraví* 'подрывать (здоровье)', *p. se (o kolenou, nohách)* 'подкашиваться, подгибаться'; *zastuditi si (krk)* 'простудить (себе) (горло)', *z. se* 'простудиться'; *zkaziti* 'испортить', *z. si (žaludek, zdraví)* 'испортить, расстроить (желудок, здоровье)' *z. se* 'испортиться'.

Сопоставление невозвратного переходного глагола с возвратным непереходным глаголом с компонентом *si*, а также с возвратным непереходным глаголом с компонентом *se* (часто со значением безличности) может служить яркой иллюстрацией специфики глаголов с *si*, специфики значения, привносимого в глагол компонентом *si*.

Глаголы типа *mýti si (ruce)*, *umazati si (šaty)*, *podlamovati si (zdraví)* представляют собой наиболее простой случай возвратности глагольного компонента *si*, т. е. случай, когда близость первичной функции *si* как дополнения и как глагольного компонента наиболее очевидна. Это прежде всего относится к глаголам типа *mýti si ruce*, поэтому они и были рассмотрены прежде других.

Компонент *si* в рассмотренных выше глаголах несомненно составляет с глаголом единое грамматическое целое. И все же семантическая самостоятельность и значение *si* у этих глаголов позволяет, хотя и

условно, назвать функцию глагольного компонента *si* возвратно-дополнительной.

Несколько примеров на употребление данной группы глаголов:

Ludvík objal Kamili u pásu a levíckou si setřel pot z čela (Pl.);
... *Pak si oblekl ciště pláště...* (K. Č.); *Ostatní ženy plakaly, křičely, rvaly si vlasy...* (Nes.); *Přehodila si pak černý šátek přes ústa* (Kv.); *I začali si čtyři doktoři myt ruce* (K. Č.).

2. Значительную по численности группу составляют глаголы результивного активного действия. Это глаголы типа *koupiti si (něco)*, *vzít si (něco)*, *objednat si (něco)*. Компонент *si* сообщает этим глаголам дополнительное значение «для себя, себе». Другими словами, субъект совершает активное действие, направленное на достижение определенного результата, который необходим самому производителю действия.

Значение компонента *si* как дополнения у этих глаголов очевидно, равно как очевидна и грамматическая целостность глагола и *si*.

Именно в этой группе глаголов яснее всего можно увидеть, как из энклитики *si*, выступающей в функции дополнения, развился глагольный компонент, который в современном литературном чешском языке неразрывно связан с глаголом. Грамматическая единица «возвратный глагол» (например, *koupiti si (něco)*, в которой, казалось бы, так легко отделить частицу *si* от глагола и назвать ее энклитическим возвратным местоимением в функции дополнения, является в современном языке самостоятельной и целостной. Грамматическая связь глаголов этого типа с компонентом *si* так сильна, что она не нарушается даже в тех случаях, когда *si* почти совершенно утрачивает свою исконную функцию дополнения и становится стилистическим средством языка. Указанный процесс можно наблюдать в следующих примерах: *Tamhle si postav kufr a doskoč alespoň honem pro vodu k pití* (Ner.); *A ted' u prav si na ráno pec a v pokojí kamna* (Ner.); *Na to si lidé obvykle taxíky nevolají* (Nes.).

Впрочем, и тут нельзя категорически утверждать, что в случаях *postav si*, *uprav si*, *nevolají si* — *si* утратило значение «для себя», «себе». Это не так. Но стилистическая обусловленность языка данных отрывков определяет значение этого *si* как переходное от грамматического к стилистическому.

К глаголам активного результивного действия типа *koupiti si (něco)*, *vzít si (něco)*, *objednat si (něco)* относятся: *proklesstiti si cestu* 'проложить (себе) дорогу', *pronajmouti si (pokoj)* 'снять (себе) (комнату)', *proraziti si cestu* 'пробить (себе) (дорогу)', *předplatiti si (noviny)* 'подписаться (на газеты)', *připáliti si (cigaretu)* 'прикуриТЬ', *připraviti si (věci na cestu, oběd)* 'приготовить (себе) (вещи на дорогу, обед)', *sbaliti si (věci před odjezdem)* 'уложиться, уложить (себе) (вещи перед отъездом)', *schovati si co (na památku)* 'спрятать (себе) (что-нибудь на память)', *spraviti* 'исправить', *s. si (chut')* 'улучшить (себе) (аппетит)', *stavěti (si) hnízdo* 'вить (себе) (гнездо)', *škoditi si* 'вредить себе', *vzít si* 'взять (себе)', *našetřiti si (peníze)* 'сэкономить (себе) (деньги)', *najít si (práci)* 'найти (себе) (работу)', *n. si (zámknu)* 'найти (себе) (предлог)', *nadejít si (cestu)* 'сократить (себе) (путь)', *nacpati si (dýmku)* 'набить (себе) (трубку)', *nechatí* 'оставить', *n. si* 'оставить у себя, за собой', *n. si narůst, vousy* 'отпустить (себе) бороду, усы', *udělati* 'сделать, приготовить', *u. si místo na stole* 'освободить (себе) место на столе', *u. si bouli* 'набить (себе) шишку', *uhájiti* 'защитить, отстоять', *u. si první místo* 'удержать (за собой) первое место', *ukrátit si dluhou chvíli* 'скротать время', *ušetřiti si peníze* 'сберечь (себе) деньги', *uškoditi si* 'повредить себе', *vyhlédnouti* 'выглянуть', *v. si (nábytek, šaty)* 'подыскать (себе) (мебель платье)', *vyzkoušeti* 'испробовать', *v. si (šaty)* 'примерить (себе) (платье)', *zachovati si zdrai* 'сохранить (свое) здоровье', *z. si dobrou náladu* 'сохранить хоро-

шее настроение', *zapsati si poznátku (do sešitu)* 'отметить (себе) (в тетради)', *z. si za uši* (перен.) 'зарубить себе на носу', *zaznamenati si údaje* 'отметить (себе) (для себя) (событие)', *zkrátili si cestu* 'сократить (себе) путь, выгадать расстояние', *z. si dlouhou chvíli* 'скоротать время'.

Все приведенные глаголы переходные и обычно имеют после себя дополнение-объект, на который направлено действие. Но этот объект не совпадает с субъектом, не тожествен с ним даже частично (как в глаголах типа *mýti si ruce*), а действие не «возвращается» на производителя.

Относительная возвратность таких глаголов сводится к тому, что действие, названное ими, совершается в интересах самого производителя. Именно таково значение компонента *si* в данных глаголах. Однако первично невозвратный глагол, становясь возвратным, т. е. присоединяя компонент *si*, часто целиком меняет свое внутреннее содержание. Ср., например, следующие глаголы без *si* и с *si*: *klestiti* 'обрубать', — *klestiti si cestu* 'прокладывать (себе) дорогу'; *nadejítí* *cestu* 'опередить' — *nadejítí si cestu* 'сократить (себе) путь'; *vyzvednouti* 'поднять' — *vyzvednouti si (peníze)* 'взять (себе) (деньги)' и т. д.

Таких примеров можно было бы привести очень много. Компонент *si*, привнося в глагол свое специфическое значение возвратности («для себя»), соответственно изменяет в той или иной степени семантику первично невозвратного глагола.

У большей части приведенных глаголов компонент *si* факультативен¹⁸. Хотя в этих случаях он является средством грамматическим (изменяет залог глагола), одновременно его употребление в большей мере зависит от стиля речи.

Во многих литературных примерах, взятых из сказок К. Чапека, повестей и рассказов Я. Неруды, романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», как и других произведений, написанных языком, близким к разговорной речи, компонент *si* в большей или меньшей степени утрачивает связь со своим исконным значением дополнения. Его употребление все больше обусловливается стилистическими причинами. Сравним следующие примеры:

а) *Otec si jde pro šaty a pro svůj zelený klobouk...* (Kv.); *To dalo možnost učinit si představu o stavě australopitheců...* (Kv.); *Potom si zapálil novou viržinku a řekl (K. Č.); ...máme to hodného syna, to jsme si vychovali potěšení* (Ner.); *Vy snad ani nevíte, že jsem vysloužil si svou kapitolaci čtrnáct let na vojně?* (Ner.); *Vzala tedy nůž a dřevo, postavila se ke kamnům a začala si dělat na ráno třísky* (Ner.).

б) *Chcete, abych vám ji uvařila? I s radostí, jen si ji přineste!* (Ner.); *Přirozeně, že jsem si předem srazil své výlohy* (H. do d.); *Za dva měsíce přišel pan Karlík znova a přivedl si svou manželku* (Haš. Os.); *Přinesl si s sebou v aktovce korespondenci...* (Pl.); *Napsal jsem si kadrylu, zde vám jí mohu posloužit* (Ner.); *Navečer seděl inženýr v domku svém a rovnal si účty* (Ner.).

В примерах группы а) можно (хотя в какой-то мере условно) рассматривать функцию компонента *si* как дополнительную (ср. перевод первой фразы: «Отец идет (для себя) за костюмом и за своей зеленой шляпой»). Здесь *si*, тем более при наличии притяжательного местоимения *svůj*, выполняет скорее стилистическую функцию, чем объектную. Употребление *si* во всех примерах группы а) вызвано очевидно, желанием авторов придать языку характер живой, разговорной речи.

18 Исключение составляют те глаголы, семантика которых с присоединением компонента *si* совершенно меняется. В таких случаях (см. выше) функция компонента *si* не может быть названа факультативной, поскольку здесь речь идет о разных глаголах, например *vyzvednouti*—*vyzvednouti si*.

В примерах группы б) компонент *si* несет на себе только стилистическую нагрузку; понять его как дополнение совершенно невозможно, это противоречило бы смыслу приведенных фраз. См., например, перевод первого примера: «Хотите, чтобы я вам ее сварила? Я с радостью, только принесите ее».

3. Глаголы говорения, мышления, умственной деятельности типа *mysliti si*, *představiti si*, *říci si* и т. п. являются переходными между возвратными глаголами и возвратными конструкциями. Они не могут быть названы возвратными глаголами, потому что *si* в них факультативно. Однако они не могут быть полностью отнесены и к возвратным конструкциям типа *šel si*, *pliv si*, *povzdychoval si*. Тип *mysliti si* — это четко ограниченный семантически, многочисленный круг глаголов. В этих глаголах первичное значение *si* — значение дополнения — выступает достаточно отчетливо (хотя и не так ясно, как в глаголах типа *koupiti si*, *vzít si* и т. п.).

Употребление *si* здесь обусловлено уже не необходимостью выражения возвратного дополнения при этих глаголах, а стилистическими причинами.

Некоторые из глаголов этого типа образовали в современном языке с компонентом *si reflexiva tantum* (*přáti si*), другие несомненно идут по этому пути (*představiti si*).

а) Тип *říci si* (глаголы говорения): *pohovořiti si*¹⁹ 'поговорить, побеседовать', *povídati si* 'разговаривать, беседовать', *přeríkati si* (*před zkouškou*) 'повторить вслух (перед экзаменом)', *vykládati si* 'объяснять', *vykládati si něco* (и *svůj prospěch*), 'истолковывать что-либо (в свою пользу)', *zopakovati si* (*učení*) 'повторить (урок)', *zavdati si* 'вызывать к себе (последний глагол мог бы быть отнесен также к глаголам типа *objednati si* и т. п.). Примеры: *Jen si to rěkl, už shodil kabát, pliv si do dlaní...* (K. Č.); *Nač se dřít s dalšími, když klenba stejně nespadne!* *řekli si Arabové...* (Kv.); *Vykládal si s učitelem o motorech* (Nes.); *Wolker ležel v posteli... a hodně dlouho si pohovořil z prof. Dokoupilem* (Kv); *Poslušně hlásím, pane lajtnant, že vono to k sobě vlastně nepatří, ale když už si tak povídáme...* (Haš. Os.).

б) Глаголы мышления и умственной деятельности (*ujasnit si*, *mysliti si*). У некоторых из этих глаголов компонент *si* утратил или почти утратил связь с первичным своим значением дополнения (*vzpomenouti si*), многие из них стали *reflexiva tantum*: *domysliti si* 'догадаться о чем-либо, сообразить', *mysliti si mnoho o sobě* 'много о себе воображать', *másti si* (роjmy) 'путать (понятия)', *osvěžiti si* (*vzromínky*) 'освежить (воспоминания)', *pamatovati si* 'помнить'; *plést si* 'путать, смешивать'; *představiti si* 'вообразить, представить'; *splést si* 'перепутать', *splést si cestu* 'сбиться с дороги', *ujasnit si* 'уяснить себе', *uvědomiti si* 'осознать, отдать себе отчет в чем-либо', *umínti si* 'сказать себе, дать (себе) слово'; *vymysliti si* 'придумать, выдумать', *vybaviti si* 'оборудовать, оснастить'; *vštípit si* (do paměti) 'запечатлеть (в памяти)', *všimati si* 'обращать внимание'; *vtisknouti si* (do paměti) 'запечатлеть (в памяти)'.

Ср. следующие примеры: *Když si vzpomenu jak jsi se jí vybil do klína* (Haš. Os.); *Myslím si, že by se asi nestalo vůbec nic* (Kv); *Můžete si ověřit, volejte RAR III* (Ml. fr.); *Teprve ted' si uvědomil své rozčilení, a zarazil se nad ním* (Drda, Pol.); *Čest praporu, myslí si poručík, odcházeje* (Drda, Nem. b.); *Ti po nás si sotva budou umět představit ani teror, ani pronásledování...* (Pl.); *To si nás právě nesmíte plést* (Nes.).

¹⁹ Глаголы *pohovořiti si*, *povídati si* и т. п. могут в зависимости от контекста выражать двусторонний процесс. В таких случаях функция *si* может быть названа взаимной.

в) Небольшую группу составляют глаголы чувственного восприятия. По значению, привносимому компонентом *si*, эти глаголы близки к только что рассмотренным, но исконное значение *si* как дополнения «себе» у них еще более затмлено: *hleděti si* (*koho*) (čeho) 'смотреть (за кем, чем)', 'заботиться (о ком, чем)', *h. si svého* 'идти своей дорогой'; *poslechnouti si* (*radio, píseň*) 1. 'послушать', 2. (*staršího*) 'слушать(ся)', *prohlédnouti si* 'просмотреть', *přivoněti si* 'понюхать', *znechutiti si* (*jídlo*) 'вызвать у себя отвращение (к пище). Ale jen do chvíle, kdy si stačíte sušárny prohlédnout zblízka (Kv.); Ženy si bázlivě zahaluji i jediné oko, jímž si zpod černé roušky prohlížejí svět (Kv); Je to vskutku divný pocit, když si tak prohlížíte kostelní klenbu... (K.); Můžeš si prohlédnout ten dobré trefený snímek v Rýnském Merkuři (H. do d.).

Во фразеологическом сочетании *dáti si*позор на někoho, пěso значение *si* аналогично тому, которое привносится в глаголы типа *hleděti si*: *Dej si na mne pozor, abych ti to nemusel říkat naposled* (Наš. Os.).

4. Глаголы волеизъявления, душевной деятельности, отношений между людьми. Глаголы типа *chtít si, stěžovati si, vážiti si* семантически близки ко всем трем рассмотренным выше группам глаголов.

Данная группа глаголов обозначает действие в сфере умственной, духовной, психической жизни человека или же действие, связанное с чувственным восприятием человека.

Как уже указывалось, в глаголах рассматриваемой группы еще не утрачена связь *si* с исконным значением дополнения и, следовательно, с элементами возвратности, так как именно с функцией дополнения связано возвратное значение компонента *si*. Однако изучение всех этих глаголов в контексте показывает, что употребление их с компонентом *si* вызвано не его первичным возвратно-дополнительным значением. Наоборот, компонент *si*, постоянно сочетаясь с одними и теми же глаголами сначала как дополнение, затем как возвратный глагольный компонент, абстрагировался (в той или иной мере) от своих значений и грамматически слился с глаголом. Его функция дополнения и значение возвратности перестали ощущаться (см. примеры в литературных контекстах), вследствие чего язык, не терпящий лишенных смысловой значимости элементов, как бы «нагрузил» компонент *si* новым значением, сделав его средством живого разговорного языка, средством выражения экспрессивности, средством стилистическим. Разумеется, к живому языковому процессу нельзя применять это положение абсолютно: языковая единица переходит из одной категории в другую, утрачивая при этом одни признаки и функции и приобретая другие, причем старое утрачивается постепенно, порой сочетаясь с новым, борясь с ним и уступая ему. В одних случаях в компоненте *si* преобладает исконное значение дополнения, в других *si* по своему значению является переходным от грамматического к стилистическому, в третьих случаях его функции можно рассматривать как собственно стилистические. Для глаголов рассматриваемых типов характерно именно такое переходное значение *si*, что явствует из литературных примеров (см. ниже).

Приведем некоторые глаголы со значением волеизъявления, душевного действия, отношений между людьми: *dovoliti si* 'позволить себе', *chváliti si* (*koho*) 'быть довольным (кем-нибудь)', *klásti si podmínky* 'ставить условия', *libovati si* (у čem) 'увлекаться (чем-нибудь)', похвалить (что-нибудь)', *namluviti si* 'внушить себе', *oblibiti si* 'полюбить, облюбовать', *odvyknouti si* 'отучиться', *odřeknouti si* (*zábabu*) 'отказать (себе) (в удовольствии)', *osvojiti si* 'присвоить (себе)', *o. si právo nač* 'предъявить право, претендовать', *o. si* (*cizí řeč*) 'освоить, усвоить (иностранный язык)'; *potrپeti si nač* 'иметь слабость к чему-нибудь'

(*potrpí si na dobré jídlo* 'он любит хорошо покушать'), *slibovati si* (ко-
од *koho, čeho*) 'ждать (чего от кого, чего)', *vážiti si* (*koho, čeho*) 'уважать, ценить (кого, что), дорожить (кем, чем)', *vyžádati si* 'потребовать'
(*v. si slovo* 'попросить слова'; *válka si vyžádala obětí* 'война потребовала
жертв'), *vést si* (*správně, dobře*) 'вести себя (правильно, хорошо)', *vycítati si* co 'упрекать себя за что', *vymoci si* 1. 'добриться', 2. 'вынудить',
vymodliti si 'вымолить', *vyplakati si* (*oči*) 'выплакать (глаза)', *zamilovati si* (*koho, co*) 'полюбить (кого, что)', *zasloužiti si* 'заслужить', *zasloužil si* to 'так ему и следует'; *získati si* (*popularitu, autoritu, sympatiu*) 'за-
воевать, сискать (популярность, авторитет, симпатию)', *z. si* (*čí důveru, přízeň, lásku*) 'завоевать, сискать (доверие, расположение,
любовь)', *z. si koho čím* 'расположить (кого) к себе'; *zoufati si* 'отчая-
ваться, приходить в отчаяние'.

Несколько примеров на глаголы данного типа в литературном контексте:

Chieli bychom si zase s libovat (Nes.); *A neváží si tedy také nikoho, kdož něco umí* (Ner.); *Jednou si rodiče vyhrožovali, co kdyby je napadla nějaká hloupost?* (Kv.); *Wolker si přál mít hrob prostý s jednoduchým dřevěným křížem* (Kv.); *Potrpíme si u nás doma na slušný způsob jídla* («Vlasta»); *Za tři roky si už mohl zvyknout* (Nes.); ... *praví zase a dodává si zmužlosti* (Nes.).

Одни из приведенных глаголов в современном чешском языке являются глаголами reflexiva tantum (*přáti si, libovati si, vážiti si*), другие — факультативно-возвратными, употребление *si* зависит в них от стилистических особенностей.

К этой же группе глаголов волеизъявления, душевного действия и состояния относятся такие общеславянские глаголы, как *stěžovati si* 'жаловаться, сетовать' (*postěžovati si*), *stýskati si* 'жаловаться' (*postesknoti si*), представляющие собой в истории и в современном языке reflexiva tantum. Ср.: *Stěžoval si, že dostal korečky, a že se cítí slabý* (Kv.); *Když mu navrhovala, aby si stěžoval, aby...* (Nes.).

2. ВЗАИМНО-ВОЗВРАТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОГО КОМПОНЕНТА *si*

Компонент *si*, сочетающийся с глаголами, управляющими дательным падежом (типа *dopisovati komu*), привносит в эти глаголы отчетливое взаимно-возвратное значение. Оно заключается в том, что сочетание «глагол + *si*» (*dopisovati si*) обозначает действие двух или нескольких лиц, из которых каждое является производителем действия и вместе с тем объектом того же действия со стороны другого лица.

Приведем некоторые наиболее употребительные взаимно-возвратные глаголы: *dopisovati si* (*s kým*) 'переписываться', *odporovati si* (*o různých tvrzeních*) 'противоречить друг другу', *rozumět si* 'понять друг друга, найти общий язык', *připíjeti si* (*s kým nač*) 'пить (с кем-либо за что-либо)', *psáti si* (*s kým*) 'переписываться', *rozumět si* (*s kým*) 'понимать друг друга', *sdělovati si* (*dojmý s kým*) 'делиться (впечатлением с кем-либо)', *tykati si* (*s kým*) 'быть с кем-нибудь на "ты", *vykati si* (*s kým*) 'быть с кем-нибудь на «вы», *vyřídit si* (*co*) (*s kým*) 'объясняться, свести счеты', *vyměnit si* (*co*) 'обменяться'.

Несколько примеров употребления глаголов этого типа в литературном контексте:

A já věděla, že si dopisuji... (Nes.); *Před domem si dávají ještě po hubičce a slibují, že se v neděli navštíví* (Ner.); *Na rozchodnou si podali ruce, napevno zemykajíce mezi sebou tajemství odplaty, bez níž by v této obci nebylo možno dýchat* (Drda. Vesnická historie); *Vždyť jste si tak dobře rozuměli* (Nes.); *Wolkrowy zájmy byly široké a měl si s lidmi*

co říci (Kv.); *Myslím, ... že si všichni důstojníci tykáme* (Haš. Os.); *Je poetické to, že si dva mladí lidé neumějí říci, co k sobě cítí?* (Kv.).

Некоторые из этих глаголов требуют определенных падежно-предложных конструкций; иногда употребляется творительный падеж с предлогом *s* (*s lidmi*), дательный падеж с предлогом *k* (*k sobě*) (см. примеры).

При взаимно-возвратных глаголах компонент *si* сохраняет свою исконную грамматическую функцию дополнения, объектности, выражая значение возвратной взаимности. Оттенок взаимности, которым обладает возвратный компонент *si*, возник в результате влияния особой семантики глаголов, которые по своему лексическому значению предполагают, как, например, *dopisovati* (*si*) *s kým*, или допускают, как *říkat* (*si*) *jeden druhému*, взаимность или совместность действия.

Таким образом, первичное значение объектности под воздействием семантики определенной группы глаголов развилось и изменилось в значение взаимно-возвратное. В современном чешском языке большая часть взаимно-возвратных глаголов представляет с компонентом *si* единое морфологическое целое, самостоятельную лексическую единицу. Однако в этом единстве (и благодаря этому единству) вся доля возвратности перешла к компоненту *si*, который приобрел особое самостоятельное значение — взаимно-возвратное.

Современный язык использует *si* для выражения новых значений по сравнению с соответствующими глаголами, употребляемыми без *si*: компонент *si* делает взаимно-возвратными глаголы, которые без него не заключают в себе значения взаимности действия и не требуют после себя дополнения в дательном падеже.

Cp., например, *t'uknouti* 'стукнуть' — *t'uknouti si* (*s kým*) 'чокнуться'; *rozděliti* (ко па části) 1. 'разделить (что-нибудь на части)', 2. 'отделить', *r. slovo* 'перенести (слово)' — *rozděliti si* (*práci*) 'разделить между собой (работу)'.

То же значение (разделить между собой) приобретает глагол *rozděliti* в сочетании с компонентом *se*. Такая синонимичность конструкций с *si* и с *se*, возможно, объясняется тем, что этот глагол не имеет при себе дополнения в дательном падеже, как все глаголы, сочетающиеся только с компонентом *si*, как, например, *psáti* (кому) и поэтому *psáti si*.

Та же особенность наблюдается и у глагола *smluviti*: *smluviti si* (ко *s kým*), (*schůzku*) 'договориться (с кем-либо), (о свидании)'; *smluvit se* (*s kým o čem, na čem*) 'договориться с кем-либо о чем-либо, условиться'.

В данном случае синонимичность преодолевается разным управлением: *smluviti si* *co*, *smluviti se* *o čem*, *na čem*.

Глаголы *vjeti* 'въехать', *začítí* 'начать', *změřiti* 'измерить', сочетаясь с компонентом *si*, приобретают взаимно-возвратное значение. Однако первичное значение этих глаголов так широко, так далеко от значения взаимности действия, что компонент *si* как бы не в состоянии превратить эти глаголы в глаголы взаимного действия, не прибегая к помощи иных языковых средств. Поэтому в языке образовались целые фразеологические сочетания, в которых данные глаголы с компонентом *si* обозначают взаимно-возвратные действия: *vjeti si do vlasů* 'вцепиться друг другу в волосы'; *začítí si* (*co s kým*) (*hádku*) 'затеять (ссору)'; *změřiti si* (*s kým*) *své síly* 'померяться силами'.

Таким образом, одним из основных значений возвратного глагольного компонента *si* является взаимно-возвратное его значение. Оно совершенно самостоятельно по отношению к различным типам *si* в собственно-возвратном его употреблении. Специфичность взаимно-возвратного значения *si* заключается в том, что помимо значения обращения

действия на производителей действия взаимно-возвратное значение предполагает общность, взаимодействие или совместность действующих лиц.

Взаимно-возвратное значение охватывает ограниченный, определенный и немногочисленный по сравнению с собственно-возвратной категорией круг глаголов.

3. *Si* СТИЛИСТИЧЕСКОЕ

Стилистическое значение компонента *si* стоит в последнем ряду грамматических превращений *si* из местоименного дополнения в возвратный глагольный компонент, из глагольного компонента в средство стилистическое.

Выше неоднократно говорилось о стилистическом значении *si*. Речь шла о глаголах, сочетаясь с которыми компонент *si* выполнял свою грамматическую функцию (изменял залог глагола), хотя его употребление в этих случаях во многом зависело от стиля речи.

В этом разделе будут рассмотрены случаи употребления *si* в совершенно отличном от приведенных выше значений. Здесь *si* выражает отношение субъекта к глагольному предикату, эмоциональное, экспрессивно-личное отношение субъекта к действию, его интерес к действию²⁰. Подобные глаголы без *si* (если такое их употребление возможно) являются нейтральными с точки зрения эмоциональной окрашенности и всегда обозначают только малую степень действия.

В настоящей работе в основу классификации значений возвратного компонента *si* положены те же основные значения, которые обычно выделяются в возвратных глаголах, т. е. значения собственно-возвратное и взаимно-возвратное. Однако мы особо выделяем *si* стилистическое, под которым понимается такое значение компонента *si*, когда он утрачивает свою грамматическую функцию возвратности и становится собственно стилистическим средством языка.

Фр. Копечный в книге «Основы чешского синтаксиса» и в статье «Страдательный залог, возвратная глагольная форма и возвратный глагол»²¹ в разделе о возвратных глаголах пишет, что возвратные глаголы следует разделить на «собственно возвратные» и на «прочие возвратные глаголы». Эти последние Фр. Копечный делит на две группы: 1) глаголы с ослабленным значением возвратности и 2) глаголы со значением динамичности²². Далее, говоря о «дательном типе» возвратных глаголов, Фр. Копечный указывает на то, что этот тип связан чаще со значением динамичности, реже — со значением ослабленной возвратности. Среди глаголов со значением динамичности Фр. Копечный видит, в свою очередь, несколько типов:

а) *sednout si, lehnout si, vzpotenout si*, а также возвратный глагол *odpočinout si*;

б) «аффективный» тип: *pěkně si leží, hezky si čte*;

в) также «аффективный» тип: *posedět si, pospat si, počít si*, т. е. глаголы с оттенком «удовольствия». Эти глаголы могут означать малую или большую степень действия;

г) ослабленное исконное значение динамичности или аффективности: *hrát si* (динамичность еще присутствует); *vážit si, věst si* *dobře*.

Значительная часть глаголов, объединенных Фр. Копечным в группу «аффективных», в нашей работе охарактеризована как глаголы, с которыми компонент *si* выступает в стилистической функции. Однако трудно согласиться с самым принципом классификации дательного

20 См.: В. Навránek. Указ. соч., стр. 18, 19.

21 Fr. Kopečný. Základy...; его же. Passivum... .

22 Fr. Kopečný. Základy české skladby, стр. 125. Здесь классификация дана полнее. Ср. в «Passivum...», стр. 246, 247.

типа возвратных глаголов, который заключается у Фр. Копечного в наличии или отсутствии «динамичности» или «аффективности». Такое деление представляется нам не вполне убедительным, поскольку само понятие «аффективности», «динамичности» в применении к глаголам типа *sednout si*, *lehnout si*, *ležeti si*, *císti si* и т. п. совершенно различно. Поэтому мы полностью согласны с А. В. Исаченко, который подвергает справедливой критике утверждение Фр. Копечного о наличии «динамичности» в глаголах среднего залога: «Об интенсивности и динамическом значении таких глаголов можно говорить разве только в историческом плане. Учение об интенсивности или динамическом значении перенесено из греческого. Однако значение «динамичности», приписываемое некоторым формам среднего залога, крайне условно и далеко не всегда улавливается»²³.

А. В. Исаченко пишет о глаголах типа «стучаться» (*tlouci se* на *dveře*), однако его критические замечания с полным основанием можно отнести и к случаям с компонентом *si* (ср. глаголы *sednouti si*, *lehnouti si*, *vzpotenouti si* и т. п.).

Глаголы с *si* стилистическим можно условно разделить на три семантические группы: 1) глаголы передвижения, перемещения в пространстве (*lehnouti si*); 2) глаголы активного действия (типа *plivnouti si*); 3) глаголы времяпрепровождения (*hráti si*).

1. Примеры на глаголы типа *lehnouti si*, т. е. глаголы со значением перемещения в пространстве, и на глаголы передвижения, в которых представлено *si* стилистическое: *kleknouti si* 'опуститься на колени', *lehnouti si* 'лечь', *sednouti si* 'сесть', 'подсесть', *přivstati si* 'встать по-раньше', *stoupnouti si* 'стать', (*stupnouti si na špičky* 'встать на цыпочки'), *dojeti si* (kam) 'съездить', *namířiti si*. (přes pole) 'направиться (через поле)', *skočiti si* (kam) (разг.) (pro co) 'сбегать', *skočiti si na pivo* 'забежать на кружку пива', *vykračovati si* 'шагать', *vyjeti si* (na výlet) 'поехать', 'идти', 'шагать', *uběhati si* (nohy) 'сбиться с ног', *zajít si* (kam) 'зайти, сходить', *zajít si oklikou* 'сделать крюк', *zaskočiti si* (ke komu, pro co) 'забежать (к кому-либо, за чем-либо)'.

Соответствующие примеры в литературном контексте:

V takových a ještě těžších myšlenkách si chudák drvoštěp sedl na zápráží sultánova zámku a vzdychl (K. Č.); A ted' si můžeš lehnout (Ner.); Sesedli jsme si do téhož kupé k otevřenému oknu (Ner.); Večer si vlezete maminec do klína a říká... (K. K.); Jó, ... jenže tenkrát si běhával eště jako zajíce (Drda. N. b.); Namířila si k návsi pastviškem, za nímž stál jejich domek (Pl.); Celá rodina si ke mně chodí pro peníze... (Nesv.); Jezdíme si po světě, užíváme si, vidíme cizinu... (Nesv.); Tu jsme si raději oběšli, abychom nemusili přímo kolem něho... (Ner.).

В приведенных примерах компонент *si* выступает в чисто стилистической функции, сообщая глаголам, к которым он присоединяется, оттенок экспрессивности. *Si* используется в этих случаях как средство художественной выразительности, для придания языку характера живой разговорной речи.

2. Глаголы типа *plivnouti si*, *oddechnouti si* со значением активного действия: *oddechnouti si* 'перевести дух', *oddechnouti si* (od práce) 'отдохнуть (от работы)', *odfukovati si* (námahou) 'отдуваться', *odkašlati si* 'откашляться', *povzdychnouti si* 'вздохнуть', *zavýskati si* '(весело) завызжать', *odplivnouti si* 'сплюнуть'.

К этой же небольшой группе можно отнести и глагол *pochutnati si* 'съесть с аппетитом', хотя его значение несколько удалено от общей для всех приведенных глаголов семантики. Глаголы типа *plivnouti si*

²³ А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 393—394.

и *oddechnouti si* можно было бы условно охарактеризовать как глаголы «субъективного физиологического действия».

Экспрессивное, стилистическое значение *si* отчетливо видно на литературных примерах:

Jen si to řekl, už shodil kabát, plivl si do dlaní... (K. Č.); ... *také hodiny si nyní pojednou zhluboka oddychly a zahrkly* (Ner.); *Voják si hvízdnul, sebral konev a odcházel* (Ner.); *Zabrala se upřímně v obracení listů, pak čtla, pozivovala si a zase čtla* (Ner.).

3. Глаголы типа *hráti si* по их семантической характеристике (правда, очень общо) можно назвать глаголами времяпрепровождения. Это такие глаголы, как *hověti si* 'благодушествовать', 'предаваться наслаждению', *hráti si* (o dětech) 'играть' (о детях), *odpočinouti si* 'отдохнуть', *odsložiti si* 'отслужить, отбыть', *pohověti si* 'отдохнуть', *zaskočit si* 'пошалить', *zařáditi si* 'загулять, закутить', *zadováděti si* 'попалить'.

Несколько литературных примеров:

... *vyhýbat se zavšiveným chalupám, aby si mužstvo náležitě odpočinulo...* (Haš. Os.); *Já vás všechny provedu, zatančíme si* (Ner.); *A pak at' si soudruzi hrají pář dní na vládu sami* (Drda).

То же значение экспрессивности привносит компонент *si* в глагол *počítí si*. В чешском языке этот глагол, кроме своего основного значения «начать», может употребляться также для обозначения более широкого действия, имеет значение более общее: «что-либо делать»: *Andulka nevěděla, co si počít?* (Ner.); ... *a když ten počinal si stále výbojněji, Švejk ho srazil dolů se schodů...* (Haš. Os.).

Si стилистическое в современном литературно-разговорном языке утратило всякую ощущимую связь с первичным местоименно-дополнительным значением *si*. В рассмотренной группе глаголов *si* ни в коей мере не указывает даже на частичное (как это было в ряде случаев) обращение действия на субъект. Здесь *si* выражает не грамматический залог, а особую категорию отношения производителя к производимому действию, накладывает на глагол яркую печать субъективной оценки действующим лицом производимого им действия.

Тот факт, что с определенными семантическими группами глаголов (типа *lehňouti si*, *plivnouti si*, *hráti si* и т. п.) *si* выступает как средство стилистическое, свидетельствует о том, что компонент *si* приобрел это значение в процессе своей исторической эволюции. В современном живом разговорном языке *si* стилистическое, став средством экспрессивным, употребляется в тех же случаях, что и *ti*, *mi* экспрессивные²⁴, а также наравне с *se* стилистическим. Ср. *Nic mi není, zima mi je* (Ner.); *Tak tedy dělej, at' se vyspíte. Spi si a nech mne* (Ner.); *Ted' si tě učeši a potom tě prodám cikánům* (K. K.).

В этом своем значении (близком к значению *ti*, *mi*) употребление *si* уже не связано никакими семантическими рамками. В целях оживления речи *si* сочетается с глаголами любого лексического значения.

Немногочисленную группу составляют глаголы, имеющие значение ограничения, неполноты действия. Большая часть таких глаголов — приставочные. В них оттенок неполноты, непродолжительности действия привносится приставкой. Компонент *si* в таких глаголах только усиливает это значение.

Глаголы совершенного вида с приставкой *ro-* могут иметь значение непродолжительности действия, означать «недолго», «немного»: *poležeti si* 'полежать', *pobrečeti si* (разг.) 'поплакать', *poplakati si* 'поплакать', *pospati si* 'поспать'.

Приставка *ro-* в сочетании с суффиксом *-ova-* глаголов несовершенного вида привносит значение длительного действия, протекающего

²⁴ См.: Б. Гавранек. Указ. соч., стр. 19, 143.

с небольшими перерывами и в несколько ослабленном виде: *rozprěvovati si* 'напевать', *poprěvovati si* 'попевать', *poskakovati si* 'попрыгивать, подпрыгивать'.

Со значением «немного», «недолго», выступают также глаголы и с другими приставками: *zažertovati si* 'пошутить', *zatančiti si* 'потанцевать', *přispati si* 'поснать', *zacvičiti si* 'поупражняться', *přisednouti si* 'подсесть', *zasednouti si* (ke stolu, za stůl) 'присесть (за стол)', *odsednouti si* 'отсесть', 'отодвинуться'.

Глаголы *vyzprěvovati si* 'напевать', *notovati si* 'напевать', 'подпевать', *prozprěvovati si* 'напевать' означают проявление действия в небольшой мере.

Глаголы *zdřímnoti si* 'вздремнуть', *schrupnouti si* (разг.) 'всхрапнуть' называют действие, проявляющееся в неполной мере, «слегка», «немного», и в то же время носят оттенок начала действия.

Глагол *přiležeti si* 'полежать' имеет оттенок неполноты, кратковременности действия.

Глагол *zalhati si* 'приврать' также выражает неполноту действия.

Бесприставочный глагол *tropiti* (*tropiti škodu* 'причинять вред', *tropiti hloupost* 'делать глупости') с компонентом *si* выступает во фразеологическом сочетании *tropiti si z koho smích* (*žerty*) в значении неполного действия: *tropiti si s koho smích* 'подсмеиваться, подшучивать над кем-либо'.

Почти все рассмотренные глаголы, особенно при наличии компонента *si*, употребляются преимущественно в разговорной речи.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Глагольный компонент *si* в современном литературном чешском языке имеет две функции: грамматическую и стилистическую, причем, грамматическая функция развила из исконного значения *si* как дополнения.

Грамматическая функция глагольного компонента *si* связана с его возвратным значением. Эта возвратность *si* различает собственно возвратное и взаимно-возвратное значение.

Исконная функция дополнения компонента *si* проявляется в современных глаголах в зависимости от их семантики.

а) Наиболее близок *si* по своей функции к энклитическому возвратному местоименному дополнению в глаголах действия, распространяющемся на личность производителя действия, на части его тела и т. д. — тип *mýti si* (гусе). Такие глаголы означают «сделать что-либо себе, на себя».

б) Значение дополнения проявляется достаточно отчетливо в глаголах результативного активного действия (*vzít si něco*), означающих «сделать что-либо для себя». Однако в этих глаголах компонент *si* находится на стадии перехода в *si* стилистическое.

в) В глаголах мышления и говорения *si* сохраняет исконное значение дополнения «себе» (*mysliti si, říci si*).

Очень часто употребление *si* с этими глаголами обусловлено не необходимостью выражения значения дополнения, а стилистическими причинами.

г) В глаголах «умственной деятельности» (тип *vzpomenouti si*) компонент *si* почти утратил связь с первичным своим значением. Многие из таких глаголов стали *reflexiva tantum*.

Компонент *si*, постоянно сочетаясь с одними и теми же глаголами (глаголами мышления, говорения, умственного действия, волеизъявления и т. п.) сначала как дополнение, затем как возвратный глагольный компонент, абстрагировался в той или иной мере от этих своих

значений и слился с глаголами; его дополнительность и возвратность перестали ощущаться.

При взаимно-возвратных глаголах компонент *si* сохраняет свою исключительную грамматическую функцию дополнения, объектности, выражая, кроме того, значение возвратной взаимности.

Si стилистическое в современном литературно-разговорном языке утратило всякую ощутимую связь с первичным местоименно-дополнительным значением *si*.

Si стилистическое имеет разные оттенки значений в зависимости от семантики глаголов, к которым *si* присоединяется.

Переход возвратного местоимения в форме дательного падежа в функции дополнения в возвратный глагольный компонент явился основной тенденцией в развитии глагольных сочетаний с *si*. В современном чешском языке эволюцию компонента *si* нельзя считать законченной. *Si* все активнее превращается в формообразующий элемент, составляет с глаголом единую лексему.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Drda — Jan Drda. Povídky. Moskva, 1950.
K. Č. — Karel Čapek. Pohádky. Praha, 1957.
Haš. Os. — Jaroslav Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka. Praha, 1959.
K. K. — Karel Konrád. Dvojí stín. Praha, 1940.
Ner. — Jan Neruda. Výbor z díla. Moskva, 1953.
Nes. — Josef Nesvadba. Tarzanova smrt. Praha, 1958.
Kv. — Časopis «Květy». 1960.
H. do d. — Časopis «Host do domu». 1960.
Ml. fr. — «Mladá fronta».
Pl. — Časopis «Plamen». 1959.
«Vlasta» — Časopis «Vlasta». 1959.

Г. П. НЕЩИМЕНКО

(Москва)

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, СЕМАНТИКИ И УПОТРЕБЛЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКАМИ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель статьи — изучение закономерностей словообразования, семантики и употребления оценочных¹ существительных в современном литературном чешском языке.

Выбор темы обусловлен спецификой положения категории оценочных существительных среди словообразовательных категорий чешского, а также других славянских языков, и в первую очередь русского языка. Несмотря на то, что в целом закономерности словообразования оценочных существительных в отдельных славянских языках более или менее сходны, тем не менее существует целый ряд различающих моментов, изучение которых представляет значительный интерес². Так, в частности, в чешском языке образование и употребление оценочных существительных более обильно, чем в русском языке; несколько отличается состав словообразовательных средств, привлекаемых для образования данной категории лексики; различна нередко и степень словообразовательной активности ряда оценочных суффиксов.

При написании работы производились наблюдения над материалами ряда словарей чешского языка³, а также над языком произведений народного творчества, художественной литературы, публицистики, прессы конца XIX—первой половины XX в. В некоторых случаях использовались данные разговорной речи.

По своей словообразовательной структуре оценочные существительные представляют собой суффиксальные⁴ образования от словообразовательной основы имен существительных. Помимо структурной трансформации производящей словообразовательной основы, оценочные суффиксы привносят лишь некоторую семантическую модификацию, позволяющую отразить либо новое качество лица, предмета, явления и пр.

¹ Термины «оценочные существительные», «оценочные суффиксы» используются для обозначения существительных субъективной оценки и присущих им словообразовательных средств. В центре внимания работы находятся лишь суффиксальные средства выражения оценки. В связи с тем, что в чешском языке сфера образования и употребления увеличительных оценочных существительных является более узкой, в работе исследуются преимущественно уменьшительно-эмоциональные образования.

² Интересные сведения о распределении деминутивных суффиксов в славянских языках содержит статья: R. Grzegorzukowa i J. Ruzynia. Zagadnienia słownictwa w atlasie ogólnosłowiańskim. — «Poradnik językowy», 1961, z. I.

³ Главным образом, Příruční slovník jazyka českého, Praha, 1935—1957. Далее сокращенно обозначается PS; Slovník spisovného jazyka českého, seš. 1—18, Praha, 1958—1961. Далее сокращено — Sl. Sp.

⁴ В случае конверсии функцию словообразовательного суффикса выполняет система флексий.

(например, изменение размера), либо увидеть тот же самый объект в каком-то особом эмоциональном освещении.

Специфической особенностью оценочных существительных является то обстоятельство, что их образование как правило не сопровождается изменением стержневого вещественного значения соответствующих производящих нейтральных слов⁵.

Круг производящих основ, к которым присоединяются суффиксы субъективной оценки, широк и разнообразен как в структурном, так и в лексическом отношении. В их числе находятся слова, принадлежащие ко всем трем грамматическим родам и представляющие собой как нейтральные, так и оценочные образования. В состав производящих словообразовательных основ оказываются вовлечеными существительные самого различного характера: одушевленные и неодушевленные, обозначения лиц и не лиц, образования нарицательные и собственные, абстрактные и конкретные. Паряду с чешскими, широко представлены и заимствованные основы: *salon*—*salónek*, *traktor*—*traktérk*, *transformátor*—*transformátérk*, *kompresor*—*kompresérk*, *filé*—*filátko*, *sport*—*sportík*, *pullover*—*pullovrík*, *paragraf*—*paragrafíček*, *revoluce*—**revolučka*, **revolučíčka* и т. д.⁶

Подобная «универсальность» категории субъективной оценки несколько сближает ее с грамматическими категориями. Однако эта категория не сливается с ними по ряду причин, и прежде всего из-за специфики возникающего в слове с присоединением оценочного суффикса лексического, а не грамматического значения (значение уменьшительное, уменьшительно-эмоциональное, эмоциональное). Далее, грамматикализации данной категории препятствует также наличие тесной связи между семантикой производящей словообразовательной основы и определяемым ею значением оценочного слова в целом. Показателен и факт известной выборочности — так, например, при образовании оценочного существительного от многозначного нейтрального слова не все значения исходного оказываются отраженными в производном слове (например, *bába*, по данным Sl. Sp., имеет семь значений, однако в соответствующем оценочном образовании *babička*, ныне, впрочем, превратившемся в нейтральное слово, отражены лишь четыре значения, остальные не фиксируются). Наконец, следует учесть также, что при образовании оценочных существительных далеко не всегда остается незыблевой родовая характеристика исходного слова. Так, например, как мы сможем убедиться ниже, при образовании оценочных слов среднего рода довольно часто меняется родовая принадлежность производящего слова.

* * *

Словообразовательной классификации оценочных существительных мы предполагаем изложение некоторых теоретических принципов, которыми мы руководствовались при осмыслении конкретного языкового материала.

Предмет словообразовательного анализа можно определить как изучение словообразовательной структуры имеющихся в языке слов и абстрагированных в ходе исследования словообразовательной структуры

⁵ В этом смысле оценочные суффиксы в некоторой степени близки к суффиксам, образующим названия лиц женского пола.

⁶ В подавляющем большинстве случаев примеры заимствованы нами из PS, поэтому здесь и дальше мы не указываем их источник. В тех же случаях, когда примеры взяты из других источников, сокращенно дается их обозначение. Помета * обозначает малую употребительность слова, помета † обозначает нежизненность образования.

отдельных слов моделей словообразования. В связи с этим выделяются два плана словообразовательного анализа: узкий и широкий.

Целью словообразовательного анализа узкого плана является раскрытие словообразовательной структуры слова через установление словопроизводственной соотнесенности его с другими словами языка (т. е. словообразовательная структура слова «прочитывается» в свете реально существующих синхронных связей).

Словообразовательный анализ широкого плана, базируясь на данных словообразовательной структуры отдельных слов, устанавливает словообразовательные модели языка, которым подчиняются и по которым большей частью создаются новообразования, и объединяет эти модели в единую систему словообразования языка, акцентируя активно функционирующие модели.

При исследовании закономерностей словообразования оценочных существительных мы соблюдали следующую последовательность словообразовательного анализа: через выявление словообразовательной структуры слова — к установлению словообразовательных моделей языка. Необходимо отметить, что обе названные ступени одинаково важны и обуславливают друг друга. По нашему мнению; исключение из сферы словообразовательного анализа изучения словообразовательной структуры слова⁷ вряд ли правомерно. Независимо от того, хотим мы этого или нет, мы не можем уйти при словообразовательном анализе языковых явлений от вопросов словообразовательной структуры слова (разумеется, рассматриваемой в синхронном плане). Именно на базе изучения словообразовательной структуры отдельных слов формируются, уточняются, видоизменяются словообразовательные модели. Следует учсть также, что образование новых слов не всегда осуществляется строго по моделям (ср. случаи семантического словообразования. Нередки факты единичных, нерегулярных образований, которые также должны учитываться и при чисто деривативном словообразовании⁸).

При проведении словообразовательного анализа узкого плана существенны следующие проблемы.

1. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

В настоящем исследовании при изучении словообразовательной структуры слова мы учитывали следующие основные принципы:

а) Слово рассматривается как лексема, взятая в совокупности всех ее грамматических форм. Соблюдение данного принципа обязывает нас для полноты словообразовательного описания учитывать и парадигматические изменения словообразовательного суффикса, полный набор словоизменительных флексий слова⁹. Все эти данные имеют большое значение для характеристики и словообразовательной формы отдельного слова и словообразовательной модели.

б) Слово является не изолированной единицей, а элементом лексической системы, в структурном и семантическом отношениях контактирующим с другими словами языка. Осмысление словообразовательной структуры слова в свете живых, реально существующих (не генетиче-

⁷ Подобная точка зрения высказывалась в литературе, в частности, в статье: Н. Д. Арутюнова. Некоторые вопросы образования и морфологии основ. «Научные доклады высшей школы. Филол. науки». 1958, № 1.

⁸ Возможность подобных образований на материале чешского языка освещается в книге: M. Dokulil. Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov. Praha, 1962.

⁹ Изучению грамматических явлений, сопровождающих словообразовательный процесс, большое внимание уделяет целый ряд языковедов, в их числе А. И. Смирницкий (см. «Лексикология английского языка» и другие работы), М. Докулил (см. названную выше книгу).

ских) структурных и семантических связей его с окружающей лексикой является необходимым условием для проведения словаобразовательного анализа. С этой точки зрения, словообразовательный анализ исследует не столько образование слов, сколько соотнесение рассматриваемых слов с другими лексемами языка. Изучение структурных и семантических связей слова позволяет установить, мотивируется ли каким-нибудь другим словом его семантика, и является ли оно в связи с этим производным в структурном отношении или нет. Особенно важную роль играет указанный принцип при выделении производящей словообразовательной основы, что и является, в сущности, основной задачей словаобразовательного анализа. Так, например, выделение производящей словообразовательной основы существительных *okénce*, *hrdélce* и т. д. становится возможным лишь при их сопоставлении с соответствующими нейтральными образованиями *okno*, *hrdlo*. Остающийся после выделения производящей словообразовательной основы комплекс *-ce*, несмотря на свою словоизводственную пассивность (образований подобного типа в современном чешском языке довольно мало), является словообразовательным суффиксом.

в) Слово является функционирующей, а не статичной единицей языка. Подход к слову как к функционирующей, не статичной языковой единице — строго обязательное условие словаобразовательного анализа. Связи, существующие между словом и окружающей его лексикой, хотя и устойчивы, но не вечны. В течение жизни в языке слово может вступать в различные структурно-семантические ассоциации с другими словами. Изменение ассоциативных словоизводственных связей наблюдается в тех случаях, когда исходное производящее слово перестает употребляться, либо когда производящее и производное слова, соприкасающиеся в одном звене словоизводственной цепи, в семантическом отношении обособляются друг от друга. В указанных случаях связь между производящим и производным словом не воспринимается достаточно четко, а нередко вообще утрачивается и может быть восстановлена лишь этимологически (а это уже не предмет словаобразовательного анализа). Изменение ассоциативных словоизводственных связей влечет за собой иное «прочтение» словаобразовательной структуры слова. В связи с этим при словаобразовательном анализе необходимо строго придерживаться синхронного подхода к изучению языкового материала. Проиллюстрируем некоторые случаи изменения словаобразовательной структуры слов по мере их функционирования в чешском языке. Широко распространена утрата целым рядом слов уменьшительно-эмоционального значения. Существительные *věnec*, *pážky* и др. некогда имели очечную окраску; однако в связи с исчезновением из языка существительного **věp* производное от него *věnec* стало восприниматься как непроизводное слово с нейтральным значением «венок»; полностью утратило свою семантическую связь с «ногами» существительное *pážky*, в результате чего оно также воспринимается ныне как нейтральное непроизводное слово.

Словообразовательная структура слова может трактоваться по-разному даже на одном и том же отрезке времени функционирования данного слова в языке. Мы имеем в виду случаи одновременного, альтернативного словаобразовательного анализа¹⁰, которые мы подробно рассмотрим ниже. Однако в ряде случаев, например при установлении соотносительной продуктивности словаобразовательных аффиксов, при исследовании факта их конкуренции между собой и т. д., метода синхронного описания оказывается недостаточно, поэтому приходится прибегать к методу диахронического описания.

¹⁰ Термин предложен М. До кулилом.

2. МЕТОД УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДНОСТИ СЛОВ

При установлении словообразовательной соотнесенности слов нами использовался, как правило, метод Г. О. Винокура¹¹. При этом принимались во внимание два момента: внешнее подобие слов и их семантическая близость.

а) Связанными отношением производности считались лишь слова, характеризующиеся внешним подобием: предполагаемое производное слово воспроизводит в своей структуре производящую словообразовательную основу либо без каких бы то ни было фонетических видоизменений (указанное явление очень характерно для образования оценочных существительных: *chlum*—*chlumek*, *pole*—*políčko*, *kotleta*—*kotletka*), либо с видоизменениями, закономерными для фонетической системы данного языка (*žilka*—*žilčinka*, *uchó*—*ušisko*, *hadr*—*hadřík*). Количество примеров можно было бы значительно увеличить). С этой целью при словообразовательном анализе оценочных существительных в современном чешском языке нами был определен комплект допустимых фонетических модификаций структуры производящей словообразовательной основы. В тех же случаях, когда встречающиеся видоизменения не соответствуют фонетическим закономерностям современного чешского языка, факт тождества основы, подвергшейся модификации, и основы, не фиксирующей указанную модификацию, является сомнительным. Именно поэтому оценочные существительные *mistička*, *knížtička* и т. д. могут быть соотнесены лишь со словами *miska*, *knížka*, а не с нейтральными образованиями *mísa*, *kníha*, так как чередования *s/st'*, *h/žt'* в чешском языке не встречаются. Однако изредка соотносимые в словообразовательном отношении слова могут содержать в своей структуре нерегулярные, незакономерные чередования, нетипичные для фонетической системы современного чешского языка (в подавляющем большинстве случаев подобная лексика является принадлежностью жаргонной или разговорной речи, ср., например, *štěstí*—*štígro*, *štísko*; *Pán Bůh*—*Panbíček* и пр.).

б) Большое внимание при проведении словообразовательного анализа оценочных существительных уделялось исследованию их семантики. Связанными отношением производности признавались лишь слова, близкие в семантическом отношении, т. е. слова, семантика которых характеризуется сходством вещественных признаков. Анализ конкретного материала убедительно показывает, что оценочные существительные в подавляющем большинстве случаев сохраняют в целости семантику соответствующих нейтральных существительных, от которых они были образованы и с которыми продолжают соотноситься в словообразовательном отношении.

Применение обоих названных критериев словообразовательной соотнесенности гарантирует правильное раскрытие словообразовательной формы слова.

3. ПОНЯТИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ СЛОВА

Целью словообразовательного анализа является не только выделение в анализируемом слове производящей словообразовательной основы и словообразовательного суффикса, т. е. его словообразовательной структуры, но также и выявление словообразовательной формы слова, которая представляет собой совокупность его формальных, т. е. внешних структурных признаков, отличающих его как слово производное от слова производящего. Проблема словообразовательной формы относится к числу малоосвещенных вопросов теории словообразования;

¹¹ Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию. «Известия АН СССР. ОЛЯ», 1946, вып. 5.

большое внимание ее разработке уделяет известный чешский лингвист М. Докулил: «... словообразовательная структура всегда опирается на определенную словообразовательную форму, представленную отношением слова основного и слова производного, или же отношением тех элементов слова основного и слова производного, которыми они отличаются друг от друга. Необходимо различать словообразовательную форму в узком смысле, преобразующую словообразовательную основу в новое слово, и форму основообразовательную, преобразующую производящую словообразовательную основу в основу производную. Основообразовательная форма присуща словам производным, только словообразовательную форму в узком смысле имеют слова, возникшие в результате конверсии»¹².

Попытаемся установить словообразовательную форму ряда оценочных существительных современного чешского языка.

Словообразовательная форма узкого плана оценочных существительных, образование которых осуществляется без фонетической модификации производящей словообразовательной основы, выражается следующим соотношением: для слов типа *kotletka*, *novináříček* и т. д. — *kollet*-: -*k*-, *novinář*-: -*iček*- . Словообразовательная форма узкого плана оценочных существительных, образование которых сопровождается фонетическими модификациями производящей словообразовательной основы, учитывает эти модификации. В связи с тем, что нейтральные существительные входят в состав производящей словообразовательной основы в модифицированном виде, словообразовательным формантом¹³ является не только непосредственно словообразовательный суффикс, трансформирующий нейтральное существительное в оценочное, но и сопутствующие этой трансформации различные звуковые модификации. Так, словообразовательная форма в узком смысле слов типа *obrázek*, *lipka*, *hárka*, *uzílek*, *flaštíčka* и т. д. имеет следующий вид: *obr(a/á)z*-: -*ek*-, *l(i/i)p*-: -*k*-, *h(o/ň)r*-: -*k*-, *uz(e/í)l*-: -*ek*-, *fla(šk/št)*-: -*ičk*-.

Если при установлении словообразовательной формы в узком смысле слова выявляется соотношение между теми элементами структуры слова, которые отражают непосредственно ход словообразовательного процесса, то при установлении словообразовательной формы в широком смысле определяется соотношение между производящим и производным словами как компонентами системы словоизменения. В результате сопоставления морфологических характеристик — флексий — устанавливается факультативная словообразовательная форма, без которой нет слова как грамматически оформленной единицы. Морфологическая характеристика оценочных существительных в современном чешском языке может иметь следующий вид: *obraz*—*obrázek* (-*o*:-*o*), *lípa*—*lipka* (-*a*:-*a*), *auto*—*autíčko* (-*o*:-*o*), *město*—*městys* (-*o*:-*o*) и т. д.

4. ПРОБЛЕМА ОДНОВРЕМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Изучая словообразовательную структуру слова, мы не ставим перед собой задачи установить истинную последовательность словообразовательного процесса. Цель словообразовательного анализа слова заключается в выявлении наиболее приемлемой с точки зрения синхронных языковых отношений трактовки его словообразовательной структуры. Однако словообразовательная структура одного и того же слова на одном и том же отрезке времени может трактоваться по-разному. При ее изучении исследователь сталкивается нередко с целым рядом версий о воз-

12 M. Dokulil. Указ. соч., стр. 120.

13 Словообразовательный формант можно иначе назвать модификатором словообразовательной структуры производящего слова в сопоставлении со словообразовательной структурой слова производного.

можном ходе словообразовательного процесса. Так, проводя словообразовательный анализ оценочных существительных современного чешского языка, мы можем выделить три группы слов.

1. Оценочные существительные, словообразовательная структура которых может быть истолкована однозначно. Сюда относятся многочисленные образования с суффиксами¹⁴ -ek, -ík, -ec, -íček, -eček, -ka, -ice, -ička, -ečka, -íčko, -ečko, -átko и т. д. (*dopisek, dortík, *snopec, ptáčíček, slibeček, zídka, *sestřice, sirečka, šunčíčka, pouzdérko, nádražíčko, *tlamisko, městečko, zvířátko*). Словообразовательная структура приводимых здесь и подобных слов допускает в современном чешском языке лишь однозначную трактовку. Иными словами — их словообразовательная структура раскрывается в свете соотношения лишь с каким-либо одним словом, причем характерно, что данное слово является нейтральным образованием (*dopis, dort, snop, pták, slab, zed'* и т. д.).

2. Оценочные существительные, словообразовательная структура которых также может быть истолкована лишь однозначно, однако раскрывается в результате установления соответствия с двумя рядами слов: нейтральными и оценочными. Например, словообразовательная структура слова *hnízdečko* раскрывается путем установления структурно-семантического соответствия с нейтральным *hnízdo* и оценочным *hnízdko* — последнее преобразуется в *hnízdečko* путем мены суффикса -ko. Аналогичное явление наблюдаем мы и в следующих случаях: *zahrádečka*: а) *zahrada* (минус флексия -a; -a-/á-; -ečka); б) *zahrádka* (минус -ka; -ečka¹⁵); *podkívávečka*: а) *podkova* (минус флексия -a; -o-/ó-; -ečka); б) *podkívka* (минус -ka; -ečka).

Независимо от вида производящей словообразовательной основы словообразовательная структура анализируемых слов является однозначной, т. е. распадается на идентичные компоненты. Во всех приведенных выше случаях словообразовательным суффиксом является компонент -ečka.

3. Оценочные существительные, допускающие несколько вариантов трактовки их словообразовательной структуры. Иными словами — в третью группу мы включаем те оценочные существительные, в словообразовательной структуре которых выделяются различные словообразовательные основы. Например, одновременное выделение суффиксов -íček/-ek, -eček/-ek, -íčka/-ka наблюдается в следующих случаях — *svetříček*: а) *svetr* (-r/ř; -íček); б) *svetřík* (-k/-č; -ek); *ostříváveček*: а) *ostrov* (-o/-ó-; -eček), б) *ostřívek* (-k/-č; -ek); *sestříčka*: а) *sestra* (минус флексия -a; -r/-ř-; -íčka); б) **sestřice* (минус флексия -e; -c/-č-; -ka).

Указанное явление присуще не только анализируемым нами именам существительным. Оно распространено значительно шире, чем обычно считают, и охватывает самые разнообразные разряды лексики.

Причины подобного многообразия словообразовательной структуры слова заключаются, по нашему мнению, в следующем:

1. В наличии в живой языковой практике нескольких родственных в структурном и семантическом отношениях образований, с которыми анализируемое слово может соотноситься как производное. Приведем пример: нейтральному существительному *háj* по данным PS соответствуют следующие оценочные существительные: *háječek, hájíček, hájek*,

¹⁴ Для удобства мы объединяем в составе суффикса, помимо собственно суффиксального элемента, и флексию.

¹⁵ Здесь и дальше мы пользуемся сокращенной записью мотивировок словообразовательной структуры, которая может быть раскрыта, например, следующим образом: словообразовательная структура существительного *zahrádečka* выявляется через соотнесение со словами: а) *zahrada* (в этом случае отмечаются форманты: чередование гласных в основе -a-/á-; усечение флексии -a в слове *zahrada*; присоединение суффикса -ečka); б) *zahrádka* (мена суффикса -ka в слове *zahrádka*; присоединение суффикса -ečka).

**hájík*¹⁶. Все приводимые здесь слова характеризуются единым стержневым вещественным значением (обозначение леса, рощи) и различаются лишь степенью и качеством привносимой оценки. Тесная связь указанных оценочных существительных с нейтральным производящим словом позволяет раскрывать их семантику и словообразовательную структуру именно посредством установления связи с этим словом. Подобная трактовка словообразовательной структуры является вполне достаточной и единственно возможной для существительных *hájek* и *hájík*. Словообразовательная структура оценочных существительных *háječek*, *hájíček* является более сложной и допускает два равноправных толкования: *háj-eček*, *háj-iček* (в соотнесении с *háj*) и *háječ(k/č)-ek*, *hájíč(k/č)-ek*¹⁷ (в соотнесении с *hájek*, *hájík*). Заметим, что во всех рассматриваемых случаях фонетические модификации не противоречат нормам современного чешского языка. Допустимость подобного рода мотивировок словообразовательной структуры оценочных существительных находит свое подтверждение и в специфике функционирования оценочных существительных в языке. Употребляя оценочные слова в речи, мы не совершаляем каждый раз акт образования слова, соблюдая при этом иерархию подсоединения морфем¹⁸. Напротив, мы используем, как правило, уже созданные слова с закрепленной за ними вполне определенной эмоциональной нагрузкой, слова-эталоны. Вследствие этого указанные оценочные слова приобретают известную самостоятельность, свободно соотносясь в семантическом, равно как и в структурном отношении то непосредственно с нейтральным, то непосредственно с оценочным словом (*háječek* 'лесочек' в этом случае будет соотноситься то со словом *háj*, то со словом *hájek* 'лесок', оттеняя в последнем случае нарастание эмоциональной оценки). Так, если оценочные существительные соотносятся непосредственно с соответствующими нейтральными образованиями, то в этом случае они функционируют как обычные оценочные существительные первой степени, независимо от их истинного положения в иерархии оценочных образований (ср. *dům*—*domeček* и т. д.). В то же время, если подобное оценочное существительное соотносится непосредственно с соответствующим оценочным существительным, оно начинает выступать как носитель сгущенного, концентрированного уменьшительно-эмоционального значения, усиливая оценку, содержащуюся в исходном слове (ср., например, *domek* 'домик', *domeček* 'очень маленький домик'). Поэтому в тех случаях, когда промежуточное оценочное существительное (*domek* в нашем примере является промежуточным образованием по отношению к *dům*, с одной стороны, и *domeček*, с другой) утрачивает уменьшительно-эмоциональную оценку, оценочное существительное с неоднозначной словообразовательной структурой перестает усиливать указанную уменьшительно-эмоциональную оценку и превращается в обычное оценочное существительное первой степени.

2. Одновременное выделение различных структур в одном слове становится возможным также благодаря тому, что выделяемые при различ-

¹⁶ Характерно, что существительное *hájík* в Sl. Sp. уже опущено.

¹⁷ В силу малой употребительности образования *hájík* преобладающей мотивировкой словообразовательной структуры существительного *hájíček* является его соотнесение со словом *háj*. Попутно заметим, что словообразовательная структура существительного *hájíček* допускает ее мотивировку и через образование *hájek* (-e/-i;-k/-č; -ek), так как оба чередования *e/i* и *k/c* закономерны для современного чешского языка.

¹⁸ Оценочные образования с простыми суффиксами (например, *hájek*) обладают, как правило, менее концентрированным оценочным значением, чем образования типа *háječek*, *hájíček*, концентрирующие, сгущающие оценку. Обычно подобное сгущение уменьшительно-эмоциональной окраски объясняется последовательным наращением суффиксов субъективной оценки, например *hájek* > *hájek + -ek* > *háječek* (ср. в народной песне: *Hájku, hájku, hájku, zelený háječku, už teda mám já po boku šavličku*).

ного рода мотивировках словообразовательные элементы действительно функционируют в языке. Так, например, морфемы *-íček*, *-ek*, *-eček*, *-ička*, *-ka* и др., выделяемые при словообразовательном анализе лексики, не имеющей однозначной словообразовательной структуры, образуют большое количество слов, характеризующихся однозначной структурой. Именно поэтому представляется невозможным обособление в оценочных словах *chvílčíčka*, *dírčíčka*, *mírčíčka*, *figurčíčka* суффикса *-číčka* (по соотнесению с *chvíle*, *díra*, *míra*, *figura*), так как комплекс *-číčka* обычно не участвует самостоятельно в современной словообразовательной практике. Наличие параллельных одновременных «разночтений» словообразовательной структуры одного и того же слова (при сохранении единства его семантики) обуславливает возможность различного распределения компонентов структуры слова. Поэтому при проведении словообразовательного анализа необходимо принимать во внимание зависимость словообразовательной структуры слова от характера его функционирования в языке¹⁹.

Не исключено также, что именно многообразие словообразовательной структуры слова и обусловило появление в арсенале словообразовательных оценочных суффиксов «осложненных» суффиксов типа *-ička*, *-íček*, *-íčko*, *-ečko* и др. Возникновение оценочных образований с подобными суффиксами могло осуществляться различными путями: а) посредством вытеснения образований с менее жизнеспособными суффиксами образованиями с более жизнеспособными суффиксами (так, образования на *-ice*, например **růžice*, **šavlice* были вытеснены образованиями с наращенным суффиксом *-ka*; *růžička*, *šavlička*); б) аналогически (например, *zimíčka*, *svatíčka* и т. д. не имеют промежуточной стадии с суффиксом *-ice*). Допустимо предположить, что из имеющихся двух мотивировок словообразовательной структуры оценочных слов типа *růžička* при словообразование было отдано предпочтение более активной словообразовательной связи (обобщено соотношение непосредственно с нейтральным словом, а не с оценочным, так как оценочные образования — в данном случае с суффиксом *-ice* — становились малоупотребительными).

При проведении словообразовательного анализа лексики перед нами возникает проблема, как ориентироваться в этом множестве вариантов словообразовательной структуры слова, можно ли предпочесть какой-либо один из них в качестве основного. Этот вопрос довольно сложен и может решаться по-разному. Так, например, при проведении словообразовательного анализа существительных женского рода со значением лица мы убедились в возможности выбора из нескольких мотивировок словообразовательной структуры данного разряда лексики одной, представляющейся нам основной, именно мотивировки, указывающей на непосредственную соотнесенность с существительными мужского рода со значением лица. Несколько иначе обстоит дело с оценочными существительными. Здесь трудно выделить преобладающую мотивировку, установить, какая связь является господствующей. Поэтому в отношении оценочных существительных мы считаем возможным говорить об относительном равноправии обеих мотивировок, соотносящихся как с нейтральными, так и с простейшими оценочными существительными.

¹⁹ Проблемы альтернативного словообразовательного анализа касается М. Докулил в статье «Об основных проблемах словообразования» (K základním otázkám tvoření slov. («O vědeckém poznání soudobých jazyků». Praha, 1958). Подробно исследует он этот вопрос и в указанной выше книге. Данное явление затрагивает также и Г. О. Винокур в упомянутой статье: «... в известных случаях возможна омонимия словообразовательной формы, т. е. такое положение, при котором тождественная в звуковом отношении производная основа выделяет в своем составе не те же самые морфемы, членится по-разному, в зависимости от того, с какой производящей основой она соотнесена» (стр. 326).

Впрочем, иногда обоснование главенствующей мотивировки все же бывает возможным даже у оценочных существительных. Мы имеем в виду случаи, когда некоторые мотивировки бывают недостаточно обусловленными в результате малой употребительности слова, с которым соотносится оценочное существительное.

В рамках словообразовательного анализа широкого плана являются существенными следующие проблемы:

1. Понятие словообразовательной модели

Единицей словообразовательной системы языка является словообразовательная модель²⁰, представляющая собой обобщенное и типизированное отношение между группами однородных с точки зрения своей структуры и семантики парных образований — производящего и производного слов. Так, например, самостоятельную модель представляют собой оценочные существительные, образованные по типу: словообразовательная основа существительного + оценочный суффикс *-ek*: *dopis* — *dopisek*, *agitátor* — *agitátórek*, *dúm* — *domek* и т. д. Мы привели здесь лишь одну из множества моделей образования оценочных существительных.

Формальные признаки словообразовательной модели сводятся к сочетанию производящей словообразовательной основы и словообразовательных аффиксов²¹ с соответствующими звуковыми видоизменениями производящей основы. Так, для словообразовательной модели с суффиксом *-ek* наиболее типично продление гласных в составе производящей словообразовательной основы, чередование ряда согласных (*k*, *g*, *ch*, *h*) на стыке с суффиксом. В характеристику словообразовательной модели входят также возможные изменения словообразовательного суффикса в ходе парадигматического изменения слова (на это совершенно справедливо указывает М. Докулил в своей книге). Так, суффикс *-ek* обладает способностью сохранять гласный *-e-* лишь в N. и A. (неодуш.) Sg., утрачивая его в остальных падежах; кроме того, в составе суффикса могут чередоваться звуки *-k/c-* в N., Loc. Pl. Словообразовательная модель может подвергаться дальнейшей детализации с учетом словообразовательной характеристики производящей словообразовательной основы.

Однако одни лишь формальные признаки не могут дать исчерпывающей характеристики словообразовательной модели. Помимо формальных признаков, словообразовательная модель может быть охарактеризована и с точки зрения ее семантики. Семантика словообразовательной модели представляет собой стержень, обобщенный семантический сгусток, куммулирующий в себе то общее, что сближает семантику слов, послуживших базой для образования данной словообразовательной модели (при этом во внимание не принимаются отдельные, частные вещественные значения слов). Значение словообразовательной модели обще, неконкретно, оно представляет собой лишь общий семантический тип, функциональную направленность. Так, словообразовательная модель приведенного типа имеет общее значение оценки объекта.

²⁰ Понятие «словообразовательная модель» («словообразовательный тип») рассматривается в целом ряде исследований. В их числе можно назвать работы: І. І. Ковалік. Про деякі питання слов'янського словотвору. Київ, 1958; J. Hogecký. Slovotvorivá sústava slovenčiny. Podstatné meno, príavné meno, sloveso. Bratislava, 1959. Наиболее удачным нам представляется определение понятия «словообразовательный тип», содержащееся в названной выше книге М. Докулила.

²¹ Практически в рамках оценочных существительных выделяется столько словообразовательных моделей, сколько имеется оценочных суффиксов.

Последующая конкретизация функционального типа (уточнение, является ли значение данного слова уменьшительным, уменьшительно-эмоциональным или эмоциональным), возможная лишь в контексте, в этом случае не является существенной.

2. Объем понятия «система словообразования оценочных существительных»

Следует заметить, что объем понятия «словообразовательная система» в значительной мере является расплывчатым. Так, например, согласно основным положениям статьи Н. Д. Арутюновой²², объект и задачи словообразования ограничиваются лишь изучением активно функционирующих в словообразовании процессе словообразовательных моделей и, таким образом, в систему словообразования включаются лишь те модели, по которым активно создаются новые слова. По нашему мнению, избранный Н. Д. Арутюновой критерий отнесения словообразовательной модели к системе словообразования не вполне удачен, так как при его использовании смешиваются два различных явления: установление словообразовательной системы как таковой и функционирование этой системы. Установление системы словообразования должно осуществляться на базе обобщения закономерностей словообразования, на базе обобщения результатов словообразовательного анализа слов²³, в то время как исследование характера функционирования словообразовательной системы в языке должно учитывать результаты процесса создания новообразований. Однако и в этом случае следует принять во внимание, что создание новообразований далеко не всегда совершается по установленным, типизированным образцам, а поэтому факт создания нового слова посредством той или иной словообразовательной морфемы иногда не является надежным показателем ее продуктивности в языке. Мы считаем целесообразным включить в систему словообразования все наличные в языке данного периода синхронные словообразовательные модели, независимо от того, создаются по ним новообразования или нет. Словообразовательные модели, активно функционирующие в процессе создания новообразований, несомненно, представляют собой костяк, ядро этой системы, модели пассивные находятся на ее периферии.

Все имеющиеся в языке оценочные слова могут быть подразделены на две группы. К одной из них относятся слова, способ образования которых ныне (без помощи этимологии) не может быть установлен или же «прощупывается» очень слабо. Вследствие утраты связи с соответствующими производящими основами указанные слова утрачивают присущую им словообразовательную форму и перестают служить объектом словообразовательного анализа до тех пор, пока в силу каких-либо причин они не будут соотнесены в структурном и семантическом отношении с другими производящими основами.

Во вторую группу, несравненно более многочисленную, включаются лексемы, способ образования которых допускает интерпретацию на базе синхронных связей между словами. Внутри указанной категории лексемы распределяются следующим образом.

²² Н. Д. Арутюнова. О понятии системы словообразования (на материале испанского языка). «Научные доклады высшей школы, Филол. науки», 1960, № 2.

²³ В этом смысле нам представляется оправданным отказ М. Докулила от термина «модель» и замена его термином «словообразовательный тип»: «Мы не считаем целесообразным употребление этого термина (имеется в виду термин «словообразовательная модель», — Г. Н.), потому что он односторонне подразумевает процесс образования новых слов. В функционально-структурном понимании науки об образовании слов, точнее об оформленности слов, речь идет в первую очередь о типологии мотивированной части словарного состава» (указ. соч., стр. 69).

1. Слова, способ образования которых является типизированным, воспроизведимым в новообразованиях. Подобные способы образования наиболее характерны для системы словообразования оценочных существительных.

2. Слова, способ образования которых является типизированным, воспроизведимым, однако количество новообразований данного словообразовательного вида невелико, исчисляется подчас единицами. Так, например, в некоторых случаях процесс создания новообразований тормозится факторами иезыкового порядка — понятийной исчерпанностью данного явления. Сказанное относится к названиям молодняка животных (например, *orliče*, *lvíče* и пр.), рост новообразований у которых регламентируется познаниями человека об окружающем его мире. В связи с тем, что способы образования лексики данного типа являются потенциально воспроизведимыми и не дают новообразований не по лингвистическим причинам, мы считаем возможным отнести данные способы образования к ядру словаобразовательной системы.

3. Слова, способ образования которых синхронно может быть установлен, но не является воспроизведимым. Сюда относятся многочисленные способы образования слов, зафиксированные единичными, нерегулярными примерами (например, *město* — *městys* — данный тип образования представлен единичным примером). По нашему мнению, единичные²⁴, нерегулярные способы образования не являются словообразовательными моделями и находятся на периферии системы образования оценочных существительных. В этом случае пути образования лексики лишь выявляются, но не закрепляются. Так, в известной мере случайными, незакономерными являются слова типа *človarda*, *štígro*. Несмотря на то, что подобные способы образования не являются сформировавшимися словообразовательными моделями (а некоторые из них, возможно, никогда таковыми и не будут), учет редких, нерегулярных образований имеет существенное значение для максимально полного описания закономерностей словаобразования языка, а также для выявления потенциальных словообразовательных моделей.

Расширение рамок словаобразовательной системы путем включения в нее всех синхронных словообразовательных моделей, новообразования по которым создаются либо широко, либо в ограниченной мере, либо в настоящее время не создаются вообще, не нарушает принципа синхронности словаобразовательной системы языка, так как все включаемые в словообразовательную систему языка модели устанавливаются строго в соответствии с требованиями синхронного анализа, т. е. при учете наличных в языке данного периода связей между словами. Таким образом, словаобразовательная структура каждого слова «прочитывается» в свете реально существующих ассоциаций между словами.

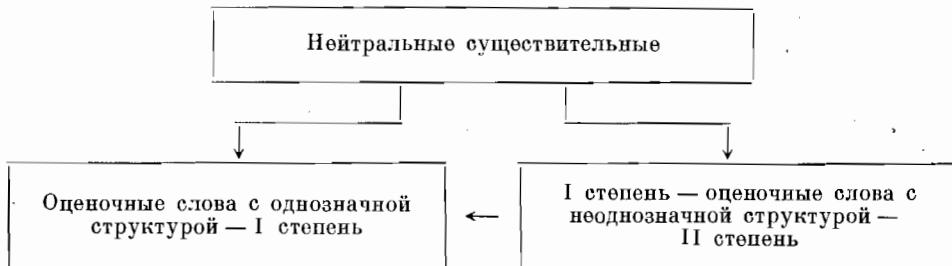
ОПИСАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОЦЕНОЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СОВРЕМЕННОГО ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

При словаобразовательной классификации оценочных существительных нами принимался во внимание целый ряд моментов:

1. В словаобразовательном отношении оценочные существительные подразделяются на слова, характеризующиеся однозначной и неоднозначной словаобразовательной структурой. Словообразовательная структура последних раскрывается по-разному в зависимости от вида производящей словообразовательной основы.

²⁴ Следует заметить, что многочисленность образований отнюдь не является обязательным признаком словаобразовательной модели.

2. В составе исследуемых существительных выделяются оценочные существительные первой и второй степени (в данном случае не имеется в виду истинная последовательность словообразовательного процесса). Под оценочными существительными первой степени нами понимаются имена существительные субъективной оценки, непосредственно соотносящиеся в структурно-семантическом отношении с соответствующими нейтральными образованиями (*kůstka*, *pejsek*, *tlamička*, *domek*, при *kost*, *pes*, *tlama*, *dům*). Сюда же причисляются оценочные существительные с неоднозначно истолковываемой структурой, правда только в том случае, если они соотносятся непосредственно с нейтральными существительными (*domeček* с *dům*, *vuřtíček* с *vuřt*). Под оценочными существительными второй степени подразумеваются существительные, соотносящиеся с нейтральным словом через посредство промежуточного оценочного существительного (*domeček* с *domek* и т. д.). Указанные виды зависимости можно изобразить в виде схемы:

Образование оценочного существительного второй степени осуществляется путем наращивания вторичного словообразовательного оценочного суффикса, которое может производиться неоднократно (ср. примеры, приводимые Я. Гебауэром в исторической грамматике чешского языка²⁵: *muzíšečeček*, *nožíčičičiček*, *srdečečko*, *kot'átko* — *kot'átečko*, *kot'áteňečko*). Подобное наращение как правило диктуется либо необходимостью усилить аффективный характер слова, либо стремлением восстановить утраченное значение оценки.

3. При проведении словообразовательной классификации мы последовательно учитывали вид производящей словообразовательной основы и словообразовательного суффикса (последние сгруппированы по родовому признаку), а также фонетические видоизменения производящей словообразовательной основы, сопровождающие присоединение словообразовательного суффикса.

Исследование закономерностей словообразования оценочных существительных позволяет убедиться в том, что возможности образования слов, принадлежащих к указанной словообразовательной категории, в современном чешском языке очень широки. В круг словоизделия оказывается вовлеченым подавляющее большинство имен существительных, разнообразных в структурном и семантическом отношении.

Структурными связями оценочных суффиксов охватываются имена существительные, принадлежащие ко всем трем грамматическим родам. В подавляющем большинстве случаев присоединение суффиксов субъективной оценки не меняет родовой характеристики преобразуемого слова (исключение составляют образования типа *bab(a)* — *babec* (пейор.), *město* — *tměstec*, *květ* — *kvítko* (*Vyšetřováním bylo zjištěno, že ten vás Švejk je vásbec pěkné kvítko.* — J. H. Švejk, II, стр. 170), образования с увеличительным суффиксом *-isko*: *dub* — *dubisko*, с суффиксами *-če*, *-íče* и пр. Относительно небольшая группа оценочных существительных представлена образованиями от существительных *Pluralia tantum*.

²⁵ J. G e b a u e r. Historická mluvnice jazyka českého, Praha, 1896.

В образовании оценочных существительных принимает участие довольно большое количество словообразовательных суффиксов — мы с полным основанием можем утверждать, что инвентарь суффиксов субъективной оценки значительно более многообразен, чем инвентарь словообразовательных суффиксов других словообразовательных категорий.

Характерная особенность оценочных суффиксов современного чешского языка — это отчетливо проявляющееся различие в степени интенсивности их использования в словообразовательном процессе²⁶. Среди суффиксов субъективной оценки поражает обилие малоупотребительных, единичных суффиксов, крайне нерегулярно и редко привлекаемых для образования оценочных существительных. Как правило, указанные суффиксы участвуют в образовании оценочных существительных, наделенных эмоциональным и уменьшительно-эмоциональным значением (и не оформляют слов со значением простого уменьшения объекта).

В подавляющем большинстве случаев образование оценочных существительных осуществляется средствами собственно чешских словообразовательных суффиксов, лишь в виде исключения используются заимствованные суффиксы, например *student* — *studios*, *studiosus* (устар., шутл.), *politik* — *politikus* (иронич.). Вместе с заимствованными словами был воспринят и суффикс *-eta*: **pistoleta*, *noveleta*. Следует заметить, что в чешском языке за суффиксом *-eta* сохраняется значение уменьшительности, присущее данному суффиксу в итальянском языке: *novela* 'короткая новелла', *pistoleta* 'маленький пистолет'. Словообразовательной самостоятельности суффикс *-eta* в чешском языке не получил.

Фонетические модификации производящей словообразовательной основы, наблюдаемые при образовании оценочных существительных

Как уже говорилось выше, образование оценочных существительных нередко сопровождается фонетическими модификациями производящей словообразовательной основы. Эти фонетические чередования, не являясь сами по себе самостоятельным словообразовательным средством, тем не менее представляют собой важную деталь в характеристике словообразовательных моделей.

При образовании оценочных имен существительных фиксируются чередования как гласных, так и согласных звуков. Необходимо оговорить, что, как правило, все виды фонетических чередований, типичных для оценочных существительных, ныне являются морфологическими, фонетически необусловленными чередованиями.

Наиболее последовательны, регулярны чередования согласных звуков, наблюдаемые на стыке производящей основы и словообразовательного суффикса. Для указанных чередований характерно то, что они почти всегда являются регулярным следствием наличия²⁷: а) последующего словообразовательного суффикса, начинающегося звуками *-e(ě)*, *-i(i)-*, в некоторых случаях *-a(a)-*, *-o-*; б) флексии *-e(ě)* в результате конверсионной мены флексий *-ø/-e(ě)*, *-a/-e(ě)* и в) суффикса с начальным *-k-*. Соблюдение указанных фонетико-морфологических условий делает возможными следующие чередования: *h/z* (*sníh* — *snížek*, *zásluha* —

²⁶ В настоящей статье мы не ставим перед собой задачи рассмотреть суффиксы субъективной оценки в свете их продуктивности в современном чешском языке. В связи с этим мы с максимальной осторожностью выделяем более или менее актуальные, активные оценочные суффиксы.

²⁷ Фонетические чередования чешского языка и условия, их вызывающие, подробно описаны в книге М. Докулила; см. также: *Pravidla českého pravopisu*, Praha, 1957.

záslužička; *ch/š* (*hráč — hrášek, socha — soška, ucho — ušičko*); *g/ž* (*bumága — bumážka*²⁸); *k/č* (*deštník — deštníček, ruka — ručka, triko — tričko*); *c/č* (*synovec — synoveček, lavice — lavička, líce — líčko*). При соблюдении первых двух условий становятся возможными следующие чередования: *r/ř* (*hadr — hadřík, kmotra — kmotřička, stříbro — stříbrňíčko*); *t/t'* (*talent — talentík, kost — kostička, čert — čertisko*); *n/ň* (*hrozen — hrozníček*, при дополнительном чередовании *-e-/o-*; *slon — slůně*); *d/d'* (*hvězda — hvězdíčka, medvěd — medvídě*); *žk/žt'*, *zk/zt'*, *sk/st'*, *šk/št'*²⁹) (*služka — služtička, přezka — přeztička; pysk — *pyštík, pysťíček, flaška — flaštička*); *řk/řt'* (*bouřka — bouřtička*). Перечисленные типы чередований являются последовательными, случаи нарушения встречаются довольно редко. Непоследовательными, редкими являются чередования *z/ž*, встречающееся в случае *kněz — kněžek, kněžisko*; *dl/t* (*umyvadlo — umyvátko, vozidlo — vozítko*), в некоторых случаях сочетание *dl* «разрежается» вставным *-e-*, например, *sedátko, sedadélko; umyvátko, umyvadélko* и т. д.; чередования отвердения *t'/t, ň/n, d'/d* (*prst' — *prstka, perut' — perutečka, skříň — skřínečka, kad' — kadečka*).

Довольно последовательно «избегают» чередования согласных на стыке оценочных суффиксы *-eček, -ečka, -ečko* — это достигается усечением конечных морфем производящего слова³⁰, например, *zrád(ce) — *zrádeček, žárov(ka) — žárovečka, jabl(ko) — jablečko* и т. д.

При образовании оценочных существительных довольно часто встречаются чередования гласных. Наличие количественных (в особенности), качественных и количественно-качественных чередований в значительной мере является дифференциальным признаком словообразовательной категории оценочных существительных по сравнению с другими категориями чешского языка³¹.

Чаще всего чередования гласных отмечаются у оценочных слов, образованных от непроизводных основ (как правило, чередуется гласный последнего слога).

Для образования оценочных существительных наиболее характерными являются количественные чередования гласных, главным образом продление количества звука. Последний тип чередования отмечается у оценочных существительных, образованных с помощью суффиксов *-ek, -ko*; менее отчетливо эта тенденция проявляется у образований с суффиксами *-eček, -ka*, слов с меной флексий *-o/ě, -a/ě*. Чаще всего фиксируются следующие виды чередований: *e(ě)/(é, í, ý)*³² — *řeten — řemínek*, реже *řemének, oběd — obídek, postel — postýlka, postélka* (книжн.), *poleno — polínko, polénko* (устар.); *o/ě, ý, í — hadr — hadérek, hadýrek, zrcadlo — zrcadélko, křeslo — křesílko, křesélko* (архаич.); *o/ů (ostrov — ostrůvek, hora — hůrka, slovo — slůvko, slon — slůně, sloně)*. Реже встре-

²⁸ Чередование *g/ž* наблюдается обычно в заимствованных словах.

²⁹ Чередованию *šk/št', sk/st'* не препятствует иногда даже наличие промежуточного гласного, например *gulášek — guláštíček*, где гласный *-e-* подвержен редукции.

³⁰ В противоположность данным суффиксам присоединение, например, суффикса *-ička*, как правило, не сопровождается усечением морфем —ср. *myšlenka — myšlenčíčka*, но *myšlenečka, sirka — sirčíčka*, но *sírečka*.

³¹ Однако чередования гласных являются менее регулярными, чем чередования согласных; они могут не происходить даже при наличии благоприятных для чередования условий, например: *kloc — klúček, kloucek, reže klocek; ohňostroj — ohňostrújek, ohňostrojek; obchod — obchůdek, obchodek* и т. д. В рамках настоящей статьи мы не ставим перед собой задачи установления причин отсутствия чередования гласных. В целом число оценочных образований, не фиксирующих чередования гласных, значительно превышает количество случаев с чередованиями.

³² В современном литературном чешском языке чередование *-e-/ě-* постепенно вытесняется чередованием *-e/-í, ý-*. Появление вставных гласных отмечается в случае комбинации нескольких согласных. Редким является чередование *-o/e-* (*jiskra — jiskerka, cihla — cihelka*).

чаются следующие случаи продления количества: -a/á- (*obraz* — *obrázek*, *zahrada* — *zahrádečka*, *hovado* — *hovádko*); i, y/í, ý (*chlubil* — *chlubilek*, *žito* — *žítko*, *byznys* — *byznýsek*, *kopyto* — *kopýtko*); o/o (*citron* — *citrónek*, *fazona* — *fazónka*); u/ou (*zub* — *zoubek*, *chalupa* — *chaloupka*); u/ú (*šus* — *šúsek*, *onice* — *onícka*); o/ou (*strop* — *stroupek*).

Значительно менее актуальны чередования, приводящие к сокращению количества гласного — как правило, они зафиксированы малочисленными примерами. Некоторую склонность к сокращению количества гласного проявляют образования с суффиксами *-enka*, *-isko*, *-átko*. Случай сокращения количества гласного отмечается и в образованиях с другими суффиксами, в частности с суффиксами *-ka*, реже *-ek* и т. д.: -á/a- (*tráva* — *travka*, *mráz* — *mrazisko*, *mrazík*); í/i (*lípa* — *lípka*, *žíla* — *žilka*); ū/o (*stůl* — *stolek*, *vůz* — *vozisko*); ou/u (*trouba* — *trubka*, *bouda* — *budka*).

Довольно распространенным является чередование *-e/o-*, чаще всего встречающееся у оценочных существительных, образованных с помощью суффиксов *-ík*, *-íček*, *-íčka* (*osel* — *oslík*, *hrozen* — *hrozníček*, *církev* — *církvíčka*). Некоторые модели образования оценочных существительных являются непрофилированными, т. е. не проявляют ярко выраженной склонности к какому-либо виду чередования (например, модели с суффиксами *-ec*, *-čík*, *-ečka*, *-ice*, *-če*, *-íčko* и т. д.). В подавляющем большинстве случаев чередования представлены в этих моделях единичными примерами³³.

Словообразовательная характеристика оценочных существительных мужского рода

Оценочные существительные мужского рода образуются в современном чешском языке путем присоединения к словообразовательной основе производящего слова (в подавляющем большинстве случаев имеется существительное мужского рода, взятое в форме N. Sg.) целого ряда суффиксов. Оценочные суффиксы существительных мужского рода отличаются большой пестротой, не все они одинаково актуальны. Несомненно, господствует модель с суффиксом *-ek*. Словообразовательная активность остальных словообразовательных средств является значительно более слабой. Относительно многочисленными образованиями представлены модели с суффиксом *-ík*, с одновременно выделяемыми суффиксами *-íček/-ek*, *-eček/-ek*. Суффикс *-ec*, бывший ранее активным словообразовательным средством, ныне в значительной мере утратил эту способность. Ниже мы рассмотрим модели образования оценочных существительных мужского рода.

Модель: словообразовательная основа существительного м. р.³⁴ + суффикс *-ek*. Модель наиболее распространенная. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс может модифицироваться (выпадение *-e*, чередование *-k/c*). Присоединение суффикса может менять парадигму исходного слова. Усечения флексии производящего слова не наблюдается, так как подавляющее большинство производящих слов имеет нулевую флексию. Суффикс обуславливает чередования в основе. Модель имеет подтипы: 1. словообразовательная основа бессуффиксальных³⁵ существительных м. р. (тип

³³ Следует заметить, что характер чередований определяется не только видом словообразовательного суффикса, но и видом производящей основы.

³⁴ Ниже мы будем пользоваться сокращением: слбр. основа сущ. м. (ж., сп.) р.

³⁵ Употребляемый в работе термин «бессуффиксальные существительные» не всегда совпадает с термином «непроизводные существительные». Он распространяется на ту категорию имен существительных, в словообразовательной структуре которых ныне не выделяется словообразовательный суффикс (хотя не исключается выделение других словообразовательных аффиксов).

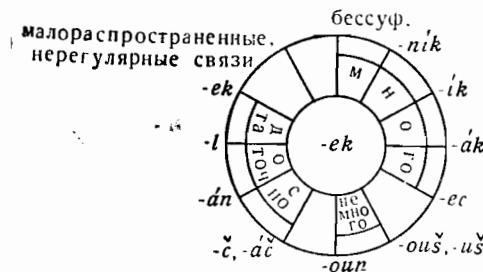
словоизменения³⁶ *pán, muž, hrad, stroj* + суффикс *-ek*. Примеров много³⁷: *komár — komárek, salátek, talířek; sníh — snížek, hrášek, ptáček, zájíček; vlas — vlásek, řetízek, světýrek* и т. д. 2. слбр. основа сущ. м. р. на *-ník*, образованных от существительных, глаголов, реже числительных (тип *pán, hrad*) + суффикс *-ek*. Примеров много: *deštík — deštíček, pracovníček, trávníček, paděláček*. 3. слбр. основа сущ. м. р. на *-ík*, образованных от имен, глаголов (тип *hrad, pán*) + суффикс *-ek*. Примеров очень много: *kapesník — kapesníček, staříček, týdeníček*; 4. слбр. основа сущ. м. р. на *-ák*, образованных от глаголов имен, в единичных случаях — от числительного (тип *hrad, pán*) + суффикс *-ek*. Примеров много: *leták — letáček, chudáček, křížáček, šestáček*. 5. слбр. основа сущ. м. р. на *-ek*, образованных от имен, глаголов, реже — от местоимения (тип *hrad, pán*) + суффикс *-ek*. Примеров достаточно: *podbradek — podbradeček, zrizeček, celeček, uloveček*. 6. слбр. основа сущ. м. р. на *-ec*, образованных от глаголов, причастий, имен (тип *muž, stroj*) + суффикс *-ek*. Примеров много: *štětec — štěteček, chodeček, kojeneček, rostiveček*. Внутри данного подтипа в качестве вариантов подтипов можно выделить следующие: а) слбр. основа сущ. м. р. на *-inec*, образованных от имен, местоимений (тип *tiž, stroj*) + + суффикс *-ek*. Примеров очень мало: *našinec — našineček, zvěřineček*; б) слбр. основа сущ. м. р. на *-enec* отыменного образования, на *-nes* отглагольного образования (тип *tiž, stroj*) + суффикс *-ek*. Примеров мало: *mládeneček — mládeneček, kmotřeneček, vlasteneček, koraneček*; в) слбр. основа сущ. м. р. на *-anec*, *-ovec* отыменного образования (тип *muž*) + + суффикс *-ek*. Единичные примеры: *bratranc — bratraneček, synoveček*. 7. слбр. основа сущ. м. р. на *-l* отглагольного образования (тип *pán*) + + суффикс *-ek*. Примеров достаточно: *chlibil — chlibílek, žvatil — žvatlálek, fňukálek*; 8. слбр. основа сущ. м. р. на *-č, -ač, -áč* отглагольного и отыменного образования (тип *muž, stroj*) + суффикс *-ek*. Примеров достаточно: *rýč — rýček, květináček; svěráč — svěráček, *zapalováček*. 9. слбр. основа сущ. м. р. на *-or, -tor* отыменного и отглагольного образования (тип *pán, hrad*) + суффикс *-ek*. Примеров немного: *diktátor — diktátorek, *kontrolárek, agitátorek, ventilátorek*. 10. слбр. основа сущ. м. р. на *-oun*, отглагольного и отыменного образования (тип *pán, hrad*) + + суффикс *-ek*. Примеров немного: *šplhoun — šplhounek, letounek, *drzounek, *hrbounek* Sl. Sp. 11. слбр. основа сущ. м. р. на *-ouš*, отыменного образования (тип *muž*) + суффикс *-ek*. Примеров немного: *cukrouš — cukroušek, snoboušek, běloušek, chytroùšek*. 12. слбр. основа сущ. м. р. на *-ín* отыменного образования (тип *hrad, pán*) + суффикс *-ek*. Примеров мало: *ovčín — ovčinek, čeledínek, včelínek*. 13. слбр. основа сущ. м. р. на *-our* отыменного образования (тип *pán, muž*) + суффикс *-ek*. Примеров мало: *kněžour — knězourek, Němcourek*. 14. слбр. основа сущ. м. р. на *-át*

³⁶ Ниже мы пользуемся сокращением: вместо «тип словоизменения *muž, hrad* и т. д.» — «тип *muž, hrad* и т. д.». В целях экономии места количество иллюстративного материала сведено к минимуму, поэтому в некоторых случаях приводимые примеры охватывают не все возможные в рамках данного словообразовательного подтипа типы словоизменения производящих слов (сказанное в особенности относится к моделям с одновременно выделяемыми словообразовательными суффиксами).

³⁷ Приводя примеры использования того или иного словообразовательного средства, мы сопровождаем их обычно пометами, указывающими, насколько часто образования с данными суффиксами встречаются в имеющемся в нашем распоряжении материале. При этом ориентировочно подобные пометы соответствуют следующему количеству примеров: единичный случай — 1 пример; очень мало — 2 примера; мало — до 5 примеров; немного — 5—7 примеров; достаточно — около 8—10 примеров; много — более 10 примеров; наконец, иногда встречается помета «очень много» — разумеется, все эти пометы очень приблизительны. В случаях, сопровождаемых пометами «единично», «мало», «очень мало», обычно приводятся все собранные примеры; в остальных случаях количество примеров сведено к минимуму.

отыменного образования (тип *hrad*) + суффикс *-ek*. Примеров очень мало: *formát* — *formátek*, *preparátek*. 15. слбр. основа сущ. м. р. на *-tel* от глагольного образования (тип *muž*) + суффикс *-ek*. Примеров мало: *spisovatatel* — *spisovatýlek*, *ředitýlek*, *učitýlek*. 16. слбр. основа сущ. м. р. на *-an* отыменного образования (тип *pán*) + суффикс *-ek*. Примеров мало: *vesničan* — *vesničánek*, *venkovánek*, *měst'ánek*. 17. слбр. основа сущ. м. р. на *-án*, образованных от имен, числительных (тип *pán*) + суффикс *-ek*. Примеров достаточно: *republikán* — *republikánek*, *oktavánek*, *kvartánek*. 18. слбр. основа сущ. м. р. на *-ář*, *-íř*, преимущественно отыменных (тип *muž*, *stroj*) + суффикс *-ek*. Примеров очень мало: *slabikář* — *slabikárek*, *básnířek*. 19. слбр. основа сущ. м. р. на *-och* отыменного образования (тип *pán*) + суффикс *-ek*. Примеров очень мало: *černoch* — **černošek*, **divošek*. 20. наконец, в некоторых случаях присоединение оценочного суффикса *-ek* иллюстрируется лишь единичными примерами. Приведем некоторые из них: *hrbol* — *hrbolek*, *střechýl* — *střechýlek*, **dvořil* — **dvořílek*, *intelektuál* — *intelektuálek*, *rukáv* — *rukávek*, *student* — *studentek* и т. д.

Схема структурных связей суффикса *-ek*³⁸

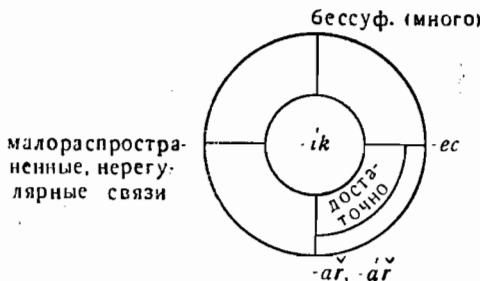

Как мы можем убедиться, словообразовательные связи суффикса *-ek* очень многообразны, ярко выражены (т. е. засвидетельствованы многочисленными образованиями от продуктивных словообразовательных основ).

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффикс *-ík*. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова вид суффикса может изменяться (чредование *-k/c-*). Присоединение суффикса может менять парадигму исходного слова. В подавляющем большинстве случаев усечение флексии не наблюдается. Суффикс обуславливает чередования в основе. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. м. р. бессуффиксальных (тип *pán, hrad, stroj, muž*) + суффикс *-ík*. Примеров много: *vers — versík, keřík, motýlík; svetr — svetřík, tančík, svazík, hošík; kůl — kolík, oslík.* 2. слбр. основа сущ. м. р. на *-ec*, образованных от имен, глаголов, реже — числительных, местоимений (тип *stroj, muž*) + суффикс *-ík*. Примеров достаточно: *Japonec — Japončík, *dravčík, čtverčík, sobčík.* 3. слбр. основа сущ. м. р. на *-ař, -ář* отыменного образования, на *-ýř* отглагольного образования (тип *muž*) + суффикс *-ík*. Примеров достаточно (за исключением образований на *-ýř*): *hokynář — hokyňářík, lékařík, tesařík, kovářík, *pastýřík.* 4. слбр. основа сущ. м. р. на *-ce* отглагольного образования (тип *soudce*) + суффикс *-ík*. Примеров очень мало: *vůdc(e) — *vůdčík, správčík.* 5. слбр. основа отыменных сущ. м. р. на *-ol* (тип *hrad*) + суффикс *-ík*. Примеров мало: *vrchol — vrcholík, hrbolík.* 6. слбр. основа отглагольного сущ. м. р. на *-ent* (тип *pán*) + суффикс *-ík*. Единичный пример: *student — studentík.*

³⁸ Нерегулярные, малораспространенные и единичные словообразовательные связи в данной и последующих схемах отражаются суммарно, без последующей конкретизации. Расстояние между лучами схемы произвольно.

Схема структурных связей суффикса *-ik*

Словообразовательные связи суффикса *-ik* являются ограниченными, однако данный суффикс сочетается с продуктивными типами основ. Указанное обстоятельство обуславливает прочность позиций суффикса *-ik* в словообразовательной практике.

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффикс *-iček*. Данная модель широко распространена в современном чешском языке. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс может модифицироваться (чередование *-k/c-*, выпадение *-e-*). Присоединение суффикса может иногда менять парадигму исходного слова. Усечение флексии производящего слова обычно не наблюдается. Суффикс в ряде случаев может обуславливать чередования в основе. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. м. р. бессуффиксальных (тип *tuž*, *pán*, *hrad*, *stroj*) + суффикс *-iček*. Примеров много: *čaj* — *čajíček*, *receptíček*, *zetiček*, *doktor* — *doktoříček*, *ptáčíček*; *hrozen* — *hrozníček*, *kříček*. 2. слбр. основа отыменных сущ. м. р. на *-ar̄*, *-ář* (тип *tuž*), примеров немного; на *-ní* (тип прилагательных — единичный пример) + суффикс *íček*: *hokynář* — *hokynáříček*, *knihaříček*, *samtáříček*; *důchodn(i)* — **důchodeníček* Sl. Sp. 3. слбр. основа сущ. м. р. на *-tel* отглагольных (тип *tuž*) + суффикс *-iček*. Примеров мало: *spisovatel* — *spisovateliček*, **obyvateliček*, **učitelíček*. 4. слбр. основа сущ. м. р. на *-ek* отыменного образования, в единичном случае они образованы от местоимения (тип *hrad*) + суффикс *-iček*. Примеров очень мало: *spolek* — **společíček*, *gulášek* — *gulášíček*, *koustiček*.

Схема структурных связей суффикса *-iček*

Наиболее активной является связь с бессуффиксальными существительными.

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффикс *-eček*. Суффикс *-eček* относится к числу довольно активных в современном чешском языке оценочных суффиксов. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс может модифицироваться (выпадение гласного *-e-*, чередование *-k/c-*). Присоединение суффикса может менять парадигму исходного слова. Усечение флексии производящего слова, как правило, не наблюдается. Суффикс не обуславливает обязательных

чертежований в основе — число чередований очень невелико. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. м. р. бессуффиксальных (тип *hrad*, *pán*, *stroj*) + суффикс *-eček*. Примеров много: *závěr* — *závěreček*, *filmeček*, *profesoreček*, *kraj* — *kraječek*; *nazdar* — *nazdáreček*, *odpáreček*. 2. слбр. основа сущ. м. р. на *-án*, *-ce* отыменных (тип *pán*, *soudce*) + суффикс *-eček*. Единичные примеры: *velikán* — *velikáneček*, *zrádce* — **zrádeček*.

Схема структурных связей суффикса *-eček*

Наиболее активная связь с бессуффиксальными существительными.

Оценочные существительные мужского рода, образованные присоединением одновременно выделяемых оценочных суффиксов. Как уже отмечалось выше, возможность выделения в словообразовательной структуре одного и того же слова различных словообразовательных суффиксов обусловлена способностью слова соотноситься одновременно с несколькими производящими основами. Впоследствии в результате ослабления тех или иных словообразовательных связей словообразовательная структура слова может подвергнуться переосмыслинию, и тем самым оно может превратиться в слово с однозначной словообразовательной структурой.

Модель: а) первичная связь³⁹ — слбр. основа нейтрального сущ. м. р. + суффикс *-íček*; б) вторичная связь — слбр. основа оценочного сущ. м. р. + суффикс *-ek*.

Оценочные существительные, в словообразовательной структуре которых одновременно возможно выделить суффиксы *-íček/-ek*, в равной мере соотносятся как с нейтральным словом (в этом случае круг производящих словообразовательных основ весьма разнообразен), так и с оценочным существительным первой степени на *-ík*⁴⁰. Принципиально оба вида связи являются актуальными в одинаковой мере. Однако при классификации мы располагали материал в зависимости прежде всего от связи оценочного слова с нейтральным в силу того, что происходящие в этом случае изменения структуры и круг словообразовательных основ являются более многообразными⁴¹. Внутри модели выделяются подтипы: 1. а) слбр. основа нейтрального бессуффиксального сущ. м. р. (тип *pán*, *hrad*, *stroj*, *tuž*) + суффикс *-íček*; б) слбр. основа оценочного сущ. муж. р. на *-ík* (тип *hrad*) + суффикс *-ek*. Примеров много: *dortíček*: а) *dort* (*-íček*); б) *dortík* (*-k/č-*; *-ek*); *hadříček*: а) *hadr* (*-r/ř-*; *-íček*); б) *had*

³⁹ Мы употребляем термины «первичная связь», «вторичная связь» условно, не подразделяя данные типы по степени их важности.

⁴⁰ С обязательным чередованием *k/č* на стыке.

⁴¹ Подробные комментарии и графические схемы к одновременно выделяемым суффиксам оценочных существительных всех родов нами опускаются, так как они совпадают с комментариями и графическими схемами соответствующих отдельных суффиксов.

řík (-k/č-; -ek); *loktíček*: а) *loket* (-e/o-; -ícek); б) *loktík* (-k/č-; -ek) и т. д. 2. а) слбр. основа сущ. м. р. нейтрального па -ař, -ář отглагольного, отымененного образования (тип muž, páñ), на -ent отглагольного образования (тип muž, páñ)+ суффикс -ícek; б) слбр. основа оценочного сущ. м. р. на -ík (тип páñ)+ суффикс -ek. Примеров немного: *studentíček*: а) *student* (-ícek); б) *studentík* (-k/č-; -ek) и пр.; *pekaříček*: а) *pekař* (-ícek); б) *pekařík* (-k/č-; -ek);

Модель: а) первичная связь — слбр. основа нейтрального сущ. м. р. + суффикс -eček; б) вторичная связь — слбр. основа оценочного сущ. м. р. + суффикс -ek.

Оценочные существительные данного типа (так же, как и предыдущего) довольно широки распространены в языке. Они соотносятся одновременно с нейтральными словами и с оценочными словами первой степени, образованными с помощью суффиксов -ek и -ec. Показательно, что в ряде случаев оценочные образования с суффиксом -ec являются малоупотребительными — свидетельство постепенного ослабления данной словообразовательной связи. Модель имеет подтипы: 1. а) слбр. основа нейтрального сущ. м. р. бессуффиксального (тип páñ, hrad)+суффикс -eček; б) слбр. основа оценочного сущ. м. р. на -ek, -ec (тип páñ, hrad, muž, kraj)+суффикс -ek. Примеров много: *syneček*: а) *syn* (-eček); б) *synek* (-k/č-; -ek); *rozumeček*: а) *rozum* (-eček); б) *rozumek* (-k/č-; -ou/u-; -ek); *mláteček*: а) *mlat* (-a/á-; -eček); б) *mlátek* (-k/č-; -ek); *obrázeček*: а) *obraz* (-a/á-; -eček); б) *obrázek* (-k/č-; -ek); *ostráveček*: а) *ostrov* (-o/ú-; -eček); б) *ostrávek* (-k/č-; -ek); *krbeček*: а) *krb* (-eček); б) *krbec* (-c/č-; -ek); *chlumeček*: а) *chlum* (-eček); б) *chlumek* (-k/č-; -ek), в) **chlumec* (-c/č-; -ek). 2. а) слбр. основа нейтрального сущ. м. р. на -áv, -ol отыменного, отглагольного образования (тип hrad, muž)+суффикс -eček; б) слбр. основа оценочного сущ. м. р. на -ek (тип hrad)+суффикс -ek. Единичные примеры: *rukáveček*: а) *rukáv* (-eček); б) *rukávek* (-k/č-; -ek); *hrboleček*: а) *hrbol* (-eček); б) *hrbolek* (-k/č-; -ek).

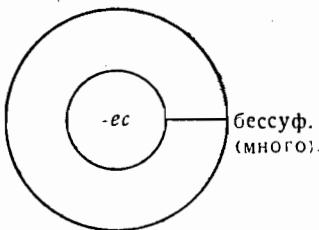
Рассмотренные нами способы образования оценочных существительных мужского рода являются наиболее распространенными. Они регулярно функционируют в словоизводственной практике современного чешского языка. Значительно сужена сфера использования в словообразовательном процессе ниже следующих оценочных суффиксов мужского рода (многие из приводимых оценочных образований являются разговорными).

Модель: слбр. основа сущ. м. р.+суффикс -ec. Суффикс -ec относится к числу оценочных суффиксов, сужающих в современном чешском языке сферу своего употребления. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс может модифицироваться (выпадение -e). Присоединение суффикса может менять парадигму исходного слова. Усечение флексии производящего слова не наблюдается. Встречаются случаи чередования согласных основы. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. м. р.⁴² бессуффиксальных⁴³ (тип hrad, kraj)++суффикс -ec. Примеров много: *prapor* — *praporec*, **ohnpec*, **prstec*, *†korábec*; *hloh* — **hlóžec*; *dub* — *doubec* и т. д. Заметим, что большинство образований с оценочным суффиксом -ec несет на себе отчетливо ощущаемый носителями современного чешского языка налет архаичности. От рассматриваемых ниже оценочных образований образования с суффиксом -ec отличаются меньшей долей экспрессивной насыщенности.

⁴² Есть случай присоединения к сущ. ср. р.: *město* — † *městec*.

⁴³ Подавляющее большинство слов, образованных посредством суффикса -ec, является непроизводными образованиями.

Схема структурных связей суффикса *-ec*

Следует заметить, что контактные способности словообразовательных суффиксов определяются не только характерной для них фонетической приспособляемостью, сочетаемостью с соответствующими производящими словообразовательными основами, но и некоторыми словообразовательными закономерностями, проявляющимися, в частности, в конкуренции словообразовательных суффиксов между собой. Так, суффикс *-ec* вытесняется постепенно из словоизводственной практики более активными словообразовательными морфемами, например, путем наращивания более продуктивного суффикса *-ek*: *hrádec* было вытеснено формой *hrádeček* и т. д.

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффикс *-ina*⁴⁴. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс не модифицируется. Присоединение суффикса может менять парадигму исходного слова. Иногда наблюдается усечение флексии производящего слова. Суффикс обуславливает чередование в основе. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. м. р. бессуффиксальных (тип *pán*, *předseda*) + суффикс *-ina*. Примеров мало: *tat(a)* — **tatina*, **chlapina*; *pes* — *psina*; *klik* — *klučina*.

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффикс *-ka*. Комментарий аналогичен предыдущему. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. м. р. бессуффиксальных (тип *pán*, *muž*, *předseda*) + суффикс *-ka*. Примеров мало: *tat(a)* — *tat'ka*; *stříc* — *střejka* (нар.); *brácha* — *bráska*, *brat(r)* — *brat'ka*.

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффикс *oip*. Комментарий аналогичен предыдущему, однако случаи чередования при присоединении данного суффикса не фиксируются. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. м. р. бессуффиксальных (тип *pán*, *předseda*) + суффикс *-oip*. Примеров очень мало: *kostr(a)* — *kostroun*, *vrah* — *vrahoun*.

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффикс *-ánek*. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс может модифицироваться (выпадение *-e*, чередование *k/c*). Присоединение суффикса обычно не меняет парадигму исходного слова. Усечение флексии производящего слова как правило не наблюдается. Чередования в основе редки. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. м. р. бессуффиксальных (тип *hrad*, *pán*, *muž*) + суффикс *-ánek*. Примеров мало: *nos* — *nosánek*, *kmotránek*; *otec* — **otčánek*, *hoch* — *hošánek*.

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффикс *-áček*. Комментарий аналогичен предыдущему. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. м. р. бессуффиксальных (тип *pán*, *předseda*) + суффикс *-áček*. Примеров мало: *kmotr* — *kmotráček*, *synáček*, *kolegáček*.

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффикс *-ínek*. Комментарий аналогичен предыдущему, однако данный суффикс обуславливает чере-

⁴⁴ В связи с однообразием словообразовательных связей рассматриваемых ниже словообразовательных суффиксов (а также аналогичных оценочных суффиксов женского и среднего рода) мы опускаем схемы присущих им структурных связей.

дование согласных в основе. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. м. р. бессуффиксальных (тип *pán*, *muž*) + суффикс *-ínek*. Примеров немного: *kmotr* — *kmotřínek*, *ptáčinek*, *přítelínek*.

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффикс *-oušek*. Комментарий аналогичен предыдущему, однако иногда наблюдается усечение флексии производящего слова. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. м. р. бессуффиксальных (единичный случай — присоединение к слбр. основе сущ. м. р. на *-ec*) (тип *pán*, *předseda*, *muž*) + суффикс *-oušek*. Примеров немного: *kmet* — **kmetoušek*, *pán* — **panoušek*, *šefoušek*, *plešat(ec)* — *plešat'oušek*, *rad(a)* — **radoušek*.

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффиксы *-áček/-ek*. Модель имеет подтип: а) слбр. основа нейтральных сущ. м. р. бессуффиксальных (тип *muž*, *pán*, *hrad*) + суффикс *-áček*; б) слбр. основа сущ. м. р. оценочных на *-ák* (тип *pán*) + суффикс *-ek*. Примеров мало: *Cecháček*: а) *Cech* (*-áček*); б) **Čechák* (*k/č*; *-ek*); **zubáček*: а) *zub* (*-áček*); б) *zubák* (*k/č*; *-ek*).

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффикс *-ák*. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс может модифицироваться (чредование *k/c*). Присоединение суффикса иногда меняет парадигму исходного слова. Усечение флексии производящего слова не наблюдается. Случай чередования в основе обычно не фиксируются. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. м. р. бессуффиксальных (тип *hrad*, *pán*, *muž*) + суффикс *-ák*. Примеров достаточно: *zub* — *zubák*, *verřák*, *vředák* (нар.), **Čechák*.

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффикс *-our*. Комментарий аналогичен предыдущему, однако при модификации суффикса отмечается чредование *r/ř*; иногда фиксируются чредования согласных в основе. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. м. р. бессуффиксальных (тип *muž*, *pán*) + суффикс *-our*. Примеров мало: *Němec* — *Němcour*, *kněz* — *kněžour*; *děd* — **dědour*.

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффикс *-čík*. Комментарий аналогичен предыдущему, однако при модификации суффикса отмечается чредование *k/c*; изредка фиксируются чредования гласных в основе. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. м. р. бессуффиксальных (в единичном случае представлено присоединение к слбр. основе отымененного сущ. на *-án*) (тип *pán*) + суффикс *-čík*. Примеров достаточно: *Arab* — **Arabčík*, *kantor* — **kantúrčík*, *kaplan* — **kaplančík*, *luterán* — **luteránčík*.

Модель: слбр. основа сущ. м. р. + суффикс *-an*. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс не модифицируется. Парадигма исходного слова не меняется. Усечение флексии производящего слова не наблюдается. В некоторых случаях в основе возникают чредования. Модель имеет подтип: слбр. основа бессуффиксальных сущ. м. р. (тип *pán*, *hrad*) + суффикс *-an*. Примеров мало: *sop* — *soran*, *zuban*; *pes* — *pejsan*; *vlk* — *vlčan*.

Ниже будет рассмотрена довольно большая группа перегулярных, как правило редко употребляющихся словообразовательных суффиксов оценочных существительных мужского рода. Большинство приводимых образований является принадлежностью разговорной речи или диалектов.

Суффикс *-ilínek*: **kousilínek*: а) *kus* (*-u/ou-*; *-ilínek*); б) *kousek* (минус *-ek*; *-ilínek*); суффикс *-ula*, *-ul'a*: *tat(a,i)* — **tatula*, *-ul'a*, *strejdula*, *-ul'a*; одновременно выделяемые суффиксы *-ulenka/-enka*: **tat'ulenka*: а) *tat(a,i)* (*'ulenka*); б) *tatul(a)* (*-enka*); суффикс *-izna*: *učitel* — **učitelizna* (нейор.); суффикс *-ul'da*: *tat(a,i)* — **tatul'da*; суффикс *-da*: *strýc* — *strejda* (фам.); суффикс *-álek*: *strejd(a)* — **strejdálek* (фам.); суффикс *-ěnko*: *sírot(ek)* — *sirotěnko*; суффикс *-ynek*: *pon(y)* — *ponynek*; суффикс *-šík*: *pop* — *popšík*;

суффикс *-ének* (-enek): *pyl* — **pylének*, **listenek*, **dédének*; суффикс *-inka*: *les* — *lesinka*, *sirot(ek)* — **sirotinka*; суффикс *-as*: *zednik* — **zedňas*, *kůň* — *koňas*, *strejd(a)* — **strejd'as*; одновременно выделяемые суффиксы *-ánek/-ek*: *pejsánek*: а) *pes* (-ej-; -ánek); б) *pejsan* (-a/á-; -ek); *copánek*: а) *cop* (*ánek*); б) *copan* (-a/á-, -ek); суффикс *-ulínek*: *děd* — *dědulínek*; суффикс *-áň*: *zub* — *zubáň* (диал.); суффикс *-kola*: *strý(c)* — *strekola* (диал.); суффикс *-le*: *fotr* (вульг. из нем. *Vater*) — *fotrl*; суффикс *-rda*: *člov(ek)* — *človarda* *Sl. Sp.*; суффикс *-ous*: *děd* — **dědous* (пейор.); суффикс *-ouš* (-uš): *snob* — **snobouš* (шуточки); *děd* — *dědouš* (фам.); *tat(a)* — **tatouš*, -uš; суффикс *-ounek*: *děd* — **dědounek*; суффикс *-ura*: *děd* — *dědura*; суффикс *-a*: *děd* — *děda*, *Sl. Sp.*; суффикс *-átor*: *věd(ec)* — *vědátor* (разг.); одновременно выделяемые суффиксы *-oušek/-ek*: *dědoušek*: а) *děd* (-oušek); б) *dědouš(-ek)*; суффикс *-uška*: *děd* — **děduška*; суффикс *-oulek*: *hrn(ek)* — **hrnoulek*; суффикс *-línek*: *klobou(k)* — **kloboulínek*; суффикс *-ounek*: *klob(ouk)* — **klobounek*; суффикс *-ys*: *měst(o)* — *městys*; суффикс *-ko*: *otec* — *otcko* (фам.) («Vlasta», 1961, № 32, стр. 11).

Словообразовательная характеристика оценочных существительных женского рода

Оценочные существительные женского рода отличаются меньшей пестротой словообразовательных средств, чем рассмотренные выше оценочные существительные мужского рода. Среди оценочных суффиксов женского рода доминирующим является суффикс *-ka*, однако он не проявляет такой узурпации, какая присуща оценочному суффиксу *-ek*. Достаточно активен суффикс *-ička* и в меньшей мере — суффикс *-ečka*.

В подавляющем большинстве случаев оценочные существительные женского рода образуются путем присоединения соответствующих оценочных суффиксов к словообразовательной основе существительных женского рода, взятых в форме N. Sg. Присоединение оценочных суффиксов обычно сопровождается усечением флексии исходного слова. Ниже будут рассмотрены модели образования оценочных существительных женского рода.

Модель: слбр. основа сущ. ж. р. + суффикс *-ka*. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс может модифицироваться (чертедование *-k/c-*). Присоединение суффикса может менять парадигму исходного слова. В некоторых случаях наблюдается усечение флексии производящего слова. Как правило, суффикс не вызывает чередования в основе, однако случаи чередования все же имеются. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. ж. р. бессуффиксальных (тип *žena*, *nůše*, *píseň*, *kost*) + суффикс *-ka*. Примеров очень много: *žláz(a)* — *žlázka*, *kůžka*, *sít'ka*, *hrstka*; *lžíc(e)* — *lžíčka*, *ručka*, *soška*, *bitmážka*; *tráv(a)* — *travka*, *lipka*, *trubka* и т. д. 2. слбр. основа сущ. ж. р. на *-ina*, образованных от имен, изредка от глагола, числительного (тип *žena*) + суффикс *-ka*. Примеров много: *květin(a)* — *květinka*, *ra-vučinka*, *hovězinka*, *drolin(a)* — *drolinka*, *pětinka*. 3. слбр. основа сущ. ж. р. на *-ena*, образованных от существительных, реже от глаголов (тип *žena*) + + суффикс *-ka*. Примеров мало: *pradlen(a)* — *pradlenka*, *přadlenka*, *stařenka*. 4. слбр. основа отыменных сущ. ж. р. на *-kyně*, *-yne* (тип *nůše*) + суффикс *-ka*: *umělkyn(ě)* — **umělkynka*, *Němkyňka*, **podruhyňka*. 5. слбр. основа сущ. ж. р. на *-nice*, образованных от имен, глаголов (тип *nůše*) + + суффикс *-ka*. Примеров немного: *uřednic(e)* — *uřednička*, *vesnička*, *pracovička*. 6. слбр. основа сущ. ж. р. на *-ice* отыменного образования (тип *nůše*) + суффикс *-ka*. Примеров довольно много: *mučednic(e)* — *mučednička*, *zvonička*, *ještěřička*, *tygřička*. 7. слбр. основа сущ. на *-ost* отыменных и отглагольных (тип *kost*) + суффикс *-ka*. Примеров много: *něž-*

nost — *nežnůstka*, *žarlivůstka*, *povinnůstka*, *citlivůstka*. 8. слбр. основа сущ. ж. р. на *-avice*, *-enice*, *-ovice* отыменного образования (тип *nůše*) + + суффикс *-ka*. Примеров мало: *rukavic(e)* — *rukavička*, *sesřenice* — *sestřenicka*, *krkovic(e)* — *krkovička*. 9. слбр. основа сущ. ж. р. на *-esa*, *-ovina*, *-ule*, *-tura*, *-oida*, отыменного образования (тип *žena*, *nůše*) + суффикс *-ka*. Единичные примеры: *barones(a)* — *baroneska*, *rakovin(a)* — *rakovinka*, *břehul(e)* — *břehulka*, *registratur(a)* — *registraturka*, *planetoid(a)* — *planetoidka*.

Схема структурных связей суффикса *-ka*

Как мы видим из схемы, круг словообразовательных связей суффикса *-ka* довольно широк, отдельные типы связей достаточно ярко выражены и подтверждены многочисленными примерами.

Модель: слбр. основа сущ. ж. р. + суффикс *-ička*. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс может модифицироваться (чертежование *-k/c-*). Присоединение суффикса может иногда изменять парадигму исходного слова. Как правило, наблюдается усечение флексии производящего слова. Обычно суффикс не вызывает чередования в основе, однако случаи чередования все же встречаются. Суффикс *-ička* является очень активным оценочным суффиксом. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. ж. р. бессуффиксальных (тип *žena*, *nůše*, *píseň*) + суффикс *-ička*. Примеров очень много: *zim(a)* — *zimička*, *gážička*; *ruk(a)* — *ručička*, *lištička*, *kmotřička*, *orčička*; *mrkev* — *mrkvička*, *kulička*. 2. слбр. основа сущ. ж. р. на *-ka*, образованных от имен, глаголов (тип *žena*) + суффикс *-ička*. Примеров достаточно: *chvilk(a)* — *chvilčička*⁴⁵, *služtička*, *mistička*. 3. слбр. основа сущ. ж. р. на *-na*, отыменных, отглагольных (тип *žena*) + суффикс *-ička*. Примеров немного: *rozhledn(a)* — *rozhlednička*, *písarnička*, *jídelnička*, *pracovnička*. 4. слбр. основа сущ. ж. р. на *-árna* отыменных (тип *žena*) + суффикс *-ička*. Примеров достаточно: *vodárн(a)* — *vodárníčka*, *kavárnička*. 5. слбр. основа сущ. ж. р. на *-rna* отглагольных, на *-írna* отыменных (тип *žena*) + суффикс *-ička*. Подтип, вариантный предыдущему подтипу. Примеров мало: *pražírn(a)* — *pražírnička*, *špížírnička*, *strojírnička*. 6. слбр. основа сущ. ж. р. на *-ba* преимущественно отглагольного образования (тип *žena*). Примеров достаточно: *řezb(a)* — *řezbička*, *vazbička*, *skladbička*, *hradbička*. 7. слбр. основа сущ. ж. р. на *-ovna* отыменного образования (тип *žena*) + + суффикс *-ička*. Примеров немного: *knihovn(a)* — *knihovnička*, *tkalcovnička*, *strojovnička*. 8. слбр. основа сущ. ж. р. на *-ule*, *-da*, *-ezna*, *-izna*, *-ovka*, *-inka*, отыменных (тип *žena*, *nůše*) + суффикс *-ička*. Единичные примеры: *sněhulička*: а) *sněhul(e)* (*-ička*); б) *sněhul(ka)* (*-ička*, редукция *-ka*);

⁴⁵ Существительные на *-ička* соотносятся непосредственно с оценочными существительными первой степени, а не с нейтральными словами, так как в последнем случае это сопровождалось бы сложными фонетическими модификациями — ср. *chvíle* — *chvilčička* (*-i/i-*, *-čička*), причем компонент *-čička* как правило не фиксируется в качестве самостоятельного словообразовательного средства.

*vražd(a) — vraždička; princezn(a) — princeznička; podobizn(a) — podobiznička; taktov(ka) — *taktovička; matink(a) — matincička.* 9. слбр. основа сущ. ж. р. на *-še*, *-va*, *-ota* отлагольного образования (тип *žena*, *núše*) + + суффикс *-ička*. Единичные примеры: *skrýš(e) — *skrýšička, pastv(a) — pastvička, dřímot(a) — dřímotička*.

Схема структурных связей суффикса *-ička*

Наиболее активной является связь с бессуффиксальными именами существительными. По сравнению с суффиксом *-ka* круг словообразовательных связей суффикса *-ička* также довольно широк, однако эти связи выражены менее рельефно (т. е. представлены менее многочисленными образованиями).

Модель: слбр. основа сущ. ж. р. + суффикс *-ečka*. Суффикс *-ečka* также относится к числу активных словообразовательных средств современного чешского языка. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс может модифицироваться (чредование *-k/c-*). Присоединение суффикса как правило не меняет парадигму исходного слова. Усечение флексии производящего слова наблюдается повсеместно. В подавляющем большинстве случаев суффикс не вызывает чередования в основе. При анализе образований с оценочным суффиксом *-ečka* мы вновь сталкиваемся с явлением, когда одно и то же слово соотносится в словообразовательном отношении с несколькими словами одновременно. Однако для оценочных существительных, образованных с помощью суффикса *-ečka*, а также некоторых других суффиксов, различная словоизводственная соотносимость не влияет на вид словообразовательной структуры слова, например, *vteřinečka* разлагается на *vteřin-ečka*, независимо от того, соотносится ли данное слово с существительным *vteřina*, либо с оценочным *vteřinka* (с редукцией словообразовательного суффикса). Учитывая это обстоятельство, мы сочли возможным при классификации оценочных существительных данного типа указать только одну из возможных мотивировок (именно: связь с нейтральными словами), лишь оговорив возможность наличия других мотивировок. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. ж. р. бессуффиксальных (тип *huba*) + суффикс *-ečka*. Примеров много: *malin(a) — malinečka, korunečka, slámečka, sirečka*. 2. слбр. основа сущ. ж. р. на *-ka*, образованных от имен, глаголов, изредка — числительных (тип *žena*) + + суффикс *-ečka*. Примеров достаточно: *povíd(ka) — povídečka, *tužečka, zrčečka, *desítečka*. 3. слбр. основа сущ. ж. р. на *-ina*, образованных от имен, в единичном случае от числительного (тип *žena*) + суффикс *-ečka*. Примеров мало: *krajin(a) — krajinečka, pěšinečka, rovinečka, třetinečka*. 4. слбр. основа сущ. ж. р. на *-enka*, *-na*, *-ovka* отыменных (тип *žena*) + + суффикс *-ečka*. Единичные примеры: *panen(ka) — panenečka, stařen(a) — stařenečka* (диал.), *židov(ka) — židovečka*.

Несколько сложнее обстоит дело при анализе словообразовательной структуры тех оценочных существительных, у которых присоединение

суффикса *-ečka* сопровождалось звуковыми модификациями нейтрального слова. Так, например, существительные *zahrádečka*, *stodůlečka*, *knížečka* по своим фонетическим особенностям больше сближаются с первичными оценочными словами (ср. *zahrádka*, *stodůlka*, *knížka*), чем с нейтральными образованиями (ср. *zahrada*, *stodola*, *kníha*). По нашему мнению, в подобных случаях следует оказывать предпочтение мотивировке, содержащей наименьшее количество фонетических модификаций. В связи с этим наиболее вероятным для слов типа *zahrádečka*, *stodůlečka* и им подобных является соотнесение с оценочными образованиями типа *zahrádka*, *stodůlka*. Однако при классификации материала мы все же указывали обе мотивировки: *zahrádečka*: а) *zahrada* (минус флексия; -a/á-; -ečka); б) *zahrádka* (редукция -ka; -ečka); *žilečka*: а) *žila* (минус флексия; -i/i-; -ečka); б) *žilka* (редукция -ka; -ečka). Аналогично: *podkůvečka*, *stodůlečka* и т. д.

Схема структурных связей суффикса *-ečka*

Словообразовательные связи суффикса *-ečka* довольно ограничены, но достаточно прочны. Это превращает суффикс *-ečka* в устойчивое словообразовательное средство.

Модель: слбр. основа сущ. ж. р. + суффиксы *-ička/-ka*. Данные парные суффиксы принадлежат к числу активных словообразовательных средств современного чешского языка. Суффикс *-ička* выделяется у указанных оценочных существительных при соотнесении их с нейтральными образованиями (в этом случае вид производящей словообразовательной основы бывает довольно разнообразным). Суффикс *-ka* выделяется при соотнесении с существительными на *-ice*, бывшими в большинстве в прошлом оценочными существительными первой степени; теперь многие из них утратили элемент оценки в своей семантике и превратились в обычные нейтральные образования. При классификации материал располагался в зависимости от характера словообразовательных связей суффикса *-ička*, так как вид производящей словообразовательной основы при суффиксе *-ka* однообразен. Модель имеет подтипы: 1. а) слбр. основа нейтральных сущ. ж. р. бессуффиксальных (тип *žena*, *půše*, *píseň*) + суффикс *-ička*; б) слбр. основа оценочного сущ. ж. р. на *-ice* (тип *půše*) + суффикс *-ka*. Примеров много: *hvězdíčka*: а) *hvězd(a)* (-ička); б) **hvězdice* (-c/c-; -ka). Аналогично: *rybička*: а) *ryb(a)* (-ička); б) **rybic(e)* (-c/c-; -ka); *sekeřička*: а) *seker(a)* (-r/r̩; -ička); б) *sekeřice* (-c/c-; -ka); *travička*: а) *tráv(a)* (-á/a; -ička); б) *trav(ka)* (-ička), в) **trávic(e)* (-c/c-; -ka) и т. д. В следующих случаях двойственность словообразовательной структуры практически утрачена в связи с выходом из употребления соответствующих соотносимых слов: *kaplička*: а) *kapl(e)* (-ička); б) †*kaplic(e)* (-c/c-; -ka); *košilička*: а) *košil(e)* (-ička); б) †*košilic(e)* (-c/c-; -ka) и т. д. 2. а) слбр. основа нейтральных сущ. ж. р. на *-na* отыменных (тип *žena*) + суффикс *-ička*; б) слбр. основа оценочных сущ. ж. р. на *-ice* (тип *půše*) + суффикс *-ka*. Примеров мало: *pokladnička*: а) *pokladn(a)*

(-ička); б) *pokladnic(e)* (-c/č; -ka). 3. а) слбр. основа нейтральных сущ. ж. р. на -ovka, -ka отыменного образования (тип žena) + суффикс -ička; б) слбр. основа оценочных сущ. ж. р. на -ice (тип nůše) + суффикс -ka. Единичные примеры: židovička: а) židov(ka) (-ička); б) židovic(e) (-c/č; -ka); hůlčička: а) hůl(ka) (-ička); б) *hůlčic(e) (-c/č; -ka). 4. а) слбр. основа нейтральных сущ. ж. р. на -ala отглагольного образования (тип žena) + суффикс -ička; б) слбр. основа оценочных сущ. ж. р. на -ice (тип nůše) + суффикс -ka. Единичный случай: píšťalic̄ka: а) píšťal(a) (-ička); б) píšťalic(e) (-c/č; -ka).

Модель: слбр. основа сущ. ж. р. + суффикс -ice. Суффикс -ice не является ныне активным словообразовательным средством оценочных существительных женского рода. Многие существительные, образованные посредством данного суффикса, утрачивают элемент оценки в своем значении и превращаются в обычные нейтральные образования. Практически эта модель служит базой для образования другой модели, с суффиксом -ička. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс не модифицируется. Присоединение суффикса может менять парадигму исходного слова. Как правило, наблюдается усечение флексии производящего слова. Случаи чередования в основе довольно редки. Модель имеет подтипы: 1) слбр. основа сущ. ж. р. бессуффиксальных (тип žena, nůše, píseň) + суффикс -ice. Примеров достаточно: hvězd(a) — hvězdice (поэтич.), růžice (редкое); holk(a) — holčice (редк.), *sestřice (поэтич.), žáb(a) — žabice, konvice: 2. слбр. основа сущ. ж. р. на -ba, -ala отглагольного образования, на -ovka, -ka отыменного образования (тип žena) + суффикс -ice. Единичные примеры: chodb(a) — chodbice (арго шахтеров), píšťal(a) — píšťalice, židov(ka) — židovice (пейор.), hůlk(a) — *hůlčice.

Схема структурных связей суффикса -ice

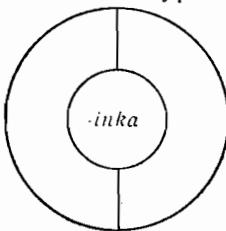

Модель: слбр. основа сущ. ж. р. + суффикс -inka. Сфера использования данного суффикса в современном чешском языке в общем довольно ограничена, однако, в отличие от предыдущего суффикса, образования с суффиксом -inka не несут налета архаичности. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс может модифицироваться (чередование k/c). Присоединение суффикса может менять парадигму исходного слова. Наблюдаются случаи усечения флексии производящего слова. Суффикс вызывает чередования в основе. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. ж. р. бессуффиксальных (тип žena, nůše, píseň, kost) + суффикс -inka. Примеров много: duš(e) — dušinka, mat(ka) — matinka, neteřinka, kmotr(a) — kmotřinka, moušinka; církev — církvinka, *žabinka, *peroutinka. 2. слбр. основа сущ. ж. р. на -ice, -ovka, -ka отыменного образования, на -ala, -ota отглагольного образования (тип žena, nůše) + суффикс -inka. Единичные

примеры: *vlčic(e)* — **vlčinka*, *židov(ka)* — *židovinka*, *kuchař(ka)* — *kuchařinka*, *žilk(a)* — *žilčinka*, *píšťal(a)* — *píšťalinka*, *dřímot(a)* — *dřimotinka*.

Схема структурных связей суффикса *-inka*

бессуф. (много)

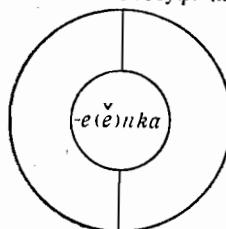

малораспространенные, нерегулярные связи

Модель: слбр. основа сущ. ж. р. + суффикс *-e(ě)nka*. В современном чешском языке данный суффикс используется в довольно ограниченной мере. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс может модифицироваться (чередование *-k/c-*). Присоединение суффикса может менять парадигму исходного слова. Наблюдаются случаи усечения флексии производящего слова. Суффикс может вызывать чередования в основе, однако число их невелико. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. ж. р. бессуффиксальных (тип *žena*, *půše*, *píseň*) + суффикс *-e(ě)nka*. Примеров немного: *šavl(e)* — *šavlenka*, *sýkorrenka*⁴⁶, *labutěnka*; *nch(a)* — *noženka*, *seslřenka*; *tráv(a)* — *travěnka*. 2. слбр. основа сущ. ж. р. на *-ovka* отыменных (тип *žena*) + суффикс *-e(ě)nka*. Единичный пример: *židov(ka)* — **židověnka*.

Схема структурных связей суффикса *-e(ě)nka*

бессуф. (немного)

малораспространенные, нерегулярные связи

Малоупотребительными являются следующие модели:

Модель: слбр. основа сущ. ж. р. + суффиксы *-inka/-ka*. Модель имеет подтип: а) слбр. основа нейтральных сущ. ж. р. бессуффиксальных (тип *žena*, *kostl*) + суффикс *-inka*; б) слбр. основа оценочных, нейтральных сущ. ж. р. на *-ina*, отыменных (тип *žena*) + суффикс *-ka*. Примеров мало: *kalužinka*: а) *kaluž* (-*inka*); б) *kalužin(a)* (-*ka*); *travinka*: а) *tráv(a)* (-*a*; -*inka*); б) *travin(a)* (-*ka*).

Модель: слбр. основа сущ. ж. р. + суффикс *-uška*. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс может

⁴⁶ Иногда возможно соотнесение с оценочным существительным на *-ka* (например, *sýkorčka*) при последующем усечении словообразовательного суффикса.

модифицироваться (чертедование *-k/c-*). Присоединение суффикса не меняет парадигму исходного слова. Наблюдается усечение флексии производящего слова. Случаи чередования в основе не фиксируются. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. ж. р. бессуффиксальных (тип *žena*). Примеров мало: *žen(a)* — *ženuška*, *sestruška*, *včeluška*, *dceruška*.

Единичными, нерегулярными являются оценочные образования, включающие следующие суффиксы: *-ulinka*: *žen(a)* — **ženulinka*; суффикс *-ůstka*: *zdob(a)* — **zdobůstka*; суффикс *-rle*: *tet(a)* — **tetrle*; суффикс *-ajzna*: *tlam(a)* — *tlamajzna* (вульг.); суффикс *-i*: *sleč(na)* — **sleči* (фам.), *bab(a)* — *babi* (в детск. речи); суффикс *-čička*: *recidiv(a)* — **recidivčička*; суффикс *-eta*: *pistol(e)* — **pistoleta*; *novel(a)* — *noveleta*; одновременно выделяемые суффиксы: *-ulinka-ka*: *tetu('u)linka*: а) *tet(a)* (*-ulinka*, *'ulinka*); б) *tetu('u)l(a)* (*-inka*); *-čenka/-enka*: *babčenka*: а) *bab(a)* (*-čenka*); б) *babk(a)* (*k/č*; *-enka*); *-enečka/-ečka*: **chvílenečka*: а) *chvíl(e)* (*-enečka*); б) *chvilén(ka)* (*-ečka*); суффикс *-ina*: *mam(a)* — *mamina*, *tetina* (диал.); суффикс *-nka/-ánka*: *legra(ce)* — **legránka*, *chvíl(e)* — *chvílánka*; суффикс *-izna*: *hlav(a)* — **hlavizna*, *babizna*; *holk(a)* — *holčizna*; суффикс *-unka*: *bab(a)* — **babunka*. Sl. Sp.; суффикс *-ulenka*: *koz(a)* — *kozulenka*, **děvulenka*, **hlavulenka*; суффикс *-árna*: *fajf(ka)* — *fajfárna* (диал. пейор.); суффикс *-énka*: *kap(ka)* — *kapénka*; суффикс *-ilinka*: *chvililinka*: а) *chvíl(e)* (*-i/-i*; *-ilinka*); б) *chvil(ka)* (*-ilinka*).

Словообразовательная характеристика оценочных существительных среднего рода

Оценочные существительные среднего рода образуются в современном чешском языке с помощью целой группы словообразовательных суффиксов, однако их состав характеризуется значительно меньшей пестротой, чем состав оценочных суффиксов мужского и женского рода. Выделение доминирующей словообразовательной морфемы среди оценочных суффиксов среднего рода затруднительно, так как все суффиксы участвуют в словообразовании оценочных существительных среднего рода характерно, что они представляют собой дериваты не только от существительных среднего рода, но и от существительных мужского и женского рода. Таким образом, присоединение оценочного суффикса к словообразовательной основе производящего слова (взятого в форме N. Sg.) меняет нередко не только парадигматическую, но и родовую характеристику слова.

Оценочные существительные среднего рода образуются в современном чешском языке по следующим моделям.

Модель: слбр. основа сущ. ср. р. + суффикс *-íčko*. Суффикс *-íčko* принадлежит к числу наиболее активных оценочных суффиксов среднего рода. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс не модифицируется. Присоединение суффикса может менять парадигму исходного слова, оставляя неприкосновенной его родовую характеристику. Как правило, наблюдается усечение флексии производящего слова. Случаи чередования в основе довольно редки. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. ср. р. бессуффиксальных (тип *město*, *moře*, *stavení*) + суффикс *-íčko*. Примеров очень много: *aut(o)* — *autíčko*, *kafíčko*, *podnebíčko*; *stříbr(o)* — *stříbříčko*, *usíčko*; *vej(ce)* — *vajíčko*. 2. слбр. основа сущ. ср. р. на *-ní* отлагольных (тип *stavení*) + суффикс *-íčko*. Примеров много: *přán(i)* — *přáníčko*, *svítáníčko*, *stáníčko*, *setkáníčko*. 3. слбр. основа сущ. ср. на *-í* отлагольных, отмыенных, в единичном случае — от наречия (тип *stavení*) + суффикс *-íčko*. Примеров много: *potvrzen(i)* — *potvrzeníčko*, **kvítičko*, *nábrežíčko*, **okolíčko*. 4. слбр. основа

сущ. ср. р. на *-ství*, *-stvo*, *-ovství* отыменных. Примеров мало: *náboženstv(i)* — *náboženstvíčko*, *hospodářstvíčko*, *královstvíčko*, *ministerstvíčko*. 6. слбр. основа сущ. ср. р. на *-oví*, *-ení* отглагольных + суффикс *-ičko*. Примеров мало: *cukrov(i)* — *cukrovíčko* Sl. Sp., *krovíčko*, *cvičen(i)* — *cvičeníčko*.

Схема структурных связей суффикса *-ičko*

Модель: слбр. основа сущ. ср. р. + суффикс *-ko*. Круг словообразовательных связей суффикса *-ko* уже, чем суффикса *-ičko*, однако суффикс *-ko* все же является активным оценочным суффиксом. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс не модифицируется. Парадигма производящего слова меняется очень редко (родовая характеристика его не меняется). Как правило, наблюдается усечение флексии исходного слова. Суффикс вызывает чередования в основе. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. ср. р. бессуффиксальных (тип *město*) + суффикс *-ko*. Примеров много: *dil(o)* — *dílko*, *dlátko*, *pivko*; *vík(o)* — *víčko*, **růško*; *patr(o)* — *patérko*, *tílko*, *žítko*, *slívko*. 2. слбр. основа сущ. ср. р. на *-dlo* отглагольных (тип *město*) + суффикс *-ko*. Примеров много: *umyadl(o)* — *umyátko*, *zrcátko*, *vodítko*; *tykadl(o)* — *tykadélko*, *divadélkо*, *kyvadélko*. 3. слбр. основа сущ. ср. р. на *-eno* отыменных (тип *město*) + суффикс *-ko*. Единичный случай: *písmen(o)* — *písmenko*.

Схема структурных связей суффикса *-ko*

Модель: слбр. основа сущ. м., ж., ср. р. + суффикс *-isko*⁴⁷. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс не модифицируется. Присоединение суффикса может менять не только парадигму, но и родовую характеристику исходного слова. Наблюдаются случаи усечения флексии производящего слова. Суффикс вызывает

⁴⁷ Многие образования с данным суффиксом несут ощутимую пейоративную окраску, некоторые из оценочных существительных с суффиксом *-isko* являются принадлежностью диалектов.

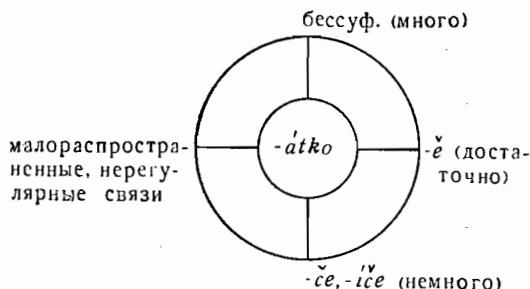
чертежования в основе. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. м., ж., сп. р. бессуффиксальных (тип hrad, pán, muž, stroj, žena, město) + суффикс *-isko*: nos — nosisko, *rybisko, *slovisko; brouk — broučisko, kantomíško, hošisko, *knežisko; mráz — *mrazisko, *uzlisko, Němčisko. 2. слбр. основа сущ. м. р. на -ák отыменных, отлагольных (тип pán) + суффикс *-isko*. Примеров немного: dobrák — dobráčisko Sl. Sp., žebráčisko, vojáčisko. 3. слбр. основа сущ. м. р. на -ec отыменных, отлагольных (тип muž) + суффикс *-isko*. Примеров очень мало: vdovec — *vdovčisko, kypčisko. 4. слбр. основа сущ. м., сп. р. на -oví, -ol, -a, -ář отыменных (тип muž, hrad, předseda, stavení) + суффикс *-isko*: krov(i) — krovisko, vrchol — *vrcholisko, flám(a) — flámisko, lichvář — *lichvářisko. 5. слбр. основа сущ. м. р. на -tel, -ent, -ce отлагольных (тип muž, ráb, soudce) + суффикс *-isko*. Единичные примеры: učitel — učitelisko, student — studentisko, správce — *správčisko.

Схема структурных связей суффикса *-isko*

Модель: слбр. основа сущ. м., ж., сп. р. + суффикс *-átko*. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс не модифицируется. Присоединение суффикса может менять парадигму и родовую характеристику исходного слова. Наблюдаются случаи усечения флексии производящего слова. Число чередований в основе невелико. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. м. (преимущественно), ж., сп. р. бессуффиксальных (тип nůše, moče, dítě, kuře, muž, pán, žena, píseň, несклоняемые сп. р.) + суффикс *-átko*. Примеров много: rel(é) — relátko, kot'átko, myšátko, princátko; havran — havraňátko, veveřátko, opíčátko (возможно и соотнесение: opíče — opíčátko, однако образование opíče по данным PS является малоупотребительным), holčátko, *Češátko (маловероятным является соотнесение с Češe, так как по данным PS, это образование является вымершим); dít(é) — děl'átko. 2. слбр.

Схема структурных связей суффикса *-átko*

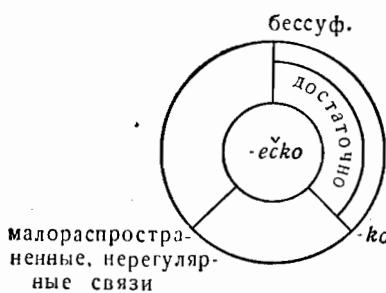

основа сущ. сп. р. на -ě(e), образованных от имён, глаголов, числительных (тип kuře) + суффикс *-átko*. Примеров достаточно: vnoúč(e) — vnoúčátko, kachňátko, kojeňátko, jedinátko; vrán(ě) — vraňátko. 3. слбр. основа сущ. сп. р. на -ce, -íče, образованных от числительных, существитель-

ных (тип *kuře*) + суффикс *-átko*. Примеров немного: *trojč(e)* — *trojčátko*, *dvojčátko*, *lvíčátko*. 4. слбр. основа сущ. спр. р. на *-le* отыменных, отглагольных (тип *kuře*) + суффикс *-átko*. Единичные примеры: *pískl(e)* — *písklátko*, *cukrlátko* (нар.). 5. слбр. основа сущ. спр. р. на *-iště* (тип *moře*) + суффикс *-átko*. Примеров мало: *skladišt(ě)* — *skladišt'átko*, *bíčišt'átko*, *ohništ'átko*. 6. слбр. основа сущ. м. р. на *-ák* отглагольного (тип *hrad*) + суффикс *-átko*. Единичный пример: *věšák* — *věšátko* (редк.). 7. слбр. основа сущ. м. р. на *-ec* отыменных (тип *tuž*) + суффикс *-átko*. Единичный случай: *chlapec* — **chlapčátko*.

Модель: слбр. основа сущ. спр. р. + суффикс *-ečko*. Сфера употребления данного суффикса довольно ограничена. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс не модифицируется. Присоединение суффикса обычно не меняет парадигму исходного слова. Наблюдается усечение флексии производящего слова. Чередования в основе редки. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. спр. р. бессуффиксальных (тип *město*, *moře*) + суффикс *-ečko*. Примеров достаточно: *radi(o)* — **radiečko*, *pivečko*, *hnízdečko*, *srděčko*⁴⁸. 2. слбр. основа сущ. спр. р. на *-eno*, *-átko*, отыменных (тип *město*) + суффикс *-átko*. Единичные образования: *písmen(o)* — *písmenečko*, *děvčát(ko)* — *děvčátečko*. 3. слбр. основа сущ. спр. р. на *-ko* оценочных (тип *město*) + суффикс *-átko*. Примеров достаточно: *polín(ko)* — *polínečko*, *kvítečko*, *okénečko*. Следует заметить, что перечисленные образования с суффиксом *-ečko* могут быть соотнесены одновременно с нейтральными образованиями: *poleno*, *květ* и т. д.

Схема структурных связей суффикса *-ečko*

Ниже нами будут рассмотрены модели, по которым образуются преимущественно названия молодых существ⁴⁹. Указанные названия образуются от имен существительных с различной родовой характеристикой путем чередования флексий (конверсия).

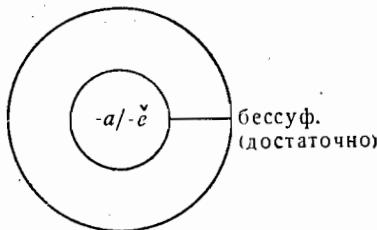
Чередование флексий *-ø/-e*. Комментарий к модели: в подавляющем большинстве случаев подобная мена флексий влечет за собой изменение парадигмы и родовой характеристики исходного слова. Случаи чередований внутри основы очень распространены. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. м. (главным образом), спр., ж. (единичный случай) р. (тип *pán*, *tuž*, *píseň*) + флексия *-e/-ě*. Примеров достаточно: *sýč* — *sýče*, *prince*, **labulě*; *brouk* — *brouče*, *tygře*, *zajíče*; *had* — *hádě*, *orle*, *žídě*. 2. слбр. основа сущ. м. р. на *-ák*, отыменных, отглагольных (тип *pán*) + флексия *-e/-ě*. Примеров мало: *dudák* — **dudáče*, *mrzáče*, **tuláče*. Круг словообразовательных основ, вовлеченных в данный способ образования, можно представить в виде следующей схемы:

⁴⁸ Вариант суффикса *-ečko*.

⁴⁹ В рамках данного способа образования возможно наличие имен существительных иного семантического типа.

Чередование флексий *-a/-e(ě)*. Комментарий аналогичен предыдущему. Модель имеет единственный подтип: слбр. основа сущ. ж. р., бессуффиксальных (тип *žena*). Примеров достаточно: *sojk(a)* — *sojče*, *krepelče*, *kavče*, *kuře*; *líska* — *lísče*, *house*, **sůvče*. Круг словообразовательных основ, вовлеченных в данный способ образования, можно представить в виде следующей схемы:

Нередко образование названий молодых существ (а также некоторых оценочных существительных с ощутимой 'пейоративной окраской) осуществляется по следующей модели: слбр. основа сущ. м. ж. р. + суффикс *-če*. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс не модифицируется. Присоединение суффикса меняет родовую и парадигматическую характеристику исходного слова. Наблюдаются случаи усечения флексии. Чередования в основе довольно редки. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. м. р. (главным образом) бессуффиксальных (тип *pán*, *žena*) + суффикс *-če*. Примеров много: *jelen* — *jelenče*, **cikánče*, **Arabče*, *štír* — **štířče* (соотнесение может быть иным: *štíř(e)* — **štířče*); *doktor* — **doktúrče*, *medvíd* — *medvídče*, *sov(a)* — **sůvče*. 2. слбр. основа сущ. м. р. на *-oun*, *-íř* отлагольных, отмененных (тип *pán*, *muž*) + суффикс *-če*. Единичные примеры: *zrzoun* — **zrzounče* (пейор.), *uhlíř* — **uhlířče*. Характерно, что многие образования с этим суффиксом малоупотребительны, либо вообще вымерли: *baron* — **baronče*, *pohan* — **pohanče*.

Схема структурных связей суффикса *-če*

Мало распространены следующие модели образования оценочных существительных ср. р.

Модель: слбр. основа сущ. м., ж. р. + суффикс *-íče*. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс не модифицируется. Присоединение суффикса меняет парадигматическую и родовую характеристику исходного слова. Случай усечения флексии производящего слова не наблюдаются. Чередования в основе редки. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. м., ж. р. бессуффиксальных (тип *pán, píseň*) + суффикс *-íče*. Примеров немного: *sokol* — **sokolíče*; *koroptev* — *koroptvíče*, *orlícę*; *tatar* — **tataříče*.

Модель: слбр. основа сущ. м., ж. р. + суффикс *-iště*. Комментарий аналогичен предыдущему, однако иногда наблюдаются случаи усечения флексии. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. м. (преимущественно), ж. р. бессуффиксальных (тип *pán, hrad, žena*) + суффикс *-iště*. Примеров немного: *hrad* — *hradiště* (устар.), **vřediště*, **stromiště*, *kluk* — *klučiště*, *noh(a)* — **nožiště*. Все образования малоупотребительны.

Модель: слбр. основа сущ. ср. р. + суффикс *-ce*. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс не модифицируется. Присоединение суффикса меняет парадигму исходного слова. Наблюдается усечение флексии производящего слова. Есть случаи чередования гласных в основе. Модель архаична, она имеет единственный подтип: слбр. основа сущ. ср. р. бессуффиксальных (тип *město*) + + суффикс *-ce*. Примеров достаточно: *hrdl(o)* — **hrdélce*, *okénce*⁵⁰, *stad(o)* — *stádce*. Все приведенные и подобные существительные являются устаревшими и редко употребляются в современном чешском языке.

Модель: слбр. основа сущ. ср. р. + суффикс *-inko/-índo*. Комментарий аналогичен предыдущему, однако парадигма исходного слова меняется не всегда. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. ср. р. бессуффиксальных (тип *město*; несклоняемые ср. р.) + суффикс *-inko/-índo*. Примеров мало: *slov(o)* — *slovínko* (диал.); *mim(i)* — *miminko*; *uch(o)* — *ušinko* (книжн.), *očinko*. 2. слбр. основа сущ. ср. р. на *-ní*, отлагольных (тип *stavení*) + суффикс *-inko/-índo*. Примеров мало: *psan(i)* — **psaníanko*, *zdan(i)* — **zdaníanko*.

Модель: слбр. основа сущ. ср. р. + суффикс *-enko/-éńko*. Комментарий аналогичен предыдущему, однако случаи чередования не фиксируются. Модель имеет подтип: слбр. основа сущ. ср. р. бессуффиксальных (тип *město, moře*) + суффикс *-enko/-éńko*. Примеров немного: *piv(o)* — **pivenko*, **kladivenko* (книжн.), *pasmenko*, *srde(é)nko* (книжн.), *slov(o)* — **slovénko* (диал. *slověnko*).

Единичные, нерегулярные оценочные суффиксы среднего рода.

Суффикс *-áče*: *pštros* — **pštrosáče*; суффикс *-ovče*: *žid* — *židovče*; суффикс *-ounko*: *tich(o)* — *tichounko*; *tepl(o)* — *teplounko*; суффикс *-adlo*: *ok(o)* — **vočadlo* (жарг.); суффикс *-gro*: *štěst(i)* — *štigro* (жарг.); суффикс *-oučko*: *tich(o)* — *tichoučko*, *tepl(o)* — *teploučko*; суффикс *-ouško*: *jabl(ko)* — *jablouško* (диал.); суффикс *-cko*: *dít(ě)* — *děcko* (нар. и поэтич.).

Словообразовательная характеристика оценочных существительных Pluralia tantum

Количество оценочных существительных указанного типа в современном чешском языке невелико. Все они образованы на базе нейтральных существительных, употребляющихся лишь во множественном числе. Можно выделить следующие модели образования данных имен существительных.

⁵⁰ Многие образования на *-ce* могут быть соотнесены с существительными на *-ko* (*okénce*) через редукцию суффикса *-ko*, не меняя вид суффикса *-ce*.

Модель: слбр. основа сущ.+суффикс *-ičky*. Комментарий к модели: при парадигматическом изменении слова суффикс не модифицируется. Присоединение суффикса как правило не меняет парадигму и род производящего слова. Наблюдается усечение флексии исходного слова. Изредка встречаются случаи чередования в основе. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа бессуффиксальных сущ. (преимущественно ж. р.) + + суффикс *-ičky*. Примеров немного: *housl(e)* — *housličky*, *lidičky*, *lázničky*, **kasárníčky*, *klešticky*; *hráb(ě)* — *hrabičky* Sl. Sp., *nůžk(y)* — *nůžtičky*.

Модель: слбр. основа сущ.+суффикс *-ky*. Комментарий аналогичен предыдущему. Модель имеет подтипы: 1. слбр. основа сущ. ж. р. бессуффиксальных + суффикс *-ky*. Примеров мало: *hráb(ě)* — *hrásky*, *souchoťinky*, *varhanky*; *plíc(e)* — *plíčky*. 2. слбр. основа сущ. м. р. на *-ák* отыменного + суффикс *-ky*. Единичный пример: *teplák(y)* — *tepláčky*.

Зафиксированы немногочисленные образования оценочных существительных от словообразовательной основы бессуффиксальных существительных посредством следующих суффиксов: суффикса *-ečky*: *hod(y)* — *hodečky*, *kalhot(y)* — *kalhotečky*; суффикса *-inky*: *lid(ě)* — *lidinky*; суффикса *-iska*: *prs(a)* — *prsiska*; суффикса *-ička*: *prs(a)* — *prsíčka* (диал. *prsečka*); суффикса *-ýnka*: *zád(a)* — *zádýnka* (фам.).

Таковы в целом модели образования оценочных существительных в современном чешском языке. Следует заметить, что мы не претендуем на исчерпанность содержащегося в работе перечня суффиксов субъективной оценки. Данная задача является тем более затруднительной, что оценочные суффиксы довольно многочисленны, и поэтому некоторые из них легко могут ускользнуть из поля зрения. Кроме того, положение осложняется отмеченной выше нерегулярностью использования некоторых оценочных суффиксов, тем, что целый ряд суффиксов этого типа фиксируется лишь в единичных случаях и не является поэтому достоянием активной языковой практики.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЕМАНТИКИ И УПОТРЕБЛЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Основное назначение оценочных существительных — фиксация восприятия человеком окружающего его мира. Представляется возможным выделить следующие ситуации употребления данной лексики в языке: 1) нейтральная констатация объективных качеств предмета, явления и т. д. (например, размеры — предмет большой или маленький); 2) эмоциональная констатация объективных качеств предмета, явления и т. д. (большого или маленького); 3) эмоциональное, субъективное восприятие предмета, явления и т. д., не зависящее от его объективных качеств.

Достаточно широкий семантический диапазон⁵¹ оценочных существительных превращает их в действенное выразительное средство, позволяющее передать тончайшие оттенки эмоционального восприятия человека. Анализ случаев конкретного словоупотребления оценочных существительных делает возможным выделение основных типов значения, в которых реализуется функциональная сущность (оценочность) данных имен существительных: 1) уменьшительное значение; 2) уменьшительно-эмоциональное значение; 3) эмоциональное значение.

Проведение семантической классификации оценочных существительных подчас затруднительно, так как значение указанных имен существительных не всегда бывает четко дифференцированным. Нередко семантическая характеристика оценочного слова становится возможной

⁵¹ Считаем необходимым оговорить, что семантический вклад, привносимый суффиксами субъективной оценки, практически является уменьшительно-эмоциональным оттенком, сопровождающим нейтральное вещественное значение слова.

лишь с привлечением контекстных данных, так как выражительные возможности, потенциально заложенные в слове как таковом, раскрываются лишь с помощью контекста.

Ниже мы рассмотрим перечисленные типы значения.

Оценочные существительные со значением уменьшительности

Значение уменьшительности может возникнуть у тех оценочных образований, производящая словообразовательная основа которых обозначает предмет (одушевленный или неодушевленный), лицо или явление, которые имеют размер (могут быть больше или меньше, шире или уже, выше или ниже), имеют временну́ю протяженность, обозначают явление или свойство, проявляющиеся в большей или меньшей степени⁵²: *Najdeš tu... obyvatelstvo jiných domků a domů* (Sv. Č. Výlet); *Ulicí tekla strouha, do níž sbíhaly se stružky z domů* (там же); ... *S poštou mnohými hřbitovy kolem přečetných kostelů a kostelíků* (там же) и т. д. В приведенных выше случаях оценочные слова имеют уменьшительное значение, не сопровождаемое эмоциональными оттенками. Выявлению значения оценочного слова способствует наличие в одной и той же фразе соответствующих нейтрального и оценочного образований.

Оценочные существительные с уменьшительно-эмоциональным значением

Уменьшительно-эмоциональное значение тесно связано с чисто уменьшительным значением, так как и в том, и в другом случае констатируется факт уменьшения предмета, явления, лица и т. д. с той лишь разницей, что при уменьшительно-эмоциональном значении это уменьшение как бы преломляется в нашем чувственном восприятии и приобретает те или иные эмоциональные оттенки.

Возникновение уменьшительно-эмоционального значения отмечается у оценочных слов, производящая словообразовательная основа которых обозначает объект, способный уменьшаться. Таким образом, так же, как и у оценочных существительных с уменьшительным значением, налицо тесная связь между значением слова в целом и его производящей словообразовательной основой: ... *někde... jsme našli z právěčku, otisťenou drobným, nejdrobnějším nonpareillem. Schoulenou, zastřenou, smutnou z právěčku* (L. Ašk. Všude). В данном контексте оценочное образование *zprávěčka*, помимо уменьшительного значения, имеет еще и эмоциональную нагрузку — оттенки сочувствия, горечи (это газетное сообщение о самоубийстве от голода). «Filosofská historie» — stačí jen vyslovit toto jméno a již se na tvářích všech, kdo znají rozkošné dílko... rozhostí prímo hřející úsměv (Z. N. A. J.). В данном случае к значению оценочного слова примешивается оттенок ласкательности.

Наиболее широко оценочные слова с уменьшительно-эмоциональным значением распространены в высказываниях о детях, в детской речи: *Vdechl polibení na bělounké čelíčko dítěte* (B. N. Poř. vesn.); *Radošná podívaná je na moskevské děti ... Každé je v kožešinách jako malý medvídek* («Květy», 2/IV 1953); ... *Emilio šeptal Lucettě, že ho studí až v bříšku* (R. p., 4/III 1954). Во всех этих случаях появление уменьшительно-ласкательного значения вполне объяснимо любовным отноше-

52 А. А. Дементьев в статье «Уменьшительные слова в русском языке» («Русский язык в школе», 1953, № 5) утверждает, что уменьшительное значение как таковое у оценочных слов не существует, и что возможно лишь описательное выражение этого значения. Проведенные нами наблюдения позволяют усомниться в справедливости мысли А. А. Дементьева как в отношении чешского, так и в отношении русского языка.

нием к детям (в детской же речи оценочные образования нередко появляются под влиянием речи взрослых людей).

В рамках уменьшительно-эмоционального значения следует отметить и случаи «сгущения эмоциональной настроенности», сущность которых заключается в усилении уменьшения. Указанное явление возникает в результате присоединения к словам с уменьшительным значением слов *jen*, *ani*, *každý* и т. д. Вследствие этого присоединения значение уменьшительности, заложенное в оценочном слове, усиливается, причем одновременно сгущается и эмоциональная настроенность высказывания. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с уменьшенностью эмоционального порядка: ... a přeče prosí Boha, by jím na druhý den *jen malý výdeleček seslal* (J. F. Stati); *Každý ptáček, každý brouček, slon až do komára...* (H.-B. Křest).

Оценочные слова с эмоциональным значением

При образовании слов с названным значением связь с лексическим содержанием производящей словообразовательной основы ощущается значительно слабее, чем в описанных выше типах. Анализируя случаи образования чисто эмоционального значения, мы можем установить, что оно возникает тогда, когда объект нашего внимания:

а) не имеет определенной формы, размера и т. д., т. е. по своей природе не может быть уменьшен (*pivo, víno, mléko* и пр.). Например: *O co já o šestí dbám, jen když tebe pivko mám* (Č. n. z.); *Ach, mein Gott, to je vínko, milý generále* (T. Sv., Bez. š.); *jednu láhev mlíčka, jestli dovolíte* (там же). Во всех примерах эмоциональное значение оценочных слов реализуется в виде ласкательного значения;

б) имеет форму, размер, может проявляться в большей или меньшей степени и т. д., т. е. объект может быть увеличен или уменьшен, однако мы оцениваем его лишь эмоционально, отвлекаясь от его объективных качеств.

Поясним сказанное на примерах: ... tichounce k ní Mařenka přistoupila a svým lichotivým hláska jí prosila (B. N. Bab.). В данном случае нас не интересует сила голоса — ласкательность проявляется безотносительно к ней.

Многочисленными эмоциональными образованиями изобилует живописное изображение пиршества в сказке Яна Дрды «Чешский Гонзаз»: ... začaly na ubrousku vyskakovat... rečení kohoutci, koroptvíčky..., pěkné zlaté vepřové kyty s propečenou kůžičkou (J. D. Pohádky).

Оттенки злости, насмешки, пренебрежения и т. д. характеризуют семантику следующих оценочных образований: *Važ si všechno, milý synu, co na trůně sedí, na ponížené dušinky car milostně hledí* (H.-B. Křest); *To je naše vlast, a ne ta ušňupaná zeměčka někde uprostřed zaostalé Evropy* (T. Sv., Bez. š.).

При появлении в семантике оценочных слов оттенков иронии, пренебрежения и т. д. наблюдается очень тесная взаимосвязь между семантикой производящей словообразовательной основы и значением слова в целом. Оттенок иронии сопровождает семантику оценочных существительных обычно в следующих случаях:

а) значение производящей словообразовательной основы таково, что употребление слова в уменьшительной форме противоречит его смыслу: *Nuže, občánku, co ted'?* *Jsou jen dvě cesty: bud'si staneš občanem anebo se sám postavíš navždy mimo národ* (J. F. Stati). Иногда образование иронического оттенка отмечается и при присоединении обычного формообразующего суффикса: *Jsou, jsou po Slovanech Češata, jsou, jsou hanba rodu svého, stydno jím je Čechy slouti, češtinou jen zašeptnouti, srdece nevděčného* (Č. n. z.). Появление иронического значения у слова

Cešata объясняется присоединением формообразующего суффикса, обычно оформляющего названия молодых существ. В результате присоединения указанного суффикса к слову с совершенно иным значением специфика семантики суффикса вступает в противоречие со значением слова, что в свою очередь ведет к возникновению иронического оттенка;

б) иронический оттенок в семантике слова возникает при наличии противоречия между тоном высказывания и употребляющимися в данном высказывании оценочными словами. Так, например, резким контрастом является употребление оценочных слов при общей настроенности гнева, злобы: ...*abys večer maloval do nějakých sešítků tužitíčků* i *jako školáček* (J. N. Švejk, d. II);

в) нередко оценочное слово приобретает ироническое звучание при переносном употреблении: «*Vida, tichá vodička*, — dodala... a *jízlivý zrak stíhl Lenku* (A. J. Fil. hist.);

г) иногда иронический оттенок бывает заложен в семантике самого производящего слова, и присоединение оценочного суффикса лишь усиливает этот оттенок: *Co se však oženil, zkrotl jako beránek* (A. J. Psohl.).

Как указывалось выше, четкое разграничение рассмотренных семантических типов в ряде случаев бывает затруднительным, нередко семантика одного и того же слова может интерпретироваться по-разному. И это неудивительно, так как значения оценочных слов могут быть очень близки друг к другу, а нередко они даже переплетаются между собой. Из множества примеров приведем лишь один: *Usnula jsem na sadě pod zelenou třešní, kde ve snách mě chladili větříčkové spěšní* (Č. n. z.). В данном случае в оценочном слове *větříčkové* совмещаются три значения: уменьшительное, уменьшительно-эмоциональное, эмоциональное («ветерок небольшой», «ветерок небольшой и приятный», «ветерок приятный»). Все эти значения тесно переплетены, поэтому вряд ли можно выделить какое-либо из них в качестве преобладающего значения.

Подавляющее большинство оценочных суффиксов не закреплено за отдельными семантическими типами. Как правило, одни и те же словообразовательные суффиксы в равной мере могут привлекаться для образования существительных с уменьшительным, уменьшительно-эмоциональным, эмоциональным значением. Сказанное относится ко всем наиболее употребительным суффиксам субъективной оценки, исключение составляют лишь некоторые малоупотребительные суффиксы (например, *-enka, -inka* и т. д.: *fialenka, dívčinka*), которые чаще привлекаются для образования оценочных существительных, наделенных эмоциональным значением.

В образовании семантики оценочных существительных играет роль фактор внешнего порядка (контекст, в котором находится слово). Заметим при этом, что как правило установление конкретного значения оценочного слова в отрыве от контекста практически невозможно. В этом случае мы можем выявить лишь общую семантическую сущность слова, принадлежность его к категории слов, наделенных значением субъективной оценки. Однако конкретная реализация этой функциональной сущности вне контекста остается нераскрытоей. Опыт учит, что нельзя анализировать значение оценочного слова в отрыве от смыслового содержания не только фразы, но часто и целого отрывка. Приведем пример: взятое вне контекста существительное *sedláček* может быть определено в результате соотнесения со словом *sedlák* как оценочное образование. Однако конкретная интерпретация семантики данного слова (является ли оно уменьшительным, уменьшительно-эмоциональным или эмоциональным) может быть дана лишь в связи с контекстом: *Poslechněte mě, Čechové, zvlášť milí sedláčkové, o robotě zpívání a jejím umírání* (Č. n. z.). В данном контексте семантика

существительного *sedláček* сопровождается оттенками симпатии, любви. В аналогичном значении употреблено данное слово и в следующем контексте: *Ty český sedlák u, vychytralý ptáku, po zpěvu, po peří. Blázen, kdo ti věří* (Č. n. z.). Оттенок иронии, неприязни присущ значению слова *sedláček* в нижеследующих примерах: *Český však sedlák e k, za uchem se škrábal. Aj, k čemu by z mého potu mníšk ssál a hrabal* (J. Vrchl. Sel. bal.); *Byl sedlák e k obstarožný, vychrtlý, těkavého pohledu* (A. J. Protí).

Для определения значения оценочного слова не менее важна семантика соседних слов, она вносит дополнительную, уточняющую конкретизацию: *A s vám se loučím, moje rodiči, naposled vám líbám nohy, ruce, má zlatá matičko i bolí mě srdíčko, že s vám nemůžu tlouvit slovíčko* (Č. n. z.). В данном случае назначением прилагательного *zlatý* является усиление эмоциональной настроенности слова *matička*. Отчетливо видна конкретизирующая роль прилагательного в следующем примере: ...*bylo viděti rezavou tmízí malého okénka* (A. J. Psohl.).

Сочетание обоих способов оценки, описательного и словообразовательного, мы имеем в следующем случае: ... *nábytek* *skládal* se z... *nemotorné almary...* *z malé almárky* (Sv. Č. Výlet).

Значение уменьшительно-эмоционального слова усиливается при сочетании его с наречиями (*jen*, *alespoň*), частицей (*ani*), местоимением (*každý*): *ani slůvka*, *jen kousíček* и т. д. (эти случаи рассматривались нами выше).

* * *

Рассмотренные выразительные возможности оценочных существительных широко используются чешским языком⁵³ во всех его аспектах и в особенности в разговорной речи⁵⁴, а также в речи детей. Употребление оценочных существительных как правило является строго обоснованным.

53 Присущая чешскому языку специфика использования оценочных слов становится особенно наглядной при сопоставлении языка оригинального произведения и его перевода. Так, в частности, под этим углом зрения нами было проведено сопоставление языка произведений А. М. Горького «Мать» и Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» (выбор произведений был случайным) с их переводами на чешский язык. Сопоставление показало, что при значительном сходстве тенденций употребления оценочных образований (чаще всего употребление оценочных слов в русском и чешском тексте совпадает при передаче значения ярко выраженной эмоциональной окрашенности) имеются все же некоторые расхождения. Количество слов, наделенных субъективной оценкой, в чешских текстах значительно превышает их количество в оригинале. Так, в чешском переводе более последовательно проводится употребление оценочных слов в отношении малого по размерам предмета: дом — небольшой по размерам — обязательно во всех случаях называется *domek* и т. д. Более предпочтительным в русском тексте является описательное выражение оценки (через сочетание существительного с прилагательным типа *маленький дом* и т. д.), чем передача уменьшительно-эмоционального значения средствами словообразования (т. е. с помощью оценочных слов), столь характерного для чешского языка: *маленький дом* — *malý domek*; *маленькая комната* — *malický pokojíček*; *маленькие ноги* — *malé nožky* и т. д. Нередко в тех случаях, когда в русском оригинале повествование ведется совершенно нейтрально, без оценочных образований, в чешском переводе такие образования все же имеются; например, в «Повести о настоящем человеке» при описании пейзажа: *белые березы* — *bílé břízky*; *молодая береза* — *mladá břízka*; *мягкие облака* — *měkká obláčka*; или оттуда же *пожилой человек* — *starší človíček*. Далее, в языке чешского перевода мы наблюдаем господство оценочных образований при обозначениях родственников, при обозначении неточного, приблизительного представления о времени (ср. она *постояла над ним минуту* — *stála nad ním minutku*) и т. д.

54 Так, например, в разговорной речинередко встречаются оценочные образования, не вполне допустимые в литературном языке —ср. хотя бы *čes.ická* или *nazdárek*, образованные от приветствий *čest práci, na zdar.* — «*Jol — povídal mládenec. — Tak nazdárek. — A šel*» (H. Fr. Děti).

ванным и целесообразным⁵⁵ — оно определяется целым рядом обстоятельств, и в первую очередь жанровыми особенностями произведения. Так, например, даже не производя конкретных наблюдений, мы можем заранее утверждать, что в языке произведений художественной литературы, народного творчества, публистики употребление интересующей нас лексики будет более обильным, чем в языке научной литературы, прессы. Указанное явление легко объясняется тем, что в последнем случае личность как таковая, ее мироощущение, естественно отступает на задний план — центр тяжести переносится на объективное, в известной мере беспристрастное изложение фактов действительности.

Употребление оценочных образований в языке произведений художественной литературы как правило подчинено стремлению к эффективному использованию их в целях большей художественной выразительности и точной передачи замысла автора. Эта тенденция выкристаллизовалась не сразу, она сформировалась в борьбе с тенденцией необоснованного, чрезмерно обильного употребления оценочных слов, присущей литературе буржуазной, мещанской. Ю. Фучик в своей статье «Божена Немцова борющаяся» клеймит бидермейеровскую литературу, отражавшую взгляды мещанства, удовлетворявшегося «вместо золота... позолотой, вместо бронзы медью, вместо красного дерева дубом, вместо колонны — разукрашенной подпоркой к фуксии за окном»⁵⁶. Произведения писателей этого периода, слашевые по своему духу, были перенасыщены словами субъективной оценки. «Отнюдь не недостаток дарования, а смертоносное воздействие на поэтическую мысль запоздалого мещанства превращает большинство этих произведений в нечто вываренное, безвкусное, несъедобное. Как тебе опротивели все эти „ручейки-ноженьки“, „звездочки-рученки“, которые ты найдешь даже у лучших поэтов той поры! И как на тебя повеет свежестью, как ты благодарен поэту, у которого хватило мужества сказать просто и сильно: „рука“, „ручей“, „звезда“»⁵⁷.

Употребление оценочных слов в художественной литературе во многом зависит от жанровых особенностей произведения. Так, в эмоционально насыщенных лирических и сатирических произведениях оценочная лексика представлена более обильно, чем в эпических.

Оценочные существительные привлекаются в произведениях художественной литературы для портретной характеристики героев, например: *Milostslečna je tak bled'oučká, ale dá Pánbůh až uvidí svůj kraj a co srdci milo, že jí tvářinky rozkvetou jako růžové lístečky* (B. N. Bab.); *Bába mu sundala červenou kulkičku... a tak tì tu leželo, jako andílek. Žluté v lásky, samý kroužek, bělounké čílko, ústečka malinká a ta*

55 Впрочем, иногда встречаются случаи нарушения этой целесообразности, обоснованности. В пределах одного и того же высказывания один и тот же объект может называться (без особой мотивировки) то оценочным, то нейтральным словом: *Začíná Broadway zanedbaným smutným parcíkem. V parcíku je mnoho laviček. Je to park dospělých* (L. Ašk. Ind. léto) или ... *sto jen na dětské lávce... tento sto já nek* («Vlasta», 1960, N 43), или *Je tu... číšník, který má červené klopy na bílém sáčku*, однако здесь же: *Číšníka s červenou klopou v bílém sáku přišel navštívit jeho syn* (L. Ašk. Ind. léto). В данном случае употребление оценочных слов до некоторой степени зависит от места семантического акцента высказывания. Так, если в последнем примере внимание сосредоточивается на описании самого официанта, то высчитываются подробно все детали его портрета. Если же центр внимания смешается с данного субъекта, то отпадает и необходимость в излишней детализации его внешнего облика.

56 J. Fučík.
57 Там же, стр. 269.

r a m í n k a¹ kulatá (B. N. Poh. vesn.); для передачи авторского настроения: *A kdyby byla snad chudší než oblázek, přec bych ji v srdci svém choval co obrázek. A kdyby byla snad svázaná v uzlíčku, přec bych ji miloval tu drahou matičku* (J. N. Bášně); для характеристики внутреннего облика персонажей. Мастером речевой характеристики проявляет себя Иозеф Каэтан Тыл в пьесе «Волынщик из Стракониц». Герой пьесы Калафуна, отличающийся веселым и шутливым нравом, постоянно пересыпает свою речь оценочными словами: *Hehe—hrdličko, my žádný cimbál nemáme—leda kdybys tam přišla ty—to by byl cimbálek* (J. K. Tyl. Str. dud.). Калафуна обращается к своей жене не иначе, как: *moje kachničko* или *moje slepičko* и т. д. В репликах другого персонажа пьесы — принцессы Зулики — оценочные слова оттеняют слажавость ее речи: *Zulika má tebe a tvou hudbu tak ráda, jak má rád beránek čerstvě luppení a rybička čerstvou v odičku.*

Богатейший материал для наблюдения представляют собой народные песни, в особенности лирические, в которых исключительно широко используется лексика субъективной оценки. Следует заметить, что характер использования оценочных слов, как правило, обусловливается содержанием песни. Сказанное станет ясным, если мы познакомимся со следующими двумя песнями: *Mně se, mně se, mně se, mně se všecko zdá, že moje milá modré oči má, mně se, mně se, mně se, mně se všecko zdá, že modré očičky má, modré očičky, růže tvářičky, bílé růžičky, pěkné střevíčky...* Интересно сопоставить вторую половину песни с первой. Если первая половина песни полупутливого характера, проникнутая чувством любви, буквально пестрит словами с уменьшительно-эмоциональными суффиксами, то вторая, иная по своему настроению («любимая девушка изменила»), меняет и свои выразительные средства: *Mně se, mně se, mně se, mně se všecko zdá, že mně má milá není upřímná, mně se, mně se, mně se, mně se všecko zdá, že je ke mně falešná: modré oči má, mně se nevšímá* (Č. n. z.).

Любопытна в этом же отношении и другая песня: *Pěkně na chodnících svítíl mi měsíček, když jsem šel za svou milou; jasně on mi svítíl, jakoby byl citil, blaženost a lásku mou*, и далее, после несостоявшегося свидания: *Smutně domů kráčím, chodník slzou máčím, měsíc naň víc nesvítil; svítí jen do háje, na hrob mého ráje, ach, tůj žal, víc necítí* (там же). Язык песни тотчас же реагирует на изменение настроения. Первый куплет песни, раскрывающий перед нами внутренний мир счастливого в своей любви человека, богат уменьшительно-эмоциональными образованиями. Последний же куплет, характеризующийся резкой сменой содержания и настроения, меняет и свои выразительные средства.

Аналогичные замечания можно сделать и об использовании оценочных слов в плясовых песнях. См., например: *Huž se ta travíčka pěkně zelená, huž se ta travíčka pěkně žne. Huž se ten vovísek pěkně zelená, huž se ten vovísek pěkně žne; Okolo Fridku cestička, Okolo Fridku cestička, A na ní se zelená, a na ní se zelená travíčka.*

Достаточно широко встречаются оценочные слова в языке публицистических произведений, где они служат цели передачи авторского отношения к действительности⁵⁸. Нередко оценочные слова оттеняют в этом случае полемическую заостренность высказывания: «*Žádná osob-*

⁵⁸ Ср., например, следующее высказывание М. Елинка о чешской коммунистической публицистике в период второй мировой войны: «Коммунистическая публицистика разоблачала предателей из числа чешской буржуазии, она обнажала классовые корни „мюнхенства“. Публицистический стиль той поры характеризуется ростом эмоционально окрашенных средств выражения, с помощью которых передавалось чувство возмущения народа над совершающимся неслыханным насилием, над неслыханным предательством „друзей“» («*Vděčnost a láska Vám*». Brno, 1960, стр. 141).

nost, žádný nadčlověk se v něm osudově nesrážel s dobou. To jen malý maloměšťácký človíček se nahlas lekal nové organizace lidské společnosti», пишет Ю. Фучик в рецензии на роман реакционного писателя Завржела «Ева» (J. F. Studie). В 1939 г. в статье «О так называемом национальном культурном совете» Фучик разоблачает реакционную группировку писателей: *«Není to orgán, není to úřad, je to jen s poleček bez zadaných stanov, jen skupinka, především spisovatelská, která si dala honosné jméno «Národní kulturní rada»* (J. F. Studie).

Несколько слов о специфике употребления оценочных слов в языке прессы. Уже при беглом сравнении языка художественной литературы, с одной стороны, и языка газет, журналов и т. п., с другой, нам бросается в глаза его существенное различие: газетный стиль более сдержан, менее насыщен оценочными словами. На первый план выдвигается задача точной фиксации событий, личность автора ощущается слабее или же не ощущается вовсе. Тематика статьи является определяющим по отношению к ее стилю фактором. Нами был собран материал из газет *«Rudé právo»* и *«Mladá fronta»* (в других печатных органах, за исключением узко профессиональных, наблюдаются аналогичные явления). Очень редко фиксируются оценочные слова в передовых статьях, статьях теоретического, политического характера, промышленных обзорах и т. д. Оценочные слова, семантике которых присущ иронический оттенок, чаще встречаются в языке статей, написанных на злобу дня, в фельетонах: *Že se to k služebníčkoví nacistů pramalo hodí* (R. p., 1954) и т. д.

Довольно широко лексика субъективной оценки представлена в письмах читателей. Указанное явление легко объясняется тем, что в корреспонденциях более рельефным является авторское оценочное отношение, а также тем обстоятельством, что язык писем как правило является разговорным, эмоциональным.

Анализ материала позволяет прийти к выводу, что употребление оценочных слов в языке как правило является не стихийным, а обусловленным процессом.

ЯВЛЕНИЕ УТРАТЫ ОЦЕНОЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Ниже нами будет рассмотрено интересное языковое явление — потеря оценочными словами значения оценки и превращение их в нейтральные слова.

В чешском языке, как и в других славянских языках, оценочные слова представляют собой значительный, все время пополняющийся разряд лексики. Почти все нейтральные существительные (за небольшим исключением) «обрастают» довольно многочисленными производными оценочными образованиями. В известной мере рост новообразований среди оценочных существительных нейтрализуется действием процесса утраты оценочного значения, отмечающегося у оценочных существительных (подобное явление обычно не встречается у глаголов, прилагательных, наречий). В результате указанного процесса значительное количество оценочных образований переходит в разряд нейтральных слов. Именно на примере слов, утративших оценочное значение, мы можем наблюдать, насколько тесно смыкаются оценочные суффиксы с собственно словообразовательными морфемами.

Существо процесса утраты оценочного значения⁵⁹ заключается в следующем. Оценочные существительные обладают двумя основными

⁵⁹ Явление утраты уменьшительного значения исследовал целый ряд лингвистов. Назовем лишь некоторые работы. Так, например, на материале русского языка построены статьи: А. А. Дементьев. Имена существительные с утраченной уменьшительностью. «Русский язык в школе», 1948, № 1; Н. М. Громова.

функциями: номинативной и оценочной. Таким образом, называя предмет, явление или лицо, они одновременно его характеризуют. Однако с течением времени оценочная функция тускнеет, редуцируется, верх берет номинативная функция, которая при полной утрате оценочного значения становится единственной функцией слова. Бывшее оценочное слово, не претерпевая структурных изменений, превращается в новое, независимое слово, передко совершенно обособляющееся от производящего нейтрального образования. Это новое слово начинает самостоятельно функционировать, втягивается в словообразовательный процесс, в результате чего оценочное в прошлом слово становится базой образования новых слов, как нейтральных, так и оценочных. В процессе образования новых нейтральных слов оказываются вовлечеными оценочные слова как утратившие оценочное значение, так и сохранившие его. Впрочем, в последнем случае процесс утраты оценочного значения происходит своеобразно: основа производящего слова в составе новых, производных слов перестает восприниматься как оценочная. В языке имеется значительное количество слов, представляющих собой вторичные нейтральные образования от соответствующих оценочных слов: *puntičkářství*, *zrnkový*, *háčkování*, *háčkovat*, *očkování*, *očkovat*, *proužkování*, *jednolůžkový*, *obrázkový*, *předvouřkový*, *rukavičkářský*, *rukachlíčkový*, *ravučíčkový*, *kufříkový* и многие другие.

Процесс утраты⁶⁰ осуществляется не внезапно, а постепенно. Можно выделить следующие стадии этого процесса: 1) частичная, ситуационная утрата оценочного значения и 2) полная утрата оценочного значения. Ситуационное восстановление утраченного значения невозможно.

Наиболее широко распространены в языке оценочные существительные, ситуационно утрачивающие значение оценки. Они обладают способностью в одних контекстах выступать как нейтральные обозначения, а в других как оценочные слова. Поскольку рассмотрение лексики данного типа будет служить основным предметом внимания в настоящем разделе, мы ограничимся здесь лишь приведением нескольких примеров: *dno—dýnko* (существительное *dýnko* само по себе является оценочным образованием, однако в том случае, когда оно употребляется для обозначения донышка пляшки, оно выступает в качестве нейтрального существительного). Аналогичная картина наблюдается и в случае *ruka—ručka—ručička*; существительное *ručička* может выступать в функции оценочного образования и в функции нейтрального слова (употребленное в значении «стрелка часов, указатель»).

Значительно реже встречаются в языке образования, полностью утратившие оценочное значение и не восстанавливающие его в контекстном употреблении (с точки зрения синхронного подхода к языку подобные имена существительные ныне уже не являются оценочными словами). Указанные имена существительные составляют приблизительно лишь десятую часть от общего числа оценочных существительных, обладающих способностью утрачивать значение оценки. На анализе подобных имен существительных мы остановимся несколько ниже, здесь же ограничимся приведением нескольких примеров: *bouře—bouřka*, *sedadlo—sedátka*. Следует заметить, что не все оценочные существи-

Утрата уменьшительного значения в некоторых именах существительных женского рода с суффиксом *-č(a)*. «Вопросы русского языкознания», Львов, 1956, кн. 2.; И. В. Червенкова. О лексикализации уменьшительных существительных в современном русском литературном языке, «Научные доклады высшей школы. Филол. науки», 1961, № 2. Указанной проблеме (правда, кратко) касается чешский лингвист Ярослав Зима в недавно выпущенной монографии: J. Zima. *Expresivita slova v současné češtině*, «Rozpravy ČSAV», seš. 16, г. 71. Praha, 1961.

⁶⁰ Процесс утраты оценочного значения в дальнейшем мы будем называть сокращенно — «процесс утраты».

тельные в равной мере подвергаются действию процесса утраты оценочного значения. Чаще всего указанное значение тускнеет у оценочных слов первой степени, образованных с помощью простых суффиксов -ek, -ka, -ko, -se и т. д. Наиболее уязвимы в этом смысле оценочные образования, наделенные уменьшительным значением. Более устойчивы оценочные слова второй степени: слова, образованные с помощью усложненных суффиксов, слова, наделенные эмоциональным значением, увеличительные слова. Последнее обстоятельство можно объяснить тем, что у слов перечисленных категорий семантическая нагрузка является более концентрированной, более реальной (ср. хотя бы оценочные слова с пейоративным значением: *doktúrek*, *agitátúrek*, *člověčísko* и пр.). Можно предположить также, что оценочные слова, наделенные увеличительным значением (*dubisko*, *stromisko* и т. д.), реже подвергаются процессу утраты в силу своей малой употребительности в языковой практике. Именно поэтому оценочное значение, присущее этим существительным, меньше изнашивается, стирается.

Исследуя конкретные случаи утраты оценочного значения, мы можем установить основные причины, обусловливающие возникновение данного явления.

Как правило, оценочное слово утрачивает свое значение, перестает быть оценочным в том случае, если оно употребляется не по назначению, т. е. выступает в функции названия (в этом случае номинативная функция становится доминирующей, оценочная же функция приглушается, а впоследствии и полностью исчезает). В связи с этим причины, вызывающие использование оценочного слова в качестве обычного обозначения, практически являются причинами, вызывающими утрату оценочного значения. Указанные причины могут быть двоякого рода: неграмматические и грамматические. Если в первом случае нам приходится иметь дело с закономерностями семантической природы и функционирования оценочных существительных в языке (причем в центре внимания находится изучение характера соотношения оценочных и соответствующих нейтральных производящих образований), то во втором случае исследуются собственно грамматические закономерности, обусловливающие процесс утраты оценочного значения, именно: явление конкуренции оценочных суффиксов между собой и его результаты (в данном случае нас интересует уже не столько взаимоотношение оценочных и нейтральных слов между собой, сколько взаимоотношение оценочных слов друг с другом).

Ниже мы рассмотрим на конкретных языковых примерах обстоятельства, обусловливающие утрату оценочного значения.

К кругу неграмматических (в строгом смысле этого слова) причин мы считаем возможным отнести следующие факторы: 1) фреквенционные закономерности оценочных существительных; 2) переносное употребление оценочных существительных; 3) лексическое отдаление, функциональное разграничение использования нейтральных и соответствующих производных оценочных существительных; 4) использование оценочных существительных в составе фразеологизмов. Рассмотрим подробно перечисленные факторы:

Фреквенционные закономерности оценочных существительных

Несмотря на то что употребление в языке оценочных и нейтральных имен существительных достаточно четко разграничено, встречаются случаи перекрещивания зон их использования. Указанное явление возникает, в частности, в том случае, когда малость размеров является более или менее постоянным качеством обозначаемого словом объекта, либо когда восприятие того или иного обозначаемого словом

объекта бывает сопряжено с некоторой более или менее стабильной эмоциональной окраской. В связи с этим в данных условиях оказывается возможным обозначение предмета как посредством нейтрального, так и посредством оценочного слова. При этом вследствие того, что, например, обозначаемый объект чаще встречается малым, небольших размеров, предпочтительнее оказывается использование не нейтрального, а оценочного слова. Впоследствии в силу частого употребления оценочного слова оно закрепляется за объектом в качестве постоянного названия, а присущее ему специфическое значение оценки от частого употребления стирается, тускнеет и в конце концов исчезает. Так, несмотря на то, что между приводимыми ниже словами сохранилось отношение семантической и структурной производности, в определенных ситуациях они могут функционировать как равноправные обозначения объекта, причем в ряде случаев употребление оценочного слова предпочтительнее: *ukazovák* — *ukazováček*, *švadlena* — *švadlenka* (ср. глагол *švadlenčit*, приводимый PS), **ukazovadlo* — *ukazovátko*, *vejce* — *vajíčko*, ср.: *Chlap žral šunku, mazal si máslo na chleba, loupal si vajíčka* (J. H. Švejk, d. I); ... *tlačilo nohama do ostrého konce vajíčka...* (L. Ašk. P. život); *dlaždice* — *dlaždička*, ср.: *sklo dopadlo na modrobílé dlaždičky...* (L. Ašk. Ind. léto).

Наблюдения показывают, что практически равноправно употребляются и образования *holubice* — *holubička* (ср. хотя бы название поэмы М. Пуймановой — «Miliony holubiček»); *hospodyně* — *hospodyňka*, ср.: ... *je opravdu škoda, když hospodyňky vlezají do popelnic...* *zbytky jídel* («Vlasta», 1960, № 3, стр. 11); *květ* — *kvítek*⁶¹, *pes* — *pejsek*, чаще употребляется *pejsek*: ... *uměla byste také namalovat pejska?* (L. Ašk. D. etudy); *krabice* — *krabička*, *polovice* — *polovička*, ср.: ... *chyběla mu polovička levého ucha* (J. H. Švejk, d. I); *brožura* — *brožurka*: *Dotázník o tom, jaké noviny, časopisy a brožury docházají* (там же, d. II); *lavice* — *lavička*: ... *jen holý strom tu trčel a pod ním lavička* (L. Ašk. Milenci). Пример безразличного употребления этих слов: ... *já tu lavici vidím* и здесь же ... *že na tu lavičku stejně není vidět* (L. Ašk. Ind. léto); *malík* — *malíček*, *svíce* — *svíčka*, *hřeb* — *hřebík* (существительное *hřeb* употребляется очень редко, например в сочетании *zlatý hřeb* 'гвоздь программы'). Количество примеров может быть существенно увеличено. Утратили значение оценки и многие обозначения родственников в чешском языке: *strýček*, *tatínek*, *matinka*, *dědeček*, *babička* и т. д. В настоящее время эти слова практически являются нейтральными обозначениями⁶². Ощутимый оттенок уменьшительности, ласкальности, поддерживаемый семантикой самого слова, сохраняется в обозначениях детей (*dcerka*, *syneček* и пр.). Следует заметить, что в диалектах чешского языка существительные *dcerka*, *synek* являются нейтральными обозначениями понятий «парень», «девушка»: *Protože já, obyčejná dcerka, vidím, jak komunistická strana zastává všechny* (T. Sv. Bez. š.) или *Aj, jedou formani do Vídne a vezou synka do Itálie* (Č. n. z.).

Несмотря на то, что во всех рассмотренных случаях оценочные слова сохраняют присущее им оценочное значение, в определенных ситуациях они функционируют как обозначения, названия, равноправные с нейтральными (иногда обозначение объекта через посредство оценочного слова даже более предпочтительно). В силу этого в данных обстоятельствах возникают благоприятные условия для конкуренции

⁶¹ Практически *kvítek* является ныне нейтральным обозначением (как и русское «цветок»).

⁶² Ср., например, название пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня», передаваемое по-чешски «*Stryček Váňa*».

нейтральных и оценочных существительных. Исход этой конкуренции может быть различным: либо одно из образований вытесняется из употребления, либо происходит разграничение их семантики и сфер функционирования. В некоторых случаях определенный исход еще не наступил.

Ход конкуренции хорошо прослеживается на материале образований, бывших некогда оценочными словами, а ныне утративших полностью оценочное значение и не восстанавливающих его факультативно. Наблюдения позволяют выявить следующие типы взаимоотношений между нейтральными и первоначально оценочными словами⁶³.

1. Нейтральное и первоначально оценочное слово различаются либо по значению, либо по сфере употребления. Примеров много: *bouře* 'буря'⁶⁴ — *bouřka* 'гроза'; *řezadlo* 'инструмент для резания' — *řezátko* 'инструмент для резания, в особенности для разрезания книг, бумаг, для очинки карандашей и т. д.'; *tlačidlo* 'предмет, предназначенный для давления, прессования' — *tlačítko* 'манипулятор, кнопка'; *udílko* 'удила' — *udítka* 'часть удил'; *dvůr* 'двор' — *dvorec* 'корт'; *chodba* 'коридор' — *choabice*⁶⁵ (арго шахтеров) 'небольшой проход'.

2. Нейтральное и первоначально оценочное слово, близкие по значению и употреблению, сосуществуют в языке. Примеров много: *vzor* — *vzorec*, *měřidlo* — *měřítka*, *sedadro* — *sedátko*, *hrkadlo* — *hrkátko*, *stínidlo* — *stínítko*. Приводимые выше образования отличаются сходством основных значений слова.

3. Нейтральное и первоначально оценочное слово близки по значению, однако производящее нейтральное слово устарело и выходит из употребления⁶⁶. Примеров мало: *slanec* (устар.) — *slaněček*, † *lehadlo* — *lehátko*, *děva* (устар.) — *dívka*.

4. Нейтральное и первоначально оценочное слово близки по значению, но различаются присущей им стилистической окраской. Примеров мало: *kukadro* (шутл.) 'глаз', (нар.) бинокль' — *kukátko* 'бинокль'; **hruše* (книжн.) — *hruška* 'груша'.

Переносное употребление оценочного слова

Одной из причин нарушения тесной взаимосвязи между нейтральным и оценочным словами является переносное употребление оценочного слова, базирующееся на сходстве, внешнем или функциональном, явлений действительности. В результате переносного употребления оценочное слово закрепляется за данным предметом или явлением в качестве названия. Элемент оценки в значении оценочного слова тускнеет, стирается подчас и внутреннее обоснование обозначения. Приведем примеры переносного употребления оценочных существительных⁶⁷: *kohout* 'петух' — *kohoutek* 'кран', *víko* 'крышка' — *víčko* 'веко глаза', *člun* 'член' — *člunek* 'членок', *brána* 'ворота' — *branka* 'гол', *buben* 'барабан' — *ušní bubínek* 'барабанная перепонка', *motýl* 'бабочка' — *motýlek* 'галстук-бабочка', 'стиль плавания баттерфляй', *ředkev* 'редька' — *ředkvíčka* 'редиска', *rameno* 'плечо' — *ramíčko* 'вешалка, бретелька', *pavučina* 'паутина' — *pavučinky* 'чулки-паутинка', *železo* 'железо' — *želízka* 'щипцы для завивки'.

⁶³ Термин «оценочное слово» употребляется в данном случае лишь условно.

⁶⁴ Примеры снабжаются переводами лишь там, где признается необходимым, т. е. когда семантика нейтрального и оценочного слов расходится.

⁶⁵ В данном случае до некоторой степени сохраняется значение уменьшительности.

⁶⁶ Существует целый ряд нейтральных обозначений, о которых мы можем предположить, что они утратили некогда им присущее оценочное значение. Например, *razítka*, *šidítka*, *ořezávátko*, *obouvatko*.

⁶⁷ Значения приводимых слов указываются не полностью.

Лексическое отдаление нейтрального и оценочного слов, происходящее в результате функционального обособления этих слов

В указанном случае явление утраты оценочного значения осуществляется в результате функционального обособления оценочного и нейтрального слов — оценочное слово становится обозначением одного из ряда подобных явлений (в данном случае метафоризации не наблюдается). Так, например, существительное *lod'* имеет значение 'корабль, пароход', производное от него *lod'ka*, бывшее некогда оценочным существительным, является ныне нейтральным обозначением со значением 'лодка'. Практически значение слов *lod'* и *lod'ka* однородно, так как в обоих случаях обозначаются подобные друг другу предметы; тем не менее все же намечается некоторая специализация употребления, которая и является причиной утраты оценочного значения. Приведем примеры: *lžice* 'ложка' — *lžička* 'чайная ложка', *mlýn* 'мельница' — *mlýnek* 'мельница особого назначения, например для кофе', *obraz* 'картина' — *obrázek* 'картинка', 'иллюстрация в книге', *stroj* 'машина, станок' — *strojek* 'машинка особого назначения, например для бритв', *škola* 'школа' — *školka* 'детский сад' (...*neposíláme... ani do školky či školy* («Vlasta», 1960, № 45, стр. 7), *talíř* 'тарелка' — *talířek* 'блюдце', *šítí* 'шитье' — *šítko* 'набор для шитья', *ubrus* 'скатерть' — *ubrousek* 'салфетка', *kartáč* 'щетка' — *kartáček* 'щетка (зубиая и т. д.)', *děvče*, *dívka* 'девушка' — *děvečka* 'служанка'.

Участие во фразеологических оборотах, пословицах, поговорках

Интенсивно происходит утрата оценочного значения у существительных, вовлеченных во фразеологические обороты, пословицы, поговорки. Указанное обстоятельство объясняется тем, что в данном случае значение отдельного слова, его удельный вес сглаживается — на первый план выступает смысл всего сочетания в целом. Приведем примеры: *slepá ulička* 'тупик', *vyhodit si z korýtka* 'гульнуть', *dostat se někomu na kobylnici* 'добраться до кого-нибудь', *jde jako po drátku* 'идет как по маслу' и т. д. Иногда оценочные слова сохраняют присущее им значение и тогда, когда они входят в состав пословиц, поговорок. В этом случае сохранение оценочного значения поддерживается семантикой всего высказывания в целом, например: *Lepší pán, než pánek* (противопоставление).

Все рассмотренные нами выше оценочные слова утрачивают оценочное значение лишь ситуативно, т. е. в определенных контекстах, в то время как в других случаях явление утраты у данных образований не наблюдается. Таким образом, основная причина утраты оценочного значения заключается в превращении оценочного слова в название⁶⁸.

Следует заметить, что иногда оценочные в прошлом слова, функционирующие в обычном языковом употреблении как нейтральные обозначения, временно, в определенном контексте, восстанавливают оценочное

68 Многие оценочные слова, сохраняющие в нетерминологическом употреблении оценочное значение, утрачивают его в терминологическом употреблении. Изобилиуют ныне нейтральными, в прошлом оценочными словами кулинарная терминология. Так, большинство названий блюд представляет собой слова с утраченным оценочным значением: ср. *tvarohové knedlíčky* 'кнедлики с творогом', *vetvíčko smažené* 'жареное вымя', *játra smažená v těstíčku* 'печень жареная в тесте', *bílek nadývaný* 'фаршированный бок', *obložený chlebíček* 'бутерброд', *jablíčka v žíru* 'яблоки в кожуре' и т. д. В терминологии иного профиля также широко используются слова с утраченным оценочным значением, приведем лишь несколько примеров: *zubní lážko* 'зубная лунка', *květní lážko* 'цветоложе', *cigaretová dutinka* 'папиросная гильза', *váleček* 'скалка' и т. д.

значение. Именно так и происходит в следующем случае. В современном чешском языке существует слово *jiskřička*, обозначающее девочку-октябринка. Несмотря на то, что данное существительное генетически представляет собой оценочное образование от нейтрального слова *jiskra* 'искра', в данном конкретном словоупотреблении оно является нейтральным обозначением. Однако, изучая язык статей журнала «Власта», нам удалось встретить пример, в котором оттеняется связь между словами *jiskra* и *jiskřička* в значении 'октябринок': *Myslíte si, že vaše holčička nebo chlapec si nezvykne na nové prostředí. Je to možné, že si první dny malá jiskra popláče...* («Vlasta», 1961, N 29, стр. 13).

Далее, существительное *kvítek* в современном чешском языке утратило оценочное значение, однако в приводимой ниже цитате данное значение восстанавливается: *Kvítkem je jen podle názvu, ve skutečnosti je to obrovský květ* (R. p., 1954, N 5).

Изменилось с течением времени соотношение следующих слов: *škop* — *škopek*, *hřeb* — *hřebík*, **vlok* — *vločka*. Несмотря на то, что существительные *škopek*, *hřebík*, *vločka* в структурном отношении являются несомненными производными от *škop*, *hřeb*, **vlok* (с которыми они соотносились прежде как оценочные производные существительные), ныне существительные *škop*, *hřeb*, **vlok* начинают восприниматься как оценочные (увеличительные) в силу того обстоятельства, что существительные *škopek*, *hřebík*, *vločka* утратили оценочное значение и стали обозначать в подавляющем большинстве случаев просто 'лоханку' (*škopek*), 'пушинку, снежинку' (*vločka*), 'гвоздь' (*hřebík*).

Теперь мы остановимся на грамматическом факторе утраты указанного значения — явлении конкуренции оценочных образований.

Под явлением конкуренции мы понимаем взаимоотношения, устанавливающиеся между образованиями, дублетными как с точки зрения своей словообразовательной структуры (различающихся лишь своими аффиксальными компонентами), так и с точки зрения семантической и стилистической окраски слова в целом⁶⁹. Итогом процесса конкуренции является устранение дублетности, проявляющееся либо в исчезновении одного из конкурирующих образований, либо в приобретении конкурирующими образованиями различной семантической или стилистической окраски. Следует заметить, что в некоторых случаях на данном этапе существования чешского языка процесс конкуренции не имеет дефинитивного завершения, так как конкурирующие образования более или менее равноправно употребляются в языке. Необходимо иметь в виду, что явление утраты оценочного значения представляет собой не обязательное, а лишь возможное следствие процесса конкуренции оценочных образований. Как правило, конкурирующие образования сохраняют оценочное значение и лишь иногда в ходе действия процесса конкуренции его утрачивают⁷⁰.

Нами были прослежены взаимоотношения целого ряда дублетных оценочных образований, отличающихся друг от друга лишь видом оформляющих их суффиксальных морфем. Наблюдение над процессом конкуренции оценочных слов сопряжено с целым рядом трудностей, основная из которых заключается в том, что в словообразовании (а также использовании) лексики данного типа очень большую роль играет субъективный элемент. Нередко образование и использование оценочных существительных является очень индивидуальным (именно этим,

⁶⁹ О процессе конкуренции см. также: Г. П. Нещименко. Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», XIX, 1960.

⁷⁰ Следует заметить, что семантика конкурирующих оценочных образований не всегда является полностью идентичной, однако это не исключает возможности конкуренции этих образований лишь в рамках сходных значений.

по-видимому, объясняется расхождение в комментариях, которыми сопровождают оценочные слова отдельные словари чешского языка).

В кругу существительных мужского рода наиболее часто фиксируются случаи конкуренции оценочных образований, оформленных суффиксами *-ek* и *-ík*. В подавляющем большинстве случаев указанные суффиксы перекрещиваются при образовании оценочных существительных от бессуффиксальных, преимущественно непроизводных, основ. Приведем несколько примеров.

Процесс конкуренции суффиксов *-ek* и *-ík* является незавершенным, оба образования, и с суффиксом *-ek*, и с суффиксом *-ík*, употребляются равноправно: *oheň* — *ohnýnek*, *ohník*⁷¹ PS, Sl. Sp.; *palác* — *palácek*, *palácík* PS; *pes* — *pejsek*, *psík* PS; *chvost* — *chvostek*, *chvostík* PS, Sl. Sp.; *kluk* — *klouček*, *klučík* PS, Sl. Sp.; *kostel* — *kostýlek*, *kostélík* PS (по данным Sl. Sp. **kostýlek*); *koberec* — *koberčeček*, *koberčík* PS, Sl. Sp.; *kanec* — *kaneček*, *kančík* PS, Sl. Sp.; *talent* — *talentek*, *talentík* PS; *hadr* — *hadý(é)rek*, *hadřík* PS, Sl. Sp. Впрочем, в некоторых случаях оказывается возможным сделать предположение о направлении хода конкуренции. Так, например, существительному *hoch* по данным Sl. Sp. (а также PS) соответствуют два оценочных образования *hošík* и *hošek*. Оба словаря не сопровождают указанные слова пометами о степени их употребительности, тем не менее непосредственные языковые наблюдения позволяют предположить, что образование *hošík* является более употребительным и, следовательно, более живучим⁷².

В целом ряде случаев процесс конкуренции суффиксов *-ek* и *-ík* оказывается полностью или частично завершенным: суффикс *-ek* побеждает в следующих образованиях: *sníh* — *snížek*, **sněžík* PS; *kašel* — *kašilek*, **kašlík* PS (Sl. Sp. дает слово *kašlík*, не помечая его малую употребительность); *anděl* — *andílek*, **andělík* PS, Sl. Sp.; *hotel* — *hotýlek*, **hotelík* PS, Sl. Sp.; *háj* — *hájek*, **hájík* PS (Sl. Sp. образование *hájík* не приводит); *korec* — *korečeček*, **kopčík* (фам.) PS (Sl. Sp. образование с суффиксом *-ík* не приводит); *mraveneček*, *mravenčík* (редк.) PS (Sl. Sp. помечает образование *mravenčík* как малоупотребительное); *čtverec* — *čtverečeček*, *čtverčík* (редк.) PS, Sl. Sp.; *prut* — *proutek*, **proutík* PS; *byt* — *bytek*, **bytík* PS (в Sl. Sp. *bytík* не приводится, *bytek* помечается как малоупотребительное); *pastýř* — *pastýřek*, **pastýřík* PS.

Суффикс *-ík* побеждает в следующих случаях: *kompliment* — *komplíment*, **komplimentek* PS (впрочем, Sl. Sp. приводит лишь *komplimentek*, не помечая его как малоупотребительное); *prst* — *prstík*, **prstek* PS; *arch* — *aršík*, **aršek* PS, Sl. Sp.; *park* — *parčík*, **parček* PS. Как мы можем убедиться, в целом процесс конкуренции оценочных суффиксов *-ek* и *-ík* (при образовании, как правило, от бессуффиксальных, непроизводных основ) в настоящее время еще не завершен полностью. Нередко выявление преобладающего суффикса является пока еще невозможным. Однако в тех случаях, когда процесс конкуренции завершен, более устойчивой словообразовательной морфемой оказывается большей частью суффикс *-ek*. Образования с суффиксом *-ík* употребляются реже, нередко они приобретают дополнительную семантическую или стилистическую окраску, препятствующую процессу конкуренции. Объяснить наверное причину большей жизненности одного словообразовательного средства по сравнению с другим мы в настоящее время не можем. Видимо, для этого было бы целесообразно исследовать все воз-

⁷¹ В числе оценочных образований, для которых суффикс *-ek* является более предпочтительным, чем суффикс *-ík*, находится довольно много основ мягкой разновидности.

⁷² Возможно, в данном случае играет роль артикуляционная близость мягких шипящих и гласного переднего ряда верхнего подъема *-i-*. Однако указанное соответствие прослеживается далеко не всегда.

можные функции словообразовательных средств в языке и их соотношение между собой, однако эти разыскания не входят в задачи настоящей статьи.

Несколько иначе складывалось взаимоотношение оценочных суффиксов *-ek* и *-ec*. Процесс конкуренции этих двух суффиксов ныне практически завершился: как правило, оценочные слова, образованные с помощью суффикса *-ec*, являются либо малоупотребительными или даже мертвыми, либо меняют сферу своего употребления: *dub* — *doubek*, **doubec* (диал.) PS, Sl. Sp.; *chlév* — *chlé(i)vek*, **chlévec* (несколько устар.) PS, Sl. Sp.; *hrob* — *hro(ù)bek*, **hrobec* PS; *mlýn* — *mlýnek*, *mlýnec* (архаич.) PS (Sl. Sp. помечает образование *mlýnec* как мертвое); *chrám* — *chrámek*, **chrámeč* PS, Sl. Sp.; *chlum* — *chlumek*, **chlumec* PS, Sl. Sp.; *koráb* — *korábek*, †*korábec* PS, Sl. Sp. Произошел процесс утраты оценочного значения и в таких образованиях, как *chuchvalec*, *vlásec*, однако в обоих этих случаях процесс утраты оценочного значения не сопряжен с выходом данных слов из употребления: *chuchvalec* вытеснило производящее образование *chuchval*, слово *vlásec* приобрело значение «леска».

В редких случаях процесс конкуренции суффиксов *-ek* и *-ec* еще не завершился. Именно так обстоит дело со словами: *sloup* — *sloupek*, *sloupec* PS; *provaz* — *provázek*, *provázec* PS; *poklop* — *poklopec*, *poklúpek* PS; *houf* — *houfek*, *houfec* PS, Sl. Sp.

Очень редко в процессе конкуренции данных суффиксов побеждает суффикс *-ec*: *trám* — *trámeč*, *trámek* (книжн. и диал.) PS.

Комментируя процесс конкуренции суффиксов *-ek* и *-ec*, следует заметить, что оценочный суффикс *-ec* является непродуктивным средством словообразования. В современном чешском языке данный суффикс полностью утратил словообразовательную активность: он не участвует в создании новообразований; круг присущих ему словообразовательных связей очень узок. Интересное замечание о характере взаимоотношения суффиксов *-ek* и *-ec* содержится в работе Фр. Оберифальцера «Род имен в чешском языке»⁷³. Автор отмечает, что в моравских диалектах в качестве уменьшительно-эмоциональных суффиксов нередко употребляются суффиксы *-ek* и *-ec*. Однако конкуренция этих суффиксов друг с другом нередко бывает исключена в силу того обстоятельства, что образующиеся с помощью данных суффиксов слова различаются семантически: слова с суффиксом *-ek* имеют преимущественно ласкательное значение (*šuhajek* 'красивый парень'), а слова с суффиксом *-ec* — увеличительное значение (*šuhajec* 'мужественный парень').

Иногда встречаются случаи конкуренции трех словообразовательных морфем одновременно — в качестве примера приведем случай конкуренции суффиксов *-ek/-ec/-ík*: *chochol* — **chocholec*, **chocholek*, **chochálek*, *chocholík* PS, Sl. Sp.; *klášter* — *klášeřík*, † *kláštorec*, **kláštorek* PS (Sl. Sp. приводит лишь *klášeřík* в качестве оценочного образования, образование *kláštorec* по данным словаря является устаревшим); *plášt'* — *pláštík*, †*pláštěc*. †*pláštěk* PS; *kůl* — *kolík*, **kůleček*, **kůlek* PS, Sl. Sp.; *vítř* — *větrík*, **větérec* (поэтич.), *větřek* (книжн.) PS; *krám* — *krámek*, †*krámeč*, **krámík* PS, Sl. Sp.

Изредка встречаются случаи конкуренции суффиксов *-íček* и *-eček*, однако в целом их число столь невелико, что выделение победителя представляется невозможным. Приведем примеры: *kříž* — *křížeček*, **křížíček* (диал.) PS, Sl. Sp.; *sval* — *svaliček*, *svalíček* PS; *závod* — *závodeček*, *závodíček* PS; *výlet* — *výleteček*, **výletíček* PS.

Следует заметить, впрочем, что нередко конкуренция сложных суффиксов восходит практически к конкуренции исходных простых суффиксов, например в данном случае — суффиксов *-ek* и *-ík*. Встречаются

⁷³ Fr. Oberpfälzer. Rod jmen v češtině. Praha, 1933.

и другие случаи конкуренции словообразовательных морфем, оформляющих существительные мужского рода, однако они могут быть проиллюстрированы лишь единичными примерами, а поэтому нами здесь не приводятся.

Исследование конкуренции оценочных суффиксов мужского рода позволило нам убедиться в том, что наиболее часто в качестве конкурирующих морфем выступают простые суффиксы *-ek*, *-ik*, *-es*. При этом, как правило, производящей словообразовательной основой являются непроизводные слова. Необходимо заметить, что дефинитивное завершение процесса конкуренции наблюдается лишь в случае, когда в качестве конкурирующей морфемы выступает суффикс *-es*: из 26 зафиксированных нами случаев конкуренции, в которых принимал участие суффикс *-es*, в 20 случаях он оказывался побежденным, в 5 случаях процесс конкуренции оставался незавершенным, в одном случае суффикс *-es* является победителем.

Несколько сложнее определить меру устойчивости в процессе конкуренции суффиксов *-ek* и *-ik*. В зоне перекрецивания словообразовательных связей суффиксов *-ek* и *-ik* данные суффиксы оказываются практически равноценными партнерами: так, на 42 случая конкуренции приходится 19 случаев победы суффикса *-ek*, 7 случаев победы суффикса *-ik* и 16 случаев, когда процесс конкуренции является незавершенным. Однако, если мы учтем случаи конкуренции образований с тройными суффиксами, то статистика будет несколько иной: на 49 случаев конкуренции приходится 19 случаев победы суффикса *-ek*; 16 случаев, когда процесс конкуренции является незавершенным и 14 случаев победы суффикса *-ik*.

Среди словообразовательных суффиксов, оформляющих оценочные существительные женского рода, наиболее часто встречаются случаи конкуренции суффиксов *-ice* и *-ka*. В подавляющем большинстве случаев процесс конкуренции указанных словообразовательных морфем в настоящее время завершен: как правило, образования с суффиксом *-ice* являются либо малоупотребительными, либо архаическими, полностью вышедшими из употребления. В целом ряде случаев слова с суффиксом *-ice* не воспринимаются ныне как оценочные образования и функционируют в качестве обычных нейтральных обозначений⁷⁴: *koroptev* — **koroptvice* (диал.) PS; *pánev* — *pánvice* PS; *rákev* — **rákvice* PS; *sestra* — **sesířice* (поэтич.) PS; *štoudev* — *štoudvice* (редк.) PS, *tykev* — *tykvice* (книжн. и нар.) PS. Количество примеров подобного рода можно было бы свободно увеличить.

Конкуренцию суффиксов *-ka* и *-ice* можно считать завершенной в следующем случае: *lampa* — *lampička*, **lampice* PS (Sl. Sp. *†lampice*); *kráva* — *kravička*, **kravice* PS (в Sl. Sp. образование *kravice* не приводится); *konev* — *konvička*, *konvice* PS (Sl. Sp. образования *konvice* не приводит); *větev* — *větička*, *větvice* (поэтич.) PS; *noha* — *nožička*, **nožice* PS, Sl. Sp.; *voda* — *vodička*, *†vodice* PS; *tráva* — *travička*, **travice* PS; *růže* — *růžice* (редк.), *růžička* PS, *věž* — *věžička*, *†věžice* PS. Иногда, очень редко, образования с суффиксами *-ice*, *-ka* сосуществуют: *lod'* — *lodice* (редк.), *lodička* PS, Sl. Sp.; *láhev* — *lahvice*, *lahvička* PS, Sl. Sp.

Во всех рассмотренных выше случаях процесс конкуренции является завершенным: образования с суффиксом *-ice* оказываются вытесненными образованиями с суффиксом *-ka*, наслонившимся на суффикс *-ice* (*ic (e) + k (a)* > *ičk (a)*). Следует заметить, что наряду с оценочными

⁷⁴ Показательно, что образования с суффиксом *-ice* очень часто вытесняют слова на *-ev* (праславянские основы на *ū*). Этим подтверждается, по-видимому, нежизненность данного типа слов. Указанное обстоятельство, возможно, и послужило причиной утраты образованиями с суффиксом *-ice* в определенных случаях оценочного значения.

словами, образованными посредством суффиксов *-ice* и *-ka* (от слов на *-ice*), могут встречаться оценочные слова, образованные посредством присоединения суффикса *-ka* к словообразовательной основе нейтрального слова, например, *rybka*, *truhelka* и т. д. Подобные образования как правило устойчивы и обычно не вытесняются другими оценочными словами. Таким образом, мы можем утверждать, что суффикс *-ka* занимает устойчивые позиции в процессе конкуренции, преобразуя по своему подобию оценочные слова, образованные с помощью менее жизнеспособной словообразовательной морфемы. Показательно, что из 21 случая конкуренции суффиксов *-ka* и *-ice* суффикс *-ka* побеждает в 19 случаях, в двух случаях исход процесса конкуренции неясен.

Встречаются случаи конкуренции оценочных суффиксов *-ička*, *-ečka*. Однако в данном случае ход процесса конкуренции не столь рельефен: суффикс *-ečka* оказывается более устойчивым в следующих случаях: *hůl* — *hůlečka*, **holička* PS, Sl. Sp.; *řada* — *řádečka*, **řadička* PS; *sekera* — *sekerečka*, **sekeřička* PS; более устойчивым оказывается суффикс *-ička* в нижеследующих случаях: *kost* — *kostička*, **kostečka* PS, Sl. Sp.; *cedule* — *cedulička*, **cedulečka* PS, Sl. Sp.; *brázda* — *brázdička*, **brázdečka* PS, Sl. Sp.; *lopata* — *lopatička*, *lopatečka* (более редк.) PS, Sl. Sp. Не завершен процесс конкуренции в следующем случае: *bota* — *botička*, *botečka* Sl. Sp, PS; *košile* — *košilečka*, *košílečka* PS, Sl. Sp. По-видимому, более устойчив словообразовательный суффикс *-ička*.

Несколько слов о конкуренции оценочных суффиксов *-inka*, *-enka*. Образования, созданные с помощью этих суффиксов, отличаются большой эмоциональной выразительностью — им, как правило, не присуще чисто уменьшительное значение. Семантика оценочных слов, образованных с помощью суффиксов *-inka*, *-enka*, практически одинакова, поэтому в одном и том же контексте допустимо наличие идентичных в семантическом отношении образований то с суффиксом *-inka*, то с суффиксом *-enka*: *Má milenka je dívenka přeupřímná... Děvinko, mé srdínko, má hvězdinko* (Č. n. z.). Следует заметить, что оба названных суффикса употребляются преимущественно в народно-разговорной речи, чаще всего они встречаются в языке народных песен, например: *Slyš, děvinko, má hubinko, lásky tajné hlas; Smou radostí i žalostí kradmo jsem tu zas. Přej, hubinko, by očinko tvé zasvítlo ven; pak spí volně, já tu bolně myslím na té jen* (там же). *Šablenka brušená, to je moje žena, ona mě vyská, až bude potřeba* (там же). Сходство значения, привносимого указанными суффиксами в слово, создает благоприятные возможности для конкуренции образований с этими суффиксами. В ходе этой конкуренции суффикс *-inka* побеждает как более жизнеспособный лишь в нескольких случаях: *ruka* — *ručinka*, **ručenka* PS; *cibule* — *cibulinka*, *cibulenka* (диал.) (впрочем, Sl. Sp. не разграничивает оба эти образования). В других случаях образования с обоими суффиксами остаются равноправными: *tráva* — *travinka*, *travěnka* PS; *duše* — *dušenka*, *dušinka* PS, Sl. Sp.

В среднем роде наиболее часто в качестве конкурирующих морфем выступают суффиксы *-ko* и *-ce*. Практически процесс конкуренции этих двух суффиксов завершился: при исследовании собранного материала нам ни разу не встретился случай победы суффикса *-ce* или хотя бы его равноправного употребления наравне с суффиксом *-ko*. Приведем примеры: *křídlo* — *křidélko*, *křidélce* (диал.) PS (по замечанию Sl. Sp. образование *křidélce* является устаревшим, книжным); *okno* — *okénko*, *okénce* (устар.) PS; *pero* — *píléjko*, **pérce* PS; *slово* — *slůvko*, *slovce* (устар.) PS; *prkno* — *prké(y)ntko*, **prkénce* PS; *hovadlo* — *hovádko*, **hovádce* PS (Sl. Sp. образование с суффиксом *-ce* не приводит); *bidlo* — *bidé(y)lko*, **bidélce* PS, Sl. Sp.; *hrdlo* — *hrdélko*, **hrdélce* PS, Sl. Sp. Таким образом, во всех 10 зафиксированных нами случаях конкуренции побеждает

суффикс *-ko*. Следует заметить, что не всегда позиции суффикса *-ko* являются столь устойчивыми: в некоторых случаях оценочные образования с суффиксом *-ko* являются недостаточно эмоционально выразительными, и поэтому они вытесняются образованиями с другими суффиксами: *místo*—**místko*, *místečko*, PS., Sl. Sp; *hnízdo*—**hnízdko*, *hnízdečko* PS, Sl. Sp.; *sklo*—*skýlko* (устар.), *sklíčko* PS.

Таковы в целом некоторые случаи конкуренции среди оценочных суффиксов. В рамках настоящей статьи мы не ставили перед собой задачи проанализировать все возможные случаи конкуренции оценочных образований. В наши намерения не входило также последовательное диахроническое изучение эволюции отдельных словообразовательных суффиксов в языке. В связи с этим мы ограничились лишь статическим рассмотрением результатов процесса конкуренции, а не его хода (вследствие этого нами были использованы лишь словари, отражающие примерно один и тот же период существования чешского языка). Исследуя процесс конкуренции оценочных суффиксов, мы стремились показать, что под влиянием чисто языковых факторов оценочные слова могут утрачивать оценочное значение и переходить в разряд нейтральных образований либо вообще исчезать из языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

L. Ašk. Všude	— L. Aškenazy. Všude jsem potkal lidi. Praha, 1955.
L. Ašk. D. etudy	— L. Aškenazy. Dětské etudy. Praha, 1960.
L. Ašk. Ind. léto	— L. Aškenazy. Indiánské léto. Praha, 1956.
L. Ašk. Milenci	— L. Aškenazy. Milenci z bedny. Praha, 1959.
L. Ašk. P. život	— L. Aškenazy. Psi život. Praha, 1959.
Sv. Č. Výlet	— Sv. Čech. Výlet pana Broučka do XV st. Moskva, 1953.
Č. n. z.	— Český národní zpěvník. Praha, 1949.
J. D. Pohádky	— J. Drda. České pohádky. Praha, 1959.
H. Fr. Děti	— H. Franková. Děti plní polovic. Praha, 1961.
J. F. Stati	— J. Fučík. Stati o literatuře. Praha, 1951.
J. F. Studie	— J. Fučík. Tři studie. Praha, 1951.
J. H. Švejk	— J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka, d. I—II. Praha, 1954.
H.-B. Křest	— J. Havlíček-Borovský. Křest svatého Vladimíra, Havlíčkův Brod, 1947.
A. J. Fil. hist.	— A. Jirásek. Filosofská historie, Praha, 1948.
A. J. Psohl.	— A. Jirásek. Psohlavci. Praha, 1950.
A. J. Proti	— A. Jirásek. Proti všem. Praha, 1952.
Z. N. A. J.	— Z. Nejedlý. Předislovie k knize: A. Jirásek. Filosofská historie.
B. N. Bab.	— B. Němcová. Babička. Praha, 1953.
B. N. Poh. vesn.	— B. Němcová. Pohorská vesnice. Praha, 1951.
J. N. Básně	— J. Neruda. Knihy básní. Praha, 1951.
T. Sv. Bez š.	— T. Svatopluk. Bez šéfa. Praha, 1953.
J. K. Tyl. Str. dud.	— J. K. Tyl. Strakonický dudák. Praha, 1950.
J. Vrchl. Sel bal.	— J. Vrchlický. Selské balady. Praha, 1951.
R. p.	— «Rudé právo».

Т. И. КОНСТАНТИНОВА

(Москва)

О СТРУКТУРНОЙ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ ФОРМ СРАВНИТЕЛЬНОЙ И ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ НАРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о грамматической сущности степеней сравнения всегда привлекал внимание лингвистов благодаря своеобразному положению, которое степени сравнения занимают среди других грамматических категорий. Степени сравнения свойственны именам прилагательным и производным от них наречиям. Генетически формы сравнительной степени наречий восходят к падежным формам сравнительной степени именных прилагательных, поэтому во всех славянских языках в той или иной мере проявляется семантическая и грамматическая связь форм степеней сравнения наречий и прилагательных.

В современном русском языке формы сравнительной степени от имен прилагательных и наречий совпадали (*Этот студент лучше. Он учится лучше*). Двойственность синтаксической функции (употребление при глаголе и имени существительном) при отсутствии форм согласования обусловила различное толкование форм сравнительной степени в русском языке. А. А. Потебня и А. А. Шахматов считают их наречиями на основании неизменяемости формы¹. А. М. Пешковский, отмечая их двоякое синтаксическое употребление, выделяет их в совершенно самостоятельную категорию слов, считая, что «это ни прилагательные, ни наречия, а нечто более широкое и неопределенное. В дальнейшем мы их будем называть просто сравнительными формами»²: Акад. В. В. Виноградов на основании семантико-синтаксического анализа вскрывает под формами простых степеней сравнения грамматические омонимы³. Степени сравнения определяются как морфологическая градация, свойственная как прилагательным, так и наречиям.

В современном чешском языке, в отличие от русского языка, формы сравнительной степени наречий и формы сравнительной степени прилагательных имеют различные морфологические показатели: *dobrý student* *dobře studuje* — *lepší student* *lépe studuje*; *veselé* *děvče vesele zpívá* — *veselé jší děvče veselé ji zpívá*.

Формы сравнительной степени прилагательных, употребляющиеся при имени существительном, являются согласуемыми, формы сравнительной степени наречий, употребляющиеся при глаголе, являются неизменяемыми.

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II. М.—Л., 1889, стр. 121; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 493.

² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 161.

³ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 261.

Но, несмотря на наличие особых грамматических показателей у форм сравнительной степени наречий, решение вопроса о грамматическом существе последних не является однозначным. Традиционная чешская грамматика не считает степени сравнения наречий морфологической градацией внутри наречия. Так, акад. Ф. Травничек рассматривает эти формы в разделе словообразования как наречия, образующиеся от форм сравнительной степени прилагательных с помощью словообразовательных суффиксов *-ejí* (-*ějí*), *-e⁴*. Об образовании превосходной степени наречий он упоминает при изложении образования степеней сравнения прилагательных в разделе о значении слов и грамматических форм (*významy slov*⁵).

В отличие от Ф. Травничка, Б. Гавранек, А. Едличка считают степени сравнения морфологической категорией, свойственной некоторым качественным наречиям, и соотносят их с положительной степенью наречий⁶. Однако признание названных форм морфологической категорией наречия еще не решает вопроса об их грамматическом существе. Проблематика степеней сравнения наречий (как и прилагательных) состоит в установлении характера и объема выражаемого ими грамматического значения, в решении вопроса о том, являются ли они категорией грамматической или лексико-грамматической.

Ответ на этот вопрос предполагает изучение структурных и семантико-сintаксических особенностей форм степеней сравнения наречий, т. е. определение места, которое они занимают среди других грамматических категорий в системе языка.

В современном чешском языке представлены два способа выражения степеней сравнения.

1. Словообразовательный, или синтетический, при котором степени сравнения выражаются особыми формами, имеющими специальные грамматические показатели. Грамматическим показателем форм сравнительной степени является суффикс *-ejí* (-*ějí*): *vesele* — *veselejí*, *krásně* — *krásnějí* и т. п., грамматическим показателем форм превосходной степени является префикс *nej-* и суффикс *-ejí* (-*ějí*): *vesele* — *nejveselejí*, *krásně* — *nejkrásnějí* и т. п.

2. Описательный, или аналитический, при котором степени сравнения выражаются средствами лексическими, т. е. к наречию в положительной степени прибавляются формы *méně*, *nejméně*. Этот способ употребляется только для выражения степеней убывающего качества, поэтому к положительной степени обычно прибавляются формы степеней сравнения наречия *málo* — *méně*, *nejméně*, например: *vít to méně dobře*, *bylo tu nejméně rohodno*.

Когда речь идет о нарастающем качестве, степени сравнения выражаются только с помощью синтетических форм. Преобладающий синтетический способ является предметом нашего анализа.

1. О СТРУКТУРНОЙ СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ ФОРМ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНЬЮ НАРЕЧИЙ

Положительная степень наречий, выражающая определенный признак, качество безотносительно к его количеству, степени, включается в систему степеней сравнения несколько условно, как исходная, основная форма, с которой соотносятся формы степеней сравнения⁷. Сравни-

⁴ Fr. Trávníček, *Mluvnice spisovné češtiny*, I. Praha, 1951, стр. 373.

⁵ Fr. Trávníček. Указ. соч., II, стр. 1090.

⁶ B. Havránek, A. Jedlička. *Česká mluvnice*. Praha, 1961, стр. 266.

⁷ См. замечание В. В. Виноградова (указ. соч., стр. 243), а также высказывание О. Есперсена, который пишет, что с логической точки зрения положительную степень «строго говоря нельзя называть „степенью сравнения“, так как если мы

тельная и превосходная степень служат для выражения степеней качества. Положительную степень имеют все наречия, сравнительную и превосходную степень как правило могут иметь только качественные наречия, образованные от имен прилагательных, способных по своему лексическому значению изменяться по степеням.

Сравнительная степень наречий структурно соотносится с основой положительной степени и суффиксом *-ejí* (-ějí)⁸.

Основы положительной степени не представляют никаких структурных ограничений для образования форм сравнительной степени, поэтому последние образуются настолько стандартно, что принципиально возможно образовать форму сравнительной степени от любого наречия, производного от прилагательного. Эта возможность ограничивается исключительно семантикой наречий. Формы сравнительной степени могут иметь:

а) качественные наречия, образованные от качественных прилагательных: *veselo—veselejí*, *vážně—vážnějí*, *měkce—měkčejí*, *pěkně—pěknějí* и т. д. Исключение представляют образования от сложных прилагательных, таких, как *bíločerně*, *zelenošedě*, *sladkokysle* и т. п., а также наречия, образованные от прилагательных субъективной оценки, в которых количество признака уже выражено словообразовательными средствами, например: *přenáramně*, *slad'ounce*, *malinko* и т. д.;

б) наречия с комплексной семантикой, производные от прилагательных, совмещающих относительное и качественное значение, например: *prakticky—praktičtějí*, *lidsky—lidstějí*, *válečně—válečnějí* и т. п.

Обычно принято считать возможность образования сравнительной степени признаком «качествования» наречий. Однако семантика некоторых наречий, производных от относительных прилагательных, имеет комплексный характер. Так, например, наречия *funkčně*, *prámyslově*, *výtvarně* и т. п. могут выражать не только качественный признак, но и отношение, в связи с чем могут быть включены в различные семантические группы одновременно. Ср. *fun k čně vyhovovat* ‘удовлетворять по функции, в отношении функции’ и *projevit se vysoce funkčně* ‘проявиться в высшей степени функционально’; *výtvarně dobře řešit něco* ‘хорошо решить что-либо в художественном отношении’ и *výtvarně znázornit* ‘художественно изобразить’ и т. п. Качественное и относительное значение совмещают и наречия, производные от прилагательных, имеющих эти значения, например: *prakticky* ‘практично’ и ‘практически’, *logicky* ‘логично’ и ‘логически’ и т. д. Все подобные наречия могут иметь формы степеней сравнения только тогда, когда они выражают качественный признак. Например: *Závěrečná novela... funkčnějí spíná rovinu vzpomínkovou s rovinou přítomnou* (Kult.)⁹ ‘Заключительная новелла... более функционально соединяет план воспоминаний с планом современным’; *Vydal knihu... jak nejpraktičtějí opise na noze skládat* (J. Ner. Týd) ‘Он издал книгу... как наиболее практично укладывать на ноге портняки’.

Наличие форм степеней сравнения у наречий с комплексной семантикой не может служить признаком изменения их семантической принадлежности, доказательством их «качествования», ибо те же наречия одновременно функционируют в языке со значением отношения и в этом случае не образуют форм степеней сравнения. Возможность

называем лошадь или книгу старой, мы не сравниваем их с другой лошадью или книгой. Эта форма является, таким образом, скорее формой „отрицательной в отношении сравнения“, чем „положительной“...» (О. Е сперсеп. Философия грамматики. М., 1958, стр. 285).

⁸ В народно-разговорной речи суффиксу *-ejí* (-ějí) соответствует *-ejc* (-ějc). Ср.: *teplejí—teplejc*, *veselejí—veselejc*, *pěknějí—pěknějc*.

⁹ Указатель источников и список сокращений см. в конце работы.

образования степеней сравнения лишь подтверждает наличие у наречий с комплексной семантикой качественного значения.

В связи с тем, что само понятие качественного признака усложняется, семантический объем качественных наречий постоянно расширяется. Появляется возможность образования степеней сравнения от наречий, выражающих обстоятельственный признак, понимаемый как качественный. Например: *dlouhodobě* 'на длительный срок' — *dlouhodoběji* 'на более длительный срок'. Ср.: *Rozhodně by se tyto věci měly plánovat dlouhodoběji*. 'Несомненно, эти вещи должны были бы планироваться на более длительный срок'.

В отдельных случаях формы степеней сравнения образуются от наречий, производных от относительных прилагательных. Например: *zájmeně* 'местоименно' — *zájmeněji* 'местоименнее', *objektově* 'объектно' — *objektověji* 'объектнее' — *neobjektověji* 'наиболее объектно'. *Nejobjektověji se cítí vazby moci zač, ručit zač...* (Fr. Kop. Zákl.)

Небольшое количество форм сравнительной степени образовано с помощью суффикса *-e*. Все они представляют собой старые образования и абсолютно непродуктивны в современном языке. Здесь различаем: а) формы сравнительной степени, утратившие структурную соотносительность с формами положительной степени; б) так называемые «неправильные» формы сравнительной степени.

а) *těžko, tězce* — *tíže, tíž*¹⁰; *úzko, úzce* — *úze, úž, (úzeji)*; *blízko, blízce* — *blíže, blíž, (blízeji)*; *nízko, nízce* — *níže, níž*; *vysoko, vysoce* — *výše, výš*; *hluboko, hluboce* — *hloub, (hlouběji)*; *široko, široce* — *šíře, šíř, (šířeji)*¹¹; *daleko, dalece* — *dále, dál*. С суффиксом *-e* образованы также формы сравнительной степени к наречиям: *draho, draze* — *dráže, dráz*; *snadno* — *snáze*¹². Наречия *mladě, chudě* в древнечешском языке имели формы сравнительной степени с суффиксом *-e* — *mláze, chúze*, позднее вытесненные формами *mlaději, chuději*.

Проводя словообразовательный анализ, обычно считают, что при образовании форм сравнительной степени суффиксы *-ko, -eko, -oko, -ce, -oce* и *-ně, -no* (*snad-no, snad-ně*) опускаются, а согласные чередуются: *r/ř, z/ž, s/š, d/z* (*snad — snáze*)¹³. Но такая попытка привести к одному знаменателю основы положительной и сравнительной степени несостоятельна ни с генетической, ни с современной точки зрения. Она искусственно восстанавливает косвенным путем исходную производящую основу форм сравнительной степени анализируемых наречий. С точки зрения современной словообразовательной структуры выделение суффиксов *-ko, -ce, -oko, -oce, -eko* не оправдано, так как *-k, -ek, -ok* представляют собой элементы основы (*těžk-o, dalek-o, širok-o* и т. д.); наречия *těžko, daleko* и т. п. образованы не деривационным путем, а адвербиализацией форм им. — вин. ср. р. ед. ч. именных прилагательных. Исторически *-k, -ek, -ok* были словообразовательными суффиксами в структуре именных прилагательных, наречиями же они унаследованы как элементы их морфологической структуры. В современном языке *těžko, daleko* и т. п. являются непроизводными, хотя и поддаются морфемному анализу. Наречия *tězce, vysoce, dalece* также не

10 В народно-разговорной речи суффикс *-e* как правило опускается: *tíž, blíž, níž, dál*, в литературном языке параллельно употребляются формы *blíže/blíž*.

11 Формы *úzeji, blízeji, šířeji* являются более употребительными, но не считаются нормативными (см: Fr. Třávníček. Указ. соч., I, стр. 373); B. Navránek, A. Jedlička (указ. соч., стр. 266) отмечают параллельное употребление форм *úze/úzeji, šíře/šířeji*.

12 В современном языке форма *snad* 'возможно, вероятно' имеет исключительно модальное значение. В значении же 'легко', которое *snad* имело в древнечешском языке, оно полностью вытеснено наречием *snadně/snadno*. Форма *snáze* (книжн.), наряду со *snadněji*, является сравнительной формой к *snadně/snadno*.

13 B. Navránek, A. Jedlička. Указ. соч., стр. 266.

имели упоминаемых суффиксов в качестве словообразовательного элемента (*těžc-e*, *dalec-e*, *vysoc-e*). Еще более насищенно выделяется *-no*, *-ně* (в *snadno/snadně*) при «образовании» сравнительной формы *snáze*, которая существует наряду со *snadnějí*, но никогда не образовывалась от *snadno/snadně*. Сравнительные формы на *-e*, структурно не соотносятся с формами положительной степени наречий. Генетически они восходят к им.—вин. ср. р. именных прилагательных¹⁴, а с точки зрения синхронного словообразовательного анализа их следует считать непроизводными, лежащими за пределами словообразовательной системы наречий. Их косвенная структурная мотивированность свидетельствует лишь об их прежней производности.

б) Так называемые «неправильные» формы сравнительной степени немногочисленны. Все они унаследованы чешским языком, как и другими славянскими языками, от глубокой древности. К ним относятся: *dobře—lépe*, *líp*; *zle—hůře*, *hůř*; *mnoho—více*, *víc*; *málo—méně*, *mín*; *dlohu*, *drouze—déle* (*dýl*); *brzo*, *brzy—dříve*, *dřív* (*dřívejc*)¹⁵. Форма *hůř* соотносится одновременно с двумя наречиями, близкими по значению: *zle* 'зло, злобно, плохо' и *špatně* 'плохо, скверно'. Формы *více*, *víc*, *méně*, *mín* соотносятся с количественными словами *mnoho*, *málo*. Отсутствие структурной соотнесенности форм положительной и сравнительной степени этих наречий в современном языке объясняется тем, что они восходят к разным корням. Проф. А. В. Исаченко считает этот факт аргументом в пользу лексической трактовки существования форм степеней сравнения¹⁶.

Развитие форм сравнительной степени в словообразовательном плане идет в направлении разрушения старой категории форм на *-e*.

1. Формы сравнительной степени на *-e* не только не образуются вновь, но, наоборот, постепенно заменяются новыми, парадигматически образованными формами. Ср. *úže/ížejí*, *blíže/blížejí*, *hloub/hloubějí*, *šíře/šířejí*. Совершенно утрачены формы *chúze*, *mláze*, заменившиеся новыми *chudějí*, *mladějí*. Только в книжном языке употребляется форма *snáze*, как стилистический вариант к *snadnějí*.

2. Морфологический признак *-e* не является словообразовательным суффиксом, признаком категориального значения форм на *-e*. В отличие от суффикса *-ejí* (*-ějí*), грамматически закрепляющего значение степени, количества признака, он не несет никакой смысловой нагрузки (ср. *blíže/blíž*, *lépe/líp*, *méně/mín*), поэтому при его опущении формы сравнительной степени не утрачивают своей грамматической определенности. Разница между литературными формами *blíže*, *dále*, *lépe* и народно-разговорными *blíž*, *dál*, *líp* чисто стилистическая.

3. Отсутствие словообразовательного суффикса структурно противопоставляет формы на *-e* всем другим формам сравнительной степени с грамматическими показателями. Значение меры, степени признака дано их лексическим значением. Их функциональная соотносительность с формами положительной степени закреплена языковой нормой. Формы на *-e* представляют собой старый слой слов, лежащий у истоков формирования грамматической категории форм степеней сравнения.

Превосходная степень образуется от всех форм сравнительной степени с помощью префикса *nej-*, выражавшего предельную степень признака: *nejkrásnějí* 'наиболее красиво', *nejveselejí* 'наиболее весело',

¹⁴ *blíže* к *blíží*, *níže* к *níží* и т. д. (см.: Fr. T r á v n í c e k. Указ. соч., I, стр. 373).

¹⁵ В народно-разговорной речи чаще употребляются формы с утратой конечного *-e*, сопровождающейся чередованием гласных в корне (*lépe—líp*, *méně—mín*, *déle—dýl* и т. д.). Форма *dýl* нелитературна, тогда как *mín*, *líp* часты в народно-разговорной речи.

¹⁶ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Часть I. Братислава, 1954, стр. 268.

nejtišeji 'наиболее тихо', *nejpessimističtěji* 'наиболее пессимистически', *nejprátelštěji* 'наиболее дружески', *nejtíže*, *nejtíž* 'наиболее тяжело', *nejblíže*, *nejblíž* 'наиболее близко', *nejlépe*, *nejlíp* 'наиболее хорошо, лучше всего', *nejméně*, *nejmíň* 'меньше всего', *nevíc*, *nejvíce* 'больше всего', *nejraději* 'наиболее охотно, с наибольшим удовольствием' и т. п.

2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ

Анализ морфологической структуры и словообразовательных особенностей сам по себе не может вскрыть грамматической сущности форм степеней сравнения. Определить степень их категориальности можно только на основании исследования семантико-сintаксических условий их употребления. Изучение семантических особенностей предполагает сопоставление значений, выражаемых формами положительной степени, с одной стороны, и формами сравнительной и превосходной степени — с другой. Основанием для такого сопоставления служит наличие общности значений, свойственной формам степеней сравнения.

Общность значения состоит в том, что различные формы выражают сравнение количества однородного признака, свойственного одному или разным качествам или действиям. Формы степеней сравнения могут выражать как правило только нарастание количества признака. Ср.: *Napsal více než řekl. Dobře recitoval, ale nejlépe zpíval. Vykonal to lépe než ty. Libí se mi ze všech nejvíce.*

В отличие от форм положительной степени, выражающих признак абсолютно, безотносительно к силе его проявления, формы степеней сравнения выражают признак относительно (т. е. через отношение к его мере, степени), имеют более абстрактное значение. Эта большая абстрактность значения и является семантической основой категориальности форм степеней сравнения, закрепленной грамматически (суффикс *-ejí* (-ějí); *nej-* *-ejí* (-ějí)). Формы степеней сравнения могут выражать количество абсолютного признака (при наличии в предложении положительной формы наречия, т. е. когда в основании сравнения лежит абсолютный признак: *Řekl to dobře, ale tys to řekl lépe. Všude dobře, doma nejlépe*) и количество признака относительного (при отсутствии в предложении формы положительной степени, когда в основании сравнения лежит не абсолютный признак, а только неопределенное его количество: *vykonal jsem to lépe než ty*, т. е. *ne dobře, ale lépe než ...; udělal jsem méně než on*, т. е. *ne málo, ale méně než on*). В этих случаях формы степеней сравнения выражают количество признака по сравнению с неопределенным количеством того же признака. Но в том и в другом случае формы степеней сравнения выражают количество признака относительно, т. е. через отношение к его количеству¹⁷. При общности основных значений сравнительная и превосходная степень различаются тем, что выражают разную меру признака.

Степень сохранения семантической соотносительности с положительными формами у различных морфологических типов сравнительной степени различна. У форм сравнительной степени на *-ejí* (-ějí), как правило, наблюдается полная семантическая соотносительность с формами положительной степени, тогда как формы сравнительной степени на *-e* часто ее утрачивают. При этом формы сравнительной степени, выражающие количество качественного признака, обычно не утрачивают семантической соотносительности с формами положительной степени

¹⁷ Таким образом, термины «абсолютный» и «относительный» нами употребляются в двух значениях: а) с точки зрения способов выражения (положительная степень выражает признак абсолютно, формы степеней сравнения — относительно); б) по характеру выражаемых формами степеней сравнения признаков различаем признаки абсолютные и относительные.

(например, *tíže*, *dráze*, *lépe*, *hůře* соотносятся с формами положительной степени наречий в их прямом и переносном значении). Формы сравнительной степени, выражющие количество обстоятельственного признака, часто развиваются значениями, не соотносительные со значениями положительной степени, например: *dále*, *výše*, *níže*, *blíže*, *dříve*. Форма *dále* развивает временное значение: *Františka křičí dále...* (J. Glaz. Adv.) 'Франтишка кричит дальше...'; *František Buzek, dále trapen žízní, odchází...* (J. Drda. Měst.) 'Франтишек Бузек, далее мучимый жизнью, уходит...'. Ср. также: *Povím vám o tom dále* (=později, potom); *o tom bude povíděno níže* (=potom) 'об этом будет сказано ниже (=позже, потом)': 'Я расскажу вам об этом дальше (=позже, потом)'; *jak jsem se zmínil výše* 'как я упомянул выше (=раньше)'. Ср. также *výše* со значением меры: *Přišel tedy jeden oběd výše než na čtyři groše* (PS). 'Итак, обед стоил более четырех грошей'. Форма *blíže* развивает качественное значение: *Musíte to blíže určit* (*blíže*=*podrobnejší*) 'Вы должны это подробнее определить'. Не соотносится со значением *brzo*, *brzy* форма *dříve* (=*předtím*): *Dřív nevěděla jaký je* (K. Čap. Prv. p.) 'Раньше не знала, какой он'.

Эти производные значения, не соотносительные со значениями положительной степени, обусловливают употребление форм *dále*, *výše*, *níže*, *blíže*, *dříve* в качестве положительной степени наречий. Все они выражают временные отношения, за исключением *blíže* (=*podrobnejší*) и *výše*, которое кроме временного значения может иметь значение меры.

В целях экспрессивного выражения нарастающего признака действия часто используется стилистический прием повторения одной и той же формы сравнительной степени наречия, например *výš a výše*, *blíž a blíže*. В этих случаях формы сравнительной степени утрачивают соотносительность с формами положительной степени. Вся конструкция в целом выражает способ совершения действия.

Формы сравнительной степени, выражющие меру количественного признака, например *víc*, *méně*, характеризуются двойной семантической соотнесенностью с количественными наречиями *tmoho*, *málo* и с субстантивированными формами ср. р. ед. ч. именных прилагательных, выражавших неопределенное количество. Соотносясь с последними, формы *víc*, *méně* могут выражать не количество признака, а количество субстанции: *Bylo tu nekonečně víc osamělosti než v hlubině letních lesů* (K. Čap. Tr. p.) 'Здесь было бесконечно больше одиночества, чем в глубине летних лесов'; *Je v nich [očích] mnohem více než smutek tisíciletí* (J. Olbr. Gol.) 'В них [глазах] значительно больше, чем печаль тысячелетий'; *A dne bylo pořád méně a méne* (J. Drda. Měst.) 'А день все убывал' (букв. 'А дня было все меньше и меньше'); *Ale Andres, kdepak! Je ho méně než jindy a sedí na krajkou židle...* (K. Čap. Prv. p.) 'А Andres, где там! Он меньше (букв. 'его меньше'), чем в другое время, и сидит он на краешке стула'; *Cítila Toufara v zádech, jak odchází, jak je ho méně a méně*. (M. Pujm. Předt.) букв. 'Она чувствовала Туфара за спиной, как он уходит, как его все меньше и меньше'.

Форма *víc* может утрачивать семантическую соотносительность с положительной степенью и приобретать значение близкое к модальному (=*spíše*). *Od malíčka žil více ve výsněném světě než ve skutečnosti* (M. M. Sir.) 'С малых лет он жил больше в воображаемом мире, чем в действительности'. Здесь *víc* не выражает количества признака, так как второй член сравнения отсутствует. Форма *víc* имеет производное оценочное значение, относится ко всему высказыванию в целом. Ср. *Přesněji—nejdříve je vidět okraj planety, a pak už vyvstává v celé své velikosti a krásě* (RP) 'Точнее,—прежде всего виден край планеты, а затем она уже предстает во всем своем величии и красоте', где *přesněji* (=*bylo by přesnější říci*) оценивает все высказывание.

Специфической особенностью чешского языка является употребление форм сравнительной степени для выражения меньшего количества признака, чем в положительной степени наречий¹⁸. Обязательным условием такого понимания значения форм сравнительной степени является отсутствие указания на второй член сравнения: *Zatím to vypadá na vícemístech tak jako ve Slovenské armaturce* (RP) 'Пока это выглядит на довольно большом количестве мест так, как на словацком арматурном заводе'. *Klacky přilétají s více stran.* (RP). 'Палки летят с разных (букв. 'с довольно большого количества') сторон'. Ср. также: *rodina s více dětmi* 'семья с довольно большим количеством детей'. *Trvalo to déle, ale odpočív přišla* (J. Olbr. Gol.) 'Это длилось довольно долго, но ответ пришел'.

Формы *více, déle* выражают здесь «среднюю» степень признака между *málo* и *mnoho, dlouho* и *nedlouho* (т. е. *více* — больше чем мало, но меньше чем много; *déle* — больше чем *nedlouho*, но меньше чем *dlouho*). Пользуясь термином проф. А. В. Исаченко, можно назвать их сравнительной степенью субъективной оценки.

Именно благодаря своему значению ослабленной степени признака формы *více* и *méně* могут входить в состав сложных слов: *vícepatrová budova* (*budova s více patry, s větším počtem pater*) и *mnohopatrová budova* (*budova s mnoha patry, s velkým počtem pater*); *méněcennost* 'неполноценность (довольно малая ценность)'.

В современном чешском языке есть несколько форм, полностью утративших значение сравнительной степени и имеющих значение положительной степени. Все эти формы представляют собой сравнительную степень к наречиям, образованным не от прилагательных. Например: *jináče, jináč* 'по-другому, иначе, в противном случае, в остальном' к положительной степени *jinak*, имеющей те же значения. Наречия *jinak*¹⁹ (литер.) и *jináč* (народно-разговорное)²⁰ в современном языке употребляются параллельно. Ср.: *Snažil se odvrátit i stín podezření, že by mohl smýšlet jinak* (J. Olbr. Gol.) 'Он старался предотвратить и тень подозрения в том, что он мог бы думать иначе'; *Jináč si tu havíři bydlili než v Čechách* (M. M. Hav. bal.) 'Иначе здесь жили шахтеры, чем в Чехии'; *Děd Abram byl ještě jinak bohat* (J. Olbr. Gol.) 'Дед Абрам был в остальном еще богат';... *ale jináč to byl nadaný mládenec* (K. Čap. Soud p. H.) 'Но в остальном это был способный парень'; *posléze* 'затем, потом', к *naposled* (<*posled*) 'в последний раз, напоследок'; *Ozve se hluk a posléze křik* (T. Svat. B. Š.) 'Раздается шум, а потом крик'.

Вне системы соотношения с положительной степенью находится форма *spíše, spíš*, утратившая значение сравнительной степени и употребляющаяся чаще в качестве слова с модальным значением: *Jazyk byl spíše kritizován, nikoli chválen* (Fr. Oberpf. Kr.) 'Язык скорее критиковали, чем хвалили'; *Je spíš drobná a žádná krásavice* (K. Čap. Prv. p.) 'Она скорее маленького роста и совсем не красавица'. Случай употребления *spíše* в качестве сравнительной степени (= *dříve*) очень

18 Эта особенность характерна также и для форм сравнительной степени прилагательных. Ср. *Setrval s hosty v delší rozhovoru* 'Он вел с гостями довольно долгую беседу'; *Vykonal dnes větší kus práce* 'Они выполнили сегодня довольно большую часть работы'. В этих случаях отсутствует указание на объект сравнения. Отмечая аналогичное значение форм сравнительной степени прилагательных в словацком языке, проф. А. В. Исаченко называет их сравнительной степенью субъективной оценки, выражющей не объективную степень наличия признака, а результат субъективной оценки (А. В. Исаченко, Указ. соч., стр. 271).

19 «... Есть и *jinak*, сравнительная степень: *jináče, usceněno jináč*, но она имеет значение положительной степени», — писал Фр. Отакар Микеш (Fr. Otakar Mikš, Česká mluvnice. V Praze, 1867, стр. 207).

20 См. Р. Váša, Fr. Trávníček, Slovník jazyka českého. Praha, 1941.

редки:... a proto si ho [unavení] dočkal s píše, než opravdu mělo přijít
(J. Wolk. Mlad. pr.) '... и поэтому он дождался его [утомления] раньше, чем оно в действительности должно было прийти'.

Форма сравнительной степени *raději* так называемого согласуемого наречия *rád* 'охотно, с удовольствием' также утрачивает семантическую соотносительность с формой положительной степени и развивает оценочное, модальное значение «лучше».

Существующие в современном чешском языке грамматические омонимы *rád* (краткое предикативное прилагательное, выражающее эмоциональное состояние) и *rád* (наречие, выражающее признак, связанный с эмоциональной оценкой действия) могут иметь сравнительную степень *raději*, являющуюся наречием. Сравнительная степень *raději*, соотносясь с прилагательным *rád*, обозначает количество признака, выражающего эмоциональное состояние: *Ale konec konců budu raději, umřeš-li* (V. Řez. Sl. ul.) 'Но в конце концов я буду более рад, если ты умрешь'. Соотносясь с наречием, *raději* обозначает количество признака, выражающего эмоциональное отношение к действию. Изменение количества признака может привести к изменению самого признака: форма сравнительной степени наречия *rád*, оценочного уже по своему лексическому значению, постепенно развивает модальное значение. В *raději* значение количества признака связано с модальным значением едва уловимыми оттенками.

Критерием установления новых значений форм *raději* является утрата соотносительности со значениями положительной степени наречия *rád*. Степень этой утраты может быть различной в различных синтаксических условиях. Мы устанавливаем ее, сравнивая значения положительной и сравнительной степени в одинаковых синтаксических условиях. Следует отметить, что форма *raději* употребляется, как правило, при отсутствующем втором члене сравнения, выражая количество признака, свойственного одному и тому же или разным действиям. При этом часто сохраняется семантическая связь с субъектом действия²¹.

1. В сочетании с глаголами несовершенного вида форма *raději* сохраняет полную семантическую и функциональную соотносительность с формой *rád*: *Lidé jdou na dovolenou raději do hor, na Slovensko* (Kult.) 'Люди больше любят идти (охотнее идут) в отпуск в горы, в Словакию'. В этих случаях *raději* выражает количество признака, характеризующего действие, сохраняя (так же как и *rád*) семантическую связь с подлежащим и сказуемым. Однако при особом интонационном выделении не исключена возможность понимания формы *raději* как оценочного слова, т. е. с модальным оттенком.

2. В сочетании с глаголами совершенного вида форма *raději* имеет значение, близкое к модальному. Законченность действия, выражаемая совершенным видом глагола, подчеркивает кратковременность его признака, например *rád zůstal, raději zůstal*. Форма *raději*, обозначающая эмоциональное отношение к действию, психологически легко переосмысливается в слово, оценивающее действие. Семантическая связь с глаголом-сказуемым и подлежащим ослабевает: *zůstal raději doma* букв. 'Он остался лучше дома';... *proto jsem pro něho, raději poslal* (J. Haš. Šk.h.) букв. 'Поэтому я за них лучше послал'.

3. Ни по функции, ни по значению не соотносится форма *raději* с *rád* в случаях сочетаемости с инфинитивом глаголов: *Měl bych raději spát v autě* (LN) 'Мне нужно было бы лучше спать в машине'.

В таких случаях сопоставление с положительной формой невозможно, так как *rád* никогда не сочетается с инфинитивом глаголов.

²¹ Эта специфика объясняется соотносительностью формы *raději* с согласуемым наречием *rád*, в большинстве случаев сохраняющим семантическую и синтаксическую связь с подлежащим.

Здесь *raději* функционально и семантически не соотносится с положительной степенью и имеет модальное значение. Оно утрачивает семантическую связь как с подлежащим, так и со сказуемым, относится ко всему высказыванию в целом.

4. Утрачивает какую бы то ни было соотносительность с положительной степенью форма *raději* и при глаголах в повелительном наклонении. Семантическая связь с подлежащим и сказуемым отсутствует.

Raději tam nechoděte, vůbec nic tam nepajdete (MF) 'Лучше туда не ходите, вы вообще там ничего не найдете'.

5. В составе лексикализованных сочетаний с глагольным значением *míti rád* 'любить', *míti raději* 'больше любить' формы *rád*, *raději* утрачивают свое наречное значение, составляя с глаголом *míti* 'иметь' единые смысловые единицы. Эти сочетания семантически соотносительны, но различаются своей грамматической структурой²². В отличие от *míti rád*, обозначающего действие безотносительно к его количеству, *míti raději*, благодаря грамматическому значению формы *raději*, выражает одновременно количество действия. Таким образом, *raději* утрачивает свое значение сравнительной степени наречий, так как выражает не количество признака, а количество действия. Сочетание *míti raději* в целом является своеобразной глагольной «сравнительной степенью» по отношению к сочетанию *míti rád*: *Maminka mi to ostatně také říká. A tu mám ještě raději, něž vás* (J. Olbr. Gol.) 'Впрочем, матушка мне то же говорит. А ее я люблю больше, чем вас.'

6. С глаголами в условном наклонении форма *raději* выступает с модальным значением. Она как бы растворяется в лексическом значении глаголов, придавая им модальный оттенок желательности: *Raději bych přišel zítra* 'Я хотел бы прийти завтра', 'я лучше пришел бы завтра'. Сочетания *raději bych přišel* и *rád bych přišel* семантически соотносительны. Собственное значение формы *raději* в подобных сочетаниях стирается, сочетание по значению приближается к единой смысловой единице, поэтому *raději* выражает скорее количество действия, а не признака, т. е. уже не является сравнительной степенью в прямом смысле слова.

Итак, семантико-синтаксический анализ вскрывает, что форма *raději* часто утрачивает соотносительность с наречием *rád*, развивает модальное значение и в этом случае не является сравнительной степенью наречия. Как правило, это происходит при утрате семантической связи с субъектом действия; при ее сохранении еще возможно понимание *raději* как сравнительной степени.

Семантико-синтаксический анализ форм превосходной степени позволяет выделить ряд форм, уже не имеющих значения превосходной степени в результате утраты соотносительности с формами сравнительной степени. Формы превосходной степени утрачивают значение степени признака при следующих условиях: а) если в предложении отсутствует второй член сравнения; б) если превосходная степень выражает количество признака, свойственного не разным, а одному и тому же действию. Формы превосходной степени в этом случае часто имеют эпитетивное значение, т. е. утрачивают значение степени признака. Утрата соотносительности с формами сравнительной степени происходит в строго определенных синтаксических условиях.

Сочетаясь с глаголами, формы превосходной степени, при наличии всех перечисленных условий, сохраняют с ними семантическую связь и не утрачивают соотносительности со сравнительной степенью, так

²² Глагол в сочетании *míti rád* выражает категории времени и наклонения, а *rád* — именные категории рода, числа, одушевленности. Этих именных категорий не имеет сочетание *míti raději* вследствие неизменяемости формы *raději*.

ках выражают количество признака действия. Сочетаясь с именными конструкциями (с обстоятельственным или количественным значением), формы превосходной степени утрачивают семантическую связь с глаголом и соотносительность со сравнительной степенью, так как выражают просто максимальное количество действия. Ср. *pracoval jsem nejvíce* (*více-nejvíce*) 'я работал больше всего'; *pracoval jsem nejvíce dvě hodiny* 'я работал самое большее два часа'.

Утрата соотносительности характерна не для всех, а главным образом для форм превосходной степени с количественным и обстоятельственным значением; *nejvíce*, *nejméně*, *nejvýše*, *nejblíže*, *nejdele*, *nejpozději*, *nejdále*, *nejposledněji*, *nejdřívé* и т. д., реже с качественным — *nejraději*. Например: *Vydělal nejvíce dvě koruny* 'Он заработал самое большее две кроны'. *Měli jsme nejvíce dva dny* 'У нас было самое большее два дня'. *Letos dodají nejméně sto vagonů ryb* (RP) 'В этом году сдадут самое меньшее сто вагонов рыбы'.

О безотносительном к сравнению значении формы *nejméně* свидетельствует возможность ее сочетаемости с относительным прилагательным: ... *musel by být blok nejméně třípodlažní* (RP) '... блок должен был бы быть самое меньшее трехэтажным'; *Sklizeň ukončit nejdéle za 21 dní* (RP) 'уборку закончить не дольше, чем за 21 день'; *Nejpozději v deset minut musí chlapi opustit městečko* (J. Drda. Měst.) 'Самое позднее за 10 минут парни должны покинуть городок'; ... *led na Vltavě by tál nejdřív kolem května* (Kult.) '... лед на Влтаве таял бы самое раннее в мае'. Из живого языка: *Bývám v knihovně nejčastěji dvakrát týdně*; *Je to nejdále pár kilometrů ad Prahy*; *O tom se už psalo, nejposledněji v «Naší řeči»*.

Модальное значение имеет форма *nejspíše* при безотносительном к сравнению употреблении: *Dědovi Suchánkovi je nejspíš zima*... (K. Čap. Prv. р.) 'Деду Суханеку скорее всего холодно'; ... *čeká nejspíš na rozkazy* (K. Čap. Prv. р.) '... он ждет скорее всего приказов'.

Модальное значение имеет и форма *nejraději* 'лучше всего, самое лучшее': *Zapomněl jsem vám říci, že se zahrádka musí každý den kropit, nejraději v pět ráno*... (K. Čap. Zahr. г.) 'Я забыл вам сказать, что садик следует каждый день поливать, лучше всего в 5 часов утра...

Безотносительно к сравнению употребляется форма *nejprve*, находящаяся вне системы структурного соотношения с формой сравнительной степени²³. *Promluvte nejprve o této vlastnosti!* Fr. Oberpf. Kr. 'Давайте поговорим прежде всего об этом свойстве!'

От форм превосходной степени в их безотносительном к сравнению значении могут быть образованы наречия со значением предельной степени признака: *nanejvíce*, *ponejvíce*, *nanejvýše*, *nanejméně*, *ponejprv*.

Таким образом, рассмотрев значения, выражаемые формами превосходной степени наречий, мы приходим к выводу о необходимости различать формы превосходной степени в собственном смысле слова от количественных наречий, выраждающих не степень признака, а количество действия.

Итак, в современном чешском языке следует различать две морфологические группы форм сравнительной степени: а) формы сравнительной степени, образующиеся с суффиксом *-ejí* (-ějí) и б) непроизводные формы сравнительной степени *-e*.

а) Суффикс *-ejí* (-ějí) является очень продуктивным словообразовательным суффиксом, с помощью которого образуется сравнительная степень от всех новых качественных наречий, от наречий, совмещающих качественное и относительное значение (наречий с комплексной

²³ Форма *nejprve* 'прежде всего, сперва' образована к наречию *prve* (> *prvě*), *dříve* аналогически, так как сравнительной формы к наречию *prve* нет.

семантикой). Его словообразовательные возможности настолько широки, что принципиально с его помощью можно образовать сравнительную степень от любого наречия, производного от имени прилагательного. Эта возможность ограничивается только семантикой производящих наречий. С его помощью может быть изредка образована сравнительная степень и от относительных прилагательных (*objektovějí*, *zájmennějí*). Формы сравнительной степени с суффиксом *-eji* (-*ěji*) сохраняют полную структурную и семантико-сintаксическую соотносительность с положительной степенью наречий.

б) В современном чешском языке нет словообразовательного суффикса сравнительной степени *-e*. Количество форм сравнительной степени на *-e* поддается исчислению (их около 20). Все они очень старые, восходят к общеславянскому фонду, новые наречия с помощью *-e* не образуются; более того, показатель *-e* может опускаться как морфологический элемент, не имеющий смысловой нагрузки (*víc*, *líp* и т. д.). Так называемые «неправильные» формы сравнительной степени на *-e* структурно не мотивированы, их семантическая соотносительность с формами положительной степени поддерживается языковой нормой. Остальные наречия на *-e* (*blíže*, *výše*, *níže*, *dále* и т. д.) косвенно мотивированы наличием той же основы в формах сравнительной степени прилагательных, но с точки зрения современного языка являются непроизводными. Большая часть наречий на *-e* выражает степень обстоятельственного признака, но они часто утрачивают семантическую соотносительность с формами положительной степени, развиваются новые значения. В зависимости от характера этих новых значений, они употребляются в качестве наречий положительной степени или слов с модальным значением: *spíš*, *dřív*. Количество форм сравнительной степени на *-e* постепенно уменьшается. Некоторые формы заменяются формами на *-eji* (-*ěji*): *úze* — *úzeji*, *šíře* — *šířeji*, *blíže* — *blížeji*, другие употребляются как стилистические варианты к более новым формам (*snáze* — *snadněji*), третьи становятся принадлежностью словаря (*posléze*, *jináč*). Все это свидетельствует о разрушении старой категории форм сравнительной степени на *-e*.

Изменения в значении и употреблении некоторых форм превосходной степени связаны со спецификой их значения: выражая предельное количество признака, они могут приобретать значение количественных наречий (*nejvíce*, *nejméně*) и реже — модальное значение (*nejspíš*). Сдвиги в значении и употреблении характерны главным образом для форм превосходной степени, соотносимых с формами сравнительной степени на *-e*.

Анализ структурной и семантико-сintаксической соотносительности форм степеней сравнения наречий с формами положительной степени позволяет сделать следующие выводы, касающиеся грамматического существа форм степеней сравнения наречий.

1. Формы степеней сравнения в грамматическом строе языка выражают разновидности степеней качественного признака с помощью особых грамматических показателей.

2. Категория степеней сравнения характеризуется противопоставленностью форм положительной, сравнительной и превосходной степеней в плане структурном и семантическом.

3. Эта противопоставленность носит категориальный характер. Семантической основой категориальности форм степеней сравнения служит большая абстрактность значения по отношению к значению положительной степени. Структурным признаком их категориального характера является наличие формальных средств выражения. Таким образом, категория степеней сравнения представляет единство грамматических значений и формальных средств их выражения.

4. Признаком активной грамматикализации форм степеней сравнения является возможность образования последних от наречий с комплексной семантикой (*funkčně*, *průmyslově*) и от наречий, образованных от относительных прилагательных (*nejobjektovější*, *zájmemnější*).

5. В современном чешском языке налицо тенденция к структурной унификации форм степеней сравнения (замена старых непроизводных форм аналогичными новообразованиями: *šíře* — *šířejí*).

6. Однако категория степеней сравнения не охватывает всех слов, относящихся к наречию. Она характерна только для определенного слова наречий (с качественным значением).

7. Внутри категории степеней сравнения не всегда последовательно выдержано структурное и семантическое противопоставление. Изменение степени качественного признака часто приводит к возникновению новой лексической единицы. Лексикализация характерна главным образом для непроизводных форм степеней сравнения.

8. Объем грамматического значения форм степеней сравнения ограничен, ибо синтетические их формы могут выражать только возрастающую степень качественного признака, например *dobře* — *lépe*, и не могут выражать степень убывающего признака, ср. *dobře* — *méně dobře*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- K. Čap. Prv. p. — K. Čapek. *První parta*. Praha, 1954.
K. Čap. Tr. p. — K. Čapek. *Trapné povídky*. Praha, 1933.
K. Čap. Zahr. r. — K. Čapek. *Zahradníkův rok*. Praha, 1947.
J. Drda. Měst. — J. Drda. *Městečko na dlani*. Praha, 1947.
J. Glaz. Adv. — J. Glazarová. *Advent*. Praha, 1953.
J. Haš. Šk. h. — J. Hašek. *Škola humoru*. Praha, 1949.
Fr. Kop. Zákl. — Fr. Kopečný. *Základy české skladby*. Praha, 1958.
M. M. Hav. bal. — M. Majerová. *Havířská balada*. Praha, 1952.
M. M. Sir. — M. Majerová. *Siréna*. Praha, 1947.
J. Ner. Týd. — J. Neruda. *Týden v tichém domě*. Moskva, 1933 (Výbor z díla).
J. Olbr. Gol. — J. Olbracht. *Golet v údolí*. Praha, 1947.
Fr. Oberpf. Kr. — Fr. Oberpfälcer. *Krásná, čistá, svatá řeč mateřská*. Praha, 1945.
M. Pujm. Předt. — M. Pujo manová. *Předtucha*. Praha, 1947.
V. Řez. Sl. ul. — V. Řezáč. *Slepá ulička*. Praha, 1953.
T. Svat. Bot. — T. Svatopluk. *Botostroj*. Moskva, 1951.
J. Wolk. Mlad. pr. — J. Wolker. *Mladistvé práce prázou*, Praha, 1954.
Kult. — «Kultura», VIII, X 1961.
MF — «Mladá fronta», II 1961; VIII 1962.
LN — «Literární noviny», IX 1961.
RP — «Rudé právo», III, IX 1961; IV, V, VIII 1962.

К. К. ТРОФИМОВИЧ

(Львов)

ПРОДУКТИВНОСТЬ МОДЕЛЕЙ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ ДОБЕЛОГОРСКОГО ПЕРИОДА¹

Структурная модель — наиболее удобная для оперирования в историческом и сравнительном языкоznании словообразовательная единица² — является абстрактным³, но вместе с тем реально существующим построением. Модель группы однотипных по образованию сложных слов отражает строение их первого и второго компонентов. Состоит она из четырех элементов: 1) основы знаменательной части речи, 2) соединительной морфемы, 3) основы знаменательной части речи, 4) суффикса (*bratr-o-bij-ec*). Первый и второй элементы составляют первый компонент сложного слова.

Каждая модель характеризуется сочетанием элементов, присущим только ей одной. Если рассуждать a priori, то следует признать пра-

¹ Настоящая статья написана на материале кандидатской диссертации «Сложные слова в чешском языке добелогорского периода». Источником для работы послужили многочисленные и разнообразные по жанру памятники чешского языка XIII — начала XVII в., а также словарь древнечешского языка Яна Гебауэра. Для того чтобы не загромождать статью излишним аппаратом, мы подобрали иллюстрации из ограниченного количества источников, однако никаких упрощений, которые могли бы пойти во вред делу, не допущено. Все данные, выраженные процентами, получены из подсчетов, произведенных на основе собранного материала.

² По мнению И. И. Ковалика, более удобной единицей для проведения сравнения между словообразовательными системами является словообразовательный тип. Соглашаясь, что «словообразовательный», т. е. структурно-семантический, тип полностью и всесторонне отражает реально существующие слова, мы все же оперируем термином «структурная модель». Проводя диахронический анализ системы словообразования, мы то и дело наталкиваемся на непреодолимые трудности, вызванные полным изменением, сужением, расширением, перенесением значения слов и, следовательно, разрушением заранее установленных структурно-семантических типов. Даже при синхронном анализе такие трудности не исключены. Иногда совершенно одинаковые по структуре и родственные по семантическому признаку слова приходится в угоду принятой шкале значений относить к разным структурно-семантическим («словообразовательным») типам. Например, внутри структурной модели «основа существительного + -o- + основа глагола + -ec» выделяются слова с такими значениями: 1) названия лиц (*kategotesec Geb. II, 15*), 2) названия минералов (*krvostavec Geb. II, 165*), 3) названия чудовищ и мифологических существ (*hadojèdec Geb. I, 398*), 4) названия животных (*dřevojèdec Geb. I, 333*). Все приведенные слова обладают идентичной структурой и объединяются одним общим значением: «производитель действия». Совершенно неважно, что в одном случае этим производителем является человек, в другом — животное, а иногда (в переносном значении) и минерал. Эти трудности, впрочем, учитывает также И. И. Ковалик (см. его «Питання іменникового словотвору в східнослов'янських мовах у порівнянні з іншими слов'янськими мовами», ч. І. Вид. Львівського ун-ту, 1958, стр. 20—22).

³ Словообразовательная модель, как и словообразовательный тип являются «внелексическими обобщениями». Ср.: И. Ковалик. Указ. соч., стр. 8.

вильным утверждение, что при замене одного элемента другим или при перестановке элементов определенная модель теряет свое качество и становится другой моделью (или даже разрушается). Это положение в большинстве случаев подтверждается фактами. В самом деле, слова *dobrodějcě* (Sl. N. 20) и *dobrodienie* (там же) являются представителями двух разных моделей, так как у них различные суффиксы. То же самое надо сказать о словах *marnotrátce* (Sl. N. 61) и *marnotracenie* (там же) и даже *dvojilístek* (Geb. I, 365) и *dvojilistec* (там же), в которых выступают различные (хотя близкие) конкурирующие между собою суффиксы (первый оказался в конечном счете победителем⁴). По различным моделям образованы также и слова *zemotěrna* (Kl. 519) и *těrozemna* (Kl. 340), имеющие одинаковое значение и одинаковые структурные элементы, но расположенные в различном порядке.

Возникает вопрос, вызывает ли замена соединительных морфем изменение всей модели? Анализ показывает, что такая замена существенной роли не играет. Мы располагаем достаточным количеством примеров, свидетельствующих о том, что замена соединительной морфемы не ведет к качественному изменению модели. Так, колебание соединительных морфем в словах-дублетах совершенно не отражается на значении слов, оно не вызывает изменения грамматической характеристики композитов. Ср.: *bohonoše* (Kl. 243) — *bohunoše* (Geb. I, 78), *hovnival* (Geb. I, 479) — *hovnoval* (там же), *krmonošě* (Geb. II, 152) — *krminošě* (там же), *kolosvět* (Geb. II, 84) — *kolsvět* (там же), *králoomoc* (Geb. II, 127) — *králemoš* (там же), *konistraš* (Geb. II, 94) — *koněstraš* (там же), *hnojikyd* (Geb. I, 440—441) — *hnojokyd* (там же), *mužebojcě* (Geb. II, 422) — *mužovojcě* (там же), *zemiplaz* (Sl. N. 210) — *zeměplaz* (BK, Ž. 148, 10), *pravěpis* (Vocab. 148) — *pravopis* (Kl. 407) и т. д. Замена соединительной морфемы не была даже, по-видимому, дифференцирующим фактором в стилистической характеристике этих дублетов. Ср. употребление дублетов *bohobojný* и *bohabojsný* в Кралицкой библии: *Vyhledej také ze všeho lidu muže statečné, bohobojné, muže pravdomluvné, kteříž v nenávisti mají lakomství* (BK, Ex. 18, 21); *Poručil sem také Chanaovi bratru svému a Chananiášovi hejtmanu hradu Jeruzalémského (proto že on byl muž věrný a bohabojsný nad jiné mnohé)* (BK, Neh. 7, 2).

Таким образом, замена одной соединительной морфемы другой не влечет за собой изменения модели. Дублеты, образовавшиеся вследствие замены соединительных морфем, следует считать только вариантами одной и той же модели.

Аналитическое изучение всех собранных нами сложных слов позволило определить качество выше названных составных частей сложных слов и соответствующих им моделей.

В первом компоненте сложных существительных могли выступать основы существительных (*březohlavka* — Kl. 245, *hnojikyd* — Sl. N. 30, *listopad* — Kl. 331), прилагательных (*dobrodruh* — Geb. I, 271, *cuzozemec* — Geb. I, 150, *dobrohost* — Baw. Ar. 2106), числительных (*čtveronoh* — Kl. 257, *desetistrun* — Kl. 259, *šestineděle* — Sl. N. 167), глаголов (*rušikvas* — Pis. arch. 45, 25, *třasochvost* — Kl. 480, *vijehlavěk* — Kl. 497), местоимений (*samostřiel* — Kl. 436, *svávule* — Č. I. 77, 19, *týden* — Pr. 3), наречий (*dostiučinění* — Por. Max. 199, 17, *jindrozenec* — Geb. I, 651, *mimočodník* — Kl. 342).

Наиболее часто первый компонент бывает представлен основами существительных (46% всех сложных существительных). Далее, основами прилагательных (28%), числительных (10%), наречий (18%), глаголов (6%) и местоимений (2%).

⁴ Fr. Trávníček. Slovník jazyka českého. Praha, 1952, str. 315.

Следующим элементом сложного слова (и модели) является соединительная морфема. В чешском языке добелогорского периода их было пять: *-o-*, *-i-*, *-ø-*, *-e-*, *-u-*. Наиболее распространенной является морфема *-o-*. Она одна (из пяти названных) входила в состав всех наиболее продуктивных моделей сложных существительных (за исключением слов с начальным *spolu-*). Соединительные *-i-* и *-ø-* встречались намного реже, а *-e-* и *-u-* выступали только в единичных словах⁵.

Третий элемент, входящий в состав второго компонента сложного слова, — основа знаменательной части речи (или оформленная часть речи — существительное). Вторые компоненты сложных существительных представлены существительными (*desítisoudce* — Zpr. oml. 177, 2, *hadohlav* — Kl. 273, *lytochléb* — Pís. arch. 44, 233), прилагательными (*jasnokadeřávek* — Geb. I, 600, *konistar* — Kl. 309, *dščirada* — Kl. 369), числительными (*čtverodvojet* — Kl. 237, *dvojepět* — Kl. 270, *dvoješest* — Kl. 270), глаголами (*bohonošě* — Kl. 243, *dávnybydlec* — Geb. I, 213, *tancovod* — Sl. N. 170), местоимениями (*hoňsobě* — Geb. I, 459). Чаще всего во втором компоненте встречались субстантивные элементы (56% всех сложных существительных), а также компоненты вербального происхождения (41%). Основы остальных частей речи во втором компоненте сложных существительных встречались очень редко.

Четвертый элемент сложного слова (модели) — суффикс, находящийся в конце сложного слова. Самым распространенным был нулевой суффикс (*-ø-*), оформлявший 50% всех сложных существительных. Он отмечался в композитах, в которых: а) весь второй компонент соответствует употреблявшемуся отдельно существительному, например: *chytrotuž* — Kl. 290, *jednoden* — Kl. 293, *křivosúdcě* — Geb. II, 148⁶; б) второй компонент формально равен глагольному корню, например: *darmopich* — Geb. I, 208, *dřevoščer* — Kl. 277, *medoježd* — Geb. II, 331; в) выступает усеченное существительное: *běhohvězd* — Kl. 238, *bolehlav* — Kl. 243, *čtveronoh* — Kl. 257.

Из «материальных» суффиксов большой распространностью характеризовался только *-ec-* (15% всех сложных существительных), например: *bělokožec* — Geb. I, 37, *bratrobijec* — Sl. N. 9. Частотность других суффиксов была намного ниже. Ср. суффикс *-na* (*duchosvarna* — Geb. I, 355, *vidopatrna* — Kl. 427) — 4%; *-ce* (*cizobercě* — Geb. I, 148, *lvohoubcě* — Geb. II, 297) — около 4%; *-ek* (*černohlávek* — Geb. I, 187, *kostihládek* — Geb. II, 111) — около 3%; *-ka* (*bavlnopřědka* — Geb. I, 30, *jednoložka* — Geb. I, 618) — около 3% и т. д.

Если обозначить компоненты сложного слова римскими цифрами I и II, начальными буквами определить части речи, от которых образованы компоненты (с — существительное, г — глагол; п — прилагательное, н — наречие), и указать суффикс слова, то получится формула модели⁷, например: названное слово *břichoplñec* (Sl. N. 9) является представителем модели Ic + IIg + -ec.

Зная, что в первом компоненте сложных существительных встречаются основы шести частей речи, во втором — пяти (см. выше), и учтя

⁵ Подробные данные о распространенности соединительных морфем приводятся в нашей статье «Сполучні морфеми в складних словах чеської мови ХІІІ — початку XVII вв.». — Сб. «Питання слов'янської філології», вип. І. Львів, 1960, стр. 25—38.

⁶ Находящийся в конце слова суффикс не всегда играл словообразующую роль при появлении композита. Например, в слове *spoluučedlník* (ВК Jan 11, 16) суффикс *-(n)ík* не был словообразующим, так как он находился в составе слова, вошедшего впоследствии в сложное слово: *spolu + -ø + učedlník + -ø*. В этом сложном слове выделяется нулевой суффикс. Наоборот, в слове *chleboprosník* (Kl. 286) суффикс *-(n)ík* при создании композита был словообразующим: *chléb + -o- + pros- + -ník*. Слово **prosník* в изолированном употреблении не встречалось.

⁷ Поскольку соединительная морфема дифференцирующим признаком модели не является, в формуле ее можно не учитывать.

все выступающие в сложных словах суффиксы, можно составить полный список всех возможных сочетаний этих компонентов между собой, например:

- Ic + IIг + -áč
Iп + IIс + -ec
Ic + IIг + -ek
Ic + IIс + -ec

Исследование языкового материала показывает, что отнюдь не все теоретически возможные комбинации элементов получают конкретное воплощение в виде моделей образования сложных слов. Так, например, в чешском языке добелогорского периода не фиксируется модель Iг + IIг + -ství, хотя анализом установлено, что глагол может быть как в первом, так и во втором компонентах (*rušíkvas* — Sl. N. 145, *krvostavec* — Geb. II, 165), и что в сложных словах встречается словообразовательный суффикс *-ství* (*protidrženství* — Kl. 417).

Однако если при таком механическом определении моделей принять во внимание только наиболее распространенные элементы, то можно получить ряд моделей, реально существующих в языке, причем они окажутся одними из самых распространенных. Таким путем можно установить следующие модели:

- 1) Ic + IIс + -ø (*boholid* — Geb. I, 78)
- 2) Ic + IIг + -ø (*červotoč* — Geb. I, 191)
- 3) Iп + IIс + -ø (*bělořít* — Geb. I, 37)
- 4) Iп + IIг + -ø (*ostrovid* — Kl. 374)
- 5) Ic + IIс + -ec (*býkohlavec* — Geb. I, 123)
- 6) Ic + IIг + -ec (*bratrobijec* — Geb. I, 97)
- 7) Ic + IIс + -ec (*bělokožec* — Geb. I, 37)
- 8) Iп + IIг + -ec (*křivochwalec* — Sl. N. 51).

Судя по распространенности элементов этих моделей (см. данные выше), названные модели должны быть самыми распространенными в чешском языке добелогорского периода. Однако если пойти другим путем исследования, а именно установить модели не механически, на основании составления различных комбинаций отдельно взятых элементов сложных слов, а путем абстрагирования их от реально существовавших слов, то получим следующие модели:

- а) Ic + IIг + -ø (*červotoč*) — 15%⁸
- б) Iп (пор. числ.) + IIс + -ø (*bělořít, druhohlas* — Kl. 267) — 11%
- в) Ic + IIс + -ø (*boholid*) — 9%
- г) Iп + IIс + -ø (*spolubratr* — Č. I. 96, 16) — 7%⁹
- д) Ic + IIг + -ec (*bratrobijec*) — 5%
- е) Ic + IIг + *-ja (*svietlonosse* — Luc. 44, 16) — 3%
- ж) Ic + IIс + -ec (*býkohlavec*) — 2,5%
- з) Ic + IIг + -ce (*činodějce* — Geb. I, 177) — 2,5%.

Таким образом, мы видим, что модели 1, 2, 3, 5, 6 совпадают с моделями а, б, в, д, ж. Модели 4, 7, 8, которые должны были обладать большей распространенностью, нежели модели г, е, з в действительности оказались менее распространенными (частотность их выражается соответственно: 1%, 1,5%, 1,5%). Поэтому установление моделей, а также

⁸ Число обозначает процент от общего числа сложных существительных рассматриваемой нами эпохи.

⁹ Как правило, в первом компоненте выступает наречие *spolu*.

определение их распространенности в языке следует основывать на реально существующих словах, а не на учете отдельно взятых компонентов сложных слов.

Следует заметить, что выявление всех причин сочетаемости элементов модели не всегда возможно. Однако поскольку сложные слова объединяют тесная взаимосвязь со словосочетаниями, представляется целесообразным сочетаемость первого и второго компонентов модели ставить в зависимость от словосочетаний.

В самом деле, нет словосочетания «глагол + глагол», поэтому и нет модели (и слова) I Г + II Г + -stvî, о которой речь шла выше.

Если, однако, взаимное тяготение основных частей обоих компонентов сложного слова можно объяснить соотнесенностью со словосочетаниями, то причины присоединения того или иного суффикса выяснить очень трудно.

Перейдем к определению продуктивности словообразовательных единиц.

Большинство исследователей выделяет словообразовательные единицы (суффиксы)¹⁰ по шкале: непродуктивные, продуктивные, мало-продуктивные¹¹. Неточность такой классификации очевидна, но неясность в работе вносит не сам принцип классификации, а непоследовательность его применения. Если в исследовании И. Протченко говорится, что в современном русском языке в разряде названий лиц женского пола непродуктивны образования на -овка, то такую формулировку нельзя понимать иначе, как отрицание возможности образования таких слов в наши дни. Впрочем, исследователь тут же замечает, что все же новообразования этого типа встречаются не только в разговорном языке (*метростроевка, мхатовка*), но и в литературном (*динамовка, спартаковка*)¹². Можно задать вопрос: где же грань между продуктивными (живыми) и непродуктивными (мертвыми) типами?

Одни авторы работ по словообразованию называют определенные типы (морфемы) продуктивными, иные авторы — малопродуктивными, однако при этом часто не говорят о том, каким образом была определена степень продуктивности и каковы ее показатели¹³.

Причины большей или меньшей продуктивности суффиксов пытаются определить А. А. Дементьев, но сам замечает, что вряд ли когда-либо удастся со всей полнотой ответить на вопрос, почему продуктивность одних словообразовательных средств растет, а других падает¹⁴. По мнению этого ученого, «основной причиной распространения или ограни-

¹⁰ И. И. Ковалик предлагает определять продуктивность не суффикса, а словообразовательного типа: «...следует говорить не о степени продуктивности только одного суффикса, а о продуктивной силе словообразовательного типа, который полнее отражает языковое словотворческое явление, так как в нем выступают все словообразовательные элементы как полноценные словообразовательные составные части в словообразовательном процессе» (І. К о в а л и к. Вчения про словотвір. Вид. Львівського ун-ту, 1958, стр. 16).

¹¹ Ср., например: Н. М. Шанский. Основы словообразовательного анализа. М., 1953, стр. 49.

¹² См. И. Ф. Протченко. Образование и употребление имен существительных женского рода — названий лиц в современном русском языке. «Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. 158. Статьи и исследования по русскому языку. М., 1960, стр. 73—74.

¹³ См., например, одну из последних работ по словообразованию: А. И. Мельникова. Старые и новые модели сложных существительных без соединительных гласных в современном русском языке. «Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. 158. Статьи и исследования по русскому языку. М., 1960, стр. 139—174.

¹⁴ А. А. Дементьев. Очерки по словообразованию имен существительных в русском языке (имена существительные с суффиксами -ок, -ка, -ко; -ец, -ца, -ко; -ица, -ице). «Ученые записки Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева», вып. 27, 1959, стр. 12.

чения продуктивности у суффиксов имен существительных является требование наибольшей смысловой четкости и ясности слова»¹⁵. Есть и другие причины, но они частного характера; они связаны с особенностями того или иного суффикса¹⁶.

Показатели продуктивности суффиксов определить легче, нежели выяснить причину большей или меньшей продуктивности, однако в работах по словообразованию и этому вопросу уделяется совершенно недостаточное внимание.

В ста^хых работах многочисленность и продуктивность зачастую рассматривались как идентичные понятия. В работах последних лет подчеркивается уже, что продуктивность и многочисленность — не одно и то же¹⁷. Частотность связана с продуктивностью, но она является не единственным показателем последней¹⁸. Наиболее четко показатели продуктивности морфем были определены Г. П. Нещименко в обширной статье, посвященной чешскому словообразованию. Показатели эти следующие: 1) словообразовательная сцепляемость морфемы; 2) семантическая емкость словообразовательной морфемы; 3) участие словообразовательной морфемы в процессе создания новых слов; 4) участие словообразовательного средства в процессе конкуренции¹⁹.

Признавая критерии Г. П. Нещименко верными, мы, однако, не можем пользоваться ими, так как суффиксальное словообразование и словосложение настолько отличаются друг от друга, что методы их изучения оказываются разными. Прежде всего, мы избираем в качестве наиболее удобной для исследования единицы словообразовательную модель, а это уже исключает возможность применить вышепомянутые критерии целиком и полностью к определению продуктивности.

Так же, как и все исследователи, мы исходим из того, что продуктивность — это способность образовывать новые слова. Продуктивная модель — это та схема, по которой образуются новые слова.

Выше мы видели, что распространенность моделей можно определить сравнительно точно. Все имеющиеся в языке модели сложных слов можно распределить в строгом порядке, от наиболее распространенных до малораспространенных, и определить в процентах относительную (и соотносительную) их частотность.

Можно ли определить таким же путем относительную продуктивность? На этот вопрос следует ответить положительно. Однако, прежде чем привести данные об относительной продуктивности словообразовательных единиц, следует сделать несколько замечаний.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что распространенность (частотность) моделей и их продуктивность — понятия разные. В языке определенной эпохи на основании употребляемых, но созданных в предыдущие эпохи слов может быть выделена модель, которая фактически будет мертвой, непродуктивной. Например, среди названий лиц женского пола, образованных от названий лиц мужского пола, в русском языке

¹⁵ Там же, стр. 13.

¹⁶ Там же, стр. 14.

¹⁷ См., например: И. Ф. Протченко. Указ. соч., стр. 71.

¹⁸ Например, И. Ирачек показателем продуктивности суффикса *-ist* в русском языке считает способность его соединяться с исконной русской основой. См.: Jiří Jiráček. Přípona *-ist* v ruštině a *-ista* v češtině a polštině. «Studie ze slovanské jazykovědy, Sborník k 70 narozeninám akademika Františka Trávníčka». Praha, 1958, стр. 307. Ср. также определение продуктивности в статье: Л. А. Шеляховская и Т. А. Бертагаев. О продуктивных и непродуктивных типах сложных существительных в современном русском языке. «Ученые записки Алма-Атинского пед. ин-та иностранных языков», 1957.

¹⁹ Г. П. Нещименко. Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», XIX, 1960, стр. 159—202.

есть существительные с суффиксами *-ын-я* (-ин-я): *барыня, боярыня, героиня, графиня, инокиня, княгиня, монахина, рабыня*²⁰. Этот тип, представленный небольшим количеством примеров, займет все же среди названий лиц женского пола, образованных от названий лиц мужского пола, не последнее место²¹ и получит какое-то процентное выражение. Полученное при подсчетах положительное число, однако, выразит не продуктивность типа, а частотность его. Продуктивность этого типа равна нулю, так как в современном русском языке новые слова с такими суффиксами не образуются.

Поскольку продуктивность словообразовательных моделей является категорией, выражающей движение, развитие, постольку статическим анализом обнаружить ее нельзя.

Рассуждая чисто теоретически, относительную (соотносительную) продуктивность словообразовательных моделей можно определить, при том совершенно точно, путем анализа не всего словарного состава, а только новообразований. При подобном способе исследования следует подсчитать все новообразования, возникшие в языке в течение определенного отрезка времени, и затем в пересчете на проценты выразить относительную продуктивность всех словообразовательных типов (эти числа выразили бы одновременно и частотность новообразований). Оказалось бы, что многие типы, традиционно рассматриваемые в работах по русскому словообразованию, вовсе не были бы обнаружены, так как это — непродуктивные типы. Так, например, приводимый в различных работах по словообразованию современного русского языка тип *-л-ка* (в разряде названий лиц женского пола), представленный употребительными в наши дни словами *гадалка, сиделка, постоялка*²², является совершенно непродуктивным.

К сожалению, названный выше точный метод исследования не может быть применен, так как совершенно невозможно зарегистрировать и учесть все новообразования современного языка.

Казалось бы, эту задачу легче выполнить для предшествующих периодов развития языков, в которых весь словарный состав находится уже в состоянии покоя. Однако в действительности абсолютно точное определение продуктивности типов в языке XIV, XV, XVI вв. является задачей невыполнимой вследствие отсутствия словарей, которые фиксировали бы весь словарный состав языка в каждом столетии. Поэтому приходится довольствоваться данными приближенными, полученными при сопоставлении материала, извлеченного из равных по объему и разнообразных по жанру и тематике памятников письменности различных столетий.

Этот материал не дает возможности точно установить относительную продуктивность всех словообразовательных типов, но позволяет совершенно надежно определить рост или уменьшение продуктивности типов.

Следует сосчитать все слова каждого этапа и определить относительную (в процентах) частотность (распространенность) моделей, а затем сопоставить данные всех этапов. Если растет абсолютное количество слов во всех последующих этапах, значит модель продуктивна. Непродуктивные модели сигнализируются отсутствием роста абсолютного количества слов на различных этапах развития языка, а главное — отсутствием неологизмов в последующие эпохи.

Сопоставление процентных данных позволяет определить увеличение или уменьшение продуктивности типов. Если, например, в XIV в.

²⁰ Грамматика русского языка, I. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 236.

²¹ Еще меньшим количеством слов представлен тип образования существительных женского рода на *-ца*. Тип представляют слова *царица, мастерлица, фельдшерлица* (там же, стр. 232).

²² Там же, стр. 235.

тип А был представлен 10% всех слов и тип Б — 30%, а в XV в. процентные показатели для типов А и Б выражались соответственно числами 15 и 25, значит продуктивность типа А возросла, а типа Б — пала.

Для определения изменений продуктивности установленных нами наиболее распространенных моделей сложных существительных мы разбили весь рассматриваемый нами период развития чешского языка на три отрезка времени: XIII—XIV вв., XV в. и XVI — начало XVII в. Применив вышеизложенный метод, мы обнаружили следующее.

Частота употребления некоторых словообразовательных моделей во все три периода оставалась одинаковой или почти одинаковой. Это модели Ic + Iг + -ø (*červotoč*) и Ic + IIг + флексия -e (*světlonoše*). Следовательно, продуктивность этих двух словообразовательных моделей не менялась.

У моделей Iп + IIс + -ø (*bělořit*) и Ic + IIс + -ø (*boholid*) частотность снижается. В XIII—XIV вв. она составляла для модели Iп + IIс + -ø 16%, в XV в. — 11%, а в XVI — начале XVII в. только 8%; для модели Ic + IIе + -ø — соответственно 12, 8, 3%. Таким образом, продуктивность первой сокращается на протяжении всего добелогорского периода вдвое, а второй — в четыре раза. Такое значительное уменьшение продуктивности, однако, не свидетельствует о том, что в XV или XVI вв. новые слова по этим моделям не образовывались. В исследованных нами источниках найдены новообразования, не встречавшиеся в XIII и XIV вв., например: *bělozor* (H. Kr. 302), *dobrosyn* (Geb. I, 273), *malomysl* (Geb. II, 307), *vinočerv* (Comest. 4 b, 2, 14), *květovní* (Geb. II, 190).

Остальные четыре модели характеризуются постоянным увеличением частотности, что в свою очередь свидетельствует о постоянно растущей их продуктивности.

Для наглядности представим все изложенное в таблице. В ней в процентах указывается частотность моделей по периодам. Все приведенные модели были продуктивными на протяжении всего добелогорского периода (за исключением модели, представленной словами типа *spro-lubratr*, которая в XIV в. не была еще продуктивна). Рост или падение продуктивности обнаруживается путем сравнения данных о частотности по периодам.

Модели	Период		
	XIII—XIV вв.	XV в.	XVI — нач. XVII в.
Ic + IIг + -ø	15%	15%	15%
Iп + IIс + -ø	16%	11%	8%
Ic + IIс + -ø	12%	8%	3%
Iп + IIс + -ø	0%	4%	12%
Ic + IIг + -ec	2%	4%	8%
Ic + IIг + -e	3%	3%	3%
Ic + IIс + -ec	1,5%	2%	3,5%
Ic + IIг + -ce	1%	1,5%	3,5%

Пользуясь изложенным методом исследования, можно определить относительную частотность (по отрезкам времени), а также движение продуктивности всех словообразовательных моделей. Для этого необходимо учесть все сложные слова, выступающие во всех известных памятниках. При частичном использовании памятников, как это было в нашем случае²³, определение частотности и продуктивности наиболее мелких

²³ Нами использовано 112 разных по объему памятников.

типов невозможно. Во-первых, нельзя быть уверенными, что в использованных памятниках встречаются все модели. Во-вторых, модели с очень низкой частотностью при неполном использовании всего словарного состава бывают представлены очень малым количеством примеров (иногда двумя-тремя словами²⁴), выражающимися при пересчете на проценты десятыми и сотыми долями единицы. Округлять эти показатели нельзя, так как округление в большую или меньшую сторону влечет за собой большую ошибку. С другой стороны, неокругленные числа, выраженные десятыми и сотыми долями процента, создают только видимость точности. Достаточно найти в новом памятнике два новых слова, чтобы скрупулезно высчитанный процент увеличился вдвое или втрое.

Иначе обстоит дело, если изучаются наиболее распространенные модели. Большое количество примеров позволяет выявить близкое к действительному процентное соотношение между моделями. Здесь ошибка, даже выражаясь целым числом, не изменяет существенно соотношений²⁵.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ

- Baw. — Sborník hraběte Bavorowského. Upr. Jan Loriš. «Sbírka pramenů ku poznání literárního života v Čechách, na Moravě a v Slezsku», vydává III. Třída České Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění. Řada I, číslo 6. V Praze, 1903.
- BK — Biblí svatá aneb všecka svatá písma starého i nového zákona. Podle posledního vydání Kralického z roku 1613. Nákladem Biblické společnosti britické a zahraničné. V Praze.
- Comest. — Petra Comestora Historia scholastica. Vyd. Dr. Jan Novák. «Sbírka pramenů...», skupina I. Řada II. Číslo 9, 10, 11. V Praze, 1919—1920.
- Č. 1. — Bedřich Václavek. Český listář. 296 českých listů z šesti století. Melantrich, 1949.
- Geb. — Jan Gebauer. Slovník staročeský. Praha, I—1903, II—1916.
- H. Kr. — Václava Hajka z Libočan Kronika česká. Podle originálu z r. 1541 vydal V. Flajšhans. I. Úvod. R. 644—904. Doba pohanská. V Praze, 1918.
- Kl. — Klaret a jeho družina. Sv. I. Slovníky veršované. Sv. II. Texty glosované. Text z rukopisu upravil a vydal V. Flajšhans. V Praze, 1926—1928.
- Luc. — Staročeský Lucidář. Text rukopisu fürstenberského a prvtisku z r. 1408 vydal Dr. Čeněk Zíbrt. Sbírka pramenů ... Skupina I. Řada II. Číslo 5. V Praze, 1903.
- Por. Max. — Krátký spis o porážce a zajetí Maximiliana woleného krále Polského a arcijnžete Rakouského. ČČM, 1834.
- Pr. — Prešpurský slovník. Vocabularium latino-bohemicum posoniense. Vydal F. Menčík. V Praze, 1892.
- S1. H. — Slovník k českým spisům Husovým. Sepsal Karel Novák. «Archiv pro lexicografii a dialektologii». Vydává III. Třída České Akademie věd a umění. Číslo 9. V Praze, 1934.
- Zpr. oml. — Zpráva omluvná purkmistra a rady Starého města Pražského, pod obojí přijímajících císařstvoství v Čechách knížeti z Lichtenštejna, podaná léta 1622 v příčině minulého pozdvížení. ČČM, 1857.

²⁴ Например, слова типа *řezokravstvo* (Kl. 427), образованные по модели «основа глагола + -o- + основа существительного + -stvo», являются единичными.

²⁵ Мы в этом убедились в процессе написания диссертации. После завершения всех основных расчетов мы изучили еще несколько памятников, ранее не использованных. Извлеченные из них слова расположились по моделям в соотношениях, определенных нами ранее.

В. Н. ПИТИНОВ

(Ж и т о м и р)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД МЕСТОМ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПРЕДЛОЖЕНИИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема порядка слов в славянских языках неразрывно связана с проблемой синтагматического членения предложений; иными словами, порядок слов в предложении следует в первую очередь рассматривать как порядок входящих в него синтагм.

В процессе общения человеческая речь распадается на синтагмы, которые в зависимости от условий семантического, ритмического или эмоционально-экспрессивного характера могут состоять из одного слова или из нескольких слов, объединенных в смысловом отношении и интонационно.

«Синтагма, — пишет В. В. Виноградов, — это семантико-синтаксическая единица речи, отражающая „кусочек действительности“, наполненная живой экспрессией и интонацией данного предложения. Она находится в тесной смысловой связи со всеми другими такими же семантико-синтаксическими единицами того же высказывания, той же речи»¹.

В процессе смыслового членения речи предложение как синтагма высшего порядка разделяется в ряде случаев на две семантически неравные части, одна из которых заключает в себе исходный пункт сообщения, т. е. то, что уже известно говорящему (автору), а другая — основное в сообщении, т. е. то, что говорится (повествуется) об исходном пункте сообщения, причем главная смысловая нагрузка предложения падает на основное в сообщении, которое при нормальном порядке слов располагается после исходного пункта сообщения.

Принцип смыслового (актуального) членения предложения на две части, неравные по своей семантической нагрузке, принимают многие советские и зарубежные лингвисты. В советском языкознании тема смысловой функции порядка слов освещается в трудах В. Т. Коломиец, А. С. Мельничука, К. Г. Крушельницкой и др.² Из работ зарубежных лингвистов, в которых порядок слов в предложении ставится в основную зависимость от семантической нагрузки его членов, следует назвать

¹ В. В. Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 253.

² В. Т. Коломиец. Порядок слов в чешской прозе первой половины XIX в. «Вопросы славянского языкознания», № 7, М., 1952; е. же. Порядок слів у чеській прозі у першій половині XIX ст. «Вопросы славянского языкознания», книга третья, Львов-Харьков, 1953; А. С. Мельничук. Порядок слов и синтагматическое членение предложений в славянских языках. Киев, 1958; К. Г. Крушельницкая. К вопросу о смысловом членении предложения. — ВЯ, 1956, № 5.

статьи чешских языковедов В. Матезиуса и Ф. Данеша, словацкого языковеда Э. Паулини, а также немецких языковедов К. Боста и К. Буттке³.

В процессе синтагматического членения предложения в нем часто можно выделить две взаимосвязанные синтагмы, соответствующие двум главным компонентам смыслового членения: синтагма, содержащая исходный пункт высказывания, и синтагма, содержащая ядро высказывания. А. С. Мельничук называет первую синтагму исходной, а вторую — основной⁴. Например, в предложении «птицы прилетели» исходная синтагма — «птицы» и основная — «прилетели». Помимо этого, предложение может содержать такую синтагму, которая лишь дополняет или уточняет содержание, высказанное исходной или основной синтагмами. Такую синтагму называют дополнительной⁵.

* * *

При рассмотрении вопроса о месте чешских деепричастий и деепричастных конструкций в предложении мы исходим прежде всего из того, что как одиночное деепричастие, так и деепричастная конструкция, будучи в большинстве случаев обособленным членом предложения, входит в состав предложения и, следовательно, вычленяется из него как ярко выраженная синтагма в системе синтагматического единства, образуемого предложением. «Обособленные члены предложения, — замечает Е. В. Кротевич, — являются наиболее ярко выраженными синтагмами»⁶.

Констатируя то или иное место чешской деепричастной синтагмы в синтагматическом единстве, образуемом предложением, мы должны прежде всего установить, какую смысловую нагрузку несет в данном случае деепричастие или деепричастная конструкция. Иными словами, поясняя место деепричастной синтагмы в предложении, необходимо определить, является ли она исходной или основной синтагмой в данном синтагматическом единстве. Очень часто и такие случаи, когда необходимо выяснить, является ли деепричастная конструкция центром исходной или основной синтагмы или же примыкает к одной из них как добавочная, дополнительная синтагма. Эти и некоторые другие факторы могут оказывать и, естественно, оказывают известное влияние на место, занимаемое чешскими деепричастиями и деепричастными конструкциями в предложении.

1. ДЕЕПРИЧАСТНАЯ КОНСТРУКЦИЯ, ВЫСТУПАЮЩАЯ КАК ИСХОДНАЯ СИНТАГМА В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Выступая в качестве исходной синтагмы, деепричастная конструкция выражает, как правило, тот отрезок мысли, который определенным образом подготавливает читателя (слушателя) к восприятию главной мысли всего предложения, выраженной основной синтагмой. Деепричастная синтагма является в данном случае тем, из чего исходит или

³ V. Mathe sius. O tak zvaném aktuálním členění větném. Čeština a obecný jazykozpráv. Praha, 1947; Fr. Daneš. K otázce pořádku slov v slovanských jazycích. SaS, r. XX, č. 1, 1959; E. Pauliny. Gramatické činitelia a vetylý takt pri slovosledze. «Slovenská reč», r. XVI, N 7, 1950—1951; K. Boost. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Berlin, 1955; K. Buttke. Beziehungen zwischen Wortstellung und sprachlichem Umfeld. «Zeitschrift für Slavistik». Berlin, 1959.

⁴ А. С. Мельничук. Указ. соч., стр. 14.

⁵ Там же, стр. 28.

⁶ Е. В. Кротевич. Обособленные синтагмы. «Вопросы славянского языкознания», кн. 1. Львов, 1948, стр. 72.

что учитывает основная синтагма, выражающая главную смысловую направленность предложения. Вполне закономерно, что при деепричастной конструкции в роли исходной синтагмы основной синтагмой является глагольная часть предложения.

Расположение деепричастной конструкции — исходной синтагмы в предложении не противоречит основному правилу порядка слов (синтагм) в синтагматическом единстве: при обычном порядке слов деепричастная конструкция как исходная синтагма всегда находится перед частью предложения, содержащей глагол-сказуемое и выступающей в роли основной синтагмы — носительницы главного смыслового содержания предложения.

Наиболее четко можно проследить синтагматическое членение предложений, содержащих деепричастную конструкцию, прежде всего в тех случаях, когда данное синтагматическое единство содержит лишь одну деепричастную конструкцию — исходную синтагму и одно глагольное предложение — основную синтагму. Примеры: *Z t á p ě je toužebný zrak do čisté hlubiny blankytných očí dívčiných, naslouchal [náš hrdina] přivětivému hovoru její matky, majestátní dámy rázné tváře* (Čech. Jestř.); *Odstraň u jíc si hebounkým prstem neposlušnou kadeř s bílého čela, s plachou ostýcharostí v oku přistoupila ke stolu a zašeptala...* (Čech. Jestř.).

Деепричастная конструкция воспринимается как исходная синтагма в тех случаях, когда деепричастному обороту предшествует какое-либо обстоятельство, являющееся по своей синтаксической функции близким к следующему за ним деепричастному обороту. Пример: *Pak o b drževše odpověď*, [arcibiskup a arcibiskupův komorník] *pobídli koně a ihněli ke Křivoklatu* (Jir. M. p.).

Рельефнее всего деепричастная конструкция в качестве исходной синтагмы вычленяется в том случае, если она, выражая ощущимые временные значения, поясняет главное действие с точки зрения времени его совершения и выражает предшествование по отношению к нему. Значение обстоятельства времени как наиболее ощутимого исходного пункта высказывания отмечено еще В. Матезиусом⁷. Пример: *Vytas i v dlouhý úzký kord, krácel [druhý jezdec] ke stavení* (Jir. Sk.).

Вероятнее всего, это служит причиной того явления, что подавляющее большинство деепричастных конструкций со значением предшествования, в которых, как известно, наиболее четко выражаются временные значения, будучи исходными синтагмами, стоят перед группой сказуемого, выступающего в качестве основной синтагмы.

Приведенные выше примеры являются в структурном отношении сравнительно простыми, потому что ни деепричастные конструкции, ни основные предложения не были распространены различными добавочными предикатиями. Следует, однако, заметить, что сравнительно простые предложения — синтагматические единства типа «деепричастная конструкция (исходная синтагма) — глагольное предложение (основная синтагма)» — в чешском литературном языке употребляются не часто. Значительно чаще синтагматические единства с деепричастными синтагмами, принадлежащие в основном к письменному языку, носят более сложный характер, причем предложения этого типа содержат не две предикатии, соответствующие двум взаимосвязанным синтагмам (исходной и основной), а несколько связанных между собой предикатий.

Одним из таких усложнений является случай, когда деепричастная конструкция в роли исходной синтагмы нуждается в смысловом уточнении и присоединяет к себе придаточное предложение, образуя с ним тесное смысловое единство. Таким образом, получается усложненная исходная синтагма, состоящая из деепричастной конструкции и примы-

⁷ В. Матезиус. Указ. соч., стр. 238—239.

кающего к ней придаточного предложения. В этой синтагме деепричастие является грамматически организующим центром. Что касается смыслового содержания усложненной синтагмы, то деепричастная конструкция играет в ней второстепенную роль, уступая место придаточному предложению, которое часто выражает главную смысловую направленность всей синтагмы. Порядок слов в подобного рода предложениях таков: деепричастие или деепричастная конструкция — придаточное предложение (исходная синтагма) — глагольное предложение (основная синтагма): *Nevida ale nic, co by stálo za řeč, pokračoval* (Hál. M. L.); *Spatřiv nadpis, že plivati po chodbách se zakazuje, [Švejk] poprosil strážníka, aby mu dovolil plivnouti do plivátka* (Haš.).

В чешском, как и в других языках, весьма часто случаи, когда при одном подлежащем в предложении употребляются два и более скажуемых, выступающих как однородные члены, причем каждое из скажуемых может иметь при себе пояснительные слова, образуя группу сказемого. Подобного рода предложения представляют с точки зрения синтагматического членения такие синтагматические единства, в состав которых входит несколько однородных основных синтагм.

Деепричастная синтагма может быть исходной либо по отношению ко всем основным однородным синтагмам, либо только по отношению к одной из них. Этот фактор оказывает существенное влияние на место деепричастной конструкции в подобного рода предложениях.

Если деепричастная синтагма выступает как исходная по отношению ко всем основным однородным скажуемым, то она располагается в начале всего предложения: *Nestara je se o vřavu veřejnosti, vybíral* [pan Brouček] *klidně dál svou činži a trávil své večery jako dříve mezi starými známými U kohouta nebo na Vikárce* (Čech. Výl.).

Значительно чаще, однако, встречаются такие случаи, когда деепричастная конструкция является исходной синтагмой по отношению лишь к одной из нескольких однородных синтагм. Деепричастная конструкция в таких случаях располагается в предложении непосредственно перед той группой скажуемого, по отношению к которой она выступает в качестве исходной синтагмы. Если деепричастная конструкция является исходной синтагмой по отношению к одному из однородных скажуемых (или его группе), вводимому сочинительным союзом *a*, то она всегда располагается непосредственно за этим союзом, а после деепричастной конструкции в группе скажуемого стоит как правило само скажуемое, за которым следуют поясняющие его слова: *Tu vycházela pro blízkost pláče a měřík kratičkými kroky chodbu podél lóží myslila na Janu* (Vanč. Út.); *Tam také zastrčil sekuru na zemi ležící, a strhnul i se stěny luk a chlupatý toul, hodil vše přes plece* (Jir. M. P.).

В приведенных примерах исходные деепричастные синтагмы составляют синтагматические единства со вторыми однородными скажуемыми, выступающими по отношению к ним в роли основных синтагм.

Такое «сепаративное» отношение деепричастной синтагмы лишь к одной из двух или нескольких однородных основных синтагм приводит, как видно из примеров, к тому, что деепричастная конструкция в роли исходной синтагмы может располагаться не в начале, а в середине предложения, что не нарушает, однако, основного принципа взаиморасположения исходной (деепричастной) и основной синтагм: исходная деепричастная синтагма при обычном (нормальном) порядке слов располагается перед глагольной (основной) синтагмой независимо от того, какое место в предложении занимает последняя.

Предложения, в которых деепричастная конструкция выступает в качестве исходной синтагмы по отношению к одному из однородных скажуемых (или групп скажуемых) и, следовательно, предшествует ему

независимо от занимаемого им места в предложении, могут быть в структурном отношении гораздо более громоздкими, чем те, которые приведены выше. Эта структурная громоздкость является прежде всего следствием того, что каждое из однородных сказуемых может присоединять к себе не только пояснительные слова — дополнения и обстоятельства, но и придаточные предложения. В результате этого предложение с несколькими однородными сказуемыми, из которых некоторые имеют при себе, помимо пояснительных слов, еще и придаточные предложения, представляет собой сложный синтагматический комплекс, в котором содержится значительное количество синтагм различных степеней членения, например: *Mezitím dobrý muž, věřící v nevinnost Švejkovi, zaplatil za něho v kanceláři pokutu a odvedl si Švejka do restaurace třetí trády, kde ho pohostil pivem, a zjistil, že všechny průkazy i vojenský lístek na dráhu jsou u nadporučíka Lukáše, velkomyslně dal Švejkovi pětku na lístek i na další útratu* (Haš.).

Анализируя приведенный выше пример, приходим к выводу, что в данном синтагматическом комплексе возможно вычленение следующих актуальных синтагм: исходная синтагма — *mezitím dobrý muž, věřící v nevinnost Švejkovi*, основная синтагма — вся остальная часть предложения, включая три группы однородных сказуемых, придаточное предложение обстоятельства места и деепричастную конструкцию вместе с придаточным дополнительным предложением. При вторичном смысловом членении данного синтагматического комплекса деепричастие и относящееся к нему придаточное предложение могут быть рассмотрены в качестве исходной синтагмы по отношению к третьей (последней) группе однородных сказуемых, которая является в отношении деепричастной конструкции основной синтагмой.

Предложение с однородными сказуемыми, к одному из которых примыкает деепричастная конструкция в роли исходной синтагмы, может быть осложнено и прямой речью: «*A, noha paní Rubešové se bezprochýby už zahojila*», — *usoudil Jermář a zakývav několikrát hlavou, uložil se do postele* (Čech. Jestř.).

Деепричастные конструкции могут выступать в качестве исходных синтагм и в том случае, когда они входят в состав придаточных предложений, причем в качестве основной синтагмы выступает как правило группа сказуемого того придаточного предложения, в состав которого входит данная деепричастная конструкция. В большинстве случаев предложения данного типа представляют собой сложные синтагматические комплексы, и выделение в них основной и исходной синтагмы с целью определения места деепричастной конструкции, несомненно, производится путем внутрисинтагматического членения всего комплекса синтагм. Деепричастные конструкции, входящие в состав придаточных предложений и употребляющиеся по отношению к группам сказуемых этих предложений в качестве исходных синтагм, располагаются чаще всего непосредственно после союза или союзного слова, которым вводится это придаточное предложение, и перед группой сказуемого придаточного предложения как перед основной синтагмой: *Druhý nový host byl hostinský Palivek, který, z pozorovav svého známého, Švejka, vzbudil ho a hlasem plným tragiky zvolal ...* (Haš.); (*Anna Urbanová*) *Podobala se americkým vystěhovalcům, kteří, vrátivše se přes vodu do rodné dědiny po letech letoucích, zajdou nejdřív do krčmy a teprve potom domů* (Pujm. L. n. k.).

Если придаточное предложение, в которое входит деепричастный оборот, присоединяется к главному при помощи относительного местоимения *jenž* (*jež* и т. п.) в родительном падеже с предлогом *z* (genitivus partitivus), то постановка деепричастной конструкции непосредственно после этого местоимения невозможна, так как после местоимения

должно стоять относящееся к нему существительное в родительном падеже, и лишь за ним может следовать деепричастная конструкция — исходная синтагма: *Tu a tam bylo vidět u silnice osiku nebo jeřáb, z jichž haluzí, jezdce u zrevši, těžkým letem ulétala vrána* (Jir. Sk.).

Значение деепричастной конструкции как исходной синтагмы может обнаруживаться в предложениях со сказуемым, выраженным глаголом повелительного наклонения. В синтагматических единствах, содержащих деепричастную конструкцию и повелительное предложение, последнее выступает в смысловом отношении как четко выраженная основная синтагма: *Již hrnou se na nás ti neprátele pravdy a zhoubcové české země. Protož doufa jíce v Boha, bud'te hotovi!* (Čech. Výl.) Ср., например, в укр. *Упоравшись, біжи в Вільшану* (Шевченко).

2. ДЕЕПРИЧАСТИЕ И ДЕЕПРИЧАСТНАЯ КОНСТРУКЦИЯ, ВЫСТУПАЮЩАЯ В КАЧЕСТВЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИНТАГМЫ

Факты чешского литературного языка показывают, что деепричастие и деепричастная конструкция, расположенная в конце предложения, очень редко является носителем главного содержания всего синтагматического единства. В большинстве случаев деепричастие или деепричастная конструкция, находясь в конце предложения, по своей значимости не превосходит глагола-сказуемого, не раскрывает его содержания, а лишь определенным образом поясняет или уточняет его, обозначая добавочное, второстепенное действие или какое-либо сопутствующее обстоятельство.

В предложениях подобного типа основной синтагмой является группа сказуемого, которая выражает главную смысловую нагрузку всего предложения. Деепричастие же или деепричастная конструкция выступает как синтагма второстепенная, дополнительная, примыкающая к основной синтагме, выраженной группой сказуемого, как к своему центру: *Tato slova, jak v ní vznikala, psala na list papíru, majejíc podložkou zabavené noviny* (Majer. N. s.); ... *psi leželi u nohou babiččiných, a jako by po divém honu bývali, rychle oddychovali, plazíce jazyky ven* (Němc. Bab.).

Положение деепричастных конструкций, не являющихся центрами основных синтагм, противоречит основному принципу порядка слов, который гласит, что при обычном (объективном) порядке слов конечное место в синтагматическом единстве должна занимать только основная синтагма как носительница основной смысловой нагрузки в предложении. Это явление свидетельствует о том, что деепричастие и деепричастная конструкция, будучи в смысловом и интонационном отношении ярко выраженной синтагмой, может не укладываться и, как показывают факты языка, часто не укладывается в рамки схемы расположения синтагм при нормальном порядке слов: конечная деепричастная конструкция в подавляющем большинстве случаев не выступает в качестве основной синтагмы.

Касаясь смысловой роли второстепенного предиката в предложении, В. Грабе говорит, что второстепенное сказуемое, в роли которого выступает, помимо других аппозитивных конструкций, и деепричастный оборот, часто не является ни исходом, ни ядром высказывания. Оно образует самостоятельное второстепенное ядро, которое стоит рядом с главным ядром высказывания⁸.

Остановимся далее на смысловой роли деепричастных конструкций, употребляющихся в предложениях, начинающихся с прямой речи.

⁸ V. Hrabě. O polovětné vazbě a vedlejší predikaci. «O vědeckém poznání soudobých jazyků». Praha, 1958, str. 262.

Предложение, в котором на первом месте стоит прямая речь, а за ней — слова автора, считается предложением с инверсивным порядком слов, причем основной синтагмой является прямая речь, а слова автора квалифицируются как синтагма дополнительная⁹. Принимая это положение, деепричастную конструкцию, входящую в слова автора, можно рассматривать как часть дополнительной синтагмы, примыкающую к инверсивно расположенному сказемому и поясняющую его. Иными словами, инверсивно расположенная дополнительная синтагма состоит в данном случае из слов автора, составляющих основное предложение и деепричастную конструкцию, причем в большинстве случаев деепричастная конструкция располагается в конце предложения: «*Co si počnete, děti?* smutně tázala se Karásková, po hližejíc na bledé dítě (Němc. V zám.); «*Ten klerikus vylámal v Holubicích truhlu v kostele a ukradl z ní kalich s patenami a monstrancí*, — odvětil Jan nemoha se udržet (Jir. M. p.).

Наконец, рассмотрим те случаи, когда деепричастие или деепричастная конструкция разделяет предложение, образующее синтагматическое единство, на две части, находясь внутри него. В таких случаях деепричастная конструкция, как правило, не может быть центром ни исходной синтагмы, располагающейся в начале синтагматического единства, ни синтагмы основной, занимающей место в конце предложения. Следовательно, деепричастная конструкция должна примкнуть либо к исходной, либо к основной синтагме. В таких случаях она представляет собой составную часть исходной или основной синтагмы.

Наиболее часто встречаются предложения, в которых деепричастная конструкция располагается так, что она отделяет друг от друга исходную и основную синтагмы. Так как при обычном порядке слов в качестве исходной синтагмы часто выступает группа подлежащего, а в качестве основной — группа сказуемого, то деепричастная конструкция разделяет в предложении подлежащее и сказуемое. Чаще всего подлежащее в таких предложениях стоит на первом месте; за ним следует деепричастная конструкция, затем сказуемое и зависящие от него члены: *Rusové, v y pátrav še tyto vozy, počali je ostřelovat granáty* (Haš.); *Ridič a průvodčí, šku ba jíce provazem, pokoušeli se upravit vyklopenou tyč, kam patřila* (Pujm. L. n. k.).

Если за подлежащим следует несогласованное определение, то деепричастная конструкция располагается непосредственно после этого определения: *Jezdec po levici, postaviv se do třemení, pohlízel bedlivě před sebe, druhý krčil se do límce svého mohutného pláště* (Jir. Sk.).

В приведенных выше примерах деепричастная конструкция располагается непосредственно между подлежащим и сказуемым, т. е. между центрами исходных и основных синтагм. Такое промежуточное местоположение деепричастия в предложении возможно, по нашему мнению, в первую очередь благодаря смысловой двойственности деепричастий, которая заключается в том, что они поясняют и уточняют не только сказуемое (в данном случае центр основной синтагмы), но и (правда, в значительно меньшей степени) подлежащее (в данном случае центр исходной синтагмы).

Большее смысловое тяготение деепричастий к группе сказуемого позволяет причислить деепричастную конструкцию, находящуюся между подлежащим и сказуемым, к группе основной синтагмы. Однако такая деепричастная конструкция, обладая смысловой связью с исходной синтагмой — подлежащим, не остается, конечно, нейтральной по отношению к ней, и нам кажется, что причисление этой конструкции

⁹ А. С. Мельничук. Указ. соч., стр. 30.

к основной синтагме следует оговорить синтаксической связью этой категории слов с субъектом и предикатом предложения одновременно. При этом необходимо учесть и тот неоспоримый факт, что в подобного рода конструкциях значительно усиливается логическая связь с подлежащим, которая делает их соотносительными с причастными оборотами и даже с придаточными определительными предложениями, чаще всего принадлежащими к исходным синтагмам.

Деепричастная конструкция может разделять подлежащее и сказуемое так, что непосредственно после подлежащего стоит не деепричастная конструкция, а какое-либо обстоятельство. В таких предложениях, которые употребляются сравнительно редко, порядок слов следующий: подлежащее + обстоятельство + деепричастная конструкция + +сказуемое: *A pan Dingle potalú, v uplazi je námahou jazyk a slině tužku, psal* (Čap. Vál.). Такую деепричастную конструкцию, отделенную от подлежащего обстоятельством, можно с большей степенью уверенности назвать частью основной синтагмы.

Встречаются, наконец, случаи, когда деепричастная конструкция стоит после подлежащего и сказуемого и отделяет от предложения лишь какое-либо обстоятельственное выражение, причем порядок слов в предложении имеет вид: подлежащее + сказуемое + деепричастная конструкция + обстоятельственное выражение: *Slečny přistoupily, vedouce se za ruce, k jednotu z nich* (Neg. Týd.). Такие деепричастные конструкции следует, по нашему мнению, относить к группе, образующей основную синтагму.

* * *

Факты употребления деепричастий и деепричастных конструкций в современном чешском языке показывают, что случаи, когда деепричастие несет основную смысловую нагрузку всего предложения и выступает, таким образом, в качестве основной синтагмы, встречаются крайне редко; их можно назвать единичными. Следует при этом отметить, что даже в тех немногочисленных примерах, где деепричастные конструкции могут квалифицироваться как основные синтагмы, установить логическое превосходство деепричастного действия над действием глагола можно лишь с помощью общей ситуации, образуемой несколькими предложениями. Пример: *Scházívali se* [Barány a Jana] *navečer budíce viditelnou zvědavost u známých lidí* (Vanč. Ut.). О встречах молодых людей сообщалось в предыдущем контексте; следовательно, глагольное действие ничего нового о подлежащем (Barány a Jana) не сообщает. Деепричастная же конструкция, выражая следствие того, о чем говорится в глагольном предложении, сообщает совершенно новую, до сих пор неизвестную мысль: частые встречи двух молодых людей возбуждали любопытство у знакомых. Естественно, что деепричастная конструкция в роли основной синтагмы располагается после группы сказуемого.

Чрезвычайно редкое употребление деепричастных конструкций в качестве основных синтагм, т. е. в качестве выразителей основного содержания всего синтагматического комплекса, следует, по нашему мнению, объяснить тем, что всякое деепричастие, являясь продуктом развития древнего *participium*, представляет собой как правило конгломерат грамматических значений глагольности, обстоятельственности и, правда в несколько меньшей степени, атрибутивности. Обладая этими грамматическими значениями одновременно, деепричастие по своей синтаксической роли в предложении может лишь приближаться к обстоятельству, сказуемому или (значительно реже) к определению, однако четкое выражение этих трех грамматических значе-

ний в деепричастии наблюдается крайне редко. Особенно это касается чешских деепричастных форм, которым и в настоящее время свойственны морфологические показатели согласования с подлежащим.

Конгломеративные с точки зрения грамматических значений и конгруэнтные чешские деепричастные формы, тяготеющие одновременно и к подлежащему, и к сказуемому, как правило, не могут выражать главную смысловую направленность синтагматического единства, образуемого предложением.

Нами были рассмотрены деепричастные синтагмы в условиях объективного (обычного) порядка слов. Ввиду того, что деепричастные конструкции являются чаще всего достоянием письменного, интонационно нейтрального языка, случаи инверсивного употребления синтагматических единств, содержащих деепричастные конструкции (исключая предложения, начинающиеся с прямой речи, о чем говорилось выше), нами зафиксированы не были.

Таким образом, чешский деепричастный оборот представляет собой ярко выраженную синтагму, которая легко вычленяется в предложении. Его смысловая роль заключается в том, что он может выступать либо как исходная синтагма (в этой функции он располагается перед группой сказуемого, по отношению к которой он является исходной синтагмой), либо как синтагма второстепенная, дополнительная (в этой функции он располагается после основной синтагмы, выраженной группой сказуемого, что является исключением из общего правила расположения синтагм в условиях нормального порядка слов).

Случаи употребления чешских деепричастных конструкций в роли основных синтагм очень редки. Они могут быть вызваны исключительно контекстуальными условиями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Čap. Vál. — Karel Čapek. Válka s mloky. Praha, 1958.
Čech. Jestř. — Svatopluk Čech. Jestřáb contra Hrdlička a jiné povídky. Praha, 1952.
Čech. Výl. — Svatopluk Čech. Výlet pana Broučka do patnáctého století, Moskva, 1953.
Hál. M. L. — Vítězslav Hálek. Muzikantská Liduška. Na statku a v chaloupce. Praha, 1952.
Haš. — Jaroslav Hašek. Osudy dobrého vosáka Švejka, díl I—II, III—IV. Praha, 1955.
Jir. M. p. — Alois Jirásek. Mezi prudy. Praha, 1951.
Jir. Sk. — Alois Jirásek. Skaláci. Praha, 1954.
Majer. N. s. — Marie Majerová. Nejkrásnější svět. Praha, 1957.
Němc. B. — Božena Němcová. Babička. Praha, 1954.
Němc. V zám. — Božena Němcová. V zámku a v podzemí a jiné povídky. Praha, 1954.
Ner. Týd. — Jan Neruda. Týden v tichém domě. Povídky malostranské. Praha, 1948.
Pujm. L. n. k. — Marie Pujošmanová. Lidé na křížovatce. Praha, 1954.
Vanč. Út. — Vladislav Vančura. Útěk do Budína. Praha, 1956.

СОДЕРЖАНИЕ

A. B. Бондарко (Ленинград). Многочленные видовые корреляции при имперфективации приставочных глаголов в современном чешском языке	3
L. I. Ройзензон (Самарканд) Глаголы с вторичной приставкой <i>ro-</i> в современном чешском языке	32
A. Г. Широкова (Москва) О категории многократности в чешском языке	61
T. A. Ацаркина (Москва). Возвратный глагольный компонент <i>si</i> в современном чешском языке	86
Г. П. Нещименко (Москва). Закономерности словообразования, семантики и употребления существительных с суффиксами субъективной оценки в современном чешском языке	105
T. И. Константинова (Москва). О структурной и семантической соотношительности форм сравнительной и положительной степени наречий в современном чешском языке	159
K. K. Трофимович (Львов). Продуктивность моделей сложных существительных в чешском языке добелогорского периода	172
B. H. Питинов (Житомир). Из наблюдений над местом деепричастных конструкций в предложении в современном чешском языке	181

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Исследования по чешскому языку
Вопросы словообразования и грамматики

*

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *В. А. Ицкович*
Технический редактор *В. Г. Лаут*

РИСО АН СССР № 107-97В. Сдано в набор 11/II 1963 г.
Подписано к печати 9/V 1963 г. Формат 70×108/16
Печ. л. 12,0 = усл. печ. л. 16,44; уч.-издат. л. 16,4.
Тираж 1500 экз. Изд. № 1595. Тип. зак. № 69.

Цена 1 р. 07 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва, В-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»

И М Е Ю Т С Я В П Р О Д А Ж Е:

- Атлас болгарских говоров в СССР. 1958. 84 стр., 109 карт., в папке. 3 руб.
Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы.
1957. 1001 стр., 279 карт. 2 руб.
- Р. А. Будагов. Этюды по синтаксису румынского языка. 1958. 235 стр.
82 коп.
- Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова.
1960. 471 стр. 80 коп.
- И. И. Зарубин. Шугнанские тексты и словарь. 1960. 387 стр. 1 р. 81 к.
- И. К. Кусикьян. Очерки исторического синтаксиса литературного
армянского языка. 1959. 164 стр. 83 коп.
- В. С. Соколова. Бартангские тексты и словарь. 1960. 197 стр. 1 руб.
- В. С. Соколова. Рушанские и хуфские тексты и словарь. 1959. 336 стр.
1 р. 59 к.
- П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики
и морфологии в связи с историей уложенной книги. 1953. 374 стр.
50 коп.
- Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. 1960.
377 стр. 1 р. 50 к.

**Книги продаются в магазинах книготоргов
и «Академкнига»**

**Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:**

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10 магазин «Книга-почтой» конторы
«Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига»

Адреса магазинов «Академкнига»:

Москва, ул. Горького, 6 (магазин № 1); Москва, 1-й Академический проезд,
55/5 (магазин № 2); Ленинград, Литейный проспект, 57; Свердловск,
ул. Белинского, 71-в; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6;
Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Баку,
ул. Джапаридзе, 13; Новосибирск, Красный проспект, 51.

«АКАДЕМКНИГА»

Цена 1 р. 07 к.